

Люциан
Воляновский

МАТЕРИК.
переставший
быть легендой

История Австралии колорита почти во всем; право, она столь необычайна и удивительна, что сама по себе является первой диковинкой и отодвигает все прочие диковинки на второй и третий план. Она читается не как история, а как увлекательнейшие выдумки. Выдумки новые, свежие, не то что какая-нибудь замшелая старина. История эта полна неожиданностей, приключений, несуразностей, противоречий и неправдоподобия; однако все это правда, все так и произошло на самом деле.

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Книга
21.10.92
4.

Серия
основана
в 1957 году

Люциан
Воляновский

МАТЕРИК, переставший быть легендой

Москва
"Наука"

Главная редакция восточной литературы
1990

Lucjan Wolanowski
ŁĄD, KTÓRY PRZESTAŁ BYĆ PŁOTKĄ
 Państwowy Instytut Wydawniczy
 Warszawa, 1983

Редакционная коллегия

К.В. Малаховский (председатель), Л.Б. Алаев,
Л.М. Белоусов, А.Б. Давидсон, Н.Б. Зубков,
Г.Г. Котовский, Р.Г. Ланда, Н.А. Симония

Перевод с польского
Л.С. УЛЬЯНОВОЙ

Ответственный редактор и автор послесловия
К.В. МАЛАХОВСКИЙ

Утверждено к печати
редакколлегией серии «Рассказы о странах Востока»

Воляновский Л.

В 72 Материк, переставший быть легендой. Пер. с польск.
Л.С. Ульяновой. Послесл. К.В. Малаховского. — М.:
Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. —
302 с.: ил. (Рассказы о странах Востока).

ISBN 5-02-016597-2

Польский путешественник Люциан Воляновский известен советскому читателю по книгам «Жара и лихорадка» и «Почта в Никогда». Его новая книга ярко и увлекательно рассказывает о сегодняшнем дне Австралии, ее экономических и культурных достижениях, повседневной жизни разных слоев населения страны. В книге немало исторических экскурсов, большое внимание уделено проблемеaborигенов.

В 1805030000-096 67-90
013(02)-90

ISBN 5-02-016597-2

ББК 65.9(8 Авс)+66.3(8 Авс)

© Państwowy Institut
Wydawniczy, 1983

© Перевод, послесловие:
Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1990

Судья сказал: — Он виноват. — Вот что сказал судья.
Пожизненно за океан тебя отправлю я...
Закончишь жизнь, — сказал судья, — подохнешь в
Ботани-Бей
И воронье мясо твое склюет с твоих костей.

Из баллады австралийских узников

Я нашел там лишь доброжелательство людей самых
разных социальных слоев и проникся глубокой симпа-
тией к этой молодой стране. Мою симпатию я
сохраню до тех пор, пока жива будет моя память.

Джозеф Конрад

Еще в 150 году до н.э. Гиппарх, астроном из Никеи, утверждал, что состояние идеального равновесия, в котором пре-
бывает земной шар, может быть обеспечено лишь при том
условии, если материковую массу Северного полушария пла-
неты уравновешивает материковая масса в ее Южном полу-
шарии. Поэтому издревле предполагалось, что существует
некий южный континент — *Terra australis incognita*. Во вре-
мена Гаруна аль-Рашида арабские мореходы повествовали
об удивительных животных дальней страны, которые носят
детенышей в сумках. Об этом диве, да и о многих других
толковали в многочисленных портах и матросских кабаках
Средиземноморья. Упоминали об этом и голландские ка-
питаны, состоящие на службе Ост-Индской компании. Но кто
поверил матросским выдумкам! Ведь любой просвещенный
человек знает, что «в природе существует столько живых
тварей, сколько в начале мира сотворил бесконечный Дух».
Другими словами, одним своим видом кенгуру внес бы пута-
нищу в установленные закономерности развития животных
форм, поэтому он вообще не мог существовать, ибо суще-
ствовать не должен. Все, что Европе было известно об Австра-
лии вплоть до XVII века, опиралось на слухи и небылицы.
Сейчас, когда XXI век почти у самого порога, приглашаю
вас послушать рассказ об этой далекой стране — материке,
который перестал сlyть небылицей.

Ах, проснуться бы в Австралии!

От *abalone* до *zygophyllaceae*. Звучит интригующе, не правда ли? Таков словарь, предлагаемый австралийской энциклопедией. Заглавное слово в ее первой статье обозначает съедобного моллюска, заключенного в раковину, мерцающую всеми цветами радуги. Последнее, на котором, пожалуй, язык сломать можно, — это разновидность травянистого растения, произрастающего в пустыне. Всего два миллиона четыреста тысяч словарных статей, написанных тремястами авторов, цена сто сорок девять долларов.

Книга, которую я предлагаю читателю, намного дешевле — идет по конкурентной цене; и автор я — единственный. Почти единственный: все-таки то и дело приходится обращаться к источникам, ко всем, которые мне доступны. Извините, но за такие деньги нельзя от меня требовать, чтобы я на себе испытывал скверные повадки австралийских змей или лично обследовал остовы кораблей, столетиями покоящихся в предательских водах Торресова пролива. Думаю, что в моей книге не насчитать двух миллионов четырехсот тысяч слов. Зато даю слово автора, что я старался, как мог, чтобы было интересно и легко читалось.

Уверяю, что это не реферат на тему «Избранные проблемы истории Австралии» и не статистический справочник. Читатель познакомится со множеством историй об Австралии, о том, какая она была, какова сейчас и, возможно, какая будет.

Эта моя вторая довольно большая книга — репортаж об Австралии¹. Тот, кто внимательно прочитает обе, может быть весьма удивлен: некоторые проблемы в обеих книгах трактуются по-разному. Однако в этом нет противоречия. Знания австралийских ученых в области истории Австралийского материка за это время обогатились новыми исследованиями, результаты которых были мне неизвестны, когда я совершил первую из моих пяти репортерских поездок по Австралии. Позднее обнаружились совершенно новые материалы, и не снivшиеся в те годы даже самим австралийцам. Я хотел бы обратить на них внимание читателя на страницах этой книги.

¹ Первая — *Poczta do Nigdy—Nigdy. Wyd. 4. Warszawa, 1978* (Почта в Никогда-Никогда. М., 1976). — Здесь и далее примеч. ред.

Я стараюсь избегать слишком категоричных суждений, предпочитая цитировать авторитетных ученых, поскольку даже в среде знатоков тех или иных проблем нет согласия во взглядах. Для меня очень важно, чтобы читатель не скучал над книгой, а это не так просто. С самого начала мне пришлось отказать себе писать об Австралии все: тему эту не исчерпать. При этом, как сказал мне однажды «король репортажа» Йозеф Кессель, «чем больше деталей, тем меньше читателей».

Мой репортаж не предназначен для экономистов или политиков. Поскольку жанр репортажа касается в основном сферы воображения, автор всегда должен видеть перед глазами читателя, который никогда не бывал в Австралии, но который заинтересовался этой страной, раз он взял в руки книгу о ней. А чтобы читатель не зевал от скуки, надо рассказать так, чтобы его увлек сюжет, иначе он, читатель, никогда больше не купит ни одной моей книги. А мне так хотелось бы писать и впредь!

Могу представить себе, как понравится читателю, когда его небрежно треплют за плечо, говоря: «Я все знаю, а ты — нет». Поэтому обещаю избегать подобной позиции, тем более что есть много проблем, в которых я и сам не очень хорошо разбираюсь и должен подать их читателю очень осторожно. То и дело приходится делать выбор: либо насыщенная фактами трудночитаемая информация, либо измельчение темы. В таких случаях я пользуюсь методом «логической фантазии», то есть стараюсь как можно точнее представить себе события, которых я не видел, и изобразить их так, словно я был очевидцем. Так, хотя я не присутствовал на знаменитом процессе «мучеников из Толпаддла» в 1833 году, но, опираясь на источники, стараюсь смотреть на все происходившее как бы со скамьи для прессы.

Мир меняется. Меняется и Австралия. Я понимаю, что никогда не успею за временем. Читатель без труда заметит, что меня покорила история этой страны — те самые «увлекательнейшие выдумки», которые имел в виду Марк Твен. Благодаря им можно понять не только сегодняшний, но и завтрашний день — тот самый XXI век, который увидит большинство читателей этой книги. Очень интересно наблюдать, как на глазах формируется австралийская нация или, может быть, вернее, «австралийская семья» — поразительный сплав различных цивилизаций и традиций, который возникает в настоящее время под Южным Крестом. Я представляю себе, как на наших глазах происходит удивительный процесс рождения австралийского государства, австралийского народа.

да. Страна, которая должна была стать далеко выдвинутым форпостом британской цивилизации, с самого начала несла в себе как бы встроенный в ее систему институт дискриминации, более того, обыкновенный, «чистый» расизм. Бывший министр по делам иммиграции считает, что Австралия — расистская страна, но сами по себе австралийцы — не расисты². Они просто не знают ничего лучшего. Каковы же основы этого явления? Так, подобно своим американским кузенам, двести лет назад первые колонисты загнали австралийскихaborигинов далеко в глубь материка либо просто-напросто перебили их. В своем стремлении сохранить английский дух и заселить страну европейцами, чтобы препятствовать вторжению азиатского населения на пустующий материк, которое стало вполне реальным во время войны с Японией, правительство широко распахнуло двери для европейских иммигрантов. Поэтому первая волна иммиграции пришла из Европы. Средний австралиец считает, что «раскачали» Австралию прежде всего иммигранты, приехавшие из Европы, в частности те, что прибыли после второй мировой войны и внесли небывалое разнообразие в жизнь австралийцев.

Лишь значительно позже эту волну дognала волна приезжих с Ближнего Востока, из Азии и Южной Америки. В настоящее время полагают, что в состав нарождающейся нации вошло более ста национальностей.

Каждый четвертый житель Австралии рожден за ее пределами. Это самый высокий показатель такого рода в мире, не считая Израиля. Всей этой новой, пока еще «серой» массе иммигрантов необходим разбег, чтобы подняться на более высокую ступень. В настоящее время члены правительства, лидеры политических партий и профессиональных союзов носят английские, шотландские или ирландские фамилии и происходят, как правило, из семей, прибывших в Австралию в XIX веке или в самом начале нашего столетия. Еще существуют немногочисленные группировки, которые выступают в защиту политики «белой Австралии» и провозглашают принцип «ограниченной иммиграции». При этом они дают ясно понять новоприбывшим, что они раз и навсегда должны отказаться от всего своего культурного наследства и включиться в то, что нашли в Австралии. Некоторые прибывшие приходят к выводу, что в родной стране все-таки лучше, и возвращаются на родину, но огромное большинство считает, что Австралию ждет великое будущее, и остаются.

²См. об этом Послесловие к данной книге.

Гречанка, которая приехала в Сидней из маленькой рыбацкой деревушки, рассказывает: «Дискриминация началась, сразу же в тот день, когда мы высадились в Австралии. Прошло много времени, прежде чем я обрела веру в собственные силы. В школе все время, с самого первого дня приходилось слышать от учителей: "Не говори по-гречески! Ты должна говорить только по-английски!" Но эмигранты раньше не учились английскому языку. Потом, когда я была уже в средней школе, я пошла к директрисе и сказала, что хочу учиться дальше, хочу пойти в высшую школу. Она лишь рассмеялась: "Ты славная, веселая девочка, почему бы тебе не поработать в лавочке твоего отца?" Так и случилось. Я проработала продавщицей у отца несколько лет. Но потом поступила на заочное отделение вуза и в конце концов добилась университетской стипендии. Родители надеялись заработать здесь много денег и вернуться в Грецию, однако все сложилось иначе: нам всем удалось получить образование, и теперь мы живем весьма прилично. Здесь наступают перемены. Однажды я встретила земляка, который хочет вернуться в Грецию, поскольку ему не нравится Австралия, и я сказала ему: дело не в стране, а в людях, а люди меняются».

А вот что поведал мне иммигрант, приехавший из Турции: «Мы были как выброшенные на песок рыбы. Языка совсем не знали. Те, кто уговаривали нас уехать, уверяли, что это не имеет никакого значения. Каждый получит хорошее место, всех нас ждут большие заработки. Первые годы были очень трудными. Моей жене, которая в Турции была банковским работником, пришлось идти работать на завод электротехники, но вскоре она расхворалась и несколько месяцев вообще ничего не зарабатывала. Мой диплом учителя средней школы не признали в Австралии, и я начал работать на автомобильном заводе. Однажды я получил производственную травму, но не решился сообщить об этом из боязни потерять работу. Ведь деньги были очень нужны, и нам никто не мог помочь. Сейчас дела идут лучше. Жена сдала экзамен и поступила в педагогический вуз, а я работаю в министерстве социального обеспечения. Думаем остаться здесь навсегда. Образ жизни в этой стране очень свободный, денег у нас стало побольше. Правда, дома, на родине, у нас было много друзей, родственников, которых нам здесь так не хватает. Все-таки деньги — это все. Если у тебя есть деньги, остальное неважно. Жизнь в Австралии очень монотонна».

Иммигрантов из Европы правомерно назвать поколением заброшенных. Каждое очередное правительство Австралии

поощряло иммиграцию, однако сами иммигранты не слишком много сделали для того, чтобы преодолеть языковой барьер или помочь новоприбывшим приспособиться к новой среде. Послевоенные иммигранты из Европы, по сути дела, стали «кормом для заводов», необходимым в связи с бурным развитием промышленности и ремесел. Подсчитано, что сорок процентов всех несчастных случаев на производстве приходится на новоприбывших. Это объясняется отчасти тем, что инструкции по техбезопасности обычно печатались только по-английски. Лишь в последнее время предприятия стали выпускать их на языках, понятных рабочим.

Наиболее тяжелым было и остается положение иммигранток, которые составляют шестьдесят процентов всех занятых в австралийской промышленности женщин. Как правило, их принимают на сдельную работу, и они с трудом отрабатывают минимальную плату. Поскольку мастерам-англосаксам трудно было произносить фамилии работниц, они значились под номерами и их даже называли свистом.

Иммигрантка из Югославии рассказывает: «Первые годы жизни в Австралии я занималась шитьем брюк, работая по десять часов в сутки, и каждую ночь молилась о возвращении домой».

Люди из глухих балканских деревушек не были готовы к такому темпу работы и к столь суровой дисциплине, с которыми они столкнулись в Австралии. Но они все-таки терпели, и большинство оставалось. Полагают, что к концу столетия страна станет обществом различных национальных традиций, в котором каждая группа сохранит свою самобытность.

Что же касается коренных жителей Австралии —aborигенов, то здесь о сохранении самобытности говорить не приходится. На протяжении всей истории этой страны они были наиболее преследуемой группой населения. Первые колонисты загнали чернокожих австралийцев в глубь материка, в сердце степей и пустынь Центральной Австралии, потеснив их с плодородных земель побережья. Прибывавшие из Англии колонисты видели в австралийском аборигене нечто среднее между обезьяной и человеком, на него охотились, как на зверя, полностью уничтожая целые племена. Здесь уместно напомнить, что последний абориген Тасмании ушел во Времена сновидений в 1876 году, то есть немногим больше ста лет назад. Аборигены, которым удалось пережить страшную бойню, многочисленные болезни, завезенные из Европы и Азии, против которых у них не было иммунитета, и сейчас ведут нелегкую жизнь. Об этом я еще скажу подробнее.

Профессор Национального университета Австралии в Канберре Меннинг Кларк, который теперь уже на пенсии, так размышлял о перспективах дальнейшего развития Австралии, делая упор на то, что времена популярных лозунгов «Австралия для австралийцев», или «Австралия для белых» прошли: «В настоящее время, — говорит знаток истории Австралии, — мы уже отказались от таких формулировок, как "белая Австралия" или "сохранение расовой чистоты". Все эти слова мы выбросили из официального языка. Мир перестал наконец считать нас упрямцами, цепляющимися за идею превосходства белого человека. Однако, выбросив на помойку историю выражение "белая Австралия", мы начинаем запинаться, когда речь заходит о нашем будущем. Что мы создадим — многонациональную Австралию или Австралию сегрегации? Ясно одно: нам больше не нужна британская Австралия. Хотя мы и сняли нагрудники, которые нам в свое время надела мать наша Англия, и заговорили так, словно способны двигаться на собственных ногах и собираемся выйти из-под английского или американского зонтика, все-таки не совсем ясно, какова же наша истинная позиция. Хотим ли мы и впредь опираться на наших традиционных друзей и союзников? Или мы принадлежим "третьему миру"? Должны ли мы сделать какой-нибудь выбор?.. Мы имеем вполне зрелое, а возможно, и перезрелое общество, а всякий созревший плод, как бы мы тому ни противились, должен упасть с дерева. Но где упадет этот плод и что будет потом — этого не знает даже современная молодежь. Историки же уверены в одном: яблоко от яблони недалеко падает».

Серьезные исследователи Австралии, несомненно, смогут определить момент, когда страна начала медленно удаляться от Великобритании. Менее серьезные и не столь ученые обыватели считают, что этим историческим днем было 20 октября 1965 года.

В тот день Австралия проснулась от грохота барабанов и звуков фанфар крикливой рекламной кампании — первой в ее истории кампании, на все лады расхваливавшей свой «экспресс-чай», который на самом деле представлял собой обычный чай, расфасованный по бумажным пакетикам. Похоже (по крайней мере так кажется лично мне), что в тот день началась великая австралийская революция — ведь до этого в каждом австралийском доме никогда не оставал чайник с заваркой. С этого дня узы, соединявшие Австралию с Англией, начали ослабевать, в австралийскую жизнь ворвалась новая, американская действительность. Разумеется,

революция эта осуществлялась не без сопротивления. Отдельные небольшие бастиды «партизанского движения на местах» отстаивают старый обычай.

Однако американизация австралийских обычаяев неизбежна, и складывается впечатление, что процесс этот не остановить. Воздух содрогается от импортированных из-за океана мелодий. Изменилась валюта: австралийский фунт исчез, на смену ему пришел доллар. Да позволено мне будет несколько высокопарное сравнение: эти бумажные мешочки с чаем стали той самой соломинкой, которая сломала хребет верблюду.

«Куда мы идем!» — убиваются австралийцы старшего поколения. Ведь церемония заваривания чая и чаепития укоренилась во всех слоях общества. Ее с равным благоговением отправляли неимущий бродяга, влячившийся в дырявых башмаках по дорогам Австралии с неразлучным своим чайником, и богач из «лучших кварталов» Сиднея и Мельбурна. Будет ли усиливаться американизация? Один необыкновенно умный человек как-то заметил, что от американского образа жизни больше всего и прежде всего пострадали... сами Соединенные Штаты. И особенно были удивлены американской обществом... американцы, иммигрировавшие в Австралию. Они рассказывали австралийцам о расовых проблемах, о загрязнении атмосферы, о трущобах, о бездуховности технократического общества, однако слушали их с недоверием. Прошли годы, и Австралия сама приблизилась к американскому образу жизни, ко всему, что в нем есть позитивного и негативного.

Материк в Южном полушарии нашей планеты занимал воображение людей в весьма отдаленные времена, задолго до открытия Австралии европейцами.

Птолемей, который начертил карту мира за сто пятьдесят лет до нашей эры, изобразил на ней большой материк и назвал его *Terra australis incognita*. Французский картограф XVI века³, поддавшись игре воображения, поместил в южной части карты некий огромный, соединенный с Антарктидой материк, по которому носятся стада оленей и верблюдов, а на стенах мощных крепостей воины обороняются от врагов. Один испанский путешественник⁴, просивший короля Филиппа II снарядить экспедицию в Южное полушарие, считал, что в этой части земного шара обязательно должен быть материк — противовес континентам Северного полушария. Этот миф

³По-видимому, это один из картографов Дьеппской школы.

⁴Вероятнее всего, это был Педро Фернандес де Кирос.

оказался очень живучим и все еще не был забыт, когда европейские мореплаватели почти вплотную подобрались к австралийским берегам. Чиновник Ост-Индской компании пустил слух, что Австралия более обширна, чем Азиатский материк, и что ее населяет не менее пятидесяти миллионов жителей.

Путешественник! Если ты не прочь порассуждать на тему «что было бы, если бы...», то, осматривая в Сиднее остатки великолепия Британской империи, отметь в своем сознании, что очень немногое не хватило для того, чтобы австралийскую визу пришлось получать не в английском, а во французском посольстве и чтобы во время путешествия слышать вокруг себя не один из вариантов английской речи, а звучный язык доброй старой Франции.

Ирония судьбы состоит в том, что если бы у восточных берегов Австралии в последнюю неделю января 1788 года ветер имел иное направление, то французский мореплаватель Лаперуз пришел бы в Ботани-Бей раньше капитана Артура Филлипа. Подойдя к австралийским берегам, французы увидели гордо реявший британский флаг. Но, несмотря на то что добыча была упущена, французские моряки не теряли надежды получить ее и неоднократно высаживались на австралийских берегах.

Французы не были новичками на Тихом океане. Я опускаю не очень достоверный доклад 1503 года о путешествии французского мореплавателя, о котором историки говорят, что оншел в незнакомых водах, возможно в южной части Тихого океана. Автор монографии «Французские исследователи Тихого океана» Джон Данмор сообщает, что отчеты об этой экспедиции менее фантастичны, чем рассказы других мореплавателей того времени, и что в общем это путешествие «описано с такой тщательностью, что его можно считать правдоподобным, но не настолько, чтобы считать его достоверным».

Как мы уже упоминали, французы появились в Ботани-Бей позже, чем Первый флот Великобритании. Потом для Франции наступил долгий период наполеоновских войн и крайне ненадежных перемирий. Вряд ли когда-нибудь удастся установить, каковы были виды Наполеона на материк, лежащий далеко, в самом низу земного шара. Мы никогда не узнаем, каков в действительности был план создания империи, охватывал ли он также и Австралию. Историки, правда, утверждают, что, отправляясь в египетский поход, Наполеон брал с собой отчеты об экспедиции Кука. Известно и то, что в 1800 году он предполагал воздвигнуть скульптур-

ную галерею из мраморных бюстов двадцати великих людей, и среди таких знаменитостей, как Цицерон, Цезарь, Демосфен и Вашингтон, император намеревался установить бюст Уильяма Дампира, английского мореплавателя и отчасти пирата.

Предполагал ли Наполеон поход в Австралию? Единственное, что может случайно навести на подобную мысль, — инструкции для экспедиции по Индийскому океану. Теоретические основы французских экспедиций заключались в труде ученого де Броссе «История плаваний по Южным морям», в котором он настаивает на создании французской колонии примерно в районе теперешнего острова Новая Британия (в архипелаге Бисмарка) и предлагает заселить его привезенными из Франции ворами, нищими, подкидышами. Именно де Броссе создал термин «Австрализия». Считается, что благодаря именно его идеям впоследствии была организована экспедиция, дошедшая до Ботани-Бей.

Итак, французские корабли появились у берегов Австралии буквально вслед за Первым флотом Великобритании. К 23 января, когда они увидели землю, за их плечами оставалось два с половиной года тяжелейшего плавания. Ветер был настолько капризен, что весь следующий день, 24 января, корабли были вынуждены находиться в открытом море, откуда экипаж имел возможность наблюдать британскую флотилию, стоявшую на якорях в заливе, и британские флаги, реявшие на прибрежных скалах.

Когда французские корабли бросили наконец свои якоря в заливе Ботани-Бей, у моряков уже сложились самые лучшие отношения с их британскими коллегами, экипажи то и дело обменивались визитами. В одном из районов Сиднея до сих пор сохранилась улица, названная Дорогой французов. Говорят, что ее протопали моряки, отправлявшиеся с визитом во французский лагерь и возвращавшиеся назад. Более скрупулезные историки даже утверждают, что этой дорогой пользовались лишь в непогоду, в погожие дни моряки добирались на шлюпках.

Отношения между французскими и английскими моряками были не только корректными, но и сердечными. Позднее, когда обе европейские страны вступили в войну друг против друга, отношения между британскими колонистами и участниками очередных французских экспедиций оставались безупречными.

После отдыха в Ботани-Бей Лаперуз отбыл в северном направлении и, как выразился один из английских историков,

«пропал в голубой дали». Письма, которые он оставил в Сиднее и которые губернатор переправил в Европу, были последними его письмами.

Французское правительство не отказалось от намерения создать колонии в Австралии. В самом начале XIX столетия была направлена экспедиция из Франции, достигшая австралийских берегов. Корабли французов оставались в Сиднее целых полгода. Хронист экспедиции писал: «Мы не могли скрыть удивления, которое вызвало у нас прекрасное состояние интересной и преуспевающей колонии». Это тем более поразительно, что один англичанин, находившийся там в то же самое время, отметил: «Население, кроме ссыльных, состоит преимущественно из тех, кто продает ром, и тех, кто его потребляет».

В ходе экспедиции французы встретились с Флиндерсом, который показывал им карты южного побережья Австралии, сделанные им самим. Один из офицеров французского экипажа сказал ему: «Ах, господин капитан, если бы мы в свое время так долго не занимались сбором раковин и ловлей мотыльков на Земле Ван-Димена, то вы, наверное, не открыли бы южного побережья раньше нас». Как известно, Землей Ван-Димена тогда называли современную Тасманию.

В то время во Франции был издан атлас, в котором карта этих мест пестрела французскими названиями. Государственные мужи, великие писатели, герои, в том числе Жанна д'Арк, — все украсили своими именами хотя бы крошечный кусочек карты Австралии. Разумеется, особенно полно была представлена семья Бонапарта. Для европейского уха подобные названия, несомненно, более благозвучны, чем те, которые оказались впоследствии на английских картах и остаются на них по сей день. После падения Наполеона во французских изданиях атласа названия, относящиеся к этой великой семье, поменялись на те, что обязаны Флиндерсу.

Американцы не прочь подтрунить над австралийцами и частенько попрекают их предками-каторжанами. Есть охотники до шуток, повторяющие, что австралийцы никогда не снимают носков, чтобы на щиколотках не были видны следы от кандалов. Однако всем любителям повеселиться было бы нелишне припомнить некоторые исторические события периода рождения Австралии белого человека. Так, в начале XVII века американские колонисты уговорили британские власти продавать им английских преступников по 10 фунтов за голову для принудительных работ в трех колониях на Американском материке. В 1666 году все было

установлено, и около пятисот ссыльных прибыли в Америку. Таким образом, янки тоже имеют в жилах немалую долю крови каторжан.

В те времена правосудие было крайне примитивным. Один историк писал: «В Лондоне карманники собирали урожай в толпе зевак, глазевших на казнь карманников». Напуганная верхушка общества старалась сурово карать тех преступников, которые давали себя схватить. В законодательстве тех лет перечислено до двухсот видов преступлений, каравшихся смертью.

Среди них было некое таинственное преступление — «выдавание себя за египтянина». В то же время смертная казнь отменялась, если приговоренный соглашался на изгнание из родной страны. Этую процедуру называли «транспортировкой» (высылкой). Что же представляли собой эти люди?

Подсчитано, что в Австралию было сослано в общей сложности сто шестьдесят тысяч преступников, из них около двадцати тысяч составляли женщины, главным образом проститутки, остальные — мужчины, подростки, дети-сироты, подобранные на улицах Лондона.

Первый флот вошел в Ботани-Бей в январе 1788 года. Капитан Артур Филлип заявил, что побережье бухты не годится для основания там поселка. Обследовав окрестности, он нашел удобное место, то самое, где сейчас находится известный всему миру порт Сидней, названный так в честь министра внутренних дел. 26 января, которое сейчас отмечается как национальный праздник, на берег высадились 736 ссыльных, а также большая группа (294 человека) военной и гражданской администрации — офицеры, морская пехота, чиновники. Из ссыльных лишь небольшая часть отбывала наказание за решеткой. Остальные, считают историки, были скорее колонистами, чем узниками: на новом месте не хватало рабочих рук. Очередные транспорты привозили все новых и новых ссыльных, а есть было нечего. Колония переживала трудности, и, как образно сказал хронист, «люди, которые прежде были ловкими карманниками, в силу необходимости стали учиться сельскому хозяйству».

Очень многие ссыльные, отобранные для офицеров и колонистов в качестве рабочей силы, работали в хозяйствах и на мелких предприятиях. Колонисты обладали почти неограниченной властью над узниками. Повсеместно слышался свист бича, который в те времена считался лучшим средством поддержания дисциплины. Лишь в одной колонии — Новый Южный Уэльс — в 1830—1837 годах было выпорото сорок две ты-

сячи ссыльных. Была разработана изощренная техника порки. Обычно, как показывают очевидцы, наказуемого накрепко привязывали к стволу большого дерева, так, чтобы он не мог шелохнуться. Оказывается, в такой позе человек мог выдержать до трехсот ударов. Участники экзекуции старались держаться подальше от жертвы, так как кровь брызгала далеко во все стороны.

Отношения в молодой колонии, основанные на эксплуатации, были ужасными. Процветали беззаконие, пьянство, жестокость. Однако большинство детей, родившихся в колонии в те годы, выросли добропорядочными и трудолюбивыми людьми.

Один юрист, который оказался в колонии в 1817 году, позже писал в дневнике, что новое поколение сильно отличалось от своих родителей как в моральном, так и в физическом отношении, чему находил простое объяснение: в противоположность Англии того времени Австралия давала большие возможности появившимся там на свет детям.

Приход Первого флота ознаменовал рождение нового государства. Любопытно, что в отличие от участников этого события, осознававших его важное значение, их потомки, словно под влиянием комплекса происхождения от каторжан, довольно долго стремились как бы забыть об этой дате. Один из губернаторов штата Новый Южный Уэльс, сойдя с корабля в 1899 году, дал ясно понять ожидающим его австралийцам, что их происхождение просто позорно. Более того, уже в шестидесятых годах нашего столетия один английский писатель, говоря об Австралии, заявлял, что не надо забывать о том, что это государство было основано подонками, привезенными из Англии всего каких-нибудь шесть поколений назад. Факт происхождения от каторжан, несомненно, стал причиной того стыда и того чувства неполноценности, которые долго жили в молодом австралийском обществе, и должны были пройти годы и годы, пока все это наконец не исчезло, а на смену не пришло понимание величия труда людей-пioneerов, попавших на «пустующий материк» и создавших в невероятных муках и страданиях, путем сверхчеловеческих усилий то, что теперь австралийцы определяют с большей или меньшей ironией как «счастливую страну». Вот что написала поэтесса Мэри Гилмор:

Я — прародитель
Ботани-Бей.
Ломит в костях
На склоне дней.

Я в старину
Вздымал целину,
Чтоб вы имели
Свою страну.

Я — каторжанин,
Собрал беды.
Смотрите — всюду
Мои следы:

Леса я валил
И пути торил,
Под бешеным солнцем
Колодцы рыл,

Скалы дробил,
Кандалами звеня.
Нация встала
Из-за меня!

Под ласковым солнцем
Ботани-Бей
Косточки греет
На склоне дней
Старый-старый
Ворчун, нелюдим...
Позор тому,
Кто гнушается им!

Пер. А. Сергеева

Австралийцы решили почтить двухсотлетнюю годовщину основания государства, повторив путь Первого флота. Возможно, в наш век компьютеров именно такое путешествие способно поразить воображение людей. Нашлось множество желающих принять участие в постройке точных копий одиннадцати кораблей флота и отправиться на них в экспедицию. Нашлись и верфи, взявшись построить деревянные парусники. Разумеется, не обошлось без разного рода трудностей, в том числе и финансовых, но в конце концов правительство решило ассигновать на это предприятие три миллиона долларов.

Напомним, как проходило первое плавание. 13 мая 1787 года из Портсмута вышли одиннадцать кораблей. 26 января 1788 года они достигли Ботани-Бей, проделав путь в двадцать четыре тысячи миль. Об этих кораблях сохранились подробные данные. Известно, в частности, что они были водоизмещением от 170 до 540 тонн. Сейчас нам те одиннадцать кораблей кажутся крошечными суденышками, более пригод-

ными для экскурсий на недалекие расстояния, чем для длительного путешествия. Вместе с главой экспедиции капитаном Артуром Филлипом и его двенадцатью офицерами в плавании, как уже говорилось, участвовало более тысячи британцев. Из них в дороге скончалось пятьдесят человек.

Бюрократические рогатки долго задерживали выход флота в море, и вдруг, в самый неподходящий момент, он снялся с якоря, не захватив даже одежды для ссыльных женщин. Некоторым из них матросы из жалости купили в Рио-де-Жанейро дешевые платья. В пути случалось многое. Например, удалось бежать нескольким ссыльным; у берегов Южной Африки на одном из кораблей вспыхнул мятеж, который тотчас же был подавлен; бурей сломало мачту на флагманском корабле; неподалеку от мыса Доброй Надежды флот наткнулся на стадо китов, а плавание через Индийский океан было самым тяжелым на памяти моряков. Вдобавок ко всему высадившаяся в Ботани-Бей экспедиция обнаружила, что в окрестностях залива недостаточно пресной воды.

Говоря в наши дни об австралийской экономике, мы оперируем такими цифрами, как миллионы голов овец или рогатого скота. Однако здесь вполне уместно заметить, что начало этого богатства было очень скромным — два жеребца и две кобылы, один бык, четыре коровы, несколько голов мелкого скота (сорок четыре овцы, тридцать две свиньи, три козы), немного птицы и одна собака ньюфаундлендской породы. Вся эта живность была доставлена к берегам Австралии кораблями Первого флота.

По традиции британцы разместились на побережье, постепенно изыскивая возможности проникновения в глубь территории. В течение многих лет поселенцы даже не представляли себе, что находится за горами, расположенными в нескольких десятках километров на запад от Сиднея. Время от времени организовывались вылазки в горный район, однако люди натыкались на непреодолимые препятствия. Наконец в 1813 году один энергичный молодой человек взобрался на горный хребет и увидел обширные земли по другую сторону гор.

Внутренние районы Австралийского материка обследовались медленно. Тогда еще не было ни самолетов, ни моторизованного транспорта, а с выручными животными ходить по пустыне было невозможно, так как никто еще не знал, где расположены водные источники. Люди были отважные и энергичные, о них можно написать много томов. Я упомяну здесь лишь несколько имен. Чарлз Стерт, открывший реку,

названную им Дарлинг. Его пленила Австралия, своими открытиями он способствовал колонизации огромных территорий этого материка, пытался найти некий оазис счастья, который, по его мнению, должен находиться где-то в центре континента.

Метод, приведший его к такому выводу, был не столько научным, сколько романтическим. Будучи в южной части Австралии, исследователь заметил, что перелетные птицы обычно летят двумя путями. Он взял карту Австралии, вернее, большое белое пятно, каким она была в 1844 году, и обозначил на ней пункт, где пересекались трассы полета. Он считал, что, если туда слетаются птицы, значит, место изобилует водой, растительностью, кормом. Путешественник отправился в экспедицию по одной из трасс перелетных птиц. Однако на его пути лежала только пустыня, в которой он оставил все свое здоровье. Старт никогда не узнал, зачем птицы летят в пустыню, и не дождался того, о чем мечтал, — первым ступить на богатые земли.

Со старых портретов в австралийских коллекциях на нас глядят люди, сделавшие открытия. Вот Эдвард Джон Эир, который в 1841 году прошел пешком все южное побережье и на пути в две тысячи четыреста километров не увидел ни единого ручейка. Вот Эдвард Стшелецки, обследовавший Синие горы и назвавший самую высокую вершину Австралии горой Косцюшко. Вот Джон Мак Доулл Стюарт, который водрузил британский флаг в самом центре материка, «дабы уведомить аборигенов о засиявшей над ними заре свободы, цивилизации и христианства». Это произошло в 1860 году, а годом позже он и другой путешественник отправились на верблюдах в поход через пустыню и не вернулись. Можно сказать, что участники подобных экспедиций бороздили песчаные моря. На пути этих смельчаков не было никаких признаков, указывавших нужное им направление. И, несмотря на это, сто лет спустя Австралийский континент был более или менее обследован.

Началась его экономическая эксплуатация. История Австралии XIX века соткана из шерсти и расшиита разноцветными узорами, прежде всего золотом. Открытие золота, несомненно, было переломным моментом в развитии страны. Теперь Австралия притягивала колонистов со всех концов света. И постепенно она превратилась из колонии каторжан в страну, где «нет ни князей, ни бедняков».

Австралия огромна. Если бы человек встал на скале Айерз-Рок, находящейся в самом центре громадного материка, то

до морского побережья ему надо было бы пройти минимум тысячу восемьсот километров. Это единственное в мире государство, которое занимает целый обширный материк да еще прилегающие острова. Если бы все население Австралии можно было равномерно расставить по всему материку, то расстояние от одного человека до другого составило бы восемьсот метров.

Думая об Австралии, мы представляем себе либо залитые солнцем пляжи и синеву моря, либо пустыню. В ней имеются прекрасные места для горнолыжного спорта (например, в окрестностях горы Косцюшко) — лучшие, чем в Швейцарских Альпах.

Жаждущая влаги Австралия буквально плавает на воде. Достаточно пробурить скважину на глубину двухсот или трехсот метров, чтобы получить обилие воды, непригодной, правда, для полива полей, но подходящей для скота. Благодаря этим артезианским колодцам, которых на засушливых территориях около девяти тысяч, на австралийских пастбищах пасутся миллионы овец. Австралийские реки на редкость скудны. Их можно назвать ленивыми, и многие из них (например, река Дарлинг) изображены на картах пунктиром. Это значит, что в жаркое время года, когда дождей выпадает мало, реки просто исчезают. Дарлинг однажды остановила свой бег на целых полтора года, превратясь в заполненные грязью озерца. Озеро Эир обозначено на всех картах голубым цветом, но в действительности большую часть года оно представляет собой высокую плоскую чашу, дно которой расположено на десять метров ниже уровня моря. Со времени прибытия сюда белого человека дно озера лишь несколько раз покрывалось неглубокой водой.

Есть в Австралии и такие районы, в которых и на большой глубине нет воды. В штате Западная Австралия, на так называемой Золотой Миле, сконцентрировано множество приисков, и на одном из них пробурили скважину глубиной в тысячу двести метров, но водоносного слоя так и не достигли.

Что касается «тиrания расстояний»⁵, то понять ее можно на примере поезда, мчавшегося без остановок (ибо останавливаться незачем) через пустыню Налларбор по дороге в пятьсот тридцать километров без единого разъезда, переезда, семафора. То же самое можно сказать и об австралийской

⁵ «Тирания расстояний» — таково название книги Г. Блейнси (Blaincy G. The Tyranny of Distance. N.Y., 1968), которая начинается словами: «Расстояния характеризуют Австралию так же, как горы Швейцарию».

автостраде №1, которая идет вдоль всего побережья Австралийского материка. Это самая длинная автострада в мире. Чтобы проехать ее всю на машине, требуется несколько недель. Обычно выезжают с северо-востока Австралии и едут по часовой стрелке. И если сравнить путь по автостраде с направлением стрелки на циферблате, то можно сказать, что континент облезешь по такому же кругу, который проходит стрелка от часа до одиннадцати.

Лишь в 1976 году австралийцы закончили строительство недостающего звена автострады №1. Этот последний отрезок длиной в четыреста километров раньше представлял собой узкую каменистую дорогу, причем где-то в окрестностях Юкли шофер вынужден был выходить из машины и отрывать стоявшие на пути ворота с надписью: «Закрой за собой эти проклятые ворота...»

О событиях прежних лет мы узнаем из пропитанных пылью и слегка пожелтевших страниц старых газет. Перескажем некоторые из сообщений.

1924 год. 3 июня было впервые использовано потрясающее изобретение господина Маркони, с помощью которого в Австралию передали человеческий голос из самой Англии. Разумеется, различная информация поступала сюда и раньше по телеграфу, но человеческий голос, четкий и звучный, был принят сиднейской станцией впервые.

13 августа два известных спортсмена установили рекорд, двигаясь на машине марки «ситроен» со средней скоростью шестьдесят километров в час.

9 декабря статистическое бюро сообщает, что население Австралии достигло 5 835 000 человек.

Обратимся к подборкам газет десятилетием позже. Найден корабельный колокол с немецкого крейсера «Эмден». Он был закопан в саду в пригороде Мельбурна. Эта реликвия бесценна, так как немецкое судно было потоплено «Сиднеем», кораблем австралийского военно-морского флота Его Величества Короля, во время сражения у Кокосовых островов 9 ноября 1914 года. Это была первая морская битва военного флота Австралии.

31 января в западноавстралийском городе Калгурли произошли серьезные расовые столкновения. Золотоискатель местного прииска был выброшен из кабака барменом-иностранцем и скончался от удара головой о землю. Во время столкновений двое погибли, многие были ранены. Несколько строений, принадлежавших иностранцам, сгорели дотла.

28 февраля в штате Виктория в возрасте ста девяти лет

скончалась Гэрриэтт Скафф, которая провела необычайно бурную жизнь. В четырнадцать лет она убежала из родного дома в Англии. Затем плавала по морям, вышла замуж и поселилась в Австралии. После смерти мужа открыла небольшой магазин. Однажды ночью в магазин залез вор, и она убила его. Ежедневно до почтенного (сто шесть лет) возраста она вставала на рассвете доить коров.

16 мая до сведения австралийцев было доведено, что работы в области телевидения продвинулись настолько, что «в недалеком будущем во время предвыборной кампании можно будет показать голову и плечи оратора, когда он будет произносить речь».

1 августа судья города Дарвин осудил трех аборигенов на двадцать лет тюремного заключения за убийство японца. Официальный опекун аборигенов в своих показаниях заявил, что поведение японцев было беззаконным (они похищали девушки-аборигенок и увозили их на свои корабли). Судья же сказал: «Проще было бы повесить их».

7 ноября чешский писатель Эгон Эрвин Киш появляется у берегов Австралии, чтобы выступить на конгрессе с речью против войны и фашизма. Ему не разрешили сойти на берег. Тогда в Мельбурне Киш спрыгнул на пристань прямо с борта корабля, но при этом вывихнул ногу и был водворен обратно на корабль. Новый генеральный прокурор, мистер Роберт Мензис, сказал, что Киш сочувствует коммунистическим организациям и что «Австралия не обязана впускать людей подобного рода».

15 ноября австралийский пассажирский самолет, совершивший свой первый рейс из Англии, разбился в штате Квинсленд в Австралии. Все четверо пассажиров погибли.

1944 год. Война. 14 января. Страшный пожар, свирепствующий в буше штата Виктория, уничтожил четыре города. Погибло девятнадцать человек. Сгорело пятьсот домов, миллион овец, пятьдесят тысяч голов рогатого скота, тысяча лошадей, тысяча свиней, две тысячи разной птицы. Сгорели тысячи километров изгородей. Это бедствие было пострадавшее так называемой черной пятницы 1939 года.

16 июня. Торговцы мясом предупреждают, что нехватка мяса настолько велика, что не удастся отоварить продуктовые карточки. Возникли трудности с обеспечением населения даже кроличьим мясом, которое продаётся без карточек.

5 августа. 900 взбунтовавшихся японских военнопленных напали на охрану. Были застрелены и совершили самоубийство 230 солдат и унтер-офицеров и один офицер. 108 японцев

получили ранения. Это событие держалось в тайне, военная цензура позволила поместить сообщение о том, что «некоторое количество военнопленных пыталось бежать, но было задержано».

22 августа. Сообщается, что письма, посланные авиапочтой из Англии в Австралию, должны состоять из одного листка. Цена шесть пенсов.

1954 год. Образуется черный рынок, на котором по спекулятивным ценам продаются билеты на трибуны в Сиднее, мимо которых пройдет королевский кортеж.

4 февраля в Австралию прибыли королева и принц Эдинбургский. Австралия впервые принимает у себя правящую особу.

17 сентября премьер-министр Роберт Мензис, тот самый, который не пустил на берег Киша, торжественно открыл шахту по добыче урановой руды в штате Северная территория. Таким образом, Австралия вступила в урановую эру.

27 октября на стадионе в Сиднее впервые выступил с концертом Луи Армстронг, послушать которого пришли двадцать тысяч поклонников его таланта. Неисправность в электромоторе вызвала пожар на вращающейся сцене, но, пока тушили сцену, Луи Армстронг не прекращал игру ни на минуту и потом спокойно сказал: «Возможно, она загорелась потому, что моя музыка была слишком пламенной».

1964 год. 2 января пятеро новоприбывших в Австралию иммигрантов были найдены мертвыми в пустыне в южной части Австралии. Во время переезда через пустыню у них кончился бензин, и они погибли от жары и жажды.

10 февраля произошла самая крупная морская катастрофа: во время морских маневров авианосец «Мельбурн» рассек пополам эсминец «Вояджер». Погибли 82 человека.

Я с особой охотой возвращаюсь к историческим событиям. Белой колонизации в стране всего два столетия, но она оказывает сильное влияние на сегодняшний день, формируя сознание людей и позволяя лучше понять современную австралийскую действительность. В Австралии более, чем где-либо, актуальна поговорка: «История повторяется для того, кто не понял ее уроков».

Люди в современном мире слушают одни и те же мелодии, смотрят одни и те же фильмы, придерживаются одной и той же моды. Однако фольклор, образ мыслей и понимание некоторых проблем сегодняшнего дня унификации не подда-

ются. Поэтому мне пришло в голову, что лучше всего показать Австралию сегодняшнего дня, Австралию, которая смеется и плачет, рассказать о ней устами самих австралийцев.

Даже после пяти путешествий по этой стране я не решаюсь утверждать, что хорошо знаю ее. Пожалуй, я бы сказал, что видел Австралию, а это огромная разница. Могу добавить: я видел такую Австралию, которую средний австралиец никогда не увидит. Разве что кто-нибудь вздумает отправиться на крошечный островок Норfolk, до которого несколько часов лета от Сиднея, или у кого-нибудь найдутся деньги и время, чтобы посетить самые отдаленные и захолустные городишки?

Трудности познания страны состоят в том, что нелегко отличить явления исконно австралийские от привнесенного извне представителями самых разных народов, созидающих и созидающих сейчас Австралию. Например, я довольно долгое время пребывал в восторге от следующей истории, занесенной мною в записную книжку.

Один австралиец отправился на озеро ловить рыбу. На берегу сидел с удочкой местный житель. Новоприбывший поинтересовался, попадается ли здесь крупная рыба, на что получил ответ: «Я часто ужу здесь. Несколько недель назад поймал самую крупную в своей жизни рыбину. Даже не могу тебе показать, какая она была огромная! Представляешь, когда я наконец вытянул ее на берег, уровень озера понизился на целый метр». Мне очень нравился этот рассказ, однако вскоре я узнал, что это очень старый ирландский анекдот. Довольно часто путешественники судят о характере целого народа по первой же стычке с железнодорожным контролером или с водителем такси.

Чувствуя, что вступление к книге пора заканчивать. Надеюсь, благодаря ему читатель понял, о чем пойдет речь в моем репортаже, какие проблемы будут освещены на остальных страницах книги. А теперь я хотел бы предложить читателю одно упражнение на игру воображения, которая послужила бы для лучшего контакта с автором.

Итак, скажите себе мечтательно: «Ах, если бы однажды утром проснуться в Австралии...» Ну как, получилось? Спасибо. Теперь я поясню смысл упражнения: мне хотелось бы, чтобы вы пережили те несколько секунд, которые в момент пробуждения переживает любой путешественник. Он не сразу осознает, где находится, как очутился в этом месте и что ему надо сделать за сегодняшний день. Проснуться в Ав-

стралии! Вот я, например, собираюсь сегодня рассказать вам, как живет австралиец, на что живет и как складывались его взгляды. Я говорю здесь только от своего собственного имени. Не представляю никакого научного учреждения, использую только личный опыт, а также, что, наверное, самое главное, опыт, заключенный в сотнях проштудированных мною источниках как в Австралии, так и в Европе и в Соединенных Штатах Америки. Я искал материалы для моего рассказа в британских библиотеках, слушал австралийские истории и искал их источники в голландских и американских библиотечных собраниях. У меня только одна цель — рассказать обо всем исключительно от первого лица единственного числа: я видел, я слышал, мне рассказали, я прочитал или раскопал в источниках. В конце концов моя книга — не путеводитель для туристов.

Поэтому я предлагаю читателю лишь одно — совершиТЬ путешествие на крыльях воображения. Могу позвать: лети со мной в далекую страну, туда, вниз земного шара. А вдруг и тебе, читатель, в один прекрасный день случится пережить удивительное, прекрасное событие: ты проснешься в Австралии...

Закрой глаза и думай об Англии

Мне не хотелось бы вступать в дискуссию об открытии Австралии, которую вот уже много лет ведут ученые. Существует множество мнений. Дискуссия не прекращается, и похоже, что последнее слово еще не сказано. Поэтому я приведу лишь те теории, которые поражают воображение и к тому же сравнительно новы.

Путешественник Джордж Грей¹, исследователь Западной Австралии, в 1838 году нашел необычные рисунки. Они находились в пещерах реки Гленрой в районе Кимберли, в северо-западной части Австралии. Его открытия изменили прежние представления о первооткрывателях — ведь претендентов на звание пионеров было много. Среди них малайские пираты, а также китайский адмирал по имени Чжэн Хэ, командовавший флотом из шестидесяти двух джонок. В 1420 году к югу от Суматры флот разбросало необычайно

¹Дж. Грей не только исследователь и путешественник, но и прежде всего государственный деятель, один из организаторов колонизации Австралии и Новой Зеландии. О рисунках, открытых Греем, см.: Бернхарт Р.М. и Бернхарт К.Х. Мир первых австралийцев. М. 1981, с. 326 и сл.

сильными ветрами. Вернувшись, адмирал составил очень любопытный доклад. Рассказывают, что начертанные им в этом рейсе карты долгие годы хранились как произведения искусства. Из них следовало, что, обойдя неизвестную землю на юге, он открыл материк, который имел прежде много разных наименований и который мы теперь называем Австралией.

Большинство историков отрицают приоритет португальских и испанских мореплавателей, считая, что первым белым человеком на австралийской земле был голландец Дирк Гартог, который в 1616 году высадился в Западной Австралии в районе залива Шарк.

Открытие Грея могло бы подтвердить сообщение французского мореплавателя Жана Бино Польмье де Гонвиля о том, что он сам прожил в Австралии шесть месяцев. Это было в 1504 году, то есть за 112 лет до открытий упомянутого голландца.

Наскальные рисунки довольно примитивны: кроме общих контуров изображения снабжены лишь такими деталями, как глазницы и довольно бесформенные носы. Ни на одной из фигур не изображен рот, но зато каждая либо с ореолом вокруг головы, как у святых в произведениях христианской живописи, либо с лучистым диском солнца позади фигуры. Изображений около шестидесяти, все они очень похожи друг на друга. Среди этих рисунков есть несколько, выполненных, вне всякого сомнения, аборигенами, что же касается остальных, то здесь мнения расходятся.

Грей был уверен, что до него в этом районе не ступала нога белого человека. Если это так, то кто же был таинственный художник? Когда, в какое время и зачем сделал он эти изображения?

Сообщение Грея вызвало лавину догадок и гипотез. Грей, правда, так ничего и не узнал от аборигенов о происхождении этих рисунков. По сведениям очевидцев, они рассматривали рисунки с глубоким благоговением, граничащим с суеверным страхом, однако никаких подробностей, никаких легенд, связанных с ними, не знали. Некоторые неуверенно говорили, что рисунки сделаны очень давно, наверное во Времена сновидений.

Поскольку никаких фактов не было, их заменила фантазия с ее неограниченным полем действия. Одна из теорий утверждала, что рисунки принадлежат космическим пришельцам, другая — что жителям какого-то древнего, не существующего ныне материка. Реально мыслящие историки искали

более правдоподобное, менее фантастическое объяснение загадки, предполагая что их могли оставить малайцы, которые с очень давних времен высаживались на берегах Австралии для ловли «морских огурцов». Однако было достаточно много аргументов против этой версии, и их нельзя обойти молчанием. Прежде всего пещеры находятся в нескольких днях пути от тех мест, где малайцы занимались ловлей. Это скалистое, негостеприимное побережье, населенное очень воинственными племенами, известными своей враждебностью к малайцам и тщательно охранявшиими племенные территории. К тому же подобная манера рисунка вообще чужда малайскому искусству. Многие историки отказались также от мысли, что изображения принадлежат кому-нибудь из испанских или португальских мореплавателей, так как даже в самых ранних отчетах, касающихся этих территорий, всегда подчеркивалось, что эти земли — почти пустыня.

Правда, были предположения, что автором рисунков мог стать моряк с потерпевшего кораблекрушение судна, которого приютило какое-то местное племя. Однако никто не знает, что это было за судно и из какой экспедиции. Тщательное изучение реестров кораблекрушений, происходивших в водах близ побережья Кимберли, ничего не прояснило. Все зафиксированные в реестрах кораблекрушения (до 1838 года) случались не менее чем в тысяче шестистах километров от этих берегов. Впрочем, и сама тематика рисунков, как представляется, указывает на то, что их авторами не могли быть люди с кораблей. Среди них нет имен, изображений судов, сирен и прочих мотивов, характерных для моряцких рисунков. Все фигуры и сцены явно имеют религиозный смысл.

В поисках истины ученые обратились к самым ранним источникам. Был найден один забытый отчет, опубликованный в Париже в 1664 году. Возможно, это одна из первых книг, сообщающих об Австралии. Она представляет собой докладную записку о создании христианской миссии в «Южной стране», написанную Жаном Бино Польмье де Куртоном, каноником кафедрального собора в Лизье (Нормандия). Эта книга-доклад об открытии «Южного материка» и попытках обратить аборигенов в христианство «словом и образом» была обнаружена благодаря огромному интересу к сообщению Грея и основательно изучена. Автор является внуком одной из племянниц де Гонвиля, якобы вышедшей замуж за австралийского аборигена, вероятно первого австралийца, прибывшего в Европу.

Из нее следует, что в 1503 году де Гонвиль отплыл в Ост-Индию. Он командовал каравеллой «Эспуар», что значит «Надежда». Мыс Доброй Надежды каравелла обогнула без приключений, но потом вихри и бури полгода носили ее по «безбрежному океану». Экипаж получал лишь по две ложки воды на день. Де Гонвиль уже совсем пал духом, когда вдруг появился признак близкой земли — стая перелетных птиц. Полагая, что они летят в сторону суши, он направил корабль вслед за ними, достиг земли и бросил якорь в устье реки. Все, подвергавшие сомнению гипотезу о том, что это была Австралия, считают, что француз достиг берегов Мадагаскара. Однако скорее всего, полагает автор упомянутой книги, направление ветров в этом регионе делает плавание к Мадагаскару практически невозможным. Далее следует описание территорий, по которым можно узнать местность между двух рек, где Грей нашел рисунки в пещерах. Де Гонвиль называет аборигенов «австралийцами», а каноник — «индийцами». В то время индейцами называли местных жителей многих вновь открываемых земель. Гонвиль расхваливает австралийцев, отмечая их гостеприимство и сердечность, что решительно отличает их от жителей Мадагаскара. Моряки получили достаточно провианта и поселились в хищинах, которые уступили им аборигены. Хижины имели овальную форму и были сделаны из травы, коры и веток. Любопытно, что подобные жилища встречаются только в этом районе Австралии, в то время как на остальных ее территориях сооружают очень примитивные шалаши. Триста лет спустя Грей, которому, очевидно, не было известно это французское издание, в точности повторил описание территории, типа жилищ и языка местного населения.

Почти полгода прожила команда французской каравеллы в «стране между двух рек». Возможно, моряки совершили короткие экспедиции в глубь материка, и, возможно, именно тогда и появились рисунки. Зачем они их сделали? Ответ надо искать в формулировке Гонвиля, который пытался обратить аборигенов в христианство «словом и образом». Гонвиль упоминал также о каких-то пещерах, найденных его людьми «неподалеку от резиденции», а еще об удивительнейших существах, которых «просто невозможно описать и совершен-но неизвестных в христианском мире».

За полгода Гонвиль настолько овладел местным языком, что мог беседовать со здешним вождем. Это был рослый, сильный мужчина, проявлявший живой интерес к оружию, которое было у его белых гостей. По окончании ремонта и

подготовки каравеллы к дальнему плаванию Гонвиль решил, что пора возвращаться во Францию. Его должен был сопровождать сын вождя Эссомерик. Гонвиль обещал вождю, что привезет ему сына обратно, «осведомленного о европейских государствах, в особенности об искусстве воевать». Вместе с ними в путешествие отправился один пожилой абориген, который, однако, через несколько дней скончался. Сам Эссомерик тоже очень тяжело заболел, и Гонвиль, думая, что он не выдержит путешествия, поспешил окрестить его, дав ему одно из своих имен — Бино. Однако юноша выздоровел.

Каравелла подверглась нападению английского корабля, и с нее было взято все, что можно было унести. Экипаж, счастливый лишь тем, что ему сохранили жизнь, был оставлен на французском берегу. Англичане забрали все рисунки, карты и отчеты о пребывании в «удивительной стране». Таким образом, у энергичного капитана оказалось лишь однозначительное доказательство правдивости его сообщения об экспедиции — привезенный им темнокожий юноша.

В 1505 году Гонвиль с горем пополам восстановил свой отчет об экспедиции, но король Людовик XII не пожелал финансировать дальнейшие экспедиции к какому-то неведомому «Южному матерiku». Более того, двор счел, что весь этот рассказ — выдумка. Измученный бесплодной борьбой, мореплаватель вернулся в родные края. У него не было средств на новую экспедицию, которая могла бы подтвердить правдивость его слов и позволила бы ему сдержать обещание — вернуть Эссомерику отцу. Он усыновил юношу, который уже под именем Бино женился на одной из дочерей сестры Гонвиля. В записках утверждается, что он скончался в 1583 году, был «высокоуважаемым гражданином» и оставил восемь детей.

В этих же записках есть послание к папе римскому с предложением основать миссию на «Южном материке». Первоначальный отчет об экспедиции, рисунки и карты так и не были найдены. Возможно, таинственные рисунки в пещерах — единственное подтверждение их существования.

К вопросу об открытиях: если вы когда-нибудь, будучи в Австралии, обнаружите в австралийском буше скелет ламы, не спешите делать вывод, что это инки бывали в Австралии задолго до капитана Кука. Британскому путешественнику, некоему Чарльзу Леджеру, предложили экспорттировать лам из Перу в образовавшуюся колонию Новый Южный Уэльс.

Перуанское правительство решительно запретило экспорт этих животных, но путешественнику так понравилась зата,

что в 1848 году он начал разводить лам. В 1853 году, когда у него уже было стадо в шестьсот голов, он приказал пастухам перегнать его через границу с Боливией, затем через Аргентину в Чили к побережью Тихого океана.

В сиднейской библиотеке сохранился отчет об этой необычной экспедиции. Животные находились в пути целых пять лет. Пастухам приходилось скрываться от преследования властей и от многочисленных бандитов. Самые хорошие условия были в Аргентине, которая в тот период поддерживала добрые отношения с британцами и поэтому обеспечила стаду военный конвой.

В начале 1858 года экспедиция переправилась через перевал в Андах на высоте шесть тысяч метров и достигла Чили, но многие животные не выдержали морозов и длительного перехода.

В Австралии ламы не вызвали интереса у фермеров и животноводов, владевших огромным поголовьем лошадей, а упрямые и норовистые ламы не годились в качестве тягловой силы. Предприимчивого британца постигло разочарование, и он возвратился в Перу. Там ему повезло значительно больше, так как он сумел раздобыть немного семян растения, из которого вырабатывался хинин — единственное в то время лекарство от лихорадки. Лишь на склоне жизни он вернулся в Австралию, где доживал свои дни на пенсию, которую выплачивало ему великодушное голландское правительство, так как именно благодаря хинину оно смогло эксплуатировать Голландскую Индию.

В Австралии сохранился еще один рассказ о ламах. Некий Джек Хоу прославился тем, что в рекордный срок стриг овец обыкновенными ножницами и за один день остряг одиннадцать лам. Ламам стрижка не понравилась, и они оплевали его. Если бы не это, он, утверждается в хронике тех лет, мог бы остричь их значительно больше.

Как уже упоминалось, французы давно подбирались к Австралии, но делали это сравнительно вяло, так что британское превосходство в этой стране было признанным и очевидным. На память приходит одна историйка, возможно выдуманная, но как нельзя лучше отражающая дух эпохи. Королева Виктория решила в осторожной форме посвятить одну из своих дочерей в так называемые «тайны жизни». Она якобы сказала ей: «Дорогая, то, что ждет тебя в брачную ночь, отвратительно, но, к сожалению, мы, женщины, вынуждены мириться с законами природы. Однако я дам тебе добрый совет. Держись в этом случае, как я: закрой глаза и думай об Англии...»

Итак, подумаем в этом разделе об Англии. Глаза закрывать не будем, мы же договорились, что проснулись в Австралии. Повсюду вокруг нас надписи на английском, слышна речь...

Гм, по правде говоря, английский язык стал развиваться здесь несколько иным путем. Как утверждают языковеды, через каких-нибудь двести лет англичанин, чтобы понять американца, будет вынужден пользоваться услугами переводчика. Изменится ли в такой же степени язык австралийцев? Во всяком случае, существует мнение, что уже сейчас средний австралиец употребляет более пяти тысяч слов либо исконно австралийских (зимствованных из языка аборигенов, то есть не англосаксонских), либо с различием в произношении. К этому можно добавить слова, привезенные австралийцами с полей брани, где они воевали за родину и короля. Для примера приведу популярное в Австралии название вина самого скверного сорта — *плонк*, представляющее собой исаженное французское *вин бланк*, которое стало известно австралийцам во время первой мировой войны. Под словом *диггер* («землекоп») имеется в виду австралийский солдат; этот новый смысл слова получило также со временем первой мировой войны, когда главным занятием солдат-пехотинцев было рытье окопов.

В австралийской разновидности языка есть такие слова и выражения, которые не поймет ни один британец. Иногда они зимствованы из языка народов, внесших свой вклад в становление Австралии, иногда это просто видоизмененные слова. К ним принадлежит слово *whacko*.

У одного эмигранта из Голландии была невеста. Роман едва не прервался из-за этого слова, если бы не почта, которая выступила в роли Амура — посредника между влюбленными. Дело происходило в 1955 году. Они случайно встретились в Индонезии. Потом он вернулся домой, в Австралию, а она — в Голландию. Некоторое время спустя он послал ей телеграмму с предложением выйти за него замуж. Она, в свою очередь, послала ему телеграмму с ответом «да», на что снова получила телеграмму с одним словом *whacko*. В Голландии никто не имел понятия, что это значит. Сердце бедной девушки было разбито, она плакала все дни напролет, решив, что все кончено. Слух об этой истории дошел до ушей генерального почтмейстера Голландии, который запросил по телеграфу генерального почтмейстера Австралии, что означает это слово. Из Сиднея на другой конец земли тотчас же пришла объяснительная телеграмма, что *whacko* на австралийском жаргоне зна-

чит «великолепно, чрезвычайно, чудесно». Девушка приехала в Австралию, молодые люди поженились и были счастливы.

Англичане, путешествующие по Австралии, жалуются, что в аэропортах они с трудом понимают объявления об отправке самолетов внутренних линий.

Сенатор Колсон возмущен тем, что американцы отказались купить фильм австралийского производства «До воскресения слишком далеко», поскольку сочли, что американский зритель не поймет английского языка в австралийском произношении. Но понимает же, резонно заметил Колсон, австралиец техасский выговор тех боевиков, которые заполонили кинотеатры Сиднея!

Ныне покойный профессор Джонстон из Национального университета Австралии составил словарь австралийского языка, который был издан в Оксфорде. Это первая попытка создания словаря, включающего все варианты английского, употребительные как в Австралии, так и в районе Лондона, который официально называется Эрл Корт, а неофициально Долиной Кенгуру, так как его облюбовали для жительства австралийцы. Как утверждают рецензенты уважаемого «Таймса», это издание верно отражает лексику всех слоев общества Австралии — как современного, так и колониального периода. По мнению ученого, австралийский язык удивительно однороден. Во всех самых удаленных уголках огромного материка говорят одинаково. В то же время ученый различает стиль речи в зависимости от материального уровня, образования и некоторых других факторов.

Начало всему было положено 29 апреля 1770 года, когда барк капитана Кука приблизился к месту, которое теперь называется Ботани-Бей. Это было одиннадцатью днями позже того момента, когда с этого корабля впервые увидели берега Австралии. Якорь был брошен в два часа пополудни у южного берега, а через час спущенная на воду шлюпка направилась к ближайшему месту, пригодному для высадки, — к плоской скалистой плите на спокойной глубокой воде. Тогда-то, как утверждают хронисты, Кук поднялся с места и обратился к племяннику своей жены по имени Исаак Смит: «Прыгай, Исаак!» Другие источники сообщают, что его обращение звучало так: «А теперь, Исаак, сойди первым».

Перевозка капитаном Филлипом более тысячи человек на другой конец света в 1788 году, несомненно, одно из наиболее удачных предприятий в истории мировой эмиграции. Поэтому

му, когда одиннадцать мелких (в нашем понимании) судов после тяжкого восемнадцатимесячного плавания прибыли в Австралию, все сочли это небывалым достижением. Однако с самого начала это предприятие снискало весьма решительных противников. Администрация не была полностью уверена в целесообразности подобной экспедиции, к тому же весь рейс проходил под знаком неудач, которые вполне можно было счесть предвестниками провала задуманного дела.

На начальном этапе молодая колония жила и голодно и холодно. Мемуарист, который описал жизнь в Сиднее в 1790 году, то есть двести лет назад, вспоминает, что считался счастливчиком тот, кто мог раздобыть себе пропитание, имея собственное ружье или удочку, чтобы наловить рыбы с прибрежных скал. Но уж если повезет, счастливчик приглашал на обед либо соседа, либо друга. Приглашения посыпались в очень изысканном стиле, но всегда сопровождались припиской: «Просьба принести для себя хлеб». Этот обычай строго соблюдался, даже когда приглашали к губернаторскому столу. Каждый приглашенный гость вынимал из кармана кусок хлеба и клал его рядом со своей тарелкой.

Один из первых губернаторов получил широкую известность своим высказыванием, которое возмутило тогдашнюю элиту колонии. Он сказал, что видит в Новом Южном Уэльсе лишь две категории людей: тех, которые сюда сосланы, и тех которые должны быть сосланы.

Так что же побудило британцев совершить такое путешествие на самый конец света? Похоже, придется прислушаться к моему призыву и подумать об Англии. Об Англии той эпохи. Как знать, может быть, тогда картина станет более четкой, и мы поймем многие истинны, забытые сегодня, но очевидные для тех времен, когда волны ссыльных, одна за другой, достигали Австралии.

Во тьме английских шахт тогда работали шестилетние дети. Женщины стоили дешевле, чем лошади, и их впрягали в тележки, которыми вывозился уголь. Так же, впрочем, как и малолетних девочек. Одна из них, которую — о насмешка судьбы! — звали Патиенсия (от *patientia* — «терпение»), сообщила на следствии: «У меня нет другой одежды, кроме той, в которой я работаю, — это драные юбочки и блузка. Я тяну вагонетки на расстояние около полукилометра, туда и обратно. Я занимаюсь этой работой по одиннадцать часов в день. Вагонетку привязывают цепью к моему поясу. У меня на голове раны, которые я получаю при погрузке вагонетки. Мужчины из моей группы, к которой я приписана, работают го-

лыми. Они надевают только шапки. Иногда, если я недостаточно быстро ташу вагонетку, они бьют меня». Можно не добавлять, что эти девочки и женщины полностью отданы на гнев и милость мастеров и штейгеров. Молодая работница не хочет рисковать потерей заработка. При посещении текстильной фабрики в Ланкашире чиновником хозяин спрашивает гостя: «С какой из моих работниц вы хотели бы привести ночь?»

Владельцы олдемских фабрик посыпают в парламент петицию, в которой почтительнейше заверяют, что «для существования и процветания текстильной промышленности совершенно необходимо использование в качестве рабочей силы одиннадцатилетних детей шестьдесят девять часов в неделю». Еще в 1838 году в текстильной промышленности работало около пятидесяти семи тысяч детей моложе тридцати лет.

Диккенс показал миру устрашающую трагедию детей, даже четырехлетних, работавших помощниками трубочистов на очистке дымоходов изнутри, где они часто гибли в дыму и саже. Как писал один знаток тогдашних экономических отношений, нанять такого ребенка стоило дешевле, чем купить щетку на длинной палке или цепочку. И лишь в 1875 году с этой практикой было покончено навсегда. Много было сказано и о страшных условиях в английских тюрьмах, и в особенностях в плавучих тюрьмах-баржах, стоящих на якоре в устьях крупных рек. Но разве лучше жили люди на свободе?

Хроникер того времени пишет, что неподалеку от Оксфорд-стрит в Лондоне можно увидеть полуразрушенные дома, в которых буквально каждый закуток до отказа набит людьми. Торговцы овощами и фруктами гнездятся в подвалах, рыбу продают на первом этаже, там же цирюльники бреют своих клиентов, по коридорам слоняются голодные люди, повсюду отбросы и мусор, малолетние девочки босиком бродят по улицам, одетые в дырявое тряпье. Женщины и мужчины в лохмотьях ссорятся и дерутся из-за обедков.

В 1815 году в британскую колониальную империю входили ранее французская Канада, несколько островов Антильского архипелага, прежняя голландская колония в Южной Африке, огромные пространства в Индии, Цейлон (Шри-Ланка) и Новый Южный Уэльс в Австралии. Не так уж плохо. Раз до сих пор все получалось так славно, то зачем же на этом останавливаться?

Расходы невелики, а прибыль совсем недурна. В сущности, создание империи — весьма изысканная форма трудоустрой-

ства безработных, так рассуждали господа в Лондоне. Солдаты, которые воевали за океаном, вдали от старой, любимой Англии, вовсе не ценились на родине. Это люди, которые поступили в пехоту за шесть пенсов в день, а в кавалерию — за шиллинг. Английский фельдмаршал герцог Веллингтон так выразился о своих солдатах, обеспечивших ему победу над Наполеоном в битве при Ватерлоо: «Это подонки, которые нанялись в войско, чтобы иметь винтовку. Удивительно, что нам удалось сделать из них храбрых солдат».

В глазах добропорядочного английского обывателя «омар», как называли солдата из-за его красного мундира, — это паразит, который обходился довольно дорого, так как триста шестьдесят пять дней в году ел вареное мясо и жил в казармах (хотя казармы были настоящими клоповниками, а солдаты спали по двое-трое на одной койке). Это было в самой Великобритании. Если же говорить о колониях, там, разумеется, никому и в голову не приходило заглядывать столь далеко, чтобы узнать, как у них идут дела. А между тем в 1840 году под ружьем находилось сто десять тысяч британцев, из которых четыре пятых пребывали за океаном. Редко выдавался такой год, когда Англия не вела бы где-нибудь какой-нибудь войну. Солдат, прославившийся на поле битвы, награждался медалью. Разумеется, стоимость этой медали оплачивалась из его жалованья. Разумеется также, что солдат был обречен на безбрачие. Унтер-офицер — этот, пожалуй, может жениться. Три тысячи жен, десять тысяч детей странствовали по всему свету вслед за унтер-офицерами, которых перебрасывали из одного гарнизона в другой. Это был тот минимум благ, который полагался. Ведь воевали именно они.

Все офицеры — от самого младшего чина до полковника (кроме офицеров артиллерии и инженерных войск) — могли купить чин. Таким образом, офицер — это джентльмен, который всеми своими воинскими знаниями обязан какому-нибудь старому сержанту и который появлялся перед солдатами лишь тогда, когда войско надо было вести в бой.

Кто же были эти люди, которых ссылали в Австралию? Хотелось бы рассказать об одном деле; хотя оно и нетипично, но, поскольку в свое время было очень громким, память о нем сохранилась по сей день. Не буду вдаваться в рассуждения, которые до сих пор делят ученых на два лагеря в вопросе о том, кого ссылали в Австралию — только уголовников или также людей, именуемых в наше время политическими заключенными, просто вспомню свою прежнюю профессию — ведь я целый ряд лет был судебным хроникером.

Приглашаю читателя на судебный процесс, на котором я не присутствовал, так как он состоялся полтора века назад. Мне кажется, что вместо цитат из научных трудов и копания в тонкостях уголовного процесса лучше написать репортаж, основываясь только на богатстве своего воображения и опираясь на факты из британских архивов. Но, прежде чем начать репортаж о судьбах людей, сосланных в Австралию на основании судебного приговора, напомню о событиях, происходивших в Англии в начале тридцатых годов прошлого столетия.

Английские лендлорды были потрясены последствиями французской революции и считали, что именно ее лозунги были причиной массового движения батраков, требовавших повышения заработной платы, которое развернулось осенью 1830 года. Анонимные письма лендлордам, заключавшие в себе требования батраков, подписывались мифическим именем «Свинг» (что означает «качели», а иносказательно и «виселица»). Движение «свинг», затронувшее главным образом южные районы страны, сильно напугало лендлордов. Присланные правительством крупные полицейские силы жестоко расправились с участниками движения. Многие попали на виселицу, многие были высланы за пределы территории, на которых они проживали.

Морозным утром 24 февраля 1834 года в приход Толпадл прибыл полицейский, чтобы арестовать шестерых людей, обвинявшихся в организации тайного союза. Это было странно, поскольку прошло уже девять лет, как были разрешены профессиональные союзы, в которые имел право вступить любой работник. Исходя из этого и здешние батраки в октябре 1833 года основали Союз сельскохозяйственных рабочих, как представляется, с помощью приезжавших сюда из Лондона профсоюзных деятелей. Правда, несколько раньше, еще до создания Союза, батраки обратились к работодателям с требованием повысить заработную плату на шиллинг в неделю, чтобы она достигла среднего уровня платы за труд на территории Девоншира. Один из работников, Джордж Лавлесс, привел веские аргументы, доказав, что при той заработной плате, которую получают он и его товарищи, можно питаться только картошкой, запивая ее чаем.

На организационном собрании присутствовал местный викарий, доктор Уоррен, который в конце концов решил, что работодатели и работники пришли к соглашению. Он подтвердил договоренность обеих сторон, заявив: «...Если вы спокойно вернетесь на работу, то будете получать за нее

плату, равную той, которая полагается каждому работнику в этом районе. Если же ваши господа вздумают отказаться от данного ими обещания, то я, как свидетель, постараюсь добиться того, чтобы обещание было выполнено. Да поможет мне Бог».

Однако на этом мирное развитие проблемы кончилось. Когда батраки поняли, что просьбами они ничего не добьются и что работодатели не только не дали прибавки, но собирались понизить плату, они и организовали союз, чтобы предотвратить еще более суровую нищету и голод. Тогда лорд Мельбурн обратился к местному землевладельцу и одновременно к судье с секретным письмом, в котором предлагал принять на службу «доверенных людей с целью получения информации о незаконных союзах, которые, как представляется, организовывают местные батраки». Под доверенными людьми, конечно, подразумевались полицейские шпики. Особенную роковую роль сыграл провокатор Эдвард Легг, который впоследствии стал главным свидетелем обвинения. За кулисами же этого дела стоял лорд Мельбурн, полагавший, что профсоюзы — «абсурд и не имеют права на существование». Утверждают, что король был в курсе этих событий и что сама интрига исходит от высших кругов английского общества.

Советником при лорде Мельбурне по вопросам борьбы с профсоюзами состоял профессор политической экономии в Оксфорде, известный своими крайне реакционными убеждениями. Именно ему принадлежала идея о праве работодателей на арест подозреваемых и о выработке правовых оснований для конфискации фондов профессиональных союзов.

Итак, в суде слушается дело шестерых батраков. Обвинительный акт кажется довольно странным: шестерых батраков обвинили в том, что они создали тайный союз и присягнули присягу. Согласно документам, они присягали как раз в день ареста. Но дело в том, что обвиняемые были арестованы на рассвете и, следовательно, в тот день никак не могли принести какую-либо присягу.

Суд присяжных изучал тайные доносы, сообщавшие о том, что шестеро батраков были известны как пьяницы, как люди, ведущие аморальный образ жизни, что они имели отношение и к прежним беспорядкам. Однако сами работодатели, несмотря на давление, которому они подвергались, характеризовали их с самой лучшей стороны. Таким образом, перед обвинением стояла труднейшая задача — доказать, что союз создан с целью заговора, а сам заговор имел целью

вооруженное восстание. Свидетели обвинения оказались очень ненадежными. Эдвард Легг заявил, что сам участвовал в заговоре, но перепутал фамилии обвиняемых, что значительно снизило ценность его показаний. Другие показания второго свидетеля обвинения, Джона Локка, тоже звучали неубедительно.

Судья барон Вильямс заявил, что предписания касаются всех обществ, от которых закон не требует принесения присяги. Господин судья (в своих интересах) очень ловко обошел молчанием масонские общества. Может быть, потому, что туда входили люди, в жилах которых текла королевская кровь? Можно ли всерьез считать Ассоциацию сельскохозяйственных рабочих заговорщицкой организацией? Пункт двадцать третий ее устава гласит: «Цели этой Ассоциации не должны осуществляться посредством актов насилия. Подобные действия нанесли бы вред делу». Здесь надо еще упомянуть пункты, запрещающие вести на заседаниях разговоры непристойного содержания, а также беседы на политические и духовные темы. По многим признакам можно утверждать, что никакой присяги не давалось в противоположность показаниям полицейских шпионов.

Кроме упомянутого дела там слушались и другие. Семнадцатилетний юноша, поранивший овцу, был приговорен к пожизненной ссылке; одиннадцатилетний мальчик за кражу куска материи — к трем месяцам тюрьмы и публичной порке; восемнадцатилетний юноша за аналогичное преступление выслан на семь лет; еще один юноша за кражу буханки хлеба получил два года тяжелых работ и был публично выпорот.

В такой атмосфере суд присяжных, который состоял исключительно из местных землевладельцев, признал шестерых подсудимых виновными в преступлениях, вменяемых им обвинительным актом. Еще перед вынесением приговора судья барон Вильямс спросил, не желают ли обвиняемые сказать последнее слово. Тогда Джордж Лавлесс передал судье текст, и тот зачитал его, причем так тихо и невнятно, что присяжные не расслышали ни слова. А на клочке бумаги было написано: «Сэр! Если мы и преступили закон, то сделали это неумышленно и не запятнали ничьей репутации. Мы не посягнули ни на чью собственность и никому не нанесли вреда. Мы объединились, чтобы позаботиться о самих себе, наших женах и наших детях, чтобы не оказаться перед лицом голодной смерти. Мы вызываем к людям, чтобы они подтвердили, что мы поступали, мы хотели поступать честно».

Суд присяжных приступил к делу. Совещание прошло

молниеносно, и суд без промедления вынес именно тот приговор, которого ждали от него власти. Барон Вильямс либо вообще не понял сути закона, либо сознательно вынес приговор, явившийся просто актом мести. Перед тем как провозгласить приговор, по которому каждый обвиняемый получил по семь лет каторги, он сказал заведомую ложь, заявив, что действует в соответствии с парламентским законом. По мнению сведущих в законах людей, обвиняемые должны были получить от двух дней до двух месяцев тюрьмы, их же вывели из зала суда в кандалах. При выходе из здания суда Джордж Лавлесс сунул в окружающую их угрюмую толпу записку, написанную им на скамье подсудимых. Но стражники выхватили записку и тотчас передали ее судье. Лавлесс написал следующее: «С нами Бог, наш пастырь! Мы, которые работаем в поле, трудимся в море, мы, которые пашем и стоим у наковальни или у ткацкого станка, хотим спасти нашу страну и предрекаем тиранам гибель. Наш лозунг — Свобода. Мы будем, будем, будем свободны! Бог ведет нас! Мы не беремся за сабли, не разжигаем военный пожар, а, следуя путем рассудка, справедливости и закона, пытаемся добиться своих прав. Мы провозглашаем лозунг — Свобода! Мы будем, будем, будем свободны». Разве можно считать эти слова речами бунтовщиков, людей, которые стремились подкупить солдат и матросов Его Королевского Величества и заставить их нарушить закон?

Потом Джордж Лавлесс тяжело заболел. Его товарищей, скованных по рукам и ногам, препроводили в плавучие тюрьмы различных портов Англии. Прежде чем отправить всех за океан, их специально разлучили и поместили в такие тюрьмы, где каждый третий узник умирал от чахотки, холеры, дизентерии или оспы. Деревенские парни не обладали природным иммунитетом к этим напастям, к тому же они оказались во враждебном им окружении под гнетом суворых тюремных правил... Их одеждой станут полные паразитов тюремные лохмотья. Во время одной из остановок стражник, наделенный некоторой человечностью, хотел снять кандалы с больного Джорджа Лавлесса со словами: «Вдруг тебе станет стыдно, когда ты пойдешь по городу и все будут смотреть на тебя». — «Мне нечего стыдиться», — ответил Лавлесс, — потому что я невиновен».

Звон его кандалов на улочках небольших городков был для многих людей призывом к свободе. Теперь он знал, что по всей стране, даже в парламенте, поднялись голоса протеста против этого приговора.

Порядочные люди в Англии задались вопросом, добрются ли мученики из Толпаддла живыми до далекой страны, до колонии ссыльных в Новом Южном Уэльсе, ведь капитаны плавучих тюрем — в прошлом торговцы невольниками. Было известно, например, что в 1790 году судно «Нептун» взяло на борт пятьсот двух ссыльных, из которых сто пятьдесят восемь умерли в пути. В 1802 году была введена премия за каждого довезенного живым до Австралии узника. При этом надо помнить, что на арестантов надевали кандалы весом в пятьдесят шесть фунтов, а за незначительные нарушения полагались оковы с шипами, что их подвергали порке девятихвостой «кошкой», а потом клали в гроб, наполненный уксусом, который жестоко разъедал раны, нанесенные плеткой. Если голоса протesta не будут услышаны, Джордж Лавлесс с шестью товарищами разделит нары в пять квадратных футов и шесть дюймов, на которых он не сможет свободно вытянуться в течение всего четырнадцатинедельного плавания до берегов Австралии.

Расскажу теперь о дальнейших судьбах шестерых мучеников. Один из них был отдан в качестве невольника фермеру, проживавшему в четырехстах милях от Сиднея. Другого отдали коневоду. Еще один, несмотря на чахотку, работал в кандалах на стройке. Отец и сын Стэнфилды многие месяцы провели в тюрьме на хлебе и воде. Еще один из мучеников не имел даже лохмотьев, чтобы прикрыть тело, и никаких денег для покупки хоть какого-нибудь тряпья. Полгода он, босой, вбивал балки в очень твердый грунт, пока не нашел где-то лошадиные подковы, которые и привязал к ногам.

Три года спустя их вновь погрузили на корабли и отвезли в Англию. Это был первый случай, когда в результате рабочих демонстраций и многочисленных петиций парламенту были освобождены из заключения узники, сосланные за создание профессионального союза.

Уголовный кодекс Великобритании XVIII—XIX веков был невероятно жесток. По понедельникам дамы и господа покупали места «с видом» на казнь. Нередки были дни, когда вешали по два десятка приговоренных — мужчин, женщин, детей. В хронике упоминаются случаи, когда детей вешали за кражу кошелька с содержимым в несколько шиллингов. Женщин публично пороли, что всегда привлекало огромные толпы охочих до зрелища зевак. Людей, поставленных у позорного столба, забрасывали объедками и кирпичами. В тюрьмах молодые люди умирали за долги, и их некому было выкупить.

Эта атмосфера жестокости переносилась и на австралийское общество. По мнению австралийца К. Суини, в Австралию в общей сложности было доставлено сто шестьдесят тысяч кандальников, а условия труда ссыльных не менялись с начала французской революции до рубежа XX века.

Изучение картотек, которое проводил этот исследователь, показало, что в 1908 году в хобартской тюрьме на Тасмании еще отбывал наказание последний каторжник! По официальным данным, доставка арестантов на Тасманию прекратилась лишь в 1853 году, а в Западную Австралию — в 1868 году. Похоже, эти люди были забыты законом.

Австралия, когда туда началась высылка преступников, превратилась в настоящий кошмар английского общества. Сочиняли целые легенды о «проклятых берегах». До Англии доходили смутные слухи о жестокостях, царивших в исправительных колониях. Один арестант, приговоренный к большому сроку заключения, вспоминает, что еще до своего отъезда в Австралию он узнал, что туда высылают людей за кражу нескольких сухарей.

Много десятков лет женщинам и мужчинам приходилось выполнять тяжелейшие работы в такой рабовладельческой системе, которой не было аналога нигде в мире. Начальник одной из лондонских тюрем писал, что «ссылка в Австралию была для узников самым страшным наказанием и они стремились избежать этого любой ценой. Они панически боялись Австралии».

Здесь мужчин впрягали в телеги, и они везли их, как тягловые животные. На Тасмании почетных гостей возили в небольших колясках на резиновом ходу. Движущей силой были, разумеется, арестанты, которые, задыхаясь, бежали до места, где их ожидала смена. Каторжник, который не снял вовремя шапку, подвергался жесточайшей порке. Один сильный вспоминает: «Когда я прибыл в Австралию, мне было четырнадцать лет. Сначала я жил в дупле большого дерева. Я видел, как умирали люди. Семьдесят человек привязывали и безжалостно пороли плетьми».

Депортация из Англии в Австралию достигла самого высокого уровня в 1830—1850 годах. Корабль, переполненный арестантами, закованными в кандалы, прибывал примерно раз в месяц. После выгрузки каторжников отправляли в бараки. Под лучами палящего солнца они шатались на ходу, как пьяные, так как их ноги ослабли от тяжелых кандалов и неподвижности во время многомесячного плавания и совсем не держали их.

Однако наиболее выносливые приспособливались к новым условиям. Второе поколение колонистов было уже более крепким и даже более рослым, чем первое. Очень быстро усваивался язык — судебные чиновники, направляемые из Англии на службу в Австралию, во время снятия показаний с обвиняемого или свидетеля даже пользовались услугами переводчика. Постепенно менялся и внешний вид людей. Вероятно, уже в это время у австралийцев укоренилась манера весьма вольно одеваться. Один колонист описывает причудливо одетую толпу, которую он наблюдал в городском кабаке. На головах мужчин были надеты соломенные шляпы, тела многих прикрывали невыделанные шкуры кенгуру. Особенное внимание автора привлекло то обстоятельство, что все как один были босыми.

Прочие обычаи исправительной колонии вполне соответствовали духу эпохи. Новоприбывших женщин, одетых в те же лохмотья, в каких они были погружены на борт тюремного судна в Англии, выстраивали в шеренги, затем на плац поочередно пускали сначала офицеров, далее крупных чиновников, после них чиновников более низкого ранга и, наконец, помилованных ссыльных. Они рассматривали женщин и выбирали приглянувшихся «для работ по хозяйству». Только в одном 1803 году, то есть на заре существования исправительных колоний, в официальных документах упоминаются сорок женщин, «выделенных для войскового корпуса в Новом Южном Уэльсе». Вообще законы того времени к женщинам гораздо суровее, чем к мужчинам. Любая женщина моложе сорока пяти лет, приговоренная к тюремному заключению, могла быть выслана, тогда как мужчин (в первые годы существования колонии) ссылали только в случае больших сроков заключения или за нарушения тюремных правил. В свете закона ссылка считалась более суровой карой, чем тюремное заключение в Англии.

Семьи создавались без лишних церемоний. Судья Высшего суда Нового Южного Уэльса Роджер Тэрри пишет в дневнике: «Мужчинам давали один день на дорогу до фабрики, где работали арестантки. Второй день они получали на ухаживание и саму брачную церемонию. И наконец, третий день занимала обратная дорога до фермы, где он был батраком, уже вместе с новобрачной. Жен выбирали на глазок. Сразу же после таких смотрин делалось официальное предложение».

Британская парламентская комиссия, которой в 1837 году было поручено обследовать условия жизни ссыльных, получила от одного ссыльного следующие сведения о том, как это

происходило: «Женщинам приказали выйти и поставили их так, как обычно выставляют на ярмарках скот на продажу. Сильный прохаживался туда и обратно, приглядывался и, увидев подходящую женщину, подзывал ее жестом. Потом они разговаривали. Если мужчина решал, что женщина несимпатична или она ему вообще не понравилась, она возвращалась на свое место, а он повторял всю процедуру до положительного результата».

Обилие мемуарной литературы в то время можно объяснить тем, что среди ссыльных иногда попадались высококультурные люди. Один из них был членом парламента. Были также адвокаты, крупные чиновники и даже лица духовного звания: один был сослан на десять лет тюрьмы за двоеженство, другой — за присвоение церковных денег. Был арестант, который застрелил родного дядю, когда тот навестил его во время учебы в Кембриджском университете. Один ссыльный пас коз, дававших молоко и мясо для каторжников, работавших в кандалах. В Англии он бывал при дворе и даже считался наперсником королевы-матери. Среди каторжников встречались люди из Индии, Франции, Канады, Корсики, Гонконга, Бразилии, Италии и многих других стран.

Один мемуарист вспоминает, что на тюремном судне он встретил человека, свободно говорившего на шести языках, в том числе на трудном — хинди. Канадские французы, американцы прибывали сюда в качестве политических заключенных.

Другой мемуарист описывает свое пребывание на австралийской каторге: «Мы делали известь из дробленой скорлупы раковин. Никто не выдерживал долго этой работы из-за ее вредности. Известь попадает в глаза, и человек слепнет. Если, как это часто случается, арестант совершает убийство, его судят и казнят как можно ближе к тому месту, где он совершил убийство».

В течение многих десятков лет наказание плетьми происходило в самом центре Сиднея. Ссыльные вспоминают, что арестанты стремились подкупить палача, чтобы тот постарался смягчить наказание. Каторжник Уильям Дэй был приговорен к ста ударам. «Меня привязали, а товарищи мои смотрели на это. Привязывая меня, палач спокойно спросил: "Ну так как, мы договоримся?" Он спросил, могу ли я что-нибудь подарить ему, тогда он будет пороть меня полегче. Да, ответил я, и он взялся за работу».

Грамотных каторжников как правило, посыпали на работу

в государственные учреждения. Их тоже подкупали каторжники, чтобы те в картотеках подделывали сопроводительные карты. Ведь некоторые из «чиновников» были мошенниками, профессионально подделывали документы, и им не составляло большого труда заменить запись о пожизненном заключении на приговор — к семи годам. За это следовала взятка до десяти фунтов стерлингов.

Эшафоты представляли собой привычное зрелище как в самой Англии, так и в Ирландии. Один путешественник пишет, что он едва не натолкнулся на повешенного в кандалах, который находился в состоянии сильного разложения. Ссылку называли в те времена «наказанием второй категории». Первой категорией считалось повешение. По материалам старых картотек видно, сколь мелкие, в нашем понимании, преступления карались высылкой в Австралию. Элизабет Мэйлор стащила ленточку. Джеймс Денис был сослан за кражу кольца. Элизабет Джайнер украла четыре фунта говядины и несколько простыней. Семидесятилетний старик и двое его сыновей были приговорены к пожизненной каторге за кражу овец. До 1830 года за более тяжкие преступления полагалась казнь через повешение. Исправительные колонии Австралии пополнялись «преступниками», которым не повезло. Почти половину ссыльных составляли рецидивисты. В то время сосланные ирландцы либо вообще не были виновны, либо попали сюда за мелкие нарушения.

Как часто случается, за всеми этими цифрами и статистической пропадает трагедия отдельных личностей. Я предлагаю обратить внимание на одну фигуру из австралийских картотек. Перед нами сопроводительный лист арестанта номер 12774. Имя — Уильям Форстер. В семнадцать лет его осудили на десять лет каторги за кражу конторки. Уильям был батраком и прибыл на Тасманию в 1844 году. Умел читать и писать, был протестантом. Сохранились не только подробные данные о нем, но и фотография, сделанная спустя тридцать лет после его прибытия в исправительную колонию на Тасманию, когда Форстер все еще находился на каторге. Как случилось, что, осужденный на десять лет, он продолжал оставаться в тюрьме еще двадцать?

В его документах сначала следует очень подробное описание внешности, облегчающее поиски в случае побега. На допросе у чиновника тюремной администрации Форстер «сообщил причины» — другими словами, признался, за что был сослан. Раньше он два месяца сидел в тюрьме за какое-то мелкое нарушение порядка. В документах отмечено, что он

вел себя дерзко уже в пути к месту заключения. Пять месяцев спустя после высадки в Порт-Артуре (на Тасманию) бежал, но был пойман и закован в утяжененные кандалы. Дальше идет перечисление его проступков и наказаний. Изолятор за непослушание, состоявшее в отказе носить тюремную одежду. Двадцать четыре плети за неправильно надетый шарф. Изолятор за нарушение правил поведения (видели, что он танцевал!). Изолятор за непослушание. Работа в кандалах за угрозы по адресу заключенного. Изолятор за непослушание. Нарушения подобного рода продолжаются долгие годы, и все записаны каллиграфическим почерком заключенных, работавших в тюремной администрации.

Официальным распоряжением с 1840 года порка была запрещена, но неофициально арестантов продолжали наказывать плетьми. Непокорных сажали в изолятор, которым служила небольшая яма, вырубленная в скале, где узник мог поместиться лишь скрючившись. Он получал крошечные порции еды и был обязан соблюдать полную тишину. Когда его выпускали наружу, он должен был носить маску, похожую на птичий клюв, чтобы другие узники не видели его лица. Условия существования были настолько ужасны, что многие каторжники приобретали тяжелые психические расстройства, так что в порт-артурской тюрьме пришлось построить отделение для сумасшедших, пристроив его к крылу для приговоренных к наказанию в изоляторе.

Однако Форстер не давал себя сломить. Как следует далее, он находился в изоляторе четырнадцать дней за непослушание и семь дней за дерзость по отношению к учителю закона божьего. Он просидел в одиночке почти три месяца за то, что поменялся башмаками с другим арестантом, а потом был сурово наказан за разбитое им в часовне стекло. В 1849 году он снова бежал, но был схвачен при ограблении дома. Вероятно, он хотел раздобыть хоть какой-нибудь провиант. В результате был наказан работой в кандалах в угольной шахте, но снова бежал, был схвачен и приговорен к пожизненному заключению. Новый срок должен был отсчитываться лишь после того, как он отсидит свой первоначальный (!). В 1850 году его, закованного в кандалы, перевезли в самую страшную исправительную колонию на острове Норфолк. Наконец мы узнаем из документов, что в ноябре 1856 года он снова бежал. И когда предстал перед судом, во второй раз был приговорен к пожизненному заключению за побег и кражу со взломом. Восемнадцать лет спустя он все еще находился в заключении.

Старые хроники сохранили для нас свидетельства о деятельности капелланов в колониальный период. На Тасмании прославился своей жестокостью и ханжеством преподобный Уильям Бедфорд, особенно глубокую ненависть снискал он у женщин-узниц, так как в качестве наказания за малейшую провинность обрезал им волосы до самого корня. Они звали его Святоша Вилли: им слишком хорошо была известна его склонность к мирским утехам. Он слыл также чревоугодником. В памяти людей сохранилась такая история. Однажды Святоша Вилли пришел исповедовать приговоренного к смертной казни через повешение, повара по профессии. Духовник очень хотел получить у него рецепт заливного из телячьих ножек, однако попытки выудить его не возымели успеха. Вероятно, смертник счел, что ему уже ничего не поможет. Когда приговоренный повис на веревке, глубоко разочарованный духовник вернулся домой и на вопрос лакея, получил ли он рецепт, которого так жаждал, печально покачав головой, ответил: «К сожалению, нет. Он так и умер во грехе...»

Основы законности и облик законников в Австралии оставляли желать лучшего. Судья Джон Педдер, председатель Высшего суда на Тасмании, был известен своими весьма несложными принципами. Он провозглашал: «Их надо судить, их надо повесить, похоронить и затем заняться следующей группой».

Он признавал лишь принцип скорого суда. Считал, что суд присяжных попросту не нужен, поскольку понапрасну тратит время на пустые препирательства о том, виновен обвиняемый или нет. Судья может разобраться куда быстрее. 29 января 1829 года судья Педдер показал, что значит скорый суд.

Он должен был рассмотреть на выездной сессии двадцать пять дел. Сначала слушалось восемнадцать дел: три о разбойных нападениях на дорогах, шесть о краже овец, два о краже крупного рогатого скота, одно о бандитизме с оружием в руках, одно о поджоге, четыре о краже со взломом и одно об изнасиловании. Приговор был прост. Все виновны, все должны быть повешены. К семерым следующим он проявил истинную мягкость: четверо были приговорены к пожизненному заключению, а трое последних — к наказанию плетьми. Так закончился день славных трудов, когда судье не пришлось биться с присяжными заседателями. Это, правда, не означает, что его современники одобряли подобные методы. Местная газета писала: «Кто так жаждет крови и мести, посыпая на смерть человеческое существо лишь за то, что оно выманило несколько фунтов, увело лошадь или овцу, тот не может

верить в Святое писание. Человек, который действительно является человеком, скорее позволит вору скрыться, чем прикажет повесить его за кражу одной овцы». А вот еще более выразительная статья: «Страна была залита кровью невинных людей. Была покрыта пятнами крови мужчин и женщин, христиан и евреев. Кто бы ни оказался перед обличьем судьи Педдера, если обвинение было более или менее серьезно, обвиняемый отправлялся в мир иной, быстро перебирая ногами».

В 1803 году хроника зафиксировала жуткую историю воришки Джозефа Сэмюэльса, «человека, которого невозможно было повесить». Веревка трижды обрывалась, и в конце концов, как свидетельствует очевидец, присутствовавший при казни высший чиновник поспешил к губернатору с просьбой о его помиловании. Пришлось применить закон о помиловании, усматривая в этом необычном событии перст божий. Однако сам Сэмюэльс оказался неспособным принять участие во всеобщем ликование. «Похоже, — пишет очевидец, — то, что ему пришлось пережить, расшатало его сознание. Придя в себя, он начал что-то бормотать себе под нос, а что — никто не мог понять. И вообще он совершенно не осознавал события, героем которого стал».

Ему посоветовали не забывать об этом событии. Как следует из более поздних сведений, он не воспользовался добрым советом. Последний раз о Сэмюэльсе упоминается в апреле 1803 года: он присоединился к группе каторжников, задумавших устроить побег. Украв лодку, они вышли на ней в море. С этого момента следы их затерялись.

Еще в 1798 году губернатор сообщал герцогу Портлендскому, что многие каторжники, прежде всего ирландцы, пытаются пешком через Австралийский материк добраться до Китая. В среде каторжников ходила легенда, что где-то за Синими горами находится «земля обетованная» — истинный рай на земле, где беглые каторжники могли бы в покое и довольстве дожить до конца своих дней. Ссыльные пытались преодолеть путь через Австралийский материк и, конечно же, погибли в пустыне. Губернатор жалуется Его Королевскому Величеству, что ссыльные забрали лошадь, на которой вознамерились добраться до Китая, и даже пытались завладеть другими лошадьми, «что поставило бы колонию в крайне затруднительное положение, поскольку утром даже одного животного из... скромного стада вызывает серьезную тревогу».

Некоторых ссыльных отдавали свободным колонистам, у

которых они бесплатно выполняли буквально каторжную работу. Хозяева беспощадно наказывали их за малейшие провинности. Об этом сохранилось такое довольно изящное высказывание: «Было большой редкостью, чтобы ссыльный не получил в подарок от своего господина красную рубашку». Красная рубашка — это рубашка, пропитанная кровью избиваемого.

Не меньшей славой, чем упомянутый отец Бедфорд, пользовался преподобный Сэмюэль Мардсен, который сохранился в памяти людей под кличкой Пастор-плетка. В ранние годы колонизации Австралии он был капелланом на территории Новый Южный Уэльс. Одновременно, как и многие другие капелланы, исполнял функции судьи и был известен своими невероятно жестокими приговорами, к тому же он проявлял необычайную ретивость в своем деле. Обычно начиналось с пустяка, как в случае с пастухом, который покинул свое стадо и ушел в горы. Пастух, представивший перед судом, клялся, что вовсе не имел намерения бежать, а собирался в горах раздобыть себе пропитание охотой, так как ему не оставили никакой еды. Он был приговорен к наказанию плетью и во время жесточайшего избиения пробормотал нечто вроде клятвы мести, за что вновь предстал перед судом и теперь был приговорен к пятистам ударам плетью и пожизненному заключению. Тогда пресса утверждала, что жестокие приговоры Пастора-плетки способствуют появлению все большего числа бандитов на дорогах, так как бродяжничество было лучше, чем существование в постоянном страхе перед наказанием плетью. Действия этого пастора наводили жителей колонии на мысль, что судьи-духовники выносят более жестокие приговоры, чем светские судьи. В те времена даже ходила поговорка: «Бог помилует, а преподобный — никогда».

Это были жестокие времена и жестокие люди, искавшие грубых, примитивных развлечений. Еще в 1853 году владелец устричного магазина в Мельбурне за деньги показывал желающим труп злоумышленника, который держал во льду для лучшей сохранности.

При изучении материалов о беззакониях, совершенных во имя закона, невольно вспоминается высказывание Честертона о том, что «история викторианской эпохи никогда не будет написана, так как мы слишком много знаем о ней».

В основе многих названий австралийских городов, поселков, местностей лежат имена тех или иных английских деятелей. Так, в Сиднее есть район Дарлинг-Пойнт, названный

по имени одного из первых губернаторов. Слово «дарлинг» имеет значение «любимый, возлюбленный», но в данном случае вокруг имени губернатора полностью отсутствовал ореол нежности.

Он стал известен как изобретатель кошмарного приспособления, которое до сих пор называют «железкой Дарлинга». Известен такой случай. Два рядовых пятьдесят седьмого пехотного полка в Сиднее были уличены в краже куска ткани с воинского склада. Они думали, что за этот проступок будут отчислены из армии и отосланы домой. В результате личного вмешательства губернатора Дарлинга они были заключены в тюрьму для выполнения тяжелых работ на строительстве дороги через Синие горы. Работали в кандалах (этих самых «железках Дарлинга»). На ночь их запирали в камеру, не снимая кандалов, которые были сконструированы таким образом, что скованные в щиколотках ноги соединялись с ошейником цепью такой длины, которая не позволяла несчастным выпрямиться. Лежать они тоже не могли, так как ошейник был снабжен двумя шипами. Один из них не выдержал этой пытки и умер в тюрьме.

Когда дело получило огласку, все общество было охвачено негодованием. Губернатору была поставлена в вину фальсификация заключения о вскрытии тела. На суде демонстрировались кандалы весом в шесть килограммов. Но один политический деятель несколько позже установил, что это были совсем другие кандалы. Те, что были надеты на солдатах, весили пятнадцать килограммов. Произошел еще один взрыв возмущения общественного мнения, и в докладе, отправленном в Лондон, был задан негодящий вопрос: «Можно ли считать, что это убийство совершено во имя законности?» В результате разразившегося скандала второй солдат был освобожден и направлен в полк.

Дарлинг пользовался настолько дурной популярностью, что одно из очень ядовитых растений, произраставших в западной части штата Новый Южный Уэльс, было названо «горошком Дарлинга». Говорят даже, что однажды в Сиднее в благородном собрании, когда председательствовавший губернатор поднял тост за успех экспортной торговли колонии, то есть Австралии, из зала раздался голос: «И чтобы губернатор Дарлинг стал первым предметом экспорта!»

Место, где сейчас возвышается здание знаменитой сиднейской оперы, называется Беннелонг-Пойнт. Беннелонг — имя аборигена, чья хижина стояла некогда в этом тупике. По приказу губернатора Беннелонг был схвачен матросами

английского военного корабля, для того чтобы «приручить» его и сделать из него связного между аборигенами и белыми колонистами. Его хижина стала местом встреч аборигенов, среди которых начались волнения, с британцами. За услуги Беннелонг получал более чем скромное вознаграждение провиантом из скучных государственных запасов. Однако в нем обнаружилась такая алчность, что вскоре в новом поселке она стала притчей во языцах. Когда губернатор Филлип был отзван в Англию, он захватил с собой «просвещенного дикаря», который был представлен королю. Он оказался в центре внимания изысканного лондонского общества, назвавшего его «забавным индейцем». Знания о народах британских владений и о местонахождении самих владений в те времена были очень и очень скромными. Вскоре Беннелонг был отправлен обратно в Австралию, где медленно, но верно стал опускаться на дно по причине пьянства. К сожалению, это очень распространенный недуг среди аборигенов, приученных к алкоголю белыми. Он был избит в пьяной драке и умер в 1798 году.

Другие названия имеют не менее любопытное происхождение. Например, Блэкфэллоус-Бон, что значит «кости черного человека», — название холма в штате Северная территория. Когда-то здесь обитали представители могущественного племени аранда. Под натиском белых колонистов они были вынуждены отступить со своих земель, так как белые, вооруженные ружьями, полностью истребили диких животных, охота на которых обеспечивала чернокожим пропитание. Голодные жители были вынуждены убивать крупный рогатый скот, принадлежащий колонистам, и те, в свою очередь, объединившись в охотничьи отряды, окружили холм с группой людей, отчаянно защищавшихся копьями, и перестреляли их². Их кости сложили в кучу и специально оставили для наглядности и предостережения остальным. По поводу этой кошмарной расправы было начато что-то вроде следствия, которое вскоре прекратили, ибо отсутствовали чернокожие свидетели.

Впрочем, что говорить о каких-то незначительных поселениях или пустынных местностях, когда происхождение названия столицы Австралийского Союза — Канберры — имеет много противоречивых толкований. Одни утверждают, что на языке аборигенов слово «канберра» означает место, продуваемое ветрами. Другие объясняют название тем, что

² Все племя аранда не было уничтожено, оно существует и поныне.

когда-то на этом месте находилась усадьба некоего Роберта Кампбэла и что аборигены произносили его имя как Канберра. Есть мнение, что так на языке аборигенов зовется зимородок. И наконец, что слово «канбура» на одном из местных языков означало «извивающаяся змея», а также «грудь женщины» — намек на очертания двух холмов, которые возвышаются невдалеке. Это, конечно, довольно поэтично, но истины никто не знает. Впрочем, Канберра, как сказал один австралийский писатель, — «это прекрасное земледельческое хозяйство, которое было уничтожено, когда на его месте возвели столицу Австралийского Союза».

Таких взаимоисключающих гипотез много. Например, в штате Новый Южный Уэльс есть место, которое называется Киссинг-Пойнт, то есть «место поцелуя». Будто бы после пикника губернатор заснул на этом месте и прелестная молодая девушка разбудила его поцелуем. Есть и другое, менее романтическое объяснение, принадлежащее морякам, которые утверждают, что в этом месте побережья бьет такая сильная волна, что, прежде чем пристать, лодка не раз «поцелует», берег, колотясь о прибрежные скалы.

В период первой мировой войны были изменены многие немецкие названия, которые «засоряли карту Австралии». Причем, как это часто случается, не обошлось без курьезов. Так, было изменено название Танунда (что на языке аборигенов значит «обилие дикой птицы»), которое сочли немецким.

Во множестве сохранились на карте Австралии аборигенные названия. Поселенцы записали их так, как услышали от местных племен. Так, одно из предместий Сиднея называется Кооге, что значит «запах морских водорослей», другое — Парраматта — означает «обилие угрей». А странное название Воолоомоолоо — также предместья Сиднея — до сих пор является предметом спора лингвистов. Некоторые считают, что в той местности когда-то стояла ветряная мельница, по-английски «виндмил», и что Воолоомоолоо — искажение английского слова, которое аборигенам произнести было трудно.

Очень интересна также австралийская ономастика. К примеру, «герцог Альберт», а точнее, «герцоги Альберты» по-австралийски означает попросту «портянки». Дело в том, что австралийцы считали, что, когда герцог Альберт женился на королеве Виктории, он был так беден, что не мог купить чулки и поэтому носил портянки, как немецкие солдаты. Портянки были очень популярны в Австралии, но в основном

среди бродяг, которые проходили пешком огромные расстояния в поисках хотя бы временной работы. По их мнению, портянки имели огромные преимущества по сравнению с носками: ими могла служить любая тряпка нужной длины, они сохраняли ноги в тепле и их не надо было штопать.

Вызывает удивление некогда очевидная неприязнь австралийцев к британцам. Ведь обучение в австралийской школе идет на английском языке. Курс истории литературы — это курс истории именно английской литературы. Чтобы сохранить связь с истоками собственной культуры, импортируются английские книги, журналы, произведения искусства. Система управления скопирована с английской системы. Английское право и английские культурные традиции — духовная база для огромного большинства людей. Хотя на материке постепенно развились и собственно австралийские обычай, их корни уходят в обычай английские.

Австралия претерпела настоящую революцию, в результате которой была окончательно введена метрическая система³. Это было непростым делом. Один австралиец сказал, что она подобна налогам, которые никому не нравятся, но необходимы. Австралия не желала оставаться бастионом Британской империи — единственной страной в этом регионе земного шара с британской системой мер и весов, однако переход на другую систему обошелся недешево. Учреждение, осуществлявшее его, истратило несколько миллионов долларов только на административные нужды.

Австралия в буквальном смысле перешла на километры в деле отказа от британской системы: каждый придорожный столб, означающий мили, пришлось перекрашивать на протяжении десятков тысяч миль. Изменения не обошли и такого почтенного чисто британского явления, как игра в крикет: там перешли на метры. Переход на метрическую систему начался действительно с самых начал: молодым матерям вручали в роддомах брошюруку под названием, от которого кровь стынет в жилах: «Наше дитя в метрической системе». В ней пояснялось, как переводить данные о ребенке из старой системы в новую. Отправляясь за покупками, австралийка брала с собой карточку «Я — в метрах», из которой можно установить, какие цифры в метрической системе соответствуют ее размерам.

Когда федеральный парламент утвердил закон о переходе на метрическую систему, сопротивления почти не возникло,

³ Метрическая система мер в Австралии была введена в конце 70-х годов.

так как в Австралии были уверены, что как Соединенные Штаты, так и Англия в конце концов тоже пойдут по этому пути. Любовь к точности, свойственная этому народу, вызвала дебаты по поводу произношения слова «километр». Был создан Метрический совет, члены которого называли себя «стражами чистоты метрической системы». Они во всеуслышание объявили о своем стремлении «внедрить метрическую систему в каждый австралийский дом».

А что об этом думает средний австралиец? В Австралии все, что спущено сверху, натыкается на известное сопротивление. В Мельбурне даже было организовано «Антиметрическое общество». Однако огромное большинство австралийцев смирилось с новшеством — во имя прогресса.

Английские традиции существовали не только в системе мер и весов. Прежде всего, как я уже упоминал, это английская правовая система, которая, с одной стороны, не вникая в подробности, одним махом решает судьбы людей, а с другой — часто утопает в массе мелких подробностей, незначительных по своей сути. На ее основе возникают судебные процессы, которые могут показаться смехотворными, но которые становятся предметом комментариев специалистов.

Вот судья рассматривает очень серьезное дело майора. Офицер требует освободить его от годового налога в восемнадцать долларов, выплачиваемого им за обязательную в его профессии стрижку. «Я счастлив, — провозглашает в связи с этим судья, — что мы, судьи, работаем в париках». Иск майора прошел через многие инстанции. Представитель одной из них, отвергая прошение энергичного офицера, воскликнул: «Что было бы, если бы каждый налогоплательщик требовал освобождения от налога за стрижку?»

Господин судья был удивлен тем, что майор не явился в суд лично. Тогда по крайней мере можно было бы немедленно прекратить дело. Но майор — офицер и джентльмен. «Именно по этой причине, — сказал судья, — я буду заниматься его делами и впредь». Судья обращается к соответствующим предписаниям, которые допускают не облагать налогом суммы, необходимые в профессиональной деятельности. Он перечисляет длинный список предписаний и пытается установить, можно ли на них опираться в данном деле. Наконец провозглашает:

«Майор утверждает, что выполняет долг солдата и что все вышеупомянутое необходимо в солдатском ремесле для защиты государства Ее Королевского Величества. Он утверждает, что обязан стричься шесть раз в год. Он должен выгля-

деть как офицер, а устав сухопутных войск 1972 года, пункт 102, требует приличествующей стрижки. Таким образом, если бы майор нарушил указ, он подверг бы себя опасности быть наказанным. Совершенно очевидно, что заявления майора подпадают под соответствующие предписания налогового права. Я удивлен, что чиновники казначейства не обратили на это внимания. Я даже желал бы, чтобы все солдаты, моряки и летчики вооруженных сил Ее Королевского Величества потребовали освобождения их от налогов за стрижку и чтобы все они принесли майору благодарность за его выступление. Однако я не могу полностью признать претензии майора, поскольку из указанной им суммы в восемнадцать долларов два доллара были израсходованы им на стрижку усов, а соответствующий закон гласит, что в случаях трат из главного капитала какие-либо привилегии и освобождение от налога запрещается. Мне же представляется, что усы, безусловно, являются для офицера главным капиталом. Приговор еще не вошел в силу, может быть подана апелляция».

Перейдем от этого дела к приговору по делу «Королева против Энгуса Дора», получившему широкую известность. Судья канберрского суда Уигг так обосновывает свой приговор: «Я не хотел бы приговаривать обвиняемого к отрезанию уха, хотя в соответствии с законом, обязывающим на Столичной территории Австралии⁴, мог бы это сделать. Обвиняемый — рядовой Энгус Дор стоял в почетном карауле во время бракосочетания, совершившегося в прошлом году в храме Святого Эндрю. После завершения церемонии между рядовым Дором и другим приглашенным произошла драка. Охваченный гневом, мистер Дор выхватил саблю и плашмя нанес удар противнику. Несколько гостей обезоружили мистера Дора и вызвали полицию. Полиция вменила мистеру Дору в вину не нарушение общественного порядка, а нарушение закона, изданного во времена Эдуарда VI, в 1551 году. Из этого прежде всего следует, что знания полиции Столичной территории Австралии достаточно глубоки. Государственный обвинитель заверяет, что этот закон остается в силе на Столичной территории, поскольку не был отменен британским парламентом до создания правовой системы штата Новый Южный Уэльс в 1820 году и не был исключен из

⁴ Столичная территория Австралии была создана 1 января 1911 г. по соглашению между федеральным правительством и правительством штата Новый Южный Уэльс. Расположена в 320 км к юго-западу от Сиднея.

законодательства Столичной территории Австралии в 1911 году. Итак, вследствие недосмотра аппарата генерального прокурора население Территории подчиняется архаичным законам, разработанным более чем за двести лет до возникновения колонии Новый Южный Уэльс и более чем за триста лет до того, как кому-нибудь могло присниться возникновение Территории. Этот закон груб и беспощаден. Он провозглашает (я процитирую его существенную часть в первоначальной форме): "Буде случатся разные мерзкие и варварские действия, совершенные безбожниками и недостойными лицами, которые станут драться, обзвывать и клеветать на территориях храмов божьих и кладбищ, постановляю, чтобы каждому, кто поднимет руку и покусится на особу другого человека в церкви или на церковной площади, отрубить одно ухо".

Закон гласит далее, что если у обвиняемого уже нет ушей, то ему "следует поставить каленым железом клеймо на щеке". Неизвестно, кто выбирает, какое отрубить ухо и на какой щеке ставить клеймо, — судья или преступник. Но не это для нас сейчас главное. Представитель защиты трактует дело так: по его мнению, слово "храм, церковь" в этом законе имеет в виду храмовое здание тех времен, когда закон был издан, то есть более четырехсот лет назад. Имелась в виду англиканская церковь. Господин адвокат заявляет, что храм Святого Эндрю не является англиканской церковью, следовательно, поступок мистера Дора не может рассматриваться в соответствии с указанным законом. Судья отвергает мнение защиты. Во-первых, храм Святого Эндрю — шотландская церковь. Королевская семья, включая саму монархию, которая является Защитницей Веры, во время своих визитов в Бэльморель посещает шотландскую церковь. Во-вторых, церковь есть церковь. В наше время неразумно подчеркивать различия между христианскими верованиями. Теперь вернемся к делу об ухе рядового Дора. Поскольку заявление адвоката невразумительно, а судья не уверен в том, что закон, отменяющий все телесные наказания, действителен на Столичной территории Австралии, он считает: закон от 1551 года остается в силе. Однако судья не знает, как выполнить приговор. Поэтому постановляет заключить как бы соглашение с подсудимым. В целях скорейшего улучшения правовой системы мистера Энгуса Дора приговорили к отрезанию левого уха. „Это вселяет в меня твердую уверенность, — добавляет судья, — что генеральный прокурор приложит все усилия к тому, чтобы устаревший закон был немедленно отме-

чен, и надеюсь, что мистер Дор может быть спокоен за свое ухо — оно не будет отрезано”».

В один прекрасный день 1917 года Уорик, небольшой солнный городишко в штате Квинсленд, оказался у всех на устах. Шла первая мировая война, и премьер-министр федерального правительства Вильям Хьюз отправился в поездку по стране, имея целью получить поддержку народа в деле введения обязательной воинской службы. Несмотря на то что Австралия посыпала своих солдат буквально во все концы света воевать за короля и отчизну, здесь не была введена обязательная военная служба, и вооруженные силы опирались только на добровольцев. Хьюз, которого называли Билли, как раз в штате Квинсленд столкнулся с очень мощным сопротивлением. Правление в штате находилось в руках Партии труда, которая была против введения обязательной воинской службы.

Когда поезд остановился на уорикском вокзале, премьер вышел на перрон, чтобы обратиться с несколькими словами к собравшимся жителям городка, однако был встречен криками и свистом. Кто-то бросил в него тухлое яйцо, но промахнулся. Второе, которое очевидцы назвали «настоящей древностью», попало в шляпу, растеклось по лицу и испачкало воротник. Между сторонниками и противниками обязательной военной службы завязалась драка, причем сам премьер оказался в гуще свалки. Выбравшись наконец из толпы, он потребовал у полиции ареста человека, который швырнул в него тухлое яйцо.

Сержант местной полиции Кенни отказался арестовать этого гражданина. Билли повторил приказание, на этот раз как генеральный прокурор и премьер федерального правительства Австралии. В те времена политики много работали за скромную зарплату и часто выполняли по несколько функций. В свою очередь, непреклонный Кенни, указав на то, что в свете законодательства штата Квинсленд нарушения не было, отказался арестовывать демонстранта и лишь выпроводил его с перрона. Премьер федерального правительства послал телеграмму протеста премьеру штата. О тухлом яйце заговорила вся Австралия. Но премьер штата Квинсленд заявил, что хотя случай и достоин сожаления, но он считает, что премьер федерального правительства специально раздувает дело.

Разумеется, премьер федерального правительства не оставил этого дела и принял решение о создании особой федеральной полиции Австралийского Союза. Итак, в основе

ее создания лежит тухлое яйцо. Полиция выполняет специальные функции, в том числе занимается охраной аэропортов и общим контролем в них.

Действительно ли, как говорил прокурор на упомянутом выше заседании суда, королевская власть вечна?

На первый взгляд может показаться, что событие, о котором пойдет речь, — случайность. Однако все, что произошло в Юреке 3 декабря 1854 года, навсегда вошло в историю Австралии. Дело дошло до кровавой стычки между золотоискателями, с одной стороны, и войсками и полицией — с другой. Горняки протестовали против непомерно высоких лицензий на золотодобычу, а губернатор штата Виктория выслал войска и полицию, чтобы сломить их волю и доказать, что закон превыше всего. В стычке было убито тридцать горняков и четверо солдат. Событию посвящено большое количество исследований. Для рядовых австралийцев это трагедия людей, которые верили в справедливость своего дела. Они провозгласили викторианскую республику, то есть отвергли монархию.

Среди британских традиций была и такая, согласно которой можно было прощать преступления, если они совершались во имя высших целей. Именно поэтому множество людей помогало скрываться ирландцу Питеру Лэйлору, главарю юрекских бунтовщиков, который был тяжело ранен. За его выдачу была назначена награда в четыреста фунтов, по тем временам огромная сумма. В конце концов он нашел убежище в церкви, где его прооперировали два врача, ампутировав ему руку, пораженную гангреной. Образовалась цепочка людей доброй воли, которые передавали раненого ирландца с рук на руки, и он ни у кого не задерживался подолгу: ведь искушение получить награду было очень и очень велико, вот и опасались, что кто-нибудь из соседей выдаст бунтаря. В конце концов его приютила учительница мисс Дани, на которой он впоследствии женился. После объявления амнистии ирландец вернулся на прииск и был с радостью встречен горняками, которые собрали тысячу фунтов, чтобы их искалеченный предводитель мог найти подходящую работу. Некоторое время спустя Питер Лэйлор сделался депутатом парламента штата.

Его праправнук и тезка стал полицейским, отчего, полагают австралийцы, Питер Лэйлор переворачивается в гробу. Сам же полицейский, приступивший к службе в полиции штата Виктория в июне 1977 года, так не считает. Он охотно показывает гостям саблю своего предка: «Я думаю, — го-

ворит он, — старикан не слишком огорчается. Конечно, это ирония судьбы: предок боролся против системы в Юреке, а я теперь должен стать ее опорой. Но ведь вся прежняя система, включая полицию, была поражена коррупцией, чего не скажешь о нынешней».

В истории Австралии не раз случались стычки между рабочими и властями. В 1890 году в штате Виктория вспыхнули многочисленные забастовки. Правительство вызвало войска, которые должны были навести порядок. Полковник Том Прайс собрал в казармах тысячу солдат и обратился к ним с речью: «Солдаты! Одна из ваших обязанностей — защита отечества от внешнего врага. Но, кроме того, вы обязаны поддерживать порядок внутри страны. Сейчас вы должны выполнить именно эту вторую задачу. Я не сомневаюсь, что вы исполните свой долг... Возможно, вашей помощи не потребуется. Однако, если окажется, что она необходима, не пытайтесь обойтись полумерами. Каждый из вас получит по сорок патронов. И если будет дан приказ стрелять, ни одного карабина не должно быть поднято вверх. Стрелять понизу! Бить наповал!»

Председатель Высшего суда штата Виктория Джордж Хайгингботэм, который в 1854 году эмигрировал из Ирландии в Австралию, прославился в этом конфликте тем, что постоянно пополнял стачечный фонд денежными взносами. Письмо, которое было приложено к первому взносу, стало известно широким кругам общественности. «Председатель Высшего суда, — писал он, — выражает уважение председателю совета профсоюзов и просит доставить ему удовольствие, приняв в стачечный фонд прилагаемый чек на пятьдесят фунтов. В течение всего времени, которое профсоюзам придется ожидать переговоров с работодателями и удовлетворения своих обоснованных требований, председатель Высшего суда будет еженедельно высыпать на те же нужды по десять фунтов».

Периодические визиты королевской семьи в Австралию не всегда проходили под знаком демонстрации лояльности австралийцев по отношению к их метрополии. Так, на приеме, который состоялся в 1868 году в Сиднее под открытым небом, была совершена попытка покушения на жизнь Альфреда, герцога Эдинбургского. Покушавшийся оказался ирландцем и впоследствии был казнен. После покушения полиции были присвоены особые права: полицейские могли входить в любое частное жилье и производить обыск у подозрительных лиц. Для Австралии это было необычно.

По случаю визита королевы в Австралию национальный поэт Генри Лоусон (1867—1922) написал полную горечи поэму в прозе. В ней говорится, что наступают «царские времена» для властителей Австралии, которые никогда не были в буше и даже на карте не могут показать, где находятся их владения. «И вновь затрепещут на ветру флаги, и газеты будут захлебываться от радости. Чиновники, поэты напишут горы хвалебных произведений, но на пышных торжествах не будет тех, кто в действительности создавал Австралию...»

Однако выступления против монархии и ее администрации случались не только во время визитов высоких гостей. 17 февраля 1976 года в 16 часов 49 минут сэр Джон Керр, генерал-губернатор Австралии, остановился на красном ковре в холле парламента в Канберре, взял цилиндр, поправил галстук и вышел из здания. Перед собой он увидел толпы народа — примерно четверть из них шумно приветствовала его, а остальные громко кричали, размахивали транспарантами, выкрикивали оскорбления.

Генерал-губернатор только что обратился к парламенту с призывом, который был отрицательно воспринят всеми депутатами и сенаторами, принадлежащими к крылу Лейбористской партии. Приветствовал политиков Либеральной партии, независимых депутатов, а потом отправился на прием, устроенный в саду. Прошелся перед шеренгой почетных гостей. Теперь, хотя в его адрес сыпались оскорбления, он спокойно и с достоинством шествовал, то и дело останавливаясь, чтобы обменяться несколькими словами с солдатами, приподнимал цилиндр, салютуя знамени. Чуть позади генерал-губернатора следовала его супруга, леди Керр, с улыбкой, словно приклеенной к лицу, будто не слыша воплей толпы: «Эй вы, вам нужны солдаты, потому что очень скоро мы возьмем власть силой!» С противоположной стороны до нее доносились аплодисменты и приветственные крики. Генерал-губернатор шел все медленнее, как бы показывая толпе, что его ничуть не тревожат ее выпады, но был очень бледен.

Он вернулся на ступени, ведущие в здание парламента, и поднял руку в приветственном жесте. Толпа отвечала аплодисментами и воплями. Подкатил «роллс-ройс», губернатор в последний раз приподнял шляпу и уехал. Таково было начало деятельности вновь избранного парламента. Это был странный день — удивительная смесь фарса и драмы, которая надолго останется в памяти людей. Позднее, открывая заседание парламента, генерал-губернатор сказал: «Волеизъявление народа, проявленное при выборах в обе палаты

парламента, мое правительство понимает как требование покончить с самой тяжелой за последние сорок лет безработицей и с самой глубокой инфляцией в истории нашего народа». Его слова практически означали роспуск лейбористского правительства.

На прием, организованный в его честь в Мельбурне, генерал-губернатору пришлось пробираться через черный ход, так как демонстранты не дали ему пройти в парадные двери. Собравшиеся швыряли чем попало в машину губернатора, разбили заднее стекло, выбили дверцу, образовалась свалка, в которой перед самой машиной упала лошадь конного полицеяского. Машину забросали пакетами с краской, и под дождем она покрыла автомобиль желтыми потеками. Началась самая настоящая драка, в приглашенных на банкет летели тухлые яйца и пакеты с краской.

В Австралии никогда не было согласия относительно системы наград и отличий, которые жаловала гражданам королева по представлению премьер-министра. В настоящее время существует особый знак отличия — Орден Австралии. На ордене изображен стилизованный цветок австралийской акации на синем фоне, который говорит о том, что Австралия окружена океаном и что каждый австралиец или его предок прибыл сюда из дальних заморских стран.

Королевские отличия и награды принимались в штыки, особенно левыми группировками. Типичным примером может служить история Джона Эгертона, который был возведен в дворянство и получил титул «сэра». Узнав об этом, он сказал своим пораженным товарищам: «Ребята, называйте меня просто Джек». Этот мужчина богатырского сложения, весом в 114 килограммов, был главой профсоюзов штата Квинсленд и вице-председателем Лейбористской партии этого штата. Когда он согласился принять титул, поднялась буря протеста. Эгертон заявил, что титул ничего не изменит в его положении: «Я был слесарем, слесарем и умру».

Австралия богата удивительными историями о том, что делают с людьми бешеные деньги, добытые счастливчиками на золотых приисках. Некий Том Боттомли вернулся в родную Англию с огромным состоянием, сколоченным на приисках, и был убежден, что соотечественники будут без конца восхищаться им и оказывать ему знаки внимания. Между тем его восприняли как обычного гражданина. Том незамедлительно постарался продемонстрировать, как

он богат. Он отправился в Лондон и потребовал в ювелирном магазине самые дорогие часы. Спокойно заплатил очень высокую сумму и столь же спокойно на глазах изумленных продавцов и клиентов швырнул часы на пол и раздавил их, заявив: «Мне по крайней мере не придется то и дело открывать эту дрянь, чтобы узнавать время». Затем он с достоинством покинул магазин. Как он и предполагал, эта история тотчас стала известна всему Лондону и попала в газеты. Но это было только начало.

В своей резиденции он поместил свиней. Когда наступало время менять им подстилку, богач покупал самые дорогие матрацы, вспарывал их и устилал дорогим волосом помещения для свиней. Вот такими штуками Том Боттомли, миллионер, вернувшийся с австралийских приисков, удивлял английский люд. Добившись цели, нувориши взялся за новые выдумки. Зимой он приглашал гостей в свое имение и, когда огонь в камине начинал гаснуть, рубил великолепную мебель из черного дерева и кедра, бросая в топку обломки. Иногда в огонь летели изящные часы. Были еще и такие номера: Том покупал великолепные старые деревья и пускал их под топор или приказывал закапывать в землю огромное количество мяса...

У практичных и рассудительных англичан эти выходки не вызывали восторга, поэтому Боттомли придумал такой номер. Он потратил целое состояние, сделав одну из комнат своей резиденции «самым изящным будуаром Англии». Когда все было готово, он поместил в ней свинью. Газеты взахлеб повествовали о новой причуде богача из Австралии и гадали, что ему еще придет в голову. А он приказал зарезать свинью «в самом изящном будуаре Англии», так что все ковры, мебель, обивка оказались залиты кровью и уже ни на что не годились. Поэтому выдумщик приказал для завершения дела все изрубить. Золотоискатель достиг своей цели: англичане решили, что Австралия — невообразимо богатая страна, если даже полуумный может в короткое время сколотить огромное состояние.

С Британских островов в Австралию направлялся непрерывный поток иммигрантов, очарованных рассказами об огромных возможностях, которые открываются там перед предприимчивыми людьми.

А теперь хочу загадать читателю загадку. Что это такое: «Гордый великан, которому не страшны бури, владыка океана, который летит со скоростью птицы и везет на своей спине целую деревню»?

Так сиднейский журналист описывал первый пароход, привывший в Австралию из Англии. Его прибытие явилось поводом для всеобщего праздника, который продолжался всю ночь. В газетной заметке читаем: «В эту минуту, когда мы уже сдаем номер в печать, пылкие и неутомимые все еще празднуют. В связи с этим мы откладываем наш полный отчет о событии до завтра». Как я понимаю, заметку писал сам главный редактор, кляня своего репортера, основательно захмелевшего к тому времени и не успевшего на последнюю лошадь, отправлявшуюся от порта до редакции.

Этот пароход показался бы нам малюткой. Машина мощностью восемьдесят лошадиных сил, паруса на всякий случай не сняты, на борту всего двенадцать пассажиров. При этом пароход основательно вооружен: пушка на особом лафете, который позволяет стрелять в любом направлении, дальнобойное орудие, четыре бортовые пушки и, наконец, шесть кормовых пушек. Экипаж вооружен пистолетами, карабинами, топорами и специальными приспособлениями, направляющими струю пара из котла на нападающих. Ведь это было время, когда пираты в Китайском море и в районе современной Индонезии были истинным бичом мореплавания.

В бурю одного матроса смыло с палубы. Его пытались спасти, но все было напрасно. Во время этих попыток волна перехлестнула через палубу, залила машинное отделение и погасила топку. Можно вообразить, о чем перешептывались пассажиры: «Ох уж эти новомодные паровые машины — не выдерживают и нескольких горстей воды». Пароход зашел на день в Мельбурн, затем состоялся прощальный бал, и, в то время как господа офицеры отплясывали с приглашенными дамами, вооруженный вахтенный охранял трап, чтобы предупредить дезертирство матросов с корабля — ведь совсем близко находилась такая сладкая приманка, как недавно открытое месторождение золота. В Сидней пароход прибыл двумя днями позже. Все плавание длилось восемьдесят дней, тогда как парусник одолевал это расстояние примерно за сто девятнадцать дней.

На первый взгляд могло показаться, что огромный материк, привлекавший иммигрантов, — ничья земля, что лишь выходцы с Британских островов населяют бесхозные пространства, над которыми реял флаг Британского Содружества. Тем временем материк был заселен коренными жителями — австралийцами, и мы не можем обойти их вниманием в нашем рассказе.

Бульдозеры вторглись во Времена сновидений

Национальный праздник — День Австралии — оказался для Бурнам-Бурнама причиной грусти. Он внимательно смотрел спектакль, в котором разыгрывалась высадка первооткрывателя Батмана на австралийское побережье, где он нашел «славное местечко для деревни», которая известна в наше время как город Мельбурн. Говорят, что прапрапрадед Бурнам-Бурнама был среди очевидцев торжественного события — подписания капитаном договора с местными племенами, по которому они добровольно и навсегда отказались от своих земель. Бурнам-Бурнам принадлежит к людям племени дьяра.

Бурнам-Бурнам вдоволь наслушался воспоминаний о храбрости и подвигах первых поселенцев и грустно отметил: «Что-то не слыхать, чтобы в этот праздничный день кто-нибудь вспомнил о нас — коренных жителях. Белые люди добыли много богатств из земель моего племени. Они восхищаются красотой холмов и лесов, но, когда я попадаю оттуда в город и хожу по центральным улицам Мельбурна, они таращатся на меня с недоумением...» Бурнам-Бурнам называет «Великий воин». О его племени сохранились материальные свидетельства, которые находятся в мельбурнском музее.

С большой опаской — сумею ли — я приступаю к неизвестно трудной и сложной теме коренного населения Австралии — темнокожих австралийцев, которым эта земля принадлежала еще до появления белых в здешних краях.

Их происхождение точно не известно. Возможно, что австралоидная раса, к которой принадлежат аборигены, происходит с островов, расположенных к северу от Австралии. Это были охотники и собиратели. Вполне вероятно, что они продвигались как в северном направлении — на Малайские острова и в Индию, где до сих пор в труднодоступных районах сохранились их небольшие группы, так и в южном — на Новую Гвинею. Там они смешались с местными племенами и отправились дальше, к берегам Австралии. Именно в Австралии, оставаясь в течение многих веков в полной изоляции, племена сохранили свой расовый тип почти без изменений.

Один из австралийских ученых утверждает, что аборигены наверняка прибыли на материк с севера, потому что многие географические названия указывают на то, что та или иная местность впервые была увидена с северной стороны.

Племена передвигались по континенту вдоль береговой линии, переправляясь через врезавшиеся в материк реки. Представляется, что пришельцы находились на очень низком уровне развития, не знали лука и стрел, не владели гончарным мастерством, не приручали никаких животных, за исключением собаки динго. Новая земля оказалась не слишком гостеприимной. Австралия — материк чрезвычайно интересный для научных исследований, но он почти ничего не мог предложить племенам, и поэтому кажется чудом, что они сумели так рационально организовать свою жизнь.

Собранные из различных источников легенды и сведения об обычаях аборигенов были подвергнуты тщательному и критическому анализу. Однако источники, часто сомнительные, порой противоречивые, не дают точных указаний о том времени, когда человек появился в Австралии.

Точное число аборигенов в те или иные времена нам неизвестно — предполагают, что двести лет назад, когда на Австралийском материке было основано первое постоянное поселение европейцев, аборигенов насчитывалось не более трехсот тысяч. Трудно сказать, сколько столетий потребовалось аборигенам, чтобы достичь такой численности. Они полностью зависели от природных ресурсов, время от времени им в целях регулирования прироста населения, чтобы хватило воды и пищи, приходилось прибегать к таким мерам, как детоубийство и прерывание беременности. Они никогда не строили постоянных поселений. Жители многих районов спали под открытым небом. В холодные ночи разжигали небольшие костры, обогревались возле них. Некоторые племена собирали ветки и сооружали простейшие укрытия от ветра, которые были едва ли не примитивнее убежищ животных — предметов охоты аборигенов.

Однако не следует думать, что в жизни коренных австралийцев не было никаких элементов стабильности. Племена и внутриплеменные группы строго соблюдали территориальные границы. Существовали территории для охоты и для собирательства. Жители предусмотрительно соблюдали нечто вроде плодосмена. Если они истребляли на определенной территории животных, то использовали ее для сбора съедобных растений, охоту же запрещали, с тем чтобы животные могли спокойно размножаться.

Аборигены вели кочевую жизнь, не зная ни земледелия, ни скотоводства. Со временем они необычайно высоко развили способности в выслеживании животных, охоте, поисках воды.

В самых недоступных и негостеприимных местах умели найти все необходимое для жизни.

При подобном образе жизни их имущество было необыкновенно убогим. Учтем, что из-за непрерывных скитаний люди стремились свести до минимума число необходимых вещей, которые имели либо хозяйственное, либо культовое назначение. Они не носили никакой одежды, лишь время от времени набрасывая на себя какое-то подобие накидки из звериных шкур. Орудия труда у различных племен были разные, но были и общие для всех — такие, как бumerанг, копье, каменные топорики, палки-копалки, сети и, наконец, небольшие заостренные прутья для рыхления земли при поисках съедобных кореньев.

Оружие аборигенов свидетельствует о том, что они обладали достаточно высоким мастерством в изготовлении предметов из труднообрабатываемых материалов. Декоративный орнамент как на оружии, так и на вещах культового характера одинаков. Оружие могли изготавливать только мужчины, прошедшие через обряд посвящения, только они могли снабдить его необходимыми боевыми свойствами. Охотник употреблял такое оружие, которое направлялось тайными силами и потому попадало в цель. Само собой разумеется, что мясо, добытое таким оружием, употребляли в пищу лишь мужчины, также прошедшие обряд посвящения. Только они могли участвовать в обрядах, которые должны были обеспечить обилие дичи и благоприятную погоду.

При отправлении культов считалось, что можно было столкнуться с невидимыми существами из мира прошлого и даже настоящего и будущего. Старейшины¹ племени строго следили за соблюдением племенных тайн. В их руках был также контроль за выполнением целого свода правил племени. На первый взгляд может показаться, что аборигены свободно, без каких-либо ограничений странствовали по степям и пустыням. На самом же деле их жизнь была жестко ограничена разнообразными правилами и запретами в зависимости от степени родства, личных и социальных связей.

Постоянной обязанностью молодых и сильных было доставлять старым и слабым пропитание и другие средства жизнеобеспечения, например воду.

Очень важным событием аборигены считали смерть. Во

¹ В некоторых работах их называют «старшими мужчинами» (см., например: Бернхт Р.М., Бернхт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981, с. 268 и сл.).

время погребальной церемонии сжигали вещи, принадлежавшие покойному. Иногда церемония продолжалась по нескольку месяцев. Согласно обычаям, в любой смерти (кроме смерти в бою) был повинен кто-то из живых, выявить которого требовалось с помощью магических приемов. Например, обитатели юго-западной части Австралии определяли «убийцу» следующим образом. После серии обрядов усопшего помещали на платформу-возвышение, вдоль которой укладывали выкрашенные охрой камни. Каждый камень означал имя одного из подозреваемых. Через несколько дней под влиянием жары трупная жидкость начинала стекать на камни, смачивая прежде всего камень с именем «убийцы».

Аборигены совершали не только обряды, касавшиеся смерти и всего, что с ней связано. Было много обрядовых танцев, исполняемых только мужчинами; были танцы и песни — непременные элементы их повседневной жизни, когда мужчины и женщины собирались вместе вокруг костров, в шалаших из ветвей или в специально отведенных для этого местах.

К сожалению, древние племенные обряды постепенно забываются, но все же некоторые из них дошли до нас, в частности обряд «создания крокодилов», возможно один из древнейших обрядов, связанных с этим животным. Аборигены, населяющие берега реки Кендалл на полуострове Кейп-Йорк, уверяют, что с незапамятных времен умеют «создавать крокодила». Каждый юноша, достигший шестнадцатилетнего возраста, проходит через обряд посвящения в воины, в результате которого автоматически вступает в кровное братство с крокодилом. Обряд состоит, в частности, в том, что кто-либо из старейшин племени берет небольшую ящерицу, обливает кровью юноши и бросает ее в реку. По верованию, омытая кровью ящерица, попав в реку, вырастает до размеров крокодила. Теперь этот крокодил и юноша связаны кровным родством.

Тело старца — исполнителя действия — покрыто ритуальными шрамами, разрисовано в красные и белые полосы. В его ушах — украшения из зубов акулы и крокодила, на запястьях — браслеты из раковин. Голову венчает убор из ярких перьев попугая.

Аборигены, живущие по обоим берегам реки Кендалл, уверяют, что крокодилы, которые водятся в этой реке, их друзья, что-то вроде единокровных братьев и никогда на них не нападают. К этому можно отнести с некоторой долей иронии, но тем не менее хорошо известен

тот факт, что дети этого племени не только без страха плавают среди крокодилов, но и имеют обыкновение играть около них на берегу, когда те греются на солнце. В то же время представители других племен страдают от нападений крокодилов.

К таинственным обрядам относится и так называемая «наводка кости». Для этой цели, как правило, используется человеческая кость, но есть племена, которые употребляют кость кенгуру или просто заостренную палочку. Отправляющий ритуал должен соблюдать все меры предосторожности, чтобы избежать воздействия злых сил. В штате Южная Австралия тот, кто «наводит» кость, стоит так, чтобы за его спиной находилось солнце или луна, иначе его ждет неминуемая смерть. Впереди не должно быть никакого источника воды. Если к концу обряда у него начинаются конвульсии, значит, что-то не получилось. Тогда единственная возможность отогнать злого духа — прыгнуть в воду, держа кость в руке.

Во время ритуала человек принимает предписанную правилами позу, исполняет обрядовую песнь и внезапно бросает или направляет кость в сторону жертвы, которая может находиться в другом месте, даже в другом племени. По мнению аборигенов, это магическое действие необычайно эффективно: когда жертва узнает о совершившемся обряде, она рано или поздно умирает — столь велика сила убеждения.

Нельзя сказать, что все связанное с жизнью и обычаями аборигенов уже изучено и объяснено. Неясным остается еще очень многое, и, вероятно, многое не удастся выяснить никогда, потому что племенные старейшины уходят на всегда.

Одна из тайн, сохранившихся до нашего времени, — явление человека, называемого «курдайча». Это фигура, значение и суть которой до сих пор неясны: персонаж ли это культовой мифологии или просто убийца. Аборигены его панически боятся.

В 1978 году перепуганные аборигены из штата Квинсленд в страхе покинули свою стоянку, потому что разнеслась весть о приближении курдайчи. О нем известно, что он убивает намеченные жертвы и что, отправляясь в своесмертносное странствие, надевает особую обувь из перьев страуса эму, склеенных человеческой кровью. Предполагают, что такая обувь не оставляет следов. Однако полностью скрыть следы, особенно от здешних следопытов, в пустыне невоз-

можно. Несмотря на то что подошвы этой обуви имеют такую форму, при которой трудно определить, в какую сторону направляется курдайча, следопыты легко делают это по наклону стеблей травы или отброшенным ногами камешкам. Кто же носит такую обувь? Судя по скучным сведениям из числа племенных тайн, старейшины сами выбирают одного или нескольких людей, которые отправляются в карательные вылазки, чтобы осуществить убийство. Однако кого и за что необходимо уничтожить, нам неизвестно. Можно только предполагать, что эта санкция осуществляется лишь по отношению к тем, кто не сумел сохранить племенные тайны. Неоднократно наблюдали переполох среди значительных групп аборигенов, если они узнавали о приближении курдайчи.

По одним свидетельствам, когда он шествует во тьме, по ночам, его якобы окружает золотистое сияние. По другим, он несет светящиеся камни, и их свечение усиливается при подходе к жертве. Некоторые племена считают, что курдайча убивает жертву, но потом оживляет ее. И лишь спустя некоторое время (впрочем, довольно короткое) этот человек без видимой причины умирает.

Один полицейский утверждал, что если племя сообщает о появлении курдайчи, то вскоре в этих местах непременно совершается убийство. Известный знаток обычаев аборигенов начала нашего века профессор Спенсер рассказывает, что чернокожие австралийцы не признают естественной смерти — от старости или застарелой болезни.

В их понимании, смерть насыщается магической силой врага и по правилам межплеменных отношений смерть члена племени должна быть отмщена лишением жизни того, кто эту смерть накликал.

В 1955 году в суде города Элис-Спрингс слушалось дело двух аборигенов, которые убили третьего ударом топора по шее. Его похоронили в сидячей позе с подтянутыми к груди коленями. Могила была очень мелкая, поэтому тело без труда нашли.

Один из знатоков проблемы, тридцать лет проживший рядом с аборигенами, рассказывает, что в 1951 году сам был свидетелем того, как в одно племя явились люди, посланные для выполнения приговора. Позже из этого племени исчез человек, скорее всего тот самый, который был приговорен к смерти племенным судом. Его тело нашли несколько недель спустя. Избежать кары курдайчи можно только одним способом: бодрствовать ночью и спать днем.

Чернокожие австралийцы, населяющие пустыню, не могут быть слишком разборчивыми в еде. Они едят практически все: мясо кенгуру, мелких сумчатых, эму, ящериц, змей, даже ядовитых. Они большие любители крупных дождевых червей, которые обитают и на земле, и на деревьях. Их бросают в горячий пепел, где они слегка обжариваются. По вкусу блюдо похоже на как бы подслащенную яичницу. Известны случаи, когда путешественники, пересекавшие Австралийский материк, сохраняли жизнь только благодаря перечисленным лакомствам.

Аборигенам Центральной Австралии известно кустарниковое растение, из листьев и ветвей которого можно приготовить снадобье, имеющее действие наркотика. В прежние времена его употребляли перед сражением как возбуждающее средство. В небольших дозах оно помогало переносить напряжение битвы или дальнего перехода и позволяло обходиться очень малым количеством пищи. Большая же доза вызывала состояние опьянения.

Коренные жители Австралии — прекрасные рыболовы. Они посмеиваются над попытками белого поймать рыбу на удочку. Их методы намного эффективнее. Аборигены прекрасно владеют копьем и умеют передвигаться в воде, не поднимая на ней даже ряби. Войдя в воду по щиколотку, ловец замирает и стоит неподвижно, как статуя, держа наготове копье. Внезапно оно исчезает в воде и появляется на поверхности с трепещущей на острие рыбой. Племена, обитающие по берегам рек, во время прилива перегораживают их плотинами из камней. При отливе вода вытекает сквозь щели, а крупная рыба прибивается к камням. Этот метод особенно распространен на севере Австралии, где приливы бывают очень сильные. Аборигены обладают фантастической осведомленностью о местонахождении рыбы. Каждая волна, каждая морщинка на воде может им сказать, сколько в море рыбы и какая она.

С незапамятных времен австралийские аборигены помимо охоты живут собирательством на обширных пространствах степей и пустынь, и, кроме того, они непревзойденные подводные охотники, промышляют не только рыбой, но и водоплавающей птицей. Маскируя свои головы цветами и ветвями, они заплывают в середину стаи диких уток, добывая до двух десятков этих птиц.

Среди аборигенов Австралии встречалось немало недюжинных людей. Почетное место среди них занимает, например, защитник чернокожих Йаган. В одной из исторических

работ начала XIX века признаются его неоспоримые достоинства. А ведь это были времена, когда всеми заслугами наделяли только белых людей и когда колонисты не хотели признавать каких-либо выдающихся качеств за чернокожими обитателями Австралии.

Йаган показал такой пример храбрости и решительности, который мог бы сделать честь любому цивилизованному обществу. Сын вождя племени, он был грозой для белых пришельцев, удивительным примером мужества, ума, храбрости, энергии. Он превосходил людей своего племени как в физическом, так и в духовном плане, его боялись и уважали. Это он разжег пламя мятежа против колонистов в 1833 году.

Йаган очень рано испытал на себе унижения со стороны белых, которые за действительные или мнимые проступки заключили его в тюрьму. Там он убил охранника и бежал. При его участии начались многочисленные столкновения аборигенов с колонистами, которые часто заканчивались попытками примирения. Казалось, отношения вот-вот наладятся, особенно после того, как по инициативе Йагана был организован фестиваль аборигенного искусства, состоявшийся во владениях одного колониста.

Из Перта, столицы штата Западная Австралия, на фестиваль прибыл сам вице-губернатор. Он был поражен танцами чернокожих людей, изображавших охоту на кенгуру. С удивлением смотрел он на Йагана в роли распорядителя празднества, который, как утверждали очевидцы, держался с большим достоинством.

Однако никакие усилия не могли погасить конфликт. Напротив, стычки случались все чаще. Чернокожие нападали на стада, принадлежавшие белым поселенцам, поджигали траву, а однажды, после того как двое аборигенов погибли от рук белых, в полную силу развернулась акция отмщения. Рассказывают такой случай.

Один молодой человек с острова Тасмания ехал с приятелем на бричке в гости и в придорожном кустарнике заметил аборигенов. Со словами: «Ты только посмотри на этих мерзавцев! Сейчас я покажу тебе, как надо с ними поступать!» — он застрелил одного из спокойно стоявших аборигенов.

Месть ожидала белых на том самом месте, где был убит несчастный абориген, после чего губернатор назначил очень высокую награду за поимку Йагана живым или мертвым. Йаган с еще двумя аборигенами были объявлены вне закона. Поселенцы и солдаты организовали планомерное прочесыва-

ние буша, надеясь, что Йаган, стремясь разыскать в буше своих жен и детей, непременно попадет в их руки. В течение многих месяцев он уходил от преследования, хотя и не покидал местности, где были развернуты поиски. Он наблюдал из своих укрытий, как группы карателей прочесывают окрестности. Очевидец рассказывает, как однажды преследователи подобрались к самому убежищу аборигенов, но «пернатые стражники австралийского буша предупредили чернокожих о приближающейся опасности, в небо с оглушительными криками взвилась стая какаду и стремительно скрылась вдали. Аборигены бежали, и каратели были вынуждены вернуться ни с чем».

Йаган отваживался навещать колонистов, которые не знали его в лицо и не могли быть ему опасны. Однажды группа колонистов окружила аборигена, игравшего с пятилетним сыном. Увидев, что ему угрожает опасность, мужчина стал звать на помощь Йагана. В мгновение ока у него отобрали копье и схватили вместе с малышом. По мнению колонистов, он участвовал в убийстве поселенца, а также в нападениях на скот. Со схваченным аборигеном церемонились недолго. Вскоре ему вынесли смертный приговор, который и был оглашен перед зданием тюрьмы в Перте в присутствии вице-губернатора и его совета. Ребенка же отвезли на шхуну, стоявшую неподалеку. Увидев приготовления к казни, узник попытался убежать, но это ему не удалось — его связали, надели на глаза повязку, и взвод добровольцев из шестьдесят третьего полка по знаку вице-губернатора выполнил приговор.

Местная газета не удержалась от критики в адрес публики, собравшейся посмотреть на казнь. «Во всеуслышание мы выражаем свое недовольство происходящим. Следовало бы воздержаться от громкого выражения радости ввиду важности и глубокой серьезности события, ввиду того что человек, хотя и черный, уходит в мир иной».

Ободренные соответствующими правительственными постановлениями, поселенцы сами принялись чинить «правый» суд. Чаще всего жертвами самосуда становились абсолютно невинные люди. Дело дошло до того, что губернатору пришлось напоминать гражданам, что чернокожее население — тоже поданные Его Величества и подлежат охране закона. Часто расправы были результатом простого недоразумения — ведь аборигены большей частью не знали языка, стороны не понимали друг друга.

В атмосфере всеобщей тревоги и напряжения то и дело слу-

чались трагические ошибки. Один из поселенцев в воспоминаниях пишет о встрече с Йаганом: «Йаган вышел вперед, положил левую руку на мое плечо и, жестикулируя правой, произнес речь, внимательно глядя мне в глаза. Мне очень жаль, что я не мог понять его слова и лишь по тону догадывался, о чем он говорит: „Вы приехали в нашу страну, прогнали нас с наших земель и мешаете нам заниматься своими делами. Когда мы кочуем по нашей стране, белые люди стреляют в нас. Почему белые люди так плохо с нами поступают?“» И дальше автор говорит, что эта речь напомнила ему сцену из греческой трагедии. Соплеменники обступили Йагана и стали спрашивать его, что он, приговоренный к смерти, собирается делать дальше. Йаган ответил: «Черный человек убьет трех белых». Он ни на минуту не расставался с острым копьем, опасаясь измены, и все время был начеку, не позволяя европейцам окружать его со всех сторон и всегда стараясь стоять так, чтобы между ним и его противниками находились братья по племени. Поселенец, автор этих воспоминаний, опасался упреков общественности за то, что не попытался схватить Йагана, поэтому он дал интервью газете и предупредил, что чернокожие намерены мстить и что надо быть наготове, потому что Йаган вездесущ. «Его слова — не пустая угроза. Он действительно лишит жизни трех белых, чтобы отомстить за казнь одного черного».

Вдовы казненного в Перте аборигена и его дети в трауре бродили по бушу. Их лица были разрисованы белой и красной краской в знак траура. Некоторые утверждают, что на месте казни присутствовал сам Йаган. Так это или нет, неизвестно.

Говорят, что Йаган узнал о предстоящей казни от белого поселенца, но собирался он мстить или нет, никто не знал, тем не менее колонистами были приняты чрезвычайные меры предосторожности, так как никто не сомневался, что Йаган намерен выполнить свою угрозу.

Двоих британцев, братья Уильям и Джеймс Китс, решили покончить с Йаганом раз и навсегда, немалую роль в этом решении сыграло желание получить обещанную награду. Уильяму было восемнадцать, а Джеймсу едва исполнилось тринадцать лет.

Братья узнали, что Йаган появился на территории хозяйства, в котором они были работниками. Ему надо было достать немного муки. Получив муку, он пригласил обоих юношей к себе разделить с ним скромную трапезу. Уильям поставил на боевой взвод охотничье ружье и надел его через

плечо. Придя на стоянку аборигенов, он почти в упор выстрелил Йагану в голову. Выстрел оказался смертельным. После короткого замешательства аборигены схватили копья.

Братья бросились бежать. Уильяма поймали на берегу реки. Джеймс, бежавший в другом направлении, оглянулся и увидел, что аборигены со всех сторон окружили брата и вонзают в него копья. Мальчик побежал за помощью, а аборигены скрылись в буше. Группа поселенцев, которая вскоре прибыла на место, нашла растерзанное тело Уильяма Китса. Неподалеку лежал убитый им Йаган, другой абориген был ранен в голову и еще подавал признаки жизни. Один из прибывших, как сказано в воспоминаниях об этом событии, «избавил его от страданий». Колонисты забрали голову Йагана и вырезали участки кожи на его теле, на которых видны были знаки его племени. Потом их высушили, и они долгие годы хранились в качестве сувениров. Джеймс Китс получил обещанную награду, но по совету окружающих покинул колонию, опасаясь возмездия.

«Убийство Йагана, — писал один местный журналист, — было диким и предательским поступком, который вовсе нельзя назвать ни геройским, ни даже мужественным, как воображают некоторые. Этот несчастный чернокожий пострадал за свою храбрость. Он оставил на нас клеймо позора, которое сможет вытравить только время. Какие отвратительные уроки дали мы дикарю! Это мы научили его действовать против нас исподтишка, предательски, за что его сами же и осуждаем. Это мы довели его до того, что он не признавал за нами ни наших физических, ни моральных преимуществ. Я не помню случая, чтобы аборигены злоупотребляли нашим доверием, когда мы встречались с ними в буше. Поэтому происшедшее событие достойно глубочайшего сожаления, ибо оно, как нам кажется, закрыло кратчайший путь к истинной дружбе, разрушив взаимное доверие. Не забудьте, что Йаган был убит после того, как целое утро провел в обществе застрелившего его юноши, который убил Йагана в тот момент, когда он собирался разделить с ним свой скромный завтрак и уже вложил кусок хлеба в руку... Мы не защищаем человека, объявленного вне закона, но считаем оскорбительным трактовать это убийство как поступок, достойный похвалы. Это была безрассудная выходка молокососа, и мы решительно выступаем против того, чтобы считать это примером для будущих поколений».

Его называли Черным Наполеоном или Черным Спартаком, но наиболее известное его прозвище — Москито. Родом он был с острова Тасмания, хотя некоторые говорят, что из Австралии, из окрестностей Сиднея, а на Тасманию был сослан и поначалу помогал полиции вылавливать беглых каторжников, чем вызвал к себе ненависть. Впоследствии Москито ушел в буш и стал вождем. Жизнь в буше была бы для него вполне спокойной, если бы не частые набеги колонистов, похищавших женщин его племени.

Перед судом он предстал вместе с тасманцем по кличке Черный Джек. Москито был знаком с обычаями поселенцев. Но их язык и законы знал плохо. Черный Джек вообще не знал языка, кроме нескольких непристойных ругательств... Их схватили во время так называемой черной войны на Тасмании и, как это ни удивительно, предали «суду для военнонопленных». Оба понятия не имели, в чем они виноваты, почему их дважды в день сажают на скамью подсудимых в зале, где на них глазеют незнакомые люди. После целой серии судебных заседаний 24 февраля 1821 года Москито был казнен.

В разговоре со стражником Москито сказал:

— Повесить некорошо для черный парень.

Стражник удивился:

— Это почему же? Почему то, что хорошо для белого человека, плохо для черного?

На что Москито ответил:

— Для белого это есть хорошо, потому что он к этому привыкал.

Эти слова многократно цитировались в качестве доказательства глупости чернокожих. Однако, как замечают некоторые комментаторы, в них заключено глубокое понимание возмездия как такового. Кара должна иметь целью устрашение, а не месть. Казнь же не могла служить устрашением для тех, у кого были совершенно иные представления о справедливости и кто не понимал, за что его казнят.

На заре колонизации Австралийского континента аборигенов жестоко наказывали за преступления, сути которых они не способны были понять. На ломаном английском языке они протестовали против несправедливых приговоров. Очевидец рассказывает, что, когда, по обычаям тех времен, на место наказания однажды явился священник, чтобы перед поркой дать последние наставления заблудшему, приговоренный сказал ему: «Что-нибудь одно — или порка, или проповедь. И то и другое — нельзя».

Одним из наиболее ярких впечатлений в Австралии оказалось для меня посещение Оэнпелли — небольшого поселка в западной части полуострова Арнемленд (штат Северная территория). Население поселка состоит из нескольких сотен аборигенов и нескольких миссионеров. Оэнпелли известен тем, что неподалеку от него находятся пещеры со знаменитыми «рентгеновскими рисунками», на которых древние художники изображали кенгуру и других животных, как на рентгеновском снимке, то есть вырисовывали скелет и все важнейшие внутренние органы — сердце, печень, почки и т.д. Однако, несмотря на эту достопримечательность, приезжают сюда крайне редко — лишь немногие решаются пролететь из Дарвина путь в полтысячи километров через пустыню.

Поездка в Оэнпелли была для меня интересной не только знаменитыми пещерами, но и тем, что именно здесь, в этом поселке, я столкнулся с одной из важных проблем австралийского общества, касающихся взаимоотношений аборигенов и белых, в частности применения закона «белой Австралии» к аборигенам. Здесь, в Оэнпелли, я был свидетелем первого в истории этого поселка суда белых над преступившими закон аборигенами. Мне довелось увидеть первую в этих местах выездную сессию суда. Под деревом манго расположился белый судья Лоуренс Керкмен, рядом с ним — адвокат, полицейские и присяжные-aborигены в качестве консультантов по местным проблемам. Тридцать два обвиняемых и внимательно следившая за происходящим публика разместились прямо на земле на корточках.

Первым перед судьей предстал Рональд Дирди, преступление которого состояло в том, что он принес на территорию резервации водку. Адвокат из Отдела юридической помощи аборигенам перечислил смягчающие вину обстоятельства. В результате Дирди был приговорен к тридцати долларам штрафа. Объявляя приговор, судья заметил: «Это наказание значительно мягче, чем обычно бывает за подобные нарушения. Суд решил проявить снисходительность только потому, что наша сессия — первая в вашем поселке».

Дело в том, что остальные нарушения, главным образом драки, преднамеренная порча имущества и т.д., почти все были совершены на почве пьянства. Свою назидательную речь на сессии судья закончил словами: «Несмотря на прелест здешних мест, я предпочел бы навещать вас как можно реже».

Итак, суд белого человека свершился, закон белого человека достиг отдаленного поселка Оэнпелли. Однако в какой мере обвиняемые и публика уразумели букву закона, рож-

денного под хмурым небом далеких островов, неизвестно. Сочтут ли они эти поступки позорными и достойными наказания с точки зрения племенных правил и традиций — вот в чем вопрос.

Например, в другом случае и в другом месте, на противоположном конце материка, в штате Южная Австралия, четыреста аборигенов племени яранди, в особенности старейшины, были безмерно удивлены решением суда, вынесенным по делу одного их соплеменника. На суде он подтвердил, что ударил по голове женщину (отчего она скончалась) за то, что та произнесла заклинания, сопровождавшие обряды, которые могут совершать и видеть только мужчины, то есть за то, что женщина нарушила один из важнейших запретов племени. С точки зрения соплеменников, он поступил правильно, но по закону Австралии он был убийца. Однако в этом случае, так же как и в описанном выше, суд проявил снисхождение к аборигену, которое выражалось в том, что предоставил право наказания виновного его соплеменникам. Отправляя аборигена к месту его проживания, судья сказал: «Тебе придется целый год выполнять все приказы старейшины племени. Тебе нельзя пить ни капли спиртного без особого разрешения».

По обычаям аборигенов, когда провинившийся вынужденно возвращается в племя, его накзывают тремя ударами копья в бедро. Иногда наказание может быть более мягким. После возвращения убийцы в племя родственник погибшей женщины исполнил приговор по закону племени, а старейшина отправил раненого в больницу ближайшей миссии, где ему была оказана необходимая помощь. Рана была неопасной, и наказанный вскоре выздоровел.

Вокруг этого дела развернулась бурная дискуссия, дошло даже до запроса в парламенте. Насколько правомерно судить аборигена уголовным судом за преступление, совершенное против законов племени; насколько правомерно отдавать аборигена на суд племени, если он с точки зрения закона австралийского государства уголовно наказуем; насколько правомерно после исполнения приговора австралийского суда отправлять преступника в племя, где он подвергается наказанию вторично уже по законам племени, — таковы были основные вопросы дискуссии.

Мнения разошлись. Так, профессор Штрелов, который посвятил свою жизнь изучению культуры аборигенов, а также их положения в стране белых австралийцев, заявил, что в государстве может существовать только один закон. В современной действительности Австралии — это закон Британ-

ской империи, закон белого человека. Племенные законы родились в то время, когда старейшины обладали всей полнотой власти, а члены племени строго соблюдали обычай. Колонизация страны европейцами, полагает профессор, привела к тому, что весь образ жизни аборигенов подвергся разрушению, многие традиции забылись. В наше время осталось очень мало аборигенов, воспитанных старейшинами в законах племени, большая часть коренного населения в той или иной мере усвоила образ жизни европейского населения страны. Поэтому ученый видит серьезную опасность в применении племенных законов к аборигенам, нарушившим как законы европейцев, так и племенные законы, ибо, считает профессор Штрелов, «в основе преступлений часто лежат весьма прозаические мотивы, да еще подмоченные водкой...». Однако с мнением ученого согласны далеко не все, проблема остается не решенной до сих пор.

Кто же он такой, этот человек, проживший долгое время среди аборигенов и скончавшийся в 1978 году? Профессор Штрелов — сын пастора, немецкого миссионера, посвятившего жизнь обращению аборигенов в христианство.

Более ста лет назад из Германии в Австралию приезжали не только в поисках заработка. Были среди приезжих и миссионеры. Двое из них, преподобные Шварц и Кемпе, в 1875 году отправились в путь через пустыню, впряженные в тележку с самыми необходимыми вещами. Шли они двадцать месяцев. В самом сердце пустыни, на территории племени аранда, Шварц и Кемпе основали миссию, которой дали название Германнсбург в честь их семинарии на севере Германии. Задачей миссии было распространение христианства среди аборигенов.

Перенесемся в менее отдаленные времена — в 1922 год. В Германнсбурге уже много лет насаждает цивилизацию и несет слово божие пастор Штрелов. Однако он болен, тяжело страдает водянкой, болезнью, которая в тропиках протекает особенно остро. А ведь в Германнсбурге столбик термометра никогда не опускается ниже сорока градусов. Пастора необходимо отвезти в больницу. Семья Штрелов нагружает свой скромный скарб на телегу, кладет на узлы больного, и возок трогается в путь через пустыню. Пастору приходится крепко держаться за края телеги, которая кренится то на одну, то на другую сторону, особенно когда передвигается по высохшим руслам рек или взирается по песчаным дюнам. Всю дорогу странники поют псалмы и возносят молитвы.

На восьмой день тяжкого путешествия пастор Штрелов

запрещает распевать псалмы. Он дышит с огромным трудом, кажется, вот-вот задохнется. Наконец пастор произносит: «Боже, боже, я столько сделал для тебя, а что ты уготовил мне?» — и последним усилием отшвыривает Библию на кучу ящиков, наваленную в телеге. Двумя днями позже пастор покидает этот мир. Здесь же его хоронят 20 октября 1922 года.

По обычаям буша, он завещал каждому из своих друзей по бутылке виски, а жене наказал вернуться в Германию. Однако сын его, Теодор, хорошо запомнил слова своей чернокожей няни, взрастившей его с малых лет, которую звали Черная Маргарита. Расставаясь с ним, она прижала его к груди и сказала: «Теодор, помни, ты не только белый мальчик — ты жил среди нас, значит, ты один из нас. Ты — аранда. Иди в школу белых людей. Но потом возвращайся, потому что ты принадлежишь нашему народу». Дело в том, что Теодор был единственным белым ребенком в Германнсбурге. Мальчик рос и воспитывался среди детей племени аранда и на их языке говорил так же свободно, как на немецком или английском. Ночами просиживал на стоянках у костра, наблюдая, как товарищи его забав готовятся к жестокому ритуалу обрезания, посредством которого их посвящали в ранг воинов и мужчин. Его ровесники клали себе на руки и на ноги раскаленные угли и держали их до тех пор, пока они не остывали. Так они учились молча переносить боль. Дружба Теодора Штрелова с аборигенами привела к тому, что местные европейцы говорили о нем: «Да, у него белая кожа, но думает он как чернокожий, как аранда».

Белый аранда Теодор Штрелов все же не исполнил последнюю волю отца. Вместо того чтобы ехать учиться в Германию, он отправился в Аделаиду, столицу штата Южная Австралия. Там он окончил среднюю школу, а затем получил учченую степень по специальности английская литература. Однако Штрелов не сделался книжным червем, не закопался в пыли библиотек, а вернулся к племени, вернулся в пустыню. Его считали специалистом высшего класса, единственным знатоком племени аранда. В течение почти пятидесяти лет он систематически совершал экспедиции в пустыню для изучения и последующего описания обычаяев своих черных друзей, которые продолжали жизнь людей каменного века. Он заслужил их доверие, что со временем позволило ему не только детально изучить разнообразные обычай племен, но и увидеть, а также сфотографировать то, что никогда не видел ни один европеец. В 1932—1935 годах он преодолел на верблю-

де путь в семь тысяч пятьсот километров. Его не раз считали погибшим. В одной из своих записей Теодор Штрелов вспоминает: «Сон никак не приходил. Полуживой от жажды и страха, я лежал, не в силах заснуть, и в безмолвии пустыни слышал биение своего пульса. Ясно отдавал себе отчет, что если завтра мы не найдем источника воды, то следующая ночь уже не застанет меня в живых».

Название «аранда» охватывает группу связанных родством племен, ведущих кочевой образ жизни в районе Элис-Спрингс, в Центральной Австралии. По приблизительной оценке, в двадцатых годах племя насчитывало около пяти тысяч человек.

Штрелов писал: «Когда я возвратился в племя, люди стали внимательно наблюдать за мной, стараясь определить, можно ли и впредь доверять мне. Потом они доверили мне секреты своих отцов. Они сочли, что я достоин быть их голосом, который будет говорить даже после их смерти. Голосом, который расскажет о своеобразной культуре аранда. А ведь эта культура, уже тогда начавшая гибнуть, сейчас мертва». Штрелова особенно интересовали верования и мифы о связях, соединявших людей аранда с их божествами или по крайней мере с предками, которых они тоже обожествляли. Их оказалось так много, что рядовой аранда был не в состоянии всех перечислить.

Аранда пользовались приемами колдовства, чтобы заставить природу доставлять им пищу и воду, веря, что заклинаниями или кровавой жертвой можно склонить божества послать на землю сочную траву вместо выжженной солнцем и молодых животных вместо погибших.

По представлениям аранда, их предки жили в мифических Временах сновидений. Когда кто-нибудь из них умирал, дух умершего продолжал жить в образе кенгуру, эму или другого животного. Хотя он был невидим, но, в понимании аранда, совершенно реален.

Дух мог принять также облик дерева, растения, скалы или копья. Каждый аранда знал, от какого обожествленного существа или предмета (тотема) происходят его предки. Тотем участвует в магических обрядах, к нему обращаются с просьбами о помощи. В обрядах принимают участие исключительно мужчины, все детали обряда соблюдаются скрупулезно, а приготовления к нему часто продолжаются в течение всего дня.

Проводя многие годы среди аборигенов, Штрелов имел возможность наблюдать, как коренные жители Австралии,

изгнанные белыми поселенцами из своих охотничьих угодий, населенных, по их представлениям, духами предков, потеряв эти священные для них земли, постепенно утрачивали и веру как в своих божественных предков, так и в магические обряды, тем более что на каждом шагу убеждались в простой истине: белые, ничего не давая своим божествам, получают от них все — и воду и пищу. Утратив связь с живой и живительной природой, аборигены утратили волю к жизни.

О важности магических обрядов для племени свидетельствуют те наказания, которые полагались за нарушение обычая «Кто нарушил ритуал, — пишет Штрелов, — допустил ошибку в обряде или опоздал к началу, карался смертью ударом копья. Женщины и дети, которым удалось подсмотреть обрядовое действие, — тоже. Лишался права на жизнь и тот, кто указал место, где хранились предметы культа».

Аранда не знали железа, не умели ткать и обрабатывать землю, но даже в самом сердце пустыни умели находить воду. Их нивой была вся природа, на которой они без устали трудились. Мужчины занимались охотой и совершали обряды, направленные на то, чтобы снискать благосклонность божеств. Женщины собирали ягоды, съедобные коренья и травы, растили детей. В периоды засухи, иногда продолжавшиеся годами, племена перекочевывали в горы, где еще сохранялись источники воды.

Двадцать томов описаний, дюжины магнитофонных лент, десять тысяч фотографий и девять тысяч метров цветной пленки сохранили около ста различных обрядов, свыше четырех тысяч песен и легенд. Таков вклад Теодора Штрелова в науку об аборигенах Австралии.

Однако он был не единственным белым человеком, который посвятил жизнь коренным жителям страны и принял близко к сердцу их беды. Миссис Дэйзи Бэйтс, некогда украшение ирландского общества, почти полвека прожила в палатке в пустынной, лишенной воды местности с названием Никогда-Никогда. Она сама выбрала для себя эту миссию и была примером безграничной самоотверженности в служении аборигенам, пребывавшим на уровне каменного века. Дэйзи Бэйтс боролась с проказой и туберкулезом, искореняла алкоголизм и еще существовавший в то время каннибализм.

Она охотилась на кенгуру и эму, ловила ящериц, стараясь накормить голодных, хоронила умерших. Благодаря ей удалось предотвратить многие убийства, избежать не одно кровопролитие, не одну межплеменную войну. А ведь когда-то она была веселой и кокетливой девушкой, кружила головы

молодым людям Дублина и Лондона. Теперь же белые поселенцы — гонители аборигенов обходили стороной районы, на которые распространялась «власть» миссис Бейтс.

Аборигены, питавшие к ней безграничное доверие, дали ей племенное имя — Каббарли, что означает «повитуха». Чернокожие австралийцы чтили ее как воплощение «духовхранителя», прибывшего из древних Времен сновидений, где когда-то, по их глубокому убеждению, жили все люди.

Дэйзи жила в собственной палатке, соорудив вокруг нее нечто вроде изгороди, за которую ни один чернокожий даже не пытался войти, считая это место табу. К людям она выходила всегда безупречно одетая, словно сошедшая со страниц романа о викторианской эпохе. Дэйзи никогда не расставалась с черным зонтиком, всегда была затянута в корсет из китового уса — шла ли она много километров, чтобы набрать кувшин воды из отдаленного источника, участвуя в обрядах или же приветствуя членов королевской семьи, которые, посещая Австралию, всегда стремились увидеться с этой необыкновенной женщиной.

Одним из гостей был принц Уэльский, навестивший ее в 1920 году, когда Бейтс расположилась лагерем в окрестностях Улдеа, небольшой станции трансконтинентальной железной дороги на границе штатов Западная и Южная Австралия.

Дэйзи Бейтс родилась в 1860 году, рано осиротела и была воспитана одной английской супружеской парой, получив самое хорошее образование, которое могли дать ей приемные родители. Она путешествовала по Европе, входила в избранное общество, была очень красивой, образованной, остроумной и приветливой девушкой. «Я была очень влюбчива, — вспоминает она о своем девичестве. — Разумеется, ничего такого, серьезного. Просто свидание, потом флирт, а потом — разлука, возможно навсегда. Это было прекрасно». Когда ей исполнилось двадцать три года, возникло подозрение, что у нее начинается туберкулез, поэтому приемные родители решили отослать ее в солнечную Австралию. Там действительно здоровье Дэйзи поправилось, и, кроме того, она вскоре нашла себе мужа. Им стал богатый землевладелец Джек Бейтс.

Однако брак оказался неудачным. Жизнь на огромной ферме среди многочисленных стад скота наснула образованной женщине, привыкшей к изысканному обществу и поклонению. Через несколько лет после замужества на свет появился сын, но это не спасло брак. Поскольку роды были очень тяжелые, супруги решили, что второго ребенка

заводить рискованно. Дэйзи получила полную свободу и стала путешествовать по Австралии, навещая друзей. В возрасте тридцати четырех лет миссис Бейтс окончательно порвала с мужем и вернулась в Англию. Она оказалась в Лондоне буквально без гроша, но ей удалось убедить главного редактора почтенного и влиятельного ежемесячника позволить ей попробовать силы в журналистике. В скором времени благодаря своему живому образному перу Дэйзи стала одной из наиболее популярных и высокооплачиваемых журналисток. Прошло еще пять лет. Почтенная лондонская «Таймс» искала репортера, согласного отправиться в Австралию, откуда стали доходить тревожные вести о преследованиях чернокожих жителей европейскими колонистами.

Миссис Бейтс решила, что это отличная возможность повидаться с сыном. Она была интересной тридцативосьмилетней женщиной, когда по поручению лондонской «Таймс» занялась изучением австралийских аборигенов. Поначалу ее репортажи не подтверждали слухов о жестокостях колонистов, однако подчеркивали трудности, от которых страдали аборигены, пытавшиеся приспособиться к наступавшей на них со всех сторон цивилизации. Интерес миссис Бейтс к проблемам аборигенов возрастал день ото дня. Она наняла лошадь с повозкой, стала совершать поездки в глубь пустыни, с каждым разом все дальше и дальше, так что в течение полугода проехала в общей сложности более трех тысяч километров и прекрасно овладела несколькими десятками аборигенских диалектов.

Наконец она сама могла выслушивать аборигенов, обращавшихся к ней со своими заботами. Вместе с ними Дэйзи разбивала стоянки, продолжая одеваться в платья от лучшего портного. На побережье Западной Австралии в течение некоторого времени она встречалась с испанскими монахами. Как-то аббат сказал ей: «Миссис Бейтс, самое главное — познать их. Когда вы их познаете, то поймете, а поняв, полюбите».

Для начала Дэйзи Бейтс поняла, что у нее есть цель. Необходимые репортажи для «Таймс» были написаны, и она начала подумывать, не остаться ли ей в Австралии еще на некоторое время, а тут пришло известие о кончине мужа, который оставил ей огромную ферму.

Новая владелица принялась за хозяйство, но быстро пришла к выводу, что животноводство не ее призвание. В 1901 году она продала имение и поместила деньги в банк, считая, что смогла бы помочь аборигенам, нуждавшимся в

поддержке. Затем миссис Бэйтс отправилась к портному и за- казала «платья для буша». Было сшито шесть синих фланелевых костюмов, два твидовых и сверх того черное пальто. Пятьдесят лет спустя миссис Бэйтс носила точно такую же одежду. Она любила повторять, что даже в пустыне, в стране Никогда-Никогда ее гардероб всегда в полном порядке, поскольку она «овладела тайной правильного складывания одежды».

Дэйзи Бэйтс начала свои поездки от одной стоянки аборигенов к другой, раздавая им одежду, лекарства и продукты. Она заботилась о своих подопечных, готовила им пищу, провожала по пустыне слепых, а ночью сидела в шалашах аборигенов и рассказывала им о всевозможных вещах так, как рассказывают малым детям, чтобы убаюкать их. Несколько лет спустя из банка сообщили, что ее счет исчерпан и она практически осталась без гроша. В 1904 году Дэйзи поселилась в самом центре пустыни Налларбор. Ее известность среди аборигенов была уже так широка, что люди приезжали со всех концов Австралии, чтобы увидеться с ней. Она была посвящена в самые тайные обряды племен, более того — была первой женщиной в истории, ставшей «братьем по крови». Говорят, что она могла успокоить самых кровожадных воинов так, словно они были маленькими непослушными детьми. Дэйзи Бэйтс никогда не вела миссионерской деятельности, считая, что аборигены не в состоянии понять дух христианства. Когда аборигена охватывал предсмертный страх, она брала его руку и спокойно произносила: «Когда я оставлю тебя, ты окажешься в доме Отца моего. Он позаботится о тебе...»

Дэйзи была первым человеком, который взял на себя заботы о тяжелобольных и стариках, учил их обслуживать самих себя. Обычно племена бросали их, оставляя на верную смерть.

Однако на закупку новых лекарств и продуктов нужны были деньги, и Бэйтс возобновила журналистскую деятельность, чтобы подработать. В 1919 году она приехала в Улдеа, как раз туда, где позднее ее навестил принц Уэльский. Здесь у нее были примитивная палатка, старая керосиновая лампа и сооружение в виде ванны. Питалась она той же пищей, что и ее подопечные, правда, запивала ее чаем. В 1935 году Бэйтс вернулась в цивилизованный мир с ящиками, наполненными бесценными записями, — результат многолетних исследований обычаяв племен. Часть ее записей была опубликована в Лондоне уже перед самой войной.

В 1940 году в возрасте восьмидесяти лет Дэйзи Бэйтс снова поселилась среди аборигенов и работала до тех пор, пока ей позволило здоровье. На сей раз она получала денежную дотацию от государства до конца дней своих, а скончалась она в 1951 году; миссис Бэйтс занималась тем, что приводила в порядок свои записи, которые составляли девяносто четыре объемистых тома. В настоящее время они хранятся в Национальной библиотеке Австралии и являются неисчерпаемым источником для этнографов и антропологов.

Каково же положение аборигенов в настоящее время? Оно различно в разных штатах Австралийского Союза. Думаю, только в глубине материка можно встретить аборигенов, которые крайне редко сталкиваются с белыми людьми и все еще кочуют нагишом по территории своего племени. В большинстве мест, особенно вблизи городов, многие из коренных жителей вступают почти ежедневно в контакт с европейцами, но племенные обычаи продолжают оказывать на них гораздо большее влияние, чем цивилизация белых людей.

Австралийское правительство щедро субсидирует христианские миссии, действующие среди аборигенов с неодинаковым успехом. Со временем миссионеры пришли к выводу, что религия должна быть лишь дополнением к разносторонней программе обучения людей, пытающихся изменить вековой образ жизни.

Любопытна история католического епископа Дарвина, ныне покойного доктора Фрэнсиса Хавьера Гзеля. В народе его называли «епископом, у которого сто пятьдесят жен». В 1906 году он стал пастырем огромной епархии и сразу же окунулся в борьбу с магией, знахарством и жестокостью на островке Батерст. Он с ужасом наблюдал, как живьем закапывают нежеланных детей и стариков, как во время церемонии посвящения подростков заставляют пить человеческую кровь. Кстати, случалось, что многие недели человеческая кровь становилась единственной пищей людей.

Знахарей «епископ» одолел с помощью аспирина, так как смог доказать, что некоторые болезни быстрее и лучше лечатся маленькой белой таблеткой, чем перегрызанием пациентам вен, как это делают колдуны-знахари.

По древним племенным законам этого острова все женщины становились женами старейшин племен. Некоторые из них имели по десяти жен и более. При таком положении вещей молодым людям приходилось обходиться без женщин. В луч-

шем случае они наследовали вдов своих умерших братьев или более дальних родственников. Существовал обычай выдавать молодых женщин за стариков, а старых женщин — за юношей. Такие супружеские пары назывались «май-ноябрь». Предполагают, что этот обычай служил своеобразным регулятором прироста населения на острове, где ресурсы жизнеобеспечения были ограничены. Однако на деле он оказался убийственным для племени, в котором воспроизведение было равным почти нулю.

В 1927 году произошло знаменательное событие. Десятилетняя девочка имела дерзость воспротивиться этому обычаям. Сколько помнили себя люди, ни у одной женщины племени не спрашивали согласия на брак. Ее просто выдавали замуж за мужчину, выбранного старейшинами. А эта девочка взбунтовалась и убежала. Подобные поступки всегда кончались одинаково: беглянку (или беглеца) убивали, причем убийство сопровождалось специальным ритуалом.

Однако эта девочка спаслась и показала другим женщинам дорогу к спасению. Преследуемая вооруженными воинами, она во весь дух помчалась через буш в миссию, всю ночь напролет прониралась через кустарник, густо покрывавший окрестные холмы. За ней неслись разъяренные, жаждущие крови соплеменники, но девочке удалось скрыться в доме доктора Гзелля. Когда он появился на веранде, преследователи потребовали выдачи девочки. Он отказался сделать это. Все его призывы к разуму не подействовали: старик, которому была предназначена девочка, начал плясать танец смерти. Это означало, что он готовится совершить ритуальное убийство. В соответствии с племенным обычаем епископ тоже считался нарушителем закона. Танец воинов свидетельствовал о том, что они готовятся пронзить доктора копьями.

Но доктор Гзелль знал, как успокоить аборигенов. Он принес со склада муку, табак, топоры и другие нужные для них вещи, разложив все это перед воинами и предложив им честный торг: он готов выкупить девочку у того, кому она была предназначена. Воины вернулись на свои стоянки и до самого утра с завистью рассказывали о старике, который получил такие сокровища за самую обыкновенную девчонку.

Так «епископ» купил первую жену. В течение восемнадцати лет он выкупил сто пятьдесят молодых девушек и выдал их замуж за юношей, приезжавших в миссию. Обезлюдение острова было приостановлено.

Я посетил не одну такую миссию и многое узнал от

миссионеров, в частности, что дети аборигенов, как правило, поддаются обучению значительно быстрее, чем дети европейцев, и легче усваивают знания, проявляя большие способности.

Миссионеры лютеранской миссии в Германнсбурге рассказывали мне, что местные дети совсем не боятся европейцев и проявляют немалый интерес к наукам. Однако при обучении необходим особый, осторожный подход. Так, маленького аборигена не следует обучать рисунку, так как это может нарушить его восприятие мира, основанное на племенной традиции. Ему просто надо дать все необходимое для рисования и полную свободу действий. Символика детских рисунков обычно непонятна европейцам, смысл абстракций скрыт от их сознания, но аборигены воспринимают его с легкостью и любят рассматривать рисунки своих детей.

Местные дети обладают абсолютным слухом, совершенной музыкальной памятью и чувством ритма, так что, однажды услышав любую мелодию, даже достаточно сложную, они безошибочно могут ее воспроизвести.

Одним словом, создается впечатление, что аборигены без труда могли бы войти в европейское общество и стать его активными членами, имея они соответствующее образование. И надо сказать, со временем их возможности к образованию увеличиваются.

Аборигены всегда с готовностью контактировали с европейцами. Двухсотлетняя история Австралии, история белого человека, сохранила для нас имена отважных аборигенов, самоотверженно помогавших европейцам в деле освоения материка и показавших примеры преданной службы и нерушимой верности. Старые документы отмечают, что старейшины по отношению к властям проявляли лояльность, «держались при всех обстоятельствах безупречно, выше всяких похвал».

Пример преданной службы явил собой поступок проводника-aborигена Якки-Якки. Путешественники одной экспедиции 1848 года, возглавляемой Эдмундом Кеннеди, направлялись к морскому побережью, где их поджидал корабль, на котором они должны были вернуться в цивилизованный мир. Внезапно на них напало племя, по территории которого проходил их путь, и всех перебило. Якки-Якки оказался свидетелем гибели десяти из тринадцати членов экспедиции. Когда ударами нескольких копий Кеннеди был тяжело ранен, проводник, рискуя жизнью, пытался его спасти, но безуспешно. Тогда Якки-Якки собрал все материалы экспедиции

и добрался с ними до корабля. Таким образом абориген спас для науки бесценные записки исследователя.

Сержант полиции Фернелл всю жизнь проработал с аборигенами и даже имел племенное имя — Тилпи (в переводе «тот, который кое-что значит»). Он говорил, что его подопечные почти никогда не доставляли ему неприятностей: «Старейшины племени всегда соглашаются с приговором, вынесенным судом. Если приговор оправдательный, не было случая, чтобы они наказали соплеменника. В моей практике такого не было. Наоборот, частенько племя устраивает пир в честь вернувшегося блудного сына».

Я не случайно обратился к правовому аспекту взаимоотношений аборигенов и европейцев. Похоже, с помощью суда присяжных и судей в белых париках аборигены неплохо ознакомились с правосудием. Во всяком случае, настолько, что не смущаются выступать против гигантов промышленности, эксплуатирующих природные богатства Австралии, обвиняя их в нарушении покоя священных мест, установленных традицией и почитаемых с незапамятных времен. Так, есть одно место, которое легенды населили гаинственными и грозными силами и за сохранение которого выступают аборигены, поскольку ему грозит опасность: здесь найдена урановая руда, и одна фирма уже вложила тринадцать миллионов в предприятие по переработке урана. Теперь и эта фирма, и аборигены с беспокойством наблюдают за развитием событий.

Положение аборигенов оставляет желать лучшего. Пятьдесят пять процентов чернокожего населения живет в бедности, а многие из них терпят крайнюю нужду. Аборигены — неблагополучная в смысле здоровья социальная группа австралийского общества. В некоторых районах они болеют в четыре раза чаще, чем европейцы, особенно страдая от глазных болезней, а также от гельминтов; нередки среди них психические расстройства. Больше половины мужчин находится в запущенной стадии алкоголизма. Каждый третий ребенок имеет серьезную патологию. Несмотря на все это, на здравоохранение темнокожих жителей страны отпускаются мизерные суммы.

Тем не менее аборигены решительно протестуют против той политики планирования семьи, которую навязывают им белые. Об этом писал на страницах медицинского журнала доктор Макс Камье, преподаватель университета и врач, практиковавший три года среди аборигенов северо-западных районов штата Новый Южный Уэльс. Число детей, по их

понятиям, свидетельствует о мужской силе отца. Мужчины, у которых мало детей, подвергаются постоянным насмешкам.

Проблема алкоголизма среди аборигенов настолько серьезна, что стала предметом обсуждения в парламенте. Некоторые его члены выразили мнение, что она вполне разрешима при условии, если рассматривать аборигенов как человеческие существа, которые потому и прибегают к спиртному, что им ничего больше не остается делать. Если бы общество обеспечило им подобающие условия жизни и дало возможность почувствовать, что они могут приносить ему пользу, многие из них наверняка перестали бы заглядывать в бутылку. В окрестностях города Элис-Спрингс для эксперимента собрали шестьдесят аборигенов-алкоголиков и дали им работу. Даже после тяжелого рабочего дня ни один из них не пошел в кабак.

Существует еще одна очень серьезная проблема — это аборигены и природа. Ее изучает профессор Гарри Мессель. Аборигены, непревзойденные охотники и рыболовы, всегда жили в согласии с природой, были ее неотъемлемой частью. Охотники передвигались по необъятным пространствам либо пешком, либо по воде на лодках, выдолбленных из цельного ствола дерева. Их главным оружием были копья и гарпун. Племена все время переходили с одного места на другое. Людям было свойственно чувство необходимости сохранения природной среды. Но все это осталось в прошлом.

Субсидии, выделяемые аборигенам, расходуются не лучшим образом: значительная часть идет на спиртное, другая на то, чтобы предельно облегчить жизнь. Копья заменены двустрелками и карабинами — оружием большой убойной силы, гарпуны — нейлоновыми рыболовными сетями, пироги — быстроходными моторными лодками, а также вездеходами.

Все это убийственно повлияло на экологию. Началось уничтожение животного мира. Большинство австралийских граждан все еще не отдают себе в этом отчета и спокойно взирают на массовое истребление зверей, птиц, рыбы...

Полуостров Арнемленд — обширная территория на севере Австралии, издревле населенная уникальными представителями фауны, — сейчас находится в крайней опасности. Здесь промышляют несколько тысяч аборигенов, которые справедливо считаются лучшими охотниками в мире. Трудно вообразить, какой урон всему живому могут нанести эти охотники,

руководимые бизнесменами, стремящимися поставить охоту на деловую основу.

Полное уничтожение животного мира не за горами, считает Мессель, иллюстрируя эти слова рассказом о собственных наблюдениях, сделанных в период, когда он руководил специальной программой исследований территории Арнемленда и, кроме того, изучал жизнь крокодилов. Раньше в Австралии обитали миллионы крокодилов, теперь популяции этого животного нанесен значительный урон, осталось каких-нибудь несколько тысяч экземпляров: ведь крокодиловая кожа ценится очень высоко. Гребнистый крокодил (*Crocodilus porosus*), обитающий в солоноватой и соленой воде, это реликтовое животное Австралии, изучение которого позволяет более узнать прошлое и понять настоящее животного мира, теперь бездумно и варварски истребляется. Европейцы всегда пользовались помощью аборигенов в охоте на крокодилов, и никто никогда не возражал против этой охоты, равно как и против какой-либо другой. Широко известные правила, касающиеся охоты, почему-то на аборигенов не распространяются, а пользуются этим дельцы, видящие в охоте источник прибыли. Продавать можно все — рыбу, черепах, эму. Стреляют любую птицу, любого зверя. Территории, некогда богатые зверем, превращаются в пустыню. Раньше плыть по реке, изобилующей рыбой и водоплавающей птицей, было одно удовольствие. Сейчас ведется массовый отлов рыбы всех разновидностей, причем к аборигенам прикомандировывают экспертов-профессионалов, словно для истребления всего живого недостаточно охотничьих способностей местного населения. Никакая массовая ловля в устьях рек не бывает столь гибельной, как лов рыбы в верховьях, где она обычно собирается на нерест. Такая ловля дает единовременную выгоду, миллионные доходы, но впоследствии за это расточительство придется заплатить дорогой ценой.

Белые люди добились страшного результата: аборигены утратили врожденное чувство необходимости сохранения природной среды. Теперь абориген убивает не то, что ему необходимо, а то, что увидит и может убить. Свои рассуждения ученый заканчивает словами, полными горькой иронии: известно, что белые истребили значительную часть аборигенов на севере страны и пожали свою кровавую жатву. Теперь белые помогают аборигенам уничтожать рыб и зверя, и очень скоро темнокожие пожнут то, что посеяли белые.

Что же произошло, когда мощные бульдозеры вторглись

во Времена сновидений? Из иллюминатора самолета можно было отлично видеть огромные просторы полуострова Кейп-Йорк, северной оконечности Австралийского материка, Уэйпу, крошечный поселок, расположенный в полном безлюдье, — единственное свидетельство присутствия человека на пространстве большем, чем территория некоторых европейских государств. Эта часть Австралии, опаленная солнцем, кишащая докучливыми насекомыми, отрезанная не только от всего мира, но даже и от своего материка, красива и интересна для европейца только из окна самолета. Жить здесь всегда было очень трудно. И все же аборигены племени викмункан уже тридцать тысяч лет устраивали здесь свои стоянки.

В шестидесяти милях от Уэйпы три небольшие речушки образуют что-то вроде дельты. Здесь-то и поселились люди племени викмункан, вернее, его остатки. На языке племени этот уголок природы называется «место, где течет много вод». Люди племени рослы и красивы, по внешнему виду несколько напоминают меланезийцев. Издавна им принадлежали обширные пространства в глубине материка и на побережье.

Забытые в других местах мифы, обряды, поверья, древние обычаи племени, семейные традиции, а также язык здесь живы еще и сейчас, несмотря на то что контакты с обществом белых людей существовали уже долгое время.

Аборигены продолжали жить тем, что могли взять у земли и у моря, передавали из поколения в поколение свои легенды, заботились о том, чтобы женщина не узнала племенных тайн, а молодежь была послушна старикам. Именно этот край с его священными деревьями, скалами и пещерами — основа бытия их племени. Однако теперь старейшины глубоко озабочены тем, надолго ли удастся сохранить это положение и что станет с их культурой. Основания к подобным размышлениям достаточно серьезны. Дело в том, что красные скалы, на которые обратили внимание еще португальские мореходы, прибывшие к побережью полуострова Кейп-Йорк в 1623 году, представляют собой богатейшее месторождение бокситов. Красные земли, извечные владения племени викмункан, насыщены лучшим сырьем для производства алюминия. Племя в буквальном смысле слова сидит на бокситах. Расчеты показывают, что запасов сырья хватит не менее чем на двести лет.

Уже к концу семидесятых годов добыча бокситов достигла десяти миллионов тонн в год. Сюда съехались представители крупных американских и голландских концернов, фран-

цузских фирм. Этот край стал крупнейшим в Австралии центром горнодобывающей промышленности. Шоссе, железная дорога, огромные предприятия по переработке сырья, терриконы выработанной земли, стволы поваленных деревьев — Уэйла из глухого поселка превращается в крупный город. Коренные жители, которым прежде принадлежали окрестности Уэйлы, живут теперь в домах на окраине города белых. Они утратили свое лицо, превратились в мелких ремесленников, среди них распространился алкоголизм, у них нарушился семейный уклад, исчезли особые, присущие только им гордость и достоинство.

Остальных людей племени викмункан ожидает та же судьба. Они были вынуждены покинуть свои охотничьи угодья, забросить рыболовство. Они всерьез задумались о своем будущем, которое полно тревоги. Еще недавно племя жило в полной изоляции от мира белых, так как в места их расположения вела очень скверная, вся в рытвинах, дорога, по которой нельзя было проехать. Связь с внешним миром поддерживалась с помощью старенького радиопередатчика да самолетов, совершивших туда редкие рейсы. Именно изоляция помогла проживавшим там аборигенам сохранить традиционный уклад жизни, и они не хотят, чтобы он был нарушен. «Мы имеем право на свою землю. Здесь мы родились. Наши деды и деды наших дедов ходили по этой земле. Все, что здесь есть, — наше», — сказал мне старейшина племени. Ему вторила босоногая девчонка с веселыми глазами: «Я женщина этих мест. Я не желаю другой жизни. У нас своя жизнь, у вас — своя. Так думаю я, так думают люди нашего племени».

Люди племени викмункан обеспокоены. Что станет с их священными местами? Какую пользу из развития горнодобывающей промышленности извлечет темнокожий народ? И они направили премьеру федерального правительства послание, которое подписало большинство людей племени, некоторые поставили «подпись» в виде отпечатков пальцев. В ответ федеральное правительство заявило, что аборигены имеют право сами решать свою судьбу.

Это была не первая жалоба аборигенов, проживающих в штате Квинсленд. В конце семидесятых годов он являлся единственным штатом Австралийского Союза, который отказался признать право аборигенов на землю. Правительство штата держит их в резервациях, и они ограничены в свободе передвижения. Там даже введен полицейский час: существует предписание, чтобы дома аборигенов были открыты настежь

для любого, кто пожелает в них войти; есть специальные правила, регулирующие употребление спиртных напитков, пива. Идейный вдохновитель дискриминационной политики — премьер правительства штата Квинсленд Иоганнес Б. Петерсен, по происхождению датчанин, а по прозвищу «Премьер Джо», который постоянно воюет с федеральным правительством, прежде всего по вопросам, касающимся аборигенов. Несмотря на то что наглость и диктаторские наclонности премьера общеизвестны, его ловкость и опытность в политике говорят о том, что он собирается бороться до конца.

Но вернемся к проблемам племени викмункан. Было замечено, что на побережье Квинсленда появились колдуны, мери-мери, которые известны способностью насылать несчастья. Их видели неподалеку от стоянки племени викмункан, они приплыли на пирогах, выдолбленных из цельного ствола. Может быть, для того, чтобы проклясть «Премьера Джо»?

Некоторые теоретики считают, что аборигены могут много выиграть от развития горнодобывающей промышленности, однако, развивая ее и поднимая материальное положение коренных жителей, нельзя забывать об их душе. Например, надо довести до сознания каждого рабочего, что если он свалил дерево, то, по понятиям аборигенов, убил существо, имеющее душу, то есть, уничтожив дерево, он сгубил душу. Любопытно, что местные миссионеры понимают это. Один из них, кстати первый в Австралии католический священник — абориген, принявший сан сравнительно недавно, говорит, что считать земли племен обыкновенной пустыней то же самое, что приравнивать храм Святого Петра в Риме к хлеву. «Земля — основа бытия аборигенов, — продолжает он. — Это — место, на котором живут, оно состоит из деревьев, песка, неба, облаков, рек, ветра... и духа, который сотворил все это, — духа, создавшего и каждого человека... Эта земля — не только основа физического бытия, но и духовный источник жизни. При взгляде на нее рождаются легенды, которые потом передаются из поколения в поколение».

Теперь перенесемся на противоположный конец великого материка, чтобы услышать печальную и в высшей степени романтическую повесть. Двоих людей, изгнанных племенем, десятки лет прожили в абсолютном одиночестве в необычайно тяжелых условиях пустыни Гибсона в штате Западная Австралия. Они не только последние представители своего

племени, но и, возможно, вообще последние из австралийских аборигенов, которые продолжали вести образ жизни своих предков. Непрерывная засуха, продолжавшаяся три года, едва не погубила их. Почти умирающих, этих людей нашли в пустыне, и их история стала известна всем. Ее поведал миру доктор Билл Писли, экспедиция которого обнаружила этих аборигенов в пустыне.

Экспедиция отправилась в пустыню Гибсона в 1976 году, достигнув ее центральных районов. Однажды исследователи заметили одинокую фигуру, медленно двигавшуюся в восточном направлении. Оказалось, это был совершенно нагой мужчина; в одной руке он держал копье, в другой — кусочек дерева. Такие кусочки тысячи лет служили аборигенам для получения огня. Именно этим и занимался мужчина: он поджигал сухую траву и был так поглощен своим занятием, что не заметил приближавшихся к нему людей. Вокруг него вздымались к небу столбы дыма, а каждый его шаг был отмечен вспышками пламени от занимавшихся пучков травы.

Доктор подумал: вот один из людей племени мандидльяра, жителей западной части пустыни Гибсона, сохранивших уклад своих предков. Они остаются вдали от поселений, вдали от стоянок и резерваций, опекаемых миссиями. Последние настоящие кочевники, они не знают мира белого человека. Не знают спиртного, мрачных поселений аборигенов на окраинах поселков белых, о стрессах своих темнокожих соплеменников, сопутствующих как их попыткам ассимилироваться с чуждым окружением, так и попыткам обособиться от него. Главное в жизни этих кочевников — беспрерывная борьба с пустыней.

Многие дни экспедиция видела вокруг себя вселявшую отчаяние картину песчаных холмов с пучками иссохшей травы. Люди были поражены выносливостью темнокожего жителя, его охотничим искусством и собирательским талантом, которые позволили ему и его племени десятки тысяч лет прожить в этой враждебной среде. Если погода им благоприятствовала, они жили в достатке, даже там, где белого человека ждала бы неизбежная смерть. Неужели этот черный мужчина был совершенно один в этой бескрайней пустыне? Или с ним была его женщина? В таком случае почему же эти двое остались здесь, на своих племенных землях в сердце пустыни Гибсона?

Суровые земли, на востоке которых находится озеро с многозначительным названием Дисаппойнтмент (Разочарование), на западе — Большая Песчаная пустыня, представляют

собой огромную холмистую равнину. Когда-то пустыня Гибсона была населена множеством племен, говоривших на одном языке.

Теперь в этом kraю совершенно безлюдно и тихо. Живописные группы австралийцев уже не меряют пустынные пространства шагами, переходя от родника к роднику. Уже не видно столбов дыма, которые прежде поднимались в небо, когда аборигены выжигали сухую траву. Уже некому заботиться о том, чтобы примитивные колодцы не обваливались, а небольшие роднички не засыпало землей и они могли служить и человеку и зверю. Все это кануло в прошлое. Сейчас трудно поверить, что здесь тысячелетиями жили люди. Народ не оставил своей письменной истории, она запечатлена лишь в мифах и легендах, рассказывающих о священных местах, о необычайно сложных социальных связях, да и то лишь в памяти старейшин — историков своего народа, которые с остатками племен живут на окраинах поселков. Когда же они навсегда уйдут во Времена сновидений, почти целиком исчезнет богатый фольклор жителей пустыни.

С первых шагов истории белого человека на Австралийском материке возникло постепенное движение аборигенов к поселкам пришельцев. Теперь остались лишь небольшие изолированные районы, где еще можно вести традиционный образ жизни, не нарушающий воздействием извне. Одним из таких районов до сравнительно недавнего времени была пустыня Гибсона. Еще до второй мировой войны здесь жили по законам предков. Однако уже в конце сороковых годов аборигены стали покидать пустыню, и спустя буквально несколько лет там осталась небольшая группа людей, которые уже не в состоянии были жить по прежним законам племени. Их было так мало, что они не могли совершать некоторые важные обряды, например обряд вызывания дождя в засушливое время или обряды, которые призваны обеспечить быстрое размножение диких животных.

И вот экспедиция доктора Писли заметила в пустыне однокого кочевника. По возвращении в поселок Уилуна, откуда исследователи начали свой поход, они рассказали старейшинам об удивительной встрече. После долгого обсуждения старейшины пришли к выводу, что это мог быть только Варри, их соплеменник. С ним должна была находиться его женщина — Ятунгка.

Когда и прежде нелегкая жизнь в пустыне Гибсона стала совсем невыносимой, остатки племени, обитавшие там, покинули ее. В пустыне остались лишь двое — Варри Киянгу и

его женщина. В молодости они нарушили закон племени, определявший, какую женщину мужчина может взять в жены. Варри взял ту, которая ему больше всех пришлась по сердцу. По закону племени он и его возлюбленная были наказаны изгнанием, после чего им пришлось покинуть племя и одним скитаться в страшной пустыне.

С того дня, когда люди племени последний раз видели их в пустыне, прошло много лет. Началась великая засуха. Родники иссякли, птицы и животные либо покинули места своего обитания, либо погибли. Старейшины понимали, что тем двоим становится все труднее жить. Каждую каплю воды им надо было буквально выкапывать из недр высокой земли, делая глубокие ямы, а в поисках пищи или ягод совершают длиннейшие переходы. Засуха затянулась, старейшины все озабоченное взглядывались в небо, но оно не обещало дождя. Когда они узнали от доктора Писли о двух аборигенах, живущих в пустыне, их охватила надежда на то, что эту пару удастся спасти. В 1977 году экспедиция стала готовиться ко второму этапу исследований, и один из путешественников приехал в Уилуну. Узнав об этом, старейшины обратились к нему с просьбой разыскать в пустыне двух отшельников. «Потом будет слишком поздно, — сказали старики племени мандильяра. — Сейчас — последняя возможность застать в живых одинокую пару». Экспедиция изменила свои первоначальные планы и решила заняться поисками аборигенов, направившись на север от Уилуны. С ними пошел проводник по имени Мадьюон, который сопровождал их в предыдущем походе. Отличный знаток племенных традиций, Мадьюон был не только стражем обычая своего народа, но и идеальным спутником. Когда-то очень давно, еще в молодые годы, он и пропавший теперь Варри вместе странствовали по пустыне. Именно поэтому старейшины поручили ему отыскать Варри и Ятунгку.

Через две недели марша по пустыне группа достигла гряды невысоких холмов, где, по предположениям, должны были находиться одинокие скитальцы. За весь переход не было найдено ни одного свидетельства пребывания людей, но неподалеку от Ката-Ката экспедиция наткнулась на участок выжженной травы — знак недавнего пребывания здесь аборигенов. Однако Мадьюон счел, что они проходили там давно, а он умел читать следы, которые оставляет в пустыне не только люди, но и звери. Соплеменники, сказал проводник, были здесь, может быть, год назад, а может быть, и раньше.

Лишь у источника Валлогубол Мадьюон впервые заметил

следы пребывания человека. По его мнению, Варри и Ятунгка устраивали здесь стоянку — виднелись следы от костра и остатки примитивного прикрытия от ветра из травы и ветвей. Несмотря на отчаянные попытки, несчастные, как видно, не нашли здесь достаточного количества воды и были вынуждены брести дальше. Следы вели на север. Рассматривая их, Мадьюон сообщал, что и люди и сопровождающие их собаки (они приручили диких собак динго) находились в стадии крайнего истощения.

Это и многое другое действительно можно прочитать по следам, имея за спиной тысячелетний опыт предшествующих поколений. Кстати, во время моего путешествия по Австралии я сам стал однажды объектом специально организованного поиска. Чернокожий полицейский, шедший по моему следу, определил мой вес и рост, с какой скоростью я передвигался, насколько устал. Перевернутый под ногой камень отличается от других по цвету, но этого не заметят те, кто утратил связь с природой, и заметит идущий через пустыню абориген.

На следующую ночь после того как были обнаружены следы, в лагерь экспедиции забрела исхудавшая собака динго. Мадьюон с уверенностью воскликнул, что это одна из собак кочевников и что их уже нет в живых, потому что аборигены любят своих собак и никогда не бросают их.

Утром он разжег огромный костер, от которого поднялся к небу высокий столб дыма. Последний отчаянный зов старому другу... Но сколько они ни ждали, ответного сигнала не последовало.

Однако экспедиция продолжала свой путь, продвигаясь от источника к источнику, и везде следы говорили об одном и том же: скитальцы искали воду и шли дальше, когда высыхал источник. Мадьюона спросили, есть ли в этих краях хоть один невысыхающий источник, и тот ответил, что был один, очень старый источник — Каринарри, к которому устремлялось племя, когда наступали по-настоящему тяжелые времена. Мадьюон знал, что там всегда находили воду, но это было давно, когда, по его словам, в племени были люди, которые умели вызывать дождь. Теперь, когда нет никого, кто владел бы этим искусством, источник, может быть, пересох.

До Каринарри было далеко. Но если бы они отказались от дальнейших поисков, то судьба двух людей навсегда осталась бы неизвестной. И экспедиция продолжала путь. Мадьюон то и дело принимался жечь траву, хотя и не был уверен, что когда-нибудь увидит друга молодости. Тем не менее он вни-

матально осматривал окрестности с вершин холмов и однажды в полдень внезапно закричал и стал показывать на север.

Вдалеке над холмами он увидел тонкую струйку дыма. Значит, кто-то все-таки пережил страшную засуху и одолел трудный путь к Каринарри. В эту ночь Мадьюн не отходил от костра. В его рассказах ожили счастливые дни молодости, когда они с Варри ходили на охоту. У всех проснулась надежда, что завтра экспедиция найдет скитальцев.

На рассвете путешественники снова тронулись в путь, и спустя три часа они, как и в первый раз, увидели однокую фигуру. Мадьюн поспешил вперед, чтобы приветствовать старого друга. Варри был в плачевном состоянии. Исхудавший, покрытый шрамами, лишайми, струпьями. На голове вмятина, очевидно от удара, с трудом передвигается, хромая на правую ногу и опираясь на копье. Он сообщил Мадьюну, что его женщина жива, она отправилась на поиски кустарника, плоды которого вот уже несколько недель были их единственной пищей. Жилищем скитальцев служило примитивное укрытие из ветвей, где находилось несколько копий, две деревянные миски, длинная палка для разгребания земли и старая консервная банка — все их имущество. У них не было никакой одежды, ночью они грелись у небольших костров, поддерживая постоянно огонь. Согревали их и собаки, укладываясь спать рядом с ними. Ятунгка вернулась после полудня, неся деревянную миску с ягодами. С ней шли их тощие собаки динго, но, почувствовав запах чужих, немедленно скрылись в буше. Вид у Ятунгки был не менее ужасен, чем у Варри. Правда, она была моложе и сохранила небольшой запас сил, дававший ей возможность заниматься собирательством и даже спускаться почти на самое дно пересохших колодцев, чтобы зачерпнуть остатки протухшей воды. Похоже, что Варри выжил только благодаря усилиям Ятунгки.

Оба они понимали, что не выживут, если не будет дождя. Источник Каринарри, до которого эти люди с таким трудом добрались, почти совсем высох. От Каринарри дорога вела в никуда.

Хотят ли они оставаться в пустыне? Без колебаний они ответили, что хотели бы идти с экспедицией на юг, к близким. Они уже немолодые, устали, ослабли и жить в пустыне без помощи своих людей не могут. В Каринарри их ждет неизбежная и скорая гибель.

Когда Варри и Ятунгка вернулись с экспедицией в Уилуну, все с радостью встретили их. Скитальцев приветствовали

близкие и друзья. Старейшины дали понять, что их грехи забыты, и радовались вместе со всеми. Наказания не будет, не будет ритуального пронзения копьем. Никогда больше не прогонят их племя, никогда не оттолкнет.

Постепенно они пришли в себя, залечили раны, но какая-то тревога не покидала их. Они не могли понять того странного мира, в который попали на склоне лет. Не понимали, что стало с их племенем. До сознания этих людей не доходило, что прежняя социальная система племени распалась, что законы, которые прежде старейшины так ревностно охраняли и которым безоговорочно подчинялась молодежь, теперь ни во что не ставятся. Они с ужасом наблюдали разрушительное действие водки, утрату чувства собственного достоинства этими некогда гордыми людьми. И, как это ни странно, они тосковали по пустыне, в которой чуть не погибли. Это была их страна, их тело и их душа, потому что они появились на свет благодаря силам духов, населяющих земли их племени, и после смерти уйдут в страну этих духов. И, понимая, что не могут вернуться к той жизни, которую вели прежде, ибо в пустыне старым и больным людям должны помогать молодые, здоровые и сильные, Варри и Ятунгка теперь постоянно грустили.

Старейшины племени бессильно взирали на то, как власть уходит из их рук, как прежние законы действительно теряют силу и сами они становятся брезвильными свидетелями разложения и гибели их сообщества. Им хотелось бы вернуться на земли своего племени вместе с Варри и Ятунгкой, разбить лагерь в пустыне Гибсона, вдали от поселений, продолжить жизнь предков и возродить прежнюю любовь к своей земле. Однако они знали, что все это сон, мечта. И тем не менее эта мечта вливала в них новые силы, когда они сидели ночью вокруг костра. Они даже послали министру по проблемам аборигенов петицию, в которой просили вырыть колодец в пустыне. Если их обеспечат водой, они вернутся в родные места, и, возможно, вместе с ними вернется туда и пара влюбленных, чтобы прожить там остаток жизни. С самого начала пребывание этой пары в Уилуне вызывало у людей племени сомнения. «Кто знает, — сказал глава местных аборигенов, — может, им лучше было бы умереть в пустыне и вернуться во Времена сновидений?»

В связи с этой не совсем обычной историей напрашивается вопрос: есть ли где-нибудь в мире еще место, где бы каменный век так тесно соприкасался с цивилизацией реактивных самолетов?

Сэр Дуглас Николлс начал свою трудовую жизнь подметальщиком улиц в Аделаиде. Потом он достиг успеха в спорте. Поступил в вечернюю школу, научился читать и писать, затем стал пастором. В возрасте шестидесяти девяти лет в 1976 году сделался губернатором штата Южная Австралия. Это назначение вызвало много волнений в высших кругах общества. Элегантные дамы заявляли, что никогда не сделают реверанса перед новым губернатором. Дело в том, что в штате, девяносто девять процентов населения которого составляют европейцы, губернатором стал абориген. К тому же штат Южная Австралия всегда отличался консервативными традициями. До недавних пор губернаторы прибывали из Англии. До Николлса королева доверила эту должность одному из крупнейших австралийских ученых, и он был вторым австралийцем, который в этом штате исполнял функции губернатора. Прежде чем поселиться в губернаторском дворце, новый глава штата отправился в поездку по землям своего племени. Он заявил, что хочет еще раз увидеть места, где его великие предки садились за торжественную трапезу, состоявшую из их любимого лакомства — собой разновидности дождевых червей. Это заявление губернатора его окружение восприняло неоднозначно. В конце концов кто-то, не лишенный чувства юмора, воскликнул: «Какая разница, что есть — дождевых червей или устриц!»

Назначение было, несомненно, идеей премьер-министра Австралии Дона Данстена, бывшего министра по делам аборигенов, — человека непримиримых взглядов, известного тем, что выделял огромные суммы на фестивали искусств в Аделаиде, участники которых съезжались со всех концов света. Он стал известен также распоряжением считать шорты и гольфы в жаркое время года допустимой одеждой во всех учреждениях, включая парламент.

Когда королева утвердила назначение Дугласа Николлса губернатором, в его дом явилась группа работников телевидения. Вопрос о том, как было встречено его назначение в высших сферах, привел Николлса в ярость. «Прошу иметь в виду, — сказал разозленный Николлс, — что при мне не стоит поднимать подобных вопросов и подчеркивать различия между белыми и черными. И вообще, почему возник этот вопрос? Я уверен, что его не задали бы никому другому. Нам известно, что все вы — расисты».

Эту сцену наблюдали несколько миллионов телезрителей, прежде чем новый губернатор указал телевизионщикам на дверь, пригрозив им, что вызовет полицию.

Для понимания позиции губернатора в вопросах об аборигенах приведу одно его высказывание, сделанное еще до вступления в должность: «Можно сыграть мелодию на белых клавишах, можно — на черных, но для того, чтобы она звучала гармонично, надо играть и на белых, и на черных клавишах». Когда он вступал в должность, кто-то заметил, что надо быть готовым к тому, что в его резиденции поселятся вся его семья, а это не меньше двухсот человек. А что будет, когда на территории резиденции они разожгут свои костры?

Недавно на пустынном побережье залива Карпентария племя бурура танцевало священный танец Времен сновидений. Танец поведал о войне, бросившем вызов своему племени. Израненный копьями, он убежал в пустыню и там погиб. Из года в год в одном и том же месте на берегу танец воспроизводит эту древнюю трагедию. Недавно аборигены разрешили министру правительства штата Гоятону присутствовать при исполнении танца. Делегат парламента штата, абориген, сообщил, что в благодарность за постройку больницы для племени бурура старейшины постановили приоткрыть тайну священных обрядов. Это было большим шагом в развитии страны, в которой необходим культурный обмен, если ее белое и черное население хочет жить в согласии.

Кролики, карпы, коты...

Во время одного из наводнений, которые повторяются в Австралии с устрашающей регулярностью, пришло эвакуировать все население поселка Тилпа в штате Новый Южный Уэльс. Поселок состоит из шести жилых домов, одной пивной и отделения связи. Все это было затоплено водами реки Дарлинг, вышедшей из берегов и вынудившей людей спасаться на окрестных холмах. На месте остался лишь начальник и он же единственный работник почты — как капитан тонущего корабля и как ответственный за связь в этом районе. По телефону он сообщил, что все близлежащие фермы отрезаны от мира и только он с его телефонной станцией может держать связь с Большой землей. Его спросили, нет ли затруднений с питанием, на что почтмейстер ответил, что никаких, так как еда плавает прямо по улице: много щук и другой отменной рыбы, повсюду плещутся карпы... Правда, начальник почты тут же признался, что терпеть не может карпов.

Итак, у нас с вами есть еще одна тема — это очень

большая озабоченность австралийцев, как избавиться от карпа. Приглашенный однажды на обед в качестве блюда, он остался на неопределенное время, а может быть, и навсегда, сделавшись настоящим бедствием для австралийцев, которые не только невзлюбили карпа, но еще и считают его врагом номер один для всех своих вод. Чем же провинилась перед ними эта рыба? Почему они строят против нее злодейские планы? Я предлагаю вам послушать еще одну типично австралийскую историю о том, как все должно было быть хорошо, а получилось все плохо.

Карпа привез в Австралию один иммигрант из Германии для своего пруда, чтобы всегда иметь к столу любимое блюдо. Однако он попал и в другие водоемы и так расположился, что в настоящее время объявлен вне закона. За перенесение его из одной реки в другую в некоторых штатах полагается штраф в тысячу долларов. Грех карпа состоит в том, что он полностью пожирает водную растительность, лишая корма остальную рыбу. Кроме того, собирая корм у самого дна, он поднимает ил, который мутит воду, чего не переносит местная рыба.

Австралийцы не едят карпа, поскольку считают, что его мясо пахнет тиной. Они удивляются тому, что выходцы из Центральной и Восточной Европы обожают эту рыбу, более того — не представляют себе сочельника без праздничного блюда из карпа. Чтобы заставить австралийцев полюбить его, газеты стали печатать рецепты приготовления блюд из этой рыбы. Приводятся рецепты немецкой, югославской, итальянской, еврейской кухни. Особенно рекомендуется итальянское блюдо «карп по-дьявольски». Однако специальные лаборатории уже работают над выращиванием вируса, смертельного для карпа и безопасного для остальной рыбы. На всякий случай австралийцы перевозят самолетами по сто особей каждого вида рыбы, обитающей в австралийских реках, на сохранение в английские лаборатории на тот случай, если вирус заодно с карпом убьет и прочую рыбу. Итак, все началось с того, что карп должен был стать деликатесом, а кончилось тем, что он стал бедствием.

Прежде чем говорить о зверьках, привезенных в Австралию из Европы и других дальних стран, стоит упомянуть о тех, с которыми британцы столкнулись здесь, на месте, начав двести лет назад осваивать великий материк.

Когда путешествуешь по белу свету, не все географические названия стоит понимать буквально. Однако это не относится к острову Кенгуру, расположенному неподалеку от

южных берегов Австралийского материка, — он действительно изобилует этими животными. Если остановить машину и опустить стекло — внутрь немедленно заглянут несколько любопытных мордочек кенгуру. Вам останется только открыть багажник с запасами еды, чтобы не обмануть надежды собравшегося зверя.

Вы предлагаете им кусочки хлеба, и это служит сигналом для всей компании, мирно дремлющей невдалеке в лучах полуденного солнца. Она мгновенно пробуждается, и вот уже вокруг вас настоящая свалка — все отталкивают друг друга, стремясь заполучить лакомый кусочек. А вот при встрече со страусом рекомендую вам соблюдать осторожность: у него необычайно зоркий глаз и не столь мягкое и ласковое обращение, как у кенгуру. Сначала он долго и пристально смотрит на вас и, выбрав момент, мгновенно хватает протянутый кусок хлеба. Вот тут-то и следует позаботиться, чтобы вместе с хлебом страус не отхватил часть пальца. Звериное общество настроено так решительно и оно настолько настойчиво, что паркинги вблизи резерваций для животных пришлось устраивать по типу зоопарков, когда посетители находятся внутри ограды, а животные — на свободе. Там можно посидеть за столиком под открытым небом, но внутри вольера. Люди, сидящие за сетками, видят, как животные алчными глазами следят за каждым куском, который они отправляют в рот. Бесконечный ряд этих быстрых глаз — от светло-желтых до темно-коричневых — настороженно наблюдает за вами.

На первых порах на острове не было поселений колонистов. Там появлялись лишь беглые каторжники с материка, позднее — матросы-дезертиры, не вынесшие жестокого режима, царившего на парусниках. Потом туда пришли рыбаки и земледельцы. В последнее время здесь облюбовали место новые поселенцы: руководители крупных предприятий, переутомленные тяжелыми нагрузками, неизбежными при их деятельности, приезжают расслабиться.

20 марта 1802 года на острове Кенгуру высадился знаменитый мореплаватель, капитан Мэтью Флиндерс, который записал в корабельном журнале, какое огромное удовольствие он получил, наблюдая за этими необычайно ласковыми и доверчивыми животными. Они подходили к людям так близко, что матросы убивали их палками, ибо им необходимо было пополнить запасы провианта после тяжелого перехода. Так человек отплатил добродушным зверькам за доверие. После этого капитан Флиндерс вновь взялся за гусиное перо

и записал: «Сегодня после полудня весь экипаж был занят свежеванием кенгуру. После четырех месяцев лишений мы получили изысканную еду. Мы бросали в воду огромные куски мяса, чтобы сварить крепкий бульон на сегодня и на следующие дни. Было нажарено множество отбивных как для офицеров, так и для матросов — столько, сколько они могли съесть. В благодарность за обилие пищи, которую дал нам этот остров, я назвал эту южную землю островом Кенгуру».

Одним словом, кенгуру, изображенный на гербе Австралии, дождался от человека лестного знака отличия: человек в его честь дал название острову, правда сначала устроив на нем настоящую бойню. И подобная бойня — не редкость в Австралии. Они время от времени устраивались вплоть до наших дней.

На остров Кенгуру можно попасть либо небольшим самолетом, либо паромом. Здесь нет никаких завезенных европейцами животных, так что эта территория выглядит так, как когда-то выглядел весь Австралийский материк, разумеется в том, что касается животных. На острове есть один чужак — это тутовое дерево, посаженное еще в 1834 году (дата известна из документов). Дерево уже начинает гнуться, как человек, под тяжестью лет, но удивительно — оно продолжает давать плоды.

Еще одна достопримечательность острова — пеликаны в лагуне Пеликанов. Можно часами смотреть на их повадки, но особенно интересно наблюдать за рыбаком, занимающимся разделкой рыбы. Его плотным кольцом окружают птицы, которые молниеносно хватают рыбные отбросы. Пеликаны уже так раздулись от обжорства, что вообще непонятно, как они могут подниматься в воздух. Однако, не довольствуясь тем, что им перепадает от рыбаков, они постоянно летают над водой, выслеживая косяки рыбы. Садясь на воду, они становятся необыкновенно похожими на самолеты. Распростертые крылья служат тормозами, ноги напоминают выпущенные шасси, при посадке пеликан несколько раз подскаивает на поверхности, словно плохо управляемая, старая летная машина.

Попав на остров Кенгуру, надо обязательно побывать в Тюленьей бухте, название которой, так же как и название острова, можно понимать буквально. Как известно, тюлени размножаются в тех местах, где они родились.

Бездумная жестокость еды не привела к уничтожению всего тюленьего племени. В начале XIX века именно этот

остров стал местом бойни тюленей. В 1804 году один корабль вывез отсюда двенадцать тысяч тюленевых шкур. Добыча досталась легко: тюлени забивали палками. Позже изобрали другой, довольно странный способ. Силой отбирали у аборигенов девочек и учили их, подныривая под тюленя, ножом убивать его. Корабли охотников забирали огромные грузы шкур. Дело дошло до того, что к началу нашего столетия тюлени были истреблены почти полностью. Однако на острове удалось создать заповедник и буквально в последний момент пресечь истребление всех животных и даже восстановить вид.

Тюлени продолжают приносить прибыль, однако теперь уже в сфере культурного обслуживания. Если вы приедете в Тюленью бухту, рано или поздно вам обязательно попадется небольшое стадо. Тюлени совсем не боятся людей, их без труда можно фотографировать — одни развалились на прибрежном песке кверху ластами, как неживые, и долго лежат в полной неподвижности, пока им не придет в голову повернуться на бок, другие занимаются играми, как и принято на пляже, третий входят в воду или выходят на теплый песок.

Итак, кенгуру на острове Кенгуру, пеликаны в лагуне Пеликанов, тюлени в Тюленьей бухте. Не забудьте также побывать на Американской реке. Правда, здесь вы не найдете никаких американцев. Эта река не имеет ничего общего с гражданами из Соединенных Штатов нашего времени. Цель названия — увековечить факт высадки в устье реки в 1802 году (а также в последующие годы) экипажа американского брига «Юнион». Именно экипаж этого корабля был одним из первых, кто начал кровавую бойню тюленей. Но поскольку мы находимся на острове Кенгуру, посвятим этим животным еще минуту внимания.

Одна из самых забавных историй связана с голубым кенгуру. Во время второй мировой войны в Канаду прибыли австралийцы, которые должны были пройти здесь курс обучения летному делу. Все они говорили, что привезли с собой голубого кенгуру, но показать его отказывались, ибо зверек-де очень чувствителен и пуглив — словом, крайне робкое создание. Голубого кенгуру, уверяли австралийцы, вывел один знаменитый австралийский скотовод в память о погибших сыновьях-летчиках (голубого цвета были мундиры австралийских авиаторов). Канадцам, горевшим любопытством посмотреть на такую редкость, никак не удавалось увидеть зверька, которому якобы необходимо было акклима-

тизироваться и привыкнуть к чуждому окружению. А однажды знаменитый и ценный голубой кенгуру сбежал!

Это произошло в тот день, когда австралийцы, которые его привезли, были назначены расчищать взлетную полосу базы от снега, а это дело не для уважающих себя австралийцев. На следующий день один из них явился к начальнику и сообщил:

— Произошла страшная вещь: наш кенгуру сбежал. Вся Австралия следит за судьбой животного, и, когда в нашей стране станет известно, что мы его не нашли, вспыхнет всеобщее возмущение. Я даже не решаюсь думать о том, что напишут наши газеты.

— Боже! — воскликнул встревоженный офицер, ясно представивший себе, как портятся отношения между двумя владениями империи из-за события, происшедшего на вверенной ему территории. — Мы должны найти его. Если понадобится, будем искать его по всей Канаде.

— К сожалению, — печально возразил австралиец, — всем нельзя: если чужие люди поймают нашего кенгуру, он может погибнуть, так как не станет ничего есть. Мы сами должны заняться его поисками.

— Прекрасно, — ответил начальник. — Я освобождаю вас от всех занятий и работ до того момента, пока вы не найдете вашего кенгуру. Не щадите сил. Требуйте помощи когда угодно...

Таким образом, австралийцам не пришлось чистить взлетную полосу, эта работа стала уделом тех, кто был к ней лучше приспособлен. Все военные части и полицейские посты были начеку, следя, не появится ли в окрестностях голубой кенгуру. Было разослано распоряжение, что животное запрещается ловить, что следует лишь издали вести за ним наблюдение, немедленно дав знать в Имперскую авиационную академию. На место прибудут австралийцы, знакомые с повадками пугливого зверька, приманят его привычными для него звуками птичьего пения, осторожно возьмут его и привезут на базу.

Австралийцы начали поиски животного. Однако вскоре канадцы заметили, что они ищут голубого кенгуру все больше в кабаках и родственных им заведениях. Во всяком случае, их труды не дали результатов. Голубой кенгуру так никогда и не был найден...

Сохранилась память о кучере дилижанса, который возил пассажиров и почту по огромным малонаселенным просторам. Его звали Джо Хиршберг. Однажды он вез приехавшего

из Европы пассажира, который с любопытством рассматривал необычные для него картины австралийского буша. Пассажир наивно спросил Джо Хиршберга, видел ли он когда-нибудь кенгуру. Хиршберг повернулся и с недоумением уставился на пассажира, так как десятки и даже сотни этих животных попадались им на пути. Он на минуту задумался и произнес:

— Знаешь, я скажу тебе кое-что невероятно любопытное. Скоро мы повстречаемся с одним большим серым забавным кенгуру. Представь себе, он всегда стоит у дороги и ждет свою почту.

— Не морочь мне голову.

— Это правда, и только правда, приятель. Впрочем, через несколько миль ты сам убедишься в этом.

После полудня они действительно увидели серого кенгуру, который ленивыми прыжками приближался к дороге. Услышав грохот дилижанса, кенгуру неподвижно застыл на месте. Хиршберг, с некоторой тревогой ожидая этого момента, пристал на козлах и заорал:

— Сегодня для тебя нет почты, слышишь — никакой почты для тебя нет!

И щелкнул бичом. Кенгуру проворно повернулся и шмыгнулся в кусты.

— Ах, — произнес пораженный проезжий, — ну никогда, никогда бы этому не поверил, если бы не увидел своими глазами.

Однако жизнь состоит не из одних только потешных историй... Вспомним правило первых поселенцев: «Если что-то движется — стреляй, если стоит неподвижно — секи и руби». Этим лозунгом (впрочем, ушедшим не в столь далекое прошлое) сопровождалось массовое истребление животных Австралийского материка. Не лучше дело обстояло и с лесными массивами.

Позже люди немного опомнились, теперь имеются заповедные зоны, где животные находятся под охраной закона.

Бывает, люди требуют охраны от... охраняемых. Речь идет прежде всего о кенгуру, которые, по заявлениям многих австралийских фермеров, уничтожают посевы и урожай, повреждают заграждения. В 1978 году на Столичной территории Австралии был создан специальный комитет по рассмотрению жалоб местных фермеров, требовавших такого решения вопроса, которое удовлетворило бы не только кенгуру, находящихся здесь под строжайшей охраной, но и их, фермеров.

В Австралии обитает не менее сорока пяти видов кенгуру —

от крошечных (двадцать три сантиметра) зверюшек до гигантских (полтора метра) серых и красных кенгуру. Существуют животные, вес которых достигает ста килограммов. Известно, что детеныш кенгуру многие недели и даже месяцы не покидает материнскую сумку. Иногда, в то время как мать пасется, детеныш прыгает рядом. В схватке кенгуру передними лапами придерживает жертву за шею, опираясь о землю мощным хвостом, и задними лапами распарывает ей живот. В 1976 году научная экспедиция открыла вид кенгуру ростом в тридцать сантиметров и весом менее двух килограммов. Это единственное в мире животное, у которого в течение всей жизни периодически меняются зубы. Оно обитает в районе, расположенному восточнее Дарвина¹. Экспедиции пришлось добиваться специального разрешения местного племени на работы в этом районе, так как эта территория священна. Там находят и пещеры, в которых погребали умерших, и наскальные рисунки.

Кенгуру поразил ученых еще одним талантом: он оказался великолепным пловцом. Недавно было замечено, что кенгуру, спасаясь от наводнения, собирались на островках, возвышавшихся над водой. Испуганные шумом низко летящих самолетов, они прыгали в воду и отлично справлялись с течением. Во время плавания, оказывается, они действуют хвостом, как рыба. Это обнаружилось во время экспериментов, проводимых в бассейне. Под водой установили камеры для наблюдения за плавающим кенгуру. Хвост — более эффективная движущая сила, чем ноги, с помощью которых плавает большинство сухопутных животных. Способность кенгуру к плаванию оказалась неожиданностью, прежде она никогда и никем не отмечалась.

В Австралии обитает сумчатая крыса, напоминающая белку-летягу. Если ее посадить вместе с обычной серой мышкой, она мгновенно расправляет с ней, так что от жертвы остается только шкурка, и та — вывернутая наизнанку. Это сумчатое — хищник, но в Австралии есть представители этого отряда, питающиеся исключительно растительной пищей, например сумчатый медведь коала, меню которого составляют исключительно листья эвкалиптовых деревьев. Коала не имеют ничего общего с медведями и, как стало теперь известно, существовали на Австралийском материке пол миллиона лет назад. Они никому не мешали, и аборигены никогда не охотились на них. Некоторые племена считали

коала воплощением душ умерших детей. Возможно, это по-первые возникло потому, что раненый коала издает звуки, похожие на плач ребенка. Так и жили коала и чернокожие люди, не мешая друг другу, и только белые ряно взялись за безжалостное уничтожение этих животных из-за их меха, на который возник большой спрос, — ведь добыча его не составляла труда. В первой четверти века было застрелено около десяти миллионов коала. Сейчас они находятся под охраной закона, и будем надеяться, что прежняя численность коала восстановится. Эти сумчатые животные почти не встречаются в зоопарках на других континентах, так как питаются листьями тех видов эвкалипта, которые произрастают исключительно в Австралии. В мире существует около полутора видов эвкалипта, но коала выбрал из них около дюжины и ни при каких обстоятельствах не желает менять рацион. Название «коала» на языке аборигенов означает, что он не пьет воды («ала» — вода, «ко» — отрицание) — ему вполне достаточно влаги, содержащейся в листьях эвкалипта.

Строгое соблюдение предписаний об охране редких видов животных привело к тому, что эти животные размножились, и австралийцы уже подумывают о том, чтобы снять запрет на вывоз коала, утконосов и других диковинок австралийского животного мира. Коала были поставлены под охрану закона в 1933 году, а их вывоз в зоопарки других стран разрешается очень редко, и только в такие, которые известны хорошим содержанием животных и в состоянии обеспечить коала идеальные условия существования. Обсуждается также вопрос о смягчении запрета на вывоз некоторых видов попугаев, хотя в Австралии они считаются вредителями и местами подвергаются беспощадному уничтожению.

В противоположность детенышу кенгуру коала, выйдя из маминой сумки, уже никогда в нее не возвращается. С этого момента он устраивается на спине или на груди у матери. Самка коала — необыкновенно нежная мать. Она обнимает и прижимает к себе дитя в точности так же, как любящая женщина-мать своего ребенка. Коала ведут ночной образ жизни. Мне всегда было жаль несчастных животных, обитающих в заповедниках, доступных туристам. Невозможно смотреть, как стаскивают с дерева сладко дремлющего коала, чтобы сфотографироваться с ним, тормошат и целуют его. Листья эвкалипта, которым питается зверек, содержат в себе нечто похожее на слабое наркотическое вещество, так что коала почти всегда спит, всегда «под хмельком». Так или

¹ Доступные нам источники не подтверждают этого открытия.

иначе, если вам случится побывать в Австралии, оставьте коала в покое. Пусть спит!

Одно из сумчатых животных «тасманийский дьявол» — обитает на Тасмании. Так называют тасманского волка из-за его страшной пасти. Когда-то оно было распространено и в других частях света, в том числе в Европе, но до наших дней сохранилось только на Тасмании.

Этот удивительный животный мир знакомит нас с сумчатым кротом, примитивным слепоглухонемым существом. Казалось бы, животное не имело ни малейшего шанса выжить, однако природа наделила его небывалым обонянием и быстротой. Путешествуя под землей с полной сумкой детенышей, он молниеносно прокапывает туннели. Его задние лапы, подобно утиным, снабжены перепонками и быстро отбрасывают землю при рытье подземных ходов. Он высакивает на поверхность и мгновенно исчезает, и лишь очень обильные дожди вынуждают его выбираться из-под земли, да и то на короткое время. Питается он насекомыми и личинками муравьев. Попытки содержания зверьков в неволе оказались неудачными — через несколько недель они гибли.

Больше всех поражает воображение утконос. Это настолько странное создание, что первого утконоса, присланного в формалине в Англию, учёные сочли за изобретение скучающих австралийцев, решив, что он сшит из частей разных животных. Утконос и впрямь похож на удивительный гибрид. Он покрыт густой шерстью и снабжен утиным носом, который и дал ему название. Взрослый утконос вместо зубов имеет костистое обрамление носа. Его внутренние органы — сплошные противоречия: сердце напоминает сердце млекопитающих, но детородные органы подобны змеиным. Он даже может, правда сравнительно недолго, находиться под водой. При подводном плавании его уши закрываются похожими на веки пленками. Перед кладкой яйца самка утконоса роет туннель, а в его изломе — подобие норы, которая служит чем-то вроде «спальни» и «детской». Туннель роется очень узкий, только-только протиснуть тело, скорее всего для того, чтобы, протискиваясь через него, можно было выжать мокрую шкурку перед тем, как попасть в «детскую». Снеся одно или два яйца, самка перегораживает туннель, чтобы никто и ничто не нарушило ее покоя. Детеныша вскармливает молоком, благодаря чему ее вместе со всей родней можно было бы отнести к классу млекопитающих. Однако она не имеет сосков, молоко выделяется через железы в коже. Специальное приспособление обеспечивает утконосу возможность видеть

все, что происходит на поверхности, а великолепный слух — улавливать каждый подозрительный звук; реакция утконоса на малейшую опасность — молниеносное погружение под воду. Потом утконос долго не выныривает на поверхность и роет вдоль берега лазы, в которых прячется. Поэтому утконоса непросто наблюдать в естественных условиях..

Еще одна удивительная особенность утконосов состоит в том, что их задние ноги снабжены чем-то вроде ядовитого щипа — единственного средства защиты, так как зверек этот в остальном совершенно беззащитен и был бы, несомненно, уничтожен, если бы не его поразительная способность к бегству.

Вопрос о собаке динго — предмет споров учёных. Одни считают ее самой древней собакой в мире. Было время, когда ошибочно считали, что это одичавшая собака, предки которой разбежались с корабля, прибывшего из Европы. Однако скелеты динго находят в древних слоях почвы, в глубоких шахтах. Скорее всего динго попал в Австралию в период миграции древних народов с Азиатского материка. Прирученных динго аборигены называют варригал. В названии «динго» им чудится уничтожительный, ругательный оттенок, и они зовут так только собак белых людей. Тем не менее весь остальной мир называет исконно австралийских собак «динго».

Динго не умеют лаять. Они издают звуки, похожие на скульение, выходят на охоту с наступлением темноты, днем сидят в убежищах. Охотятся стаями, изредка на пару с самкой. Суждения об их сообразительности противоречивы. Главная претензия к ним состоит в том, что они, так же как человек, обожают барабанную. С самого начала колонизации Австралии европейцы неустанно уничтожают динго. Существуют профессиональные охотники на динго, которые получают солидные премии за добычу этих животных, для чего необходимо представить хвост или уши динго. Из-за различия в правилах отдельных штатов случались забавные истории: говорили, что динго умирают дважды, так как в одном штате охотник получал вознаграждение за хвост, а в другом — за уши одного и того же животного.

Динго называют «другом пастуха», так как всеобщее мнение таково, что, если бы не динго, для охраны овец потребовалось бы намного меньше пастухов, а в Австралии прежних времен было нелегко найти работу.

Со временем отношение к динго изменилось. В наше время возникло общество, которое занимается вопросом возмож-

ности использования этих собак в качестве поводырей для слепых. Один австралиец пожертвовал на эти цели сорок тысяч долларов. Но пока общество хлопочет лишь о том, чтобы вывести динго из списков животных, не подлежащих никакой охране, поставленных, по существу, вне закона. «Динго может считаться самой чистой породой в мире, — считает один из специалистов, многократно выступавший в качестве судьи. — Его можно отлично натаскать для охраны рогатого скота или овец». Профессиональный инструктор по обучению собак, он утверждает, что привязанность динго к человеку сильнее и обучаются они быстрее, чем собаки, которые уже тысячи лет живут бок о бок с человеком. Обсуждается также вопрос о тренировке динго для работы в помощь полиции и таможенникам, особенно для поисков наркотиков. Если это случится, то из существа, объявленного вне закона, динго превратится в блюстителя и защитника закона.

Фауна Австралии изобилует змеями, которых здесь до полутора сотен видов, от маленьких змеек до питонов семиметровой длины, из них две трети ядовитых, а шесть — обладательницы смертельного яда. Самая опасная змея — тайпан. Его длина достигает трех метров, а атака молниеносна. Он рекордсмен мира по запасу яда, которого имеет в несколько раз больше, чем кобра. Коричневая змея, тоже смертельно опасная, известна жестокими схватками самок, которые сплетаются в яростном объятии и так долго и сильно сжимают друг друга, пока одна из них не потеряет силы и не уползет прочь. Питон не отравляет свою добычу, а давит ее, сжимая в кольцах. Проглотив добычу, он погружается в сон, во время которого переваривает свой обед, что может продолжаться неделями. Во время охоты питон, расположившись на дереве, свешивает голову над звериной тропой. Австралийцы утверждают, что он никогда не нападает на человека, если его не трогают. Несмотря на то что это не ядовитая змея, укус ее крайне опасен, так как он всегда вызывает гангрену. Следует заметить, что ни одна из этих змей не нападает на человека, если ее не потревожить, так как, по существу, змеи — робкие и хрупкие создания. Одним ударом можно повредить всю костную систему змеи. Некоторые виды змей полезны человеку, так как питаются кроликами и крысами. Фермеры их очень уважают.

Австралия славится пауками. Один из видов пауков

ткет такую толстую и крепкую паутину, что в ней легко запутывается небольшая птица. Есть вид пауков, которых называют лающими, поскольку они издают тихие звуки, подобные лаю собаки. Некоторые считают, что этими звуками паук отпугивает врагов, другие полагают, что это брачный призыв².

Когда я думаю об Австралии, мне вспоминается очень старый анекдот, услышанный мной в отрочестве. Мальчик спрашивает отца, что такое трясогузка. «Трясогузка, детка, — это такая ненормальная рыбка». — «А почему наш учитель сказал нам, что трясогузка весело поет и прыгает с ветки на ветку?» — «Но ведь я и говорю тебе, что она полумнья. Нормальная рыба никогда не будет делать этого».

А вот в Австралии рыбы-прыгуны выпрыгивают из воды на мангры и охотятся на насекомых. Правда, они при этом не поют, а остальное все сходится. Другая удивительная особенность «ненормальных рыбок» состоит в том, что самцы их боковыми движениями хвоста роют на сушке в мягком грунте плоские углубления, а самки в период вызревания личинок находятся над таким «гнездом» и охраняют потомство.

Воды тропического штата Квинсленд населяет на редкость удивительное существо — глубинная рыба, снабженная двумя сигнальными огоньками, ну совсем как автомобиль³. Эти огоньки служат для приманивания добычи, находятся под глазами рыбы и снабжены кожной заслонкой (нечто вроде кожного века), которая в случае надобности прикрывает источник света.

Существуют также рыбы, своей сказочно-яркой окраской напоминающие бабочку. Они так и называются — рыбабабочки. Поводом для такого названия послужили ее большие, напоминающие крылья птицы, грудные плавники и способность, выпрыгивая из воды, пролетать большие расстояния в воздухе. Есть рыбы, у которых на кончике носа помещается орган, похожий на удочку с блестящей приманкой. Они прячутся на дне в зарослях водо-

² Имеются в виду паук-кругопряд семейства *Araneidae*, который обитает преимущественно в тропических районах, и паук группы семейств мегаломорфных (крупного размера, звуки издают оба пола, паутины не плетут, охотятся на почве, выкапывают норы).

³ Это один из видов семейства фонарглазовых, которые обладают своеобразными подглазничными светящимися железами, состоящими из группы трубочек, внутри которых помещены излучающие свет бактерии (Жизнь животных. Т. 4, с. 341).

рослей, выставляя свою «удочку». «Приманка» привлекает мелкую рыбешку и креветок, и, как только добыча неосторожно приблизится, раскрывается огромная пасть и захватывает ее целиком⁴.

Удивительны рыбы-брэзгуны. Они обычно держатся у поверхности, зорко следят за всем, что движется по воде или над водой. Увидев добычу, чаще всего насекомых, они выстреливают каплями или струйками, сбивая ее на воду, где она немедленно превращается в изысканный обед брэзгуна. Иногда брэзгун отмачивает шутки над рыбаками, сидящими с удочками на берегу реки: высакивает из воды и выпускает струю прямо на огонек сигареты...

Удивительнейшая рыба населяет глубокие артезианские колодцы, из которых бьет горячая (53 градуса) вода. Как она туда попала и как приспособилась к жизни при такой температуре — до сих пор загадка для науки. Рыба эта, можно сказать, является нам прямо из чрева планеты. Она отличается от остальных видов пресноводных рыб и тем, что может существовать в воде, перенасыщенной минеральными солями. Вот чему научила ее мать-природа! В обычной пресной воде любой температуры эта рыбка быстро гибнет.

Пожалуй, самое несчастное существо в Австралии — самец рыбы, которая называется баррамунда. Можно себе представить, как он возвращается домой поздним вечером, так как засиделся с приятелями. И когда он начинает путаться в оправданиях перед миссис баррамундой, как это часто случается с сильным полом, в ответ слышит: «Не морочь мне голову. Будто я не помню, как еще совсем недавно выпивала с дружками». Баррамунда начинает свою жизнь самцом и лишь позже становится самкой. Я говорю о баррамунде, и мой рот наполняется слюной, потому что это необыкновенно вкусная рыба. Баррамунда —aborигенское название. Когда-то она встречалась в изобилии, сейчас ее поубавилось. Если вам случится побывать в Австралии и если вы рыболов, советую посетить Северную территорию, где баррамунды еще достаточно много. Но если вы не любитель рыбалки или если не собираетесь в Северную территорию, загляните в сиднейский ресторан и закажите эту рыбу. Блюдо, повторяю, отменное.

⁴Это рыбы подотряда церациевидных, или глубоководные удильщики (включает 11 семейств, 40 родов и около 120 видов).

Рыбакам рекомендую тщательно взвешивать пойманных баррамунд, так как если они по весу превышают пятьдесят фунтов (в клубы австралийских рыболовов метрическая система пока не вторглась), то вы имеете возможность стать членом Клуба пятидесятифунтовиков. Думается, что это возможно только для рыболовов-любителей, но никак не для профессионалов. Резиденция клуба находится в порту Дарвин, в настоящее время клуб насчитывает пятьдесят человек — обладателей завидного трофея.

Баррамунда обитает не только в австралийских водах. Встречается она и у азиатских берегов. Одна баррамунда, пойманная в Бенгальском заливе, весила около двухсот килограммов. Во всяком случае, если вы не прочь попасть в члены клуба в Дарвине, то советую поторопиться, потому что места, которые не так давно считались дальним захолустьем, теперь не кажутся очень удаленными от мира. Браконьеры без труда добираются на вездеходах до небольших речушек, перегораживают их крепкими сетями. Заготовленную рыбу разделяют, загружают в рефрижераторы и везут в крупные города на юге страны. Расходы очень скоро окупаются, и браконьеры имеют немалую прибыль. Они не задумываются о будущем, для них главное — заработать. К ним надо добавить тех, кто приезжает сюда в прицепных домиках-квартирах, а также многочисленных владельцев яхт, которые заплывают в такие отдаленные заливчики и речушки, куда в прежнее время добирались только отчаянные смельчаки. Наконец, в самом Дарвине имеется с полдюжины туристических бюро, которые предлагают экскурсии на небольших самолетах, гарантируя доставку любителей рыбной ловли к рекам, обильным баррамундами.

В последнее время предпринят ряд исследований, касающихся образа жизни баррамунды, чтобы организовать ее охрану хотя бы на период размножения. Нельзя терять времени, если мы хотим, чтобы внуки теперешних любителей рыбаки тоже узнали вкус этой рыбы.

Не слишком ли мы несправедливы к акулам? — задает вопрос выдающийся специалист в области зоологии из Таунсвилльского университета. Он подходит к проблеме издалека. По его мнению, стоит всерьез подумать, нужно ли огораживать стальными сетями пляжи для охраны купающихся, как это сейчас принято. Дело в том, что в оградительные сетки часто попадают другие обитатели океана, например дельфины, черепахи, дюгони, запуты-

ваются в них и задыхаются. Однако он все же понимает, что отказаться от охранительных мер против акул нельзя, так как опасность вполне реальна. Поэтому он предлагает снабдить сетки приспособлениями, издающими звуки, которые отпугивали бы млекопитающих, но к которым акулы были бы безразличны. Впрочем, бежалостное уничтожение акул он тоже считает неправомерным, ибо акулы приносят определенную пользу, поедая погибших или больных животных, то есть исполняют роль санитаров океанских вод. Ученый подсчитал, что за несколько лет только в одном штате Квинсленд в противоакулью сети попалась тысяча акул, причем среди них были совершенно неопасные для людей виды. Однако людей при виде акулы охватывает панический страх независимо от того, к какому виду она принадлежит — опасному или неопасному.

В австралийских водах водятся поразительные морские млекопитающие — дюгони. Они достигают трех метров длины и имеют огромный вес. Всю жизнь проводят в море, прекрасные пловцы. Самки рождают по одному детенышу в год, кормят его, прижимая к себе плавниками, причем и мать и детеныш всплывают на поверхность. Возможно, что они дали жизнь легендам о сиренах. Конечно, сравнение этого животного с женщиной — плод буйного воображения, однако морские рассказы не раз рождались из подобных источников.

В горах Тасмании, в ледяных водах местных озер водится удивительный рак (*Anaspides tasmaniæ*). Предполагают, что в древности он обитал в Западной Европе и в Северной Америке. Проникнемся уважением к нему, потому что, когда этот вид населял воды всей планеты, ни человека, ни вообще млекопитающих не было и в помине. В наших краях мы находим лишь его окаменелости. Он жил миллионы лет назад, вымер повсюду, кроме холодных вод Тасмании, и за эти миллионы лет остался неизменным. Почему он сохранился именно здесь? Это остается темой для размышления ученых. При малейшей опасности крошечные существа молниеносно закапываются в тину. Оказывается, держать их в лаборатории для исследований практически невозможно, так как трудно воспроизвести условия, необходимые для их существования. Рак был обнаружен в 1892 году. Это была сенсация: в руках ученых оказалась живая окаменелость! Динозавры появились на нашей планете миллионы лет спустя.

В водах Северной Тасмании водятся раки (*Engaeus cister-*

narius), достигающие трех килограммов веса, а их клешни величиной с ладонь. Удивительна и краска этих созданий.

Морские животные прибрежных вод Австралии обладают замечательными способностями к маскировке. Большой специалист в этой области — так называемый паукообразный краб (род *Oregonia*), которым богаты воды северного побережья Австралии. С помощью клешней он окружает себя кусочками водорослей и других растений. Перенесенный на участок дна, покрытый преимущественно губками, он немедленно сбрасывает свой убор из водорослей и как можно быстрее стремится укрыть себя губками, становясь совершенно невидимым для других обитателей.

Богата Австралия и птицами. Интересен шлемоносный казуар, который водится на севере Квинсленда. Он не умеет летать, зато отличный бегун, может развивать скорость до шестидесяти километров в час. Эта птица мчится, вытянув перед голову, увенчанную рогом «шлемом» — приспособлением от возможных ударов. Обигают казуары в густых дождевых лесах. Гнезда, как и все нелетающие птицы, делают на земле. Их сооружает самец из мха и листьев, а самка кладет в гнездо три-пять зеленых яиц.

Живут в этой стране и черные лебеди, которые изображены на гербе штата Западная Австралия. Необычайно интересны птицы-лиры. Они не только сочиняют песни, но и умеют подражать самым разнообразным звукам — скрипу осей брички, плачу ребенка, скрипичной и фортепianneйской музыке. В брачный период самец распускает красивый хвост в форме лиры, затем исполняет песню и прелестный брачный танец. Правда, его песня — это не призыв для самки, а предостережение другим самцам, что территория занята. Другими словами, он поет песню не любви, а ненависти.

Самец птицы-шалашика, когда ему становится грустно и он не прочь познакомиться с дамой, чтобы не оказаться последним членом своего рода-племени, строит своеобразный шалаш и украшает площадку вокруг него различными предметами: ракушками, цветами, стекляшками и другими блестящими предметами. С появлением европейцев декоративного материала заметно прибавилось: это и кусочки цветного стекла, и обертки от конфет, и тряпочки, и пуговицы — словом, широкий выбор. Кстати, шалаши — это вовсе не гнезда, а лишь места тока и

спаривания. Гнезда же шалашник устраивает на деревьях, и в них бывает от одного до трех яиц.

Даже в предместьях Сиднея обитает в густых зарослях птица-портной⁵. Ее гнезда искусно сшиты из хорошо подобранных листьев, крыша в форме купола сделана из выгнутых стеблей жестких трав. Основной строительный материал составляют листья того дерева, на котором строится гнездо, что, естественно, служит жилищу отличной маскировкой. И здесь мы замечаем влияние технического прогресса, вызванное близким соседством человека. Так, в последнее время довольно часто наблюдается, что гнезда сшиты не какими-нибудь травинками, а украденной неподалеку чисто шерстяной, высококачественной нитью.

Удивительны многие представители растительного мира Австралии, например пизония — дерево, называемое в здешних краях еще «деревом смерти», представляющее опасность не для людей, а для многих птиц и животных. Дерево достигает двадцатиметровой высоты, покрыто желтовато-зелеными листьями, крона его очень пышная, а в дуплах собирается дождевая вода. Потерпевшие кораблекрушение знали, что на этих деревьях всегда можно раздобыть питьевую воду. Оно имеет много видов, но тот, который распространен в этих местах, называется пизонией большой. На островах с давних времен гнездятся огромные колонии чаек и буревестников. У буревестников здесь нет врагов. Море дает им обильный корм, а в пустых лесах птицы разгребают глубокие ямы, в которых выводят потомство. Все закрыто густой зеленью. Под ее защитой буревестникам не угрожает внезапное нападение крупных хищных птиц, например орлов. Она охраняет птиц от проливных тропических ливней, циклонов и палиящих лучей солнца. Но именно в этих лесах, которые дают защиту, опасность подстерегает в тени деревьев-липучки... Летом деревья покрываются цветами, а потом в изобилии появляются семена. Каждое семя покрыто густой, очень клейкой жидкостью⁶. Даже семена, которые

⁵ Возможно, имеется в виду славка-портниха. Однако эта птица обитает в Юго-Восточной Азии, а не в Австралии.

⁶ Плод пизонии большой (*Pisonia grandis*) заключен в чашечку, усаженную липкими железистыми волосками с дисковидными головками. Благодаря этим железкам плоды пизонии легко прилипают к любому предмету, в частности к перьям птиц. Некоторые птицы и даже некрупные животные (пресмыкающиеся) бывают настолько облеплены массой плодов пизонии, что теряют способность двигаться и погибают (Жизнь растений. Т. 5(1), с. 350).

по многу лет лежат в витринах музеев, остаются липкими. Буревестники обычно возвращаются на остров ночью и не подозревают, какая страшная опасность поджидает их на земле. Семена облепляют их, прилепляются к их лапкам, птицы едва волочатся по земле, не в состоянии подняться, обремененные тяжестью семян, а тем временем все новые и новые порции липкого груза намертво вцепляются в оперение, в крылья... Буревестнику хватает сил лишь на то, чтобы добираться до своего земляного гнезда и там ожидать смерти. Некоторые добираются до моря и качаются на волнах, пока не утонут.

Зачем нужны дереву такие липкие семена? В мире растений существуют семена с колючками, есть и липкие, но лишь настолько, чтобы, прилепившись к лапкам птиц или животных, легко оторваться через некоторое время. Большинство чаек и буревестников улетают далеко в открытое море, но всегда возвращаются на родной остров, так что они не могут быть переносчиками семян. Лишь молодые особи ищут другие места для гнездования и селятся на новых местах. Может быть, они выполняют функции сеялки. Возможно также, что облепленная семенами малоподвижная птица составляет легкую добычу для крупного хищника, такого, как морской орел. Орел хватает жертву и, чтобы спокойно расправиться с ней, уносит на другой островок, где и остаются перья, облепленные семенами, из которых вскоре вырастает молодая рощица пизонии.

В последнее время в Австралии наблюдается активизация особого вида преступности, которая доставляет правительству немало забот. Если говорить о прибыли, то для местных контрабандистов наибольшую прибыль приносят попугаи. В остальном мире, наверное, только наркотики приносят еще более высокие доходы, но наркотиками Австралия не промышляет. Подсчитано, что пятая часть попугаев планеты обитает на этом континенте. Спрос на этих птиц огромен и наверняка будет увеличиваться, что создает идеальные условия для профессиональных контрабандистов.

Министерство федерального правительства, которое ведает таможней, учредило специальный отдел охраны природы. Поскольку нет точных сведений о способах контрабандного вывоза не только птиц, но и вообще австралийских животных, оценить результативность деятельности этого отдела только на основе цифр обнаруженных и не

допущенных к вывозу представителей фауны невозмож-но. Тем временем резкое повышение цен на них, и в особенности на попугаев, свидетельствует о том, что дело набирает обороты и уже приносит плоды. Однако складывает-ся своеобразный парадокс: чем строже контроль в аэропор-тах и в портах Австралии, тем выше прибыли контрабандистов. На европейских и американских рынках можно без труда получить десять тысяч долларов за пару некоторых видов австралийских птиц. Даже за так назы-ваемых элегантных попугайчиков, которых в стране види-мо-невидимо и которых безжалостно отстреливают, так как они приносят огромный ущерб посевам, можно выручить по двести долларов за штуку.

При таких ценах переход контрабанды из рук жалких любителей к профессионалам, часто имеющим за собой преступное прошлое, был вопросом времени. Они придумали множество уловок, благодаря которым можно вывозить птиц, не вызывая подозрения таможенников аэропортов. В частности, пернатым вводят успокаивающие или снотворные препараты, что довольно рискованно, так как малейшее превышение дозы убивает птицу. Но контрабандист — человек без сердца. Даже если из двадцати птиц только одна перенесет дорогу в самолете, он справляет свои рас-ходы. Если не остановить эту деятельность, то с лица земли исчезнут многие виды птиц.

Если главным покупателем птиц является Голландия, то рынком неограниченного сбыта австралийских ящериц выступают США. Ящериц перевозить значительно легче, чем птиц, поскольку они неделями обходятся без воды и пищи и не верещат, не пищат и вообще не издают никаких звуков. Ящерицы, которых в Австралии может поймать любой ребенок, в Соединенных Штатах стоят пятьсот долларов за штуку. Некоторые змеи продаются по тысяче долларов, а зеленые древесные лягушки — по пятьдесят долларов за штуку. Другими словами, если даже допустить, что лишь половина товара доходит до места назначения, то дюжина отправленных в США лягу-шек в неделю принесет контрабандисту кругленькую сум-му.

Поэтому искушение торговать животными огромно. И контрабанда подобного рода осуществляется в обе стороны, несмотря на то что австралийцы опасаются ввоза

любых животных, так как при почти полном отсутствии на континенте хищников каждое из них может катастрофически размножиться, что приведет к непредсказуемым последствиям. Это касается и тех животных, которых содержат в неволе, но которым удалось сбежать. Здесь уже имеется печальный опыт с одним видом жаб (жабой-агой, или буфо маринус), о которой речь пойдет несколь-ко позже. Некоторые виды черепах без особого труда сумели бы искоренить все рыболовство в пресных водах. Иногда в посылках доставляют на материк живых змей, в том числе и гремучих, и условия для них там идеаль-ные. При отсутствии врагов гремучие змеи, по мнению специалистов, «вскоре загремят в каждом дворе».

Однако с австралийской таможней шутки плохи. Отправ-ляясь в Австралию, даже без животных, помните, что ваши документы о прививках должны быть в полном порядке. Австралийцы, помешаны на мысли, что весь остальной мир ждет не дождется, чтобы чем-нибудь перезаразить их самих, их овец, рогатый скот, который приносит им огромные доходы. Это хорошо почувствовал на себе известный американский хореограф Реми Чарлип, который провел первые пять дней своего пребывания в Австралии в полном одиночестве в сиднейском карантине, где со скучи сочинил новый танец, который назвал «Вуллумуль-ский нежный». Он был не слишком раздосадован своим положением — наоборот, счел это лучшим отдыхом за всю свою жизнь. «Австралийская авиакомпания платила по сто долларов в день за то, что я здесь сидел, — вспоминал мистер Чарлип об этом времени. — Я был единственным клиентом в огромном здании, из которого открывался великолепный вид на порт. Мной занимались две медицинские сестры и восемь человек обслуживаю-щего персонала. Даю слово, что мои соотечественники не поверят мне, когда я расскажу об этом».

Реми Чарлип прилетел в Сидней из Венесуэлы в каче-стве режиссера балетного спектакля в честь двухсотлетия Соединенных Штатов. «Многие годы, — продолжает он, — я путешествую по всему миру, и еще никто и никогда не требовал от меня справки о прививке против желтой лихорадки. И вдруг австралийские парни буквально набро-сились на меня. Они предложили мне на выбор: или я возвращаюсь в Штаты и неделю жду появления призна-ков лихорадки, или остаюсь здесь, в карантине. Я вы-брал карантин и не жалею».

Пришлось начинать репетиции без режиссера. Хореограф набрасывал эскизы некоторых фигур танца на листках бумаги, а указания передавал по телефону. Когда его выпустили, он наконец встретился с труппой, которой должен был руководить, о чем и рассказывает далее: «Конечно, австралийское правительство так и не осознело, что ему удалось создать новое направление в искусстве. Мое заключение привело к тому, что каждый член балетной труппы воспроизвил мои эскизы по-своему. Это оказалось куда забавнее, чем в том случае, когда всем с самого начала приказывают делать одинаково. Труппа очень хорошая. Теперь мне предстоит скоординировать их движения таким образом, чтобы получился спектакль».

Предписания становятся абсолютно неумолимыми, когда дело касается принудительного карантина для ввозимых животных. Во время второй мировой войны одна из воинских частей Австралии приютила собаку, которая стала всеобщей любимицей и прошла с частью через всю военную кампанию в Египте, Греции, на Крите и в Палестине. О собаке упоминали во всех военных сообщениях, так как солдаты считали, что пес приносит им удачу. Ей дали имя Орри. Когда пес вернулся со своей частью в Австралию, он был немедленно уничтожен. Его имя увековечено на монументе в память об участии австралийцев в войне, но, наверное, он предпочел бы остаться в живых.

Когда завсегдатаям кабаков Квинсленда становится скучно, они начинают швырять в окна без рам все, что попадается под руку: горящие окурки, шарики от пинг-понга, объедки... Можно быть уверенным, что поблизости поджидает живой мини-мусорщик — упомянутая жаба-ага. Она подстерегает добычу, и можно получить большое удовольствие, наблюдая, как она молниеносно заглатывает почти все, что ей бросают. Это существо, весом с килограмм, продолжительностью жизни в сорок лет, откладывает в год до сорока тысяч икринок и выделяет яд, который может убить кошку или даже собаку. Ее привезли из Южной Америки в 1935 году на плантации сахарного тростника в штат Квинсленд, где в то время расплодился жук, представлявший собой серьезную опасность для основного богатства штата.

Однако жаба не выполнила поставленной перед ней задачи, так как не захотела жить на плантациях, но зато распространилась по всему штату. До сих пор она населяет

штат Квинсленд, так как он окружен засушливыми территориями, которые затрудняют дальнейшее ее расселение. Однако в 1974 году в некоторых районах страны все же раздались тревожные сигналы. Сначала в Дарвине, где при перевозке в лабораторию удрали восемнадцать жаб. Жители других районов в отличие от квинсленцев не желают видеть этих жаб у себя. Они не хотят постоянно находиться начеку, пристально во все всматриваться, бояться ехать на машине, так как дороги сплошь покрыты мигрирующими жабами (как в Квинсленде).

Жаба-ага была объявлена «вне закона», подлежала «безжалостному уничтожению». На помощь перепуганным городским властям пришли ученые, ведь буфо маринус, подобно пылесосу, вбирает в себя все, что ее окружает. Если жаба доберется до рек или прудов, она представит собой серьезную опасность для местных видов животных, так как способна уничтожить всю здешнюю фауну. Было объявлено, что за поимку жабы назначается премия в тридцать долларов, а местное общество охраны окружающей среды тут же добавило от себя еще семь с половиной.

Фермеры, напуганные опасностью разорения своих хозяйств, потребовали платить за каждую пойманную жабу по тысяче пятисот долларов. Однако этому воспротивилось федеральное правительство в Канберре, которое сочло, что столь высокое вознаграждение может вызвать обратное действие — повлечет за собой контрабанду жаб из Квинсленда в Северную территорию ради получения денег.

В разгар обсуждения проблемы раздался тревожный сигнал с другого конца огромного материка, из штата Западная Австралия, где подняли голос пчеловоды и тоже по поводу бегства нескольких жаб, предназначенных для лабораторных исследований. Однако здесь удалось быстро избежать опасности, а она была серьезной, так как жабы обожают пчел. Сточные воды города каждые два дня проверялись на жабью икру в течение трех лет.

Однако вернемся к событиям в Дарвине. На стенах городских домов появились огромные плакаты с призывом: «Найдем живых или мертвых!» — так, как прежде, разыскивали преступников, объявленных вне закона. Преследование пяти жаб, которых не удалось поймать сразу же, продолжалось. Местная радиостанция транслировала записанную на пленку брачную песню самца буfo маринус, которую он обычно поет, чтобы привлечь самок.

Вот мы и разговорились на тему о завезенных в Авст-

ралию животных. Их множество. Предполагают, что по стране бродит около двухсот семидесяти пяти тысяч диких коз, сто шестьдесят тысяч лошадей, сто пятьдесят тысяч буйволов, девяносто пять тысяч ослов, столько же одичавшего рогатого скота и семнадцать тысяч верблюдов.

Надо сказать, что все эти животные подвергаются безжалостному истреблению. Предлоги различные. Одичавшие свиньи якобы являются переносчиками заболеваний, опасных для ягнят. Диких коз уничтожают, потому что они выедают траву. Правда, некоторые их виды могли бы поставлять шерсть для производства кафемировой ткани, но это потребовало бы больших накладных расходов, а так как рабочая сила в Австралии обходится очень дорого, шансы на развитие отрасли невелики. Диких лошадей обвиняют в том, что они выпивают воду и поедают траву. Из мяса убитых лошадей приготовляют консервы для кошек и собак. Буйволы тоже считаются носителями болезней, опасных для их дальних родственников, которых пасут люди. С ожесточением уничтожают ослов и верблюдов, без которых в свое время были невозможны исследования центральных районов Австралии. Правда, все чаще говорят о том, что верблюдов собираются экспорттировать на их бывшую родину, Ближний Восток, так как они сильны и выносливы и могли бы улучшить местные породы. На всякий случай австралийцы подарили королю Саудовской Аравии четырех верблюдов, когда он вступил на трон в 1975 году.

Однако больше всего нареканий приходится на долю одичавших кошек, которые, говорят, весят до девяти килограммов, тогда как домашние кошки не более трех. Одичавших кошек встречали в таких почти недоступных человеку местах, как пустыня Симпсон. Вначале одичавшие кошки пользовались благосклонностью людей, так как их рацион составляли преимущественно кролики. Но после тщательного наблюдения за их жизнью было установлено, что кошка помимо кроликов уничтожает огромное число других животных — попугаев, ящериц, а иногда не гнушается загрызть змею. При этом она часто охотится не ради пропитания, а для вящего удовольствия.

Австралийская антарктическая экспедиция обнаружила на острове Маккуори кошек, «предки» которых в 1810 году попали сюда с судов, промышлявших тюленя. Питание кошек составляют как местные птицы, так и завезенные

людьми кролики, крысы и мыши. Со временем кошки научились охотиться на пингвинов и даже на еще более крупных животных. Но есть у кошек и враги. Это некоторые виды птиц, которые нападают на них с бреющего полета. Однако кошки отлично приспособились к жизни в полярных условиях.

Классик австралийской литературы Генри Лоусон, пишущий прекрасным, простым и образным языком, оставил нам замечательный рассказ «Заряженный пес» о трех старателях и собаке. В поисках золотого песка старатели использовали взрывчатку. Им приходилось бороться не только со скалой, но и с водой, которая заливала их рабочие места. Заряды они приготавливали самым примитивным способом: кусок плотного полотна смачивали в растопленном бараньем сале и шили из него длинный и узкий мешочек, который наполняли взрывчаткой, прикрепляли фитиль и все это забрасывали в заранее пробуренное в скале отверстие. После взрыва оставалась яма, из которой выгребали все обломки и грунт и сверлили снова.

Соседняя речка изобиловала разнообразной рыбой. После целого дня тяжелой работы трое старателей мечтали о вкусном ужине из жареной рыбы. Но вода в реке спала, и в мутном иле ничего не было видно. Тогда им пришло в голову, что для ловли рыбы отлично пригодится их взрывчатка.

Они изготовили заряд с длинным фитилем, глубоко уходящим в массу взрывчатки, собираясь притопить заряд, а фитиль прикрепить к поплавку на поверхности воды.

И вот на сцене появляется пес, который был их большим другом. Лоусон пишет, что пес всегда был весел, и ему казалось, что жизнь, весь мир, его двуногие друзья и он сам — это сплошная, непрекращающаяся игра. Он обожал приносить поводок и весь хлам, который выбрасывали из лагеря, аккуратно притаскивал назад. С огромным интересом он наблюдал, как старатели готовят заряд, даже пытался им помочь.

Готовить ужин выпало как раз тому из старателей, который делал заряд. Двое остальных, согласно обычая буша, уселись спинами к костру. Тем временем пес нашел приготовленный заряд и принес его жарившему баранину хозяину. По несчастью, конец фитиля попал в костер и, как пристало хорошему фитилю, сразу же занялся. Лоусон пишет, что, прежде чем среагировал мозг перепуганного старателя, его ноги уже бежали. Двое остальных последовали его примеру, и, что самое худшее, верный пес пом-

чался за своим хозяином. Те двое, которые оказались как бы на периферии событий, были отличными бегунами на короткую дистанцию. Зато изготавитель заряда был немного тяжеловат. Пес с шипящим фитилем прыгал вокруг него и вертел хвостом от радости, что наконец-то можно поиграть с хозяином. Пронзительные вопли старателей, пытавшихся отогнать верного пса, не помогали. Наконец один из них набрался храбрости, догнал собаку, схватил ее за хвост, отчаянным усилием вырвал из пасти заряд и отбросил далеко назад.

Но верный пес ловко вывернулся, помчался со всех ног и, осыпаемый страшными проклятиями, понесся с находкой в зубах вслед за своими друзьями. Один из них добежал до одинокого деревца и с проворством молодого медведя вскарабкался на три-четыре метра над землей. Очень аккуратно, словно это был котенок, пес положил свою ношу под дерево и закружил возле него. Хотя дерево было молодое и довольно хилое, испуганный старатель пытался залезть повыше, но его попытки кончились тем, что верхушка обломилась, он рухнул на землю и тут же вновь помчался во весь дух. Пес не мешкая подхватил заряд и припустился за любимым хозяином. Тогда тот с отчаяния спрыгнул в ранее выкопанную трехметровую яму и приземлился благополучно, так как на дне был толстый слой грязи.

Пес мгновение смотрел на него сверху, как бы прикидывая, каков будет эффект, когда он бросит в яму свою ношу. Насмерть перепуганный старатель вопил: «Катись, катись, да проваливай ты отсюда!..»

Тогда пес побежал за другим, который из последних сил добежал до дороги, промчался несколько сот метров и ввалился в кабак, крошечный домишко, где старатели обычно пропивали свои заработки. Влетев в него, он захлопнул за собой дверь и, задыхаясь, прохрипел: «Моя собака! Моя собака! У нее в зубах подожженный заряд!»

Увидев закрытую дверь, верный пес обошел вокруг кабака, вошел в заднюю дверь, о существовании которой отлично знал, и с искрящимся зарядом предстал перед публикой, довольный тем, что разыскал своего хозяина. Посетители молниеносно повыскакивали за дверь, а пес огорчился, так как был бы рад поиграть со всеми. Старатели заперлись в конюшне, а пес с зарядом в зубах отправился дальше, но, когда он намеревался заглянуть в кухню, откуда ни возьмись, появилась злобная рыжая

дворняга. Пес старателей уже был знаком с ее зубами и, держа в зубах свою ношу, попытался ретироваться, но дворняга нагнала его посреди двора, и началась схватка, во время которой пес уронил заряд и со всех ног умчался в буш. Рыжая дворняга с интересом обнюхала сало, которым был обмазан заряд, обнюхала второй раз и собиралась повторить в третий, как вдруг...

Заряд был отличного качества: динамит доставали в самом Сиднее, да и сделан он был с большим умением. Пере-пуганные парни увидели, как кухня заплясала на фундаменте. Когда развеялся дым и опала пыль, перед взорами старателей оказался забор с разметанными там и сям жалкими остатками рыжей дворняги.

Верный пес тем временем уже вертелся в лагере трех золотоискателей, довольный тем, что наконец случилось хоть что-то интересное и он наигрался всласть. Один из старателей привязал пса на веревку и вновь занялся ужином, а второй отправился вытаскивать промокшего товарища из глубокой ямы.

Эта история надолго сохранилась в памяти здешнего люда, и еще многие годы каждая проезжавшая в тех местах телега останавливалась у лагеря трех старателей, возница приподнимался на козлах и кричал: «Ну, как там, ребята, клюет рыбка?»

Для охраны огромных стад овец была необходима собака, которая могла бы стать помощницей пастухов. Такая собака (австралийская овчарка — келпи) была выведена в Австралии из нескольких пород — староанглийской овчарки, шотландской овчарки (колли), динго и рыжего бобтейла. Она прекрасно переносит тяжелый климат материка, легко преодолевает значительные расстояния и поэтому отлично подходит для охраны крупных овечьих стад. Собаки этой породы пользуются огромным спросом во всем мире благодаря своему острому уму и большим способностям. Келпи отличается изящной формой головы, у нее стоячие уши, удивительный окрас — от черного через ярко-рыжий, красный, шоколадный до пепельно-серого, рост ее около полуметра.

В настоящее время в крупных овцеводческих хозяйствах работают в общей сложности около восьмидесяти тысяч собак этой породы. Именно работают, и о них справедливо говорят, что они могут все. Не могут только говорить.

И как знать, возможно, неразговорчивые в своей массе австралийцы любят их еще и за это? Какую же роль играют эти собаки? Почему австралийцы так страстно преданы именно келпи?

Приведу, к примеру, случай, связанный с келпи, который буквально вошел в историю. Однажды (это было в ноябре 1970 года) со скотоводом Франком Лоутоном произошло несчастье: лошадь внезапно понесла и выбросила его из седла. Лоутон упал очень неудачно — сломал бедро. Все произошло в нескольких километрах от его фермы, расположенной в Новом Южном Уэльсе. Австралийское лето было в разгаре, несчастный лежал под палящими лучами солнца, его мучила жажда. Подтягиваясь на руках, Лоутон из последних сил стал продвигаться к дому.

Этот кошмарный путь продолжался трое суток, и все время собака, которая была с ним, не покидала своего хозяина, как бы оказывая ему поддержку своим присутствием. Она понимала, что хозяин хочет пить, поэтому время от времени убегала в поисках источника. Найдя ручей, животное, побираясь в воде, со всей возможной быстротой возвращалось к хозяину, чтобы тот мог слизать воду с мокрой шерсти и освежить лицо. Благодаря этому Лоутону удалось преодолеть столь тяжкий путь. Он добрался до дома и был спасен.

Ум келпи не поддается описанию. Я уж не говорю о дрессированных собаках, выступающих в цирках. Группа дрессированных животных под названием «Чудо-собаки» состоит исключительно из келпи. Одна бренчит на гитаре, другая поет, третья может выполнить двести номеров и, кроме того, понимает и правильно исполняет сто словесных приказаний. Их тренер Артур Райп живет в Сиднее и занимается с келпи вот уже более тридцати лет. Щенок келпи поддается дрессировке, не достигнув шести недель, основные навыки усваивает в течение трех-четырех дней. Для дебюта на арене вполне достаточно трех месяцев дрессировки. Профессиональные скотоводы, разумеется, говорят с отвращением об этой показухе. Истинным призванием келпи они считают работу на бескрайних пастбищах, а не в цирке.

По сей день вспоминают келпи, ставшего героем сиднейской выставки собак в 1893 году. Он без сучка без задоринки прошел первый тур соревнований и получил максимальное количество очков. И надо же было случиться, что вечером накануне второго тура келпи попал лапой

между спицами колеса и сломал ее. Хозяин наложил на лапу лубок, и на следующий день собака на трех лапах обошла всех соперников и стала чемпионкой.

Когда в Австралии стало бурно развиваться овцеводство, а пастбища начали измеряться квадратными километрами и их насчитывались десятки и сотни, возникла проблема их охраны, которой не знала Европа. Были завезены сторожевые собаки самых различных пород, но все они оказались непригодными для работы в здешних условиях. Существующая в Сиднее организация под названием Совет келпи, которая занимается только проблемами, касающимися келпи, хранит очень подробные сведения о родословных, таким образом давая возможность установить происхождение буквально каждого келпи в стране. На языке кельтов келпи значит «дух воды». Овцеводы предпочитают собак более темной окраски, утверждая, что они намного сильнее и выносливее других, хотя такое утверждение ненаучно. О том, что в жилах келпи течет и кровь динго, говорит способность келпи и динго «гипнотизировать» овец, как бы мысленно отдавая им приказания и заставляя животных выполнять их. Иногда эта способность келпи демонстрируется на соревнованиях.

Если какой-нибудь мощный баран выходит вдруг из повиновения, келпи бросается на землю и ползет на брюхе. Взгляд его карих глаз направлен на непокорного, приводит его в беспокойство. Баран трясет головой, как бы пытаясь сбросить с себя тяжесть «злого глаза», но не тут-то было: строптивец не в силах больше сопротивляться, покорно бредет в том направлении, которое взглядом указала ему собака. Еще в прошлом веке было замечено, что келпи способны навязывать свою волю другим домашним животным, например курам. Взглядом они могут загнать цыпленка в банку. Австралийцы, которые обожают красочные сравнения, говорят, что келпи снабжен мотором мощностью в три лошадиные силы, потому что одна собака управляет с тысячью овец, а это — работа трех пастухов, конечно же верховых.

Другая характерная черта келпи — невиданная выносливость. Без тени усталости эта собака пробегает пятьдесят километров в день, при этом она охраняет овец и гонит их в указанном человеком направлении. Во время соревнований собака должна за четверть часа выполнить следующие действия: приблизиться к группе овец, прогнать их сначала по узкому мостику, затем через ворота, кото-

рые изображают вход на огороженное пастбище, и, наконец, загнать овец в загон, где они обычно пребывают. Исполнение каждой части задания особо фиксируется судьями, оценивается в очках. На жаргоне собаководов каждое из этих действий собаки имеет особое название. Хозяин собаки, участвующий в соревнованиях, имеет право отдавать ей только установленные правилами приказы и сигналы — свистеть, показывать рукой направление, давать словесные указания. Но в поле, на пастбище, в каждой дневной работе собаке приходится действовать, исключительно согласуясь со своим опытом и способностями.

Если келпи случится оказаться в переполненном овцами загоне или в плотно сбившемся стаде, он перепрыгивает через них или бежит по их спинам, чтобы выбраться на свободное место.

Все ли собаки годятся для обучения? Один из известных инструкторов, Берт Кэрнс, говорит, что келпи — «тоже люди»: одни обучаются очень быстро, другие с известными трудностями, и встречаются, хотя и редко, такие, которые не поддаются обучению. Кэрнс считает также, что главное — дать собаке возможность проявить свои природные таланты. Его любимый воспитанник, красношерстный Кинг, от хозяина ждет только сигнала о том, что пора загонять стадо. Все остальное он делает совершенно самостоятельно. Инструктор говорит, что Кинг, как и очень многие келпи, настолько умен, что может отличить больную овцу от здоровой. Самое главное, продолжает он, что келпи отлично приспосабливается к любым условиям. Действительно ли у них есть частица крови динго? Лично он этому не верит, да и какое это имеет значение? Все равно келпи — лучшая собака в мире, а это важнее всего.

Австралийцы тратят четыреста миллионов в год на покупку, содержание, питание, перевозку, духи, косметические операции, обследования у психологов и похороны... собак, которые все вместе сейчас представляют собой как бы копию человеческого общества. Для собак имеются противозачаточные средства, их берут с собой в отпуск, водят в салоны красоты, они регулярно проходят осмотр у ветеринаров, в случае болезни их перевозят в специальных «каретах скорой помощи», наконец, они проходят курс диетического лечения, чтобы сбросить лишний вес. В Австралии насчитывается полтора миллиона комнатных собак, полмиллиона кошек, полмиллиона птиц. На корм

для собак и кошек расходуется ежегодно сто сорок миллионов долларов. Три с половиной цента с каждого доллара, потраченного в магазине самообслуживания, приходится на питание комнатных животных. Две с половиной тысячи ветеринаров занимаются лечением исключительно этих животных. В одном только Мельбурне действует сто магазинов по продаже собак, сто пансионатов, где собаку можно оставить на время, пятьдесят салонов красоты для собак, пятьдесят предприятий по изготовлению питания и шесть предприятий по перевозке больных собак. Председатель Королевского общества по борьбе с жестоким обращением с животными, ветеринар, говорит: «Ветеринар должен отдавать себе ясный отчет в том, что он лечит не только животных. В сущности, он помогает и людям. Некоторым людям животные заменяют детей, даже внуков. Есть люди, для которых собака или кошка — единственный спутник жизни».

Любовь к комнатным животным, несомненно, приносит огромные прибыли предприятиям пищевой продукции, изготавлиющим питание из куриного, кроличьего, кенгурунского мяса, из печени, различные сушеные продукты, а также крошечные кусочки-лакомства в упаковке (пропитанные разнообразными приятными ароматами), которые животные очень любят. По мнению ветеринара, половина животных страдает избыточным весом. «Правда, — говорит врач, — часто я не решаюсь сказать об этом хозяевам, потому что поводок каждой перекормленной собаки, входящей в мой кабинет, держит раздутый от пива мужчина». Для собак производятся прекрасные игрушки, например пластиковые кости. В магазинах полно шампуней для собак, одеколона, различного брильянтина на очищенном масле какао. Для них работают маникюрные, роскошно оборудованные кабинеты. Для четвероногих продаются пальто и одеяла с электрическим подогревом.

Некоторые пансионаты для временного пребывания животных отличаются особо комфортабельными условиями. Пребывание в пансионате обходится от девятнадцати до тридцати долларов в неделю. Собака там находится в помещении с кондиционированным воздухом, изrepidукторов слышится спокойная музыка, в распоряжении клиента имеется бассейн, кое-какие дела он может сделать под индивидуальным кустом, а кухня — кухня на самом высоком уровне. «Человек должен быть уверен, что в его отсутствие (если он в отпуске или уехал по

служебным делам) его собака не страдает от неудобств, — говорит владелица одного из таких заведений. — Правда, наши постоянные гости, как правило, страшно избалованы. Собаки спят на специальных бумажных матрацах, покрытых одеялами. Некоторые имеют привычку после обеда есть сладости, или, скажем, такой каприз: клубника после ужина. Однажды у нас жил сиамский кот, который после каждого приема пищи непременно должен был съесть цветок фиалки. Был среди наших отдыхающих черный лабrador. Однажды его хозяйка пришла как раз в тот момент, когда мы передавали по радио концерт для собак, и потребовала включить для ее любимца исключительно музыку Бетховена и Баха, так как у него очень изысканные музикальные вкусы. Когда я объяснила ей, что это невозможно, она с возмущением удалилась».

И наконец, насладившись беззаботной, роскошной жизнью, собака находит вечное пристанище на первоклассном кладбище.

Один из знатоков проблемы «человек и его любимое животное» замечает, что это стремление к очеловечиванию животных противоречит природе вещей.

Ночь в пустыне насыщена тревогой. Странное мерцание — отражение света от мириадов песчинок-зеркал в лунном освещении — дает удивительный эффект. Иногда можно видеть блуждающие огни, ярко мигающие в темноте тут и там и исчезающие при приближении. Аборигены называют их мин-мин. Суеверные белые путешественники утверждают, что это светятся костры тех, кто навечно остался в пустыне. Иногда в темноте вспыхивает пара горящих глаз. Ходят легенды о разных видениях, которые появлялись только раз, и больше их никто не видел. Всему миру известно, что Шотландия славна своим чудовищем из озера Лох-Несс, что в Гималаях живет снежный человек, так чем же хуже Австралия?

Говорят, что в Синих горах видели огромную человекообразную обезьяну. В другом месте таинственный хищник, напоминающий гигантскую кошку, за одну только ночь загрыз сотню овец. Рассказывают о странных существах, потомках животных, уцелевших после крушения корабля, везшего еще в прошлом веке цирковой зверинец. Эти животные носят название тех поселков или местностей, где их впервые увидели. Каких только были и небылиц о них

не рассказывают, присовокупляя к ним и выдумки о людях, чтобы хоть чем-то выделиться!

Знаете, где находится Юкла? Конечно, не знаете. Я тоже не знал, пока не побывал там. Это маленький поселок на западном побережье материка. Он возник после того, как один заблудившийся путешественник нашел источник пресной воды, что спасло ему жизнь. Позже поселок некоторое время служил передаточной станцией телеграфной линии, соединившей Перт с Аделаидой. Когда же вдоль трансконтинентальной линии железной дороги появилась современная телефонная сеть, станция утратила былое значение. Пристань стоит, как стояла прежде, но корабли уже не заходят сюда. И вот поблизости от поселка, в пустыне Налларбор в 1971 году произошли странные события.

Ловцы кроликов, которые обычно заходили далеко в глубь равнины, рассказывали, что видели нагую девушку несказанной красоты, бегущую по равнине в окружении стада кенгуру. Новогодние газеты в 1972 году разнесли весть о «Налларборской нимфе». Сообщение перепечатали крупнейшие еженедельники Америки. Би-би-си раструбрила новость на весь свет, а группа операторов крупнейшей телевизионной компании США Си-би-эс только и ждала сигнала, чтобы вылететь на место события и показать всему миру необычное явление. Один житель Аделаиды заявил, что это, наверное, его дочь, которая однажды вышла из дома и больше не вернулась. Другие решили, что это какая-то девушка, которой наскучила монотонная жизнь большого города.

Однако все оказалось значительно проще: жители поселка Юкла, огорченные тем, что их местность всеми забыта, за кружкой пива решили исправить положение. Соблюдая осторожность, они очень ловко «позволили» просочиться сведениям о том, что в пустыне видели нагую девушку, сопровожданную стадом кенгуру. Возможно, покажется неправдоподобным, но замысел компаний веселых дружков из маленького поселка был приведен в исполнение настолько профессионально, что им могли бы позавидовать лучшие специалисты по рекламе.

Некоторые из подобных «открытий» обрели очень долгую известность. Так, в 1821 году один путешественник и зоолог заметил в австралийском озере гиппопотама. После очень трудных, продолжительных и дорогостоящих поисков он был вынужден признать свою ошибку. Но окрестное население не пожелало отказаться от достопримечательности,

и еще долгие годы множились рассказы об удивительном чудовище, обитающем в водах озера.

Что касается человекообразных обезьян, которых, по неоднократным свидетельствам, якобы удалось увидеть уже в наше время, то над этим стоит задуматься. Известный сиднейский зоолог Рекс Гилрой сидел однажды на камне в Синих горах и ел бутерброд. Вдруг он увидел, как с растущего неподалеку дерева спрыгнуло существо ростом около ста восьмидесяти сантиметров и типичной обезьянней походкой проследовало в заросли. Оно было покрыто шерстью и напоминало обезьяну. Возможно ли, что почти рядом с таким крупным городом, как Сидней, живут человекообразные обезьяны?

В 1973 году в северо-западном предместье Сиднея по ночам слышались странные голоса, которые приводили в панику лошадей и других домашних животных. Распространились слухи о странных существах, поселившихся на берегу речушки, вернее, узкого и длинного заливчика. Местные власти предприняли ряд мер по защите населения, но в конце концов тайна раскрылась. Оказалось, что юноша из числа золотой молодежи никак не мог добиться взаимности девушки, жившей на противоположном берегу залива. Ему пришло в голову попытаться снискать ее благосклонность старинным способом — исполнением серенад, но на современный манер: с помощью транзистора. Он купил самый мощный усилитель, подключил его к микрофону, в результате чего его любовные призывы превратились в жуткие вопли, пугающие и людей и животных. Когда электронное ухаживание было пресечено, исчез и источник беспокойства.

Австралийцы убеждены, что где-то еще обитает могучее животное, похожее на тигра. Возможно, их убеждение поддерживается памятью о так называемом тасманском тигре, который вымер на Тасмании лишь в тридцатых годах нашего столетия, а на материке исчез еще четыре тысячи лет назад. И все-таки время от времени возникают слухи, что он сохранился в гуще тасманских лесов и окружен молчанием предусмотрительных лесничих, не желающих, чтобы нашествие любопытных туристов спугнуло его. Во всяком случае, в 1977 году двое полицейских видели тигра во время патрульного объезда своего участка. Один из них, натуралист-любитель, отлично знающий буш, утверждал, что у него нет ни малейших сомнений в том, что виденное им животное — тасманский тигр. Но ученые хотят

иметь неопровергимые доказательства — фотографии, клочки шерсти, гипсовые слепки следов. Разумеется, представить такие доказательства непросто, а значит, и непросто проверить правдоподобность подобных сообщений⁷.

Однако не стоит ими и пренебрегать: в окрестностях маленького поселка Тантанула в девяностых годах прошлого столетия разбойничал прожорливый тигр, жертвой которого стали сотни овец. Ученые весьма скептически воспринимали сообщения о хищнике, пока в 1895 году Том Донован не застрелил животное огромных размеров, чучело которого по сей день стоит в вестибюле отеля, глядя стеклянными глазами на сотни туристов, ежегодно прибывающих сюда полюбоваться тигром из Южной Австралии.

Правда, тигр оказался волком. Предполагалось, что он приплыл с корабля, который вез цирковой зверинец (о нем уже упоминалось выше), и разбрелся о прибрежные скалы. Что касается других странных животных, то здесь иногда думают, что фантастические рассказы о них содержат долю правды: ведь мог бы этот волк, который некогда угощался вкусной бараниной, а теперь украшает вестибюль, дать потомство, соединившись с собаками динго или даже с местными дворнягами!

Осталось рассказать лишь о кроликах, раз уж они упоминаются в названии этой главы. История о них настолько известна, что вполне достаточно лишь упомянуть об одном британце, поселившемся в западной части штата Виктория, который сначала перетравил стрихином всех хищников, таких, как динго и орлы, затем отравил местное племя аборигенов с помощью так называемого «смертельного пудинга» — лепешек с мышьяком — и лишь после такой весьма тщательной подготовки территории уже без каких-либо опасений выпустил на здешние просторы привезенных из Европы кроликов. Теперь кролики заполонили всю Австралию.

На этом континенте находится самый длинный забор в мире — его протяженность девять тысяч шестьсот пятьдесят километров. На его содержание уходит уйма денег, но местные землевладельцы без слов оплачивают огромные счета по ремонту: благодаря этой защите от нашествия кроличьих орд они имеют возможность содержать в Новом Южном Уэльсе восемь миллионов овец.

⁷ Имеется в виду тасманский волк — животное, неверно называемое тигром из-за полосатой окраски.

Без забора это было бы невозможно.

В одной местности их было такое множество, что для расстановки силков зверьков приходилось буквально расталкивать. Борьба шла не на жизнь, а на смерть, и вопрос стоял так: кому будет принадлежать Австралия — человеку или кроликам? Человеку помогла запланированная эпидемия кроличьего заболевания, но можно ли считать, что сражение выиграно?

С фронта борьбы с кроликами время от времени поступают сообщения об очередном поражении человека. Так случилось в 1974 году во время выжигания сухой травы в Южной Австралии, когда на притаившихся в кустах зверьках загорелась шерсть. Они пустились бежать и подожгли пастбища. Вспыхнул страшный пожар, во время которого выгорело несколько десятков тысяч гектаров пастбищ. Сто пожарных не могли справиться с огнем, и был момент, когда фронт огня достигал шестнадцати километров, а пламя вздымалось на семиметровую высоту.

Но сейчас люди расхрабрились до того, что заложили в Новом Южном Уэльсе кроличью ферму, где насчитывается около полумиллиона кроликов, предназначенных прежде всего для получения мяса и шкурок на экспорт. Это вид кроликов, подобный новозеландскому крупному, который не способен жить в природных условиях и, что не менее важно, спариваться с диким кроликом.

И какая нам польза от ваших овец?

В 1973 году Австралия подарила Китаю великолепного племенного быка, который официально значился как «7310», согласно году китайского календаря, в котором он был доставлен в Пекин. Руководитель коммуны, где находится этот бугай, называет его «трудолюбивым и честным работником». Но так было не всегда. Вначале бугай плохо переносил холод и тосковал по австралийскому солнцу, и тогда китайцы дали быку оскорбительное прозвище, ставящее под сомнение его мужские достоинства... Когда весть о позоре достигла Австралии, представителям правительства пришлось отвечать в парламенте на целую серию деликатных вопросов. Однако виновник переполоха, «7310», пережив в Китае три зимы и прибавив к прежнему весу (шестьсот килограммов) еще триста, приступил к своим обязанностям. Теперь его потомство множится, и китайцы им довольны.

Самолет приземлился на ахмадабадском аэропорту в Индии около полуночи; несмотря на это, его встречали около трех тысяч человек, так как желали убедиться, что их мечты исполнились. Многие крестьяне прибыли из очень удаленных деревень и ждали австралийский рогатый скот, который буквально упал к ним с неба. На борту транспортного самолета было двести молодых бычков, предназначенных для индийских крестьян. Животные, первыми ступившие на индийскую землю, тут же были увешаны гирляндами живых цветов. Очевидцы утверждают, что здесь даже джазовые группы не встречались с такой торжественностью. Несколько дней спустя десять тысяч индийцев явились на митинг, на котором губернатор произнес благодарственную речь.

Представитель из Австралии, сопровождавший транспорт и затем наблюдавший за распределением бычков, в каждой деревне произносил речь в ответ на приветствия местных деревенских старост. То обстоятельство, что они не знали английского, а он не понимал их языка, не имело ни малейшего значения.

Этот австралиец был представителем организации, носящей знаменательное название: «Для тех, у которых меньше». Организация была добровольная, и неимущим она стала транспортировать не готовый продукт, а быков-производителей. Другими словами, после исследований на местах было установлено, что индийские коровы, покрытые австралийскими быками, начинали давать не один жалкий литр молока в день, как прежде, а пять-десять литров. Со временем снабжение австралийскими бычками значительно увеличилось, ибо ко всему прочему оказалось, что австралийские породы намного лучше акклиматизируются в Индии, чем какие-либо другие.

Казалось бы, у австралийцев появился повод гордиться собой, но они вполне самокритично заявляют, что их страна, где на каждого жителя приходится по пятнадцать голов скота, могла бы себе позволить значительно более обширную программу помощи развивающимся странам, тем более что каждый год скотоводы намеренно уничтожают часть рогатого скота и овец, так как их перепроизводство невыгодно. В то время как многие народы мира голодают, в Австралии дело дошло до того, что в 1976 году в одном только штате Виктория было забито и закопано в землю восемьдесят тысяч голов скота, так как цены на него были очень низкие: корова, например, стоила

десять долларов. Скотоводы подсчитали, что даже перевозка скота на скученные пункты будет им в убыток. Так что австралийцы владеют огромным количеством «живого инвентаря» для пожертвований и могли бы существенно поправить поголовье скота и производительность животноводства в развивающихся странах, но... Авиаперевозка из Австралии в Индию одного бычка стоит полтысячи долларов! Отсюда лозунг: «Купи билет корове — и ты спасешь человеческую жизнь...»

Толчком к развитию овцеводства в Австралии стала так называемая оздоровительная шерстяная система — изобретение профессора Штутгартского университета Густава Егера, который провозгласил, что человеческое существо может обрести истинное счастье только при одном условии: если оно будет носить одежду из нитей животного, а не растительного происхождения. Итак, только шерсть. Нет хлопку и льну! Человек, заявлял профессор, каждый день должен носить облегающую нижнюю шерстяную рубашку с длинными рукавами и кальсоны до самых щиколоток — для «защиты от сквозняков».

Авангард интеллектуалов с восторгом принял «теорию» доктора Егера. Оскар Уайльд и Бернард Шоу стали его горячими сторонниками. Затем это нововведение покорило и родовитую знать. Вошли в употребление носки с пятью пальцами и патентованные шерстяные наколенники. Военное министерство с интересом приняло к сведению, что сам фельдмаршал фон Мольтке носит белье, рекомендованное Егером. Возможно, оно употреблялось и остальным офицерским составом, а может быть, патентованное шерстяное белье было одним из факторов победы Германии в войне с Францией.

Предприятия не знали отдыха, чтобы обеспечить спрос на белье, которое не оставляло не защищенным ни кусочка тела между подошвой и подбородком. Достижения новинки превозносились в самом высоком, почти библейском духе во множестве проспектов, снабженных рисунками, изображающими настоящего джентльмена с убийственными усиками и бородкой, в кальсонах и нижней рубашке фирмы Егер. Новая мода не только охраняла от стужи джентльменов холодной Англии, но и согревала надеждой овцеводов далекой страны, расположенной в нижней части глобуса.

Итак, начало скотоводства было более чем скромным. В 1788 году на материке имелось двадцать девять тысяч

овец. В 1791 году в Сиднее объявился Джон Макартур, поручик корпуса Нового Южного Уэльса, который и заложил фундамент овцеводства.

Когда в порт приходил американский корабль, Макартур и его коллеги по корпусу скупали все спиртное и все товары, а затем продавали, получая крупные прибыли, поскольку были монополистами. Даже солдатам платили ромом. «Ромовый корпус», как стали называть компанию Макартура, целиком захватил рынок. Один личный враг Макартура называл предпримчивого офицера «острым, как бритва, и прожорливым, как акула».

В 1801 году Джон Макартур привез в Англию образцы австралийской овечьей шерсти. В 1805 году он возвращался в Австралию с шестью мериносами (из королевского завода в Кью) на борту. Губернатор Уильям Блай, профессиональный моряк, опасался развития скотоводства в крупных масштабах и слал ему гневные письма: «И какая нам польза от ваших овец? Или Ваша милость желает иметь столь великие стада овец, каких человек и не видывал? Ни в коем случае, сэр!»

Десятками лет скотоводы Австралии скрещивали своих овец с теми, что импортировали из Франции, Саксонии и Южной Африки. Огромные стада перекочевывали с места на место на всем бескрайнем континенте. Люди либо сколачивали на скотоводстве большие состояния, либо без следа исчезали на неисследованных территориях.

Теперь прошедшее время пора сменить на настоящее. Кстати, современный скотовод не слишком далеко ушел от прежнего, по крайней мере в одном отношении: он также ведет упорную борьбу с силами природы, потому что Австралия никогда не подчинялась человеку без борьбы. И тем не менее обыватели ворчат. «Да все эти фермеры только и знают, что полеживают на веранде да посматривают, как жиреют их овцы...» Полно, так ли это?

Скотоводы — не на одно лицо. У одного всего-то владений, что небольшой кусочек пастбища вдоль берегов речушки, существующей только в период дождей. Хозяин клочка земли может управляться с ним самостоятельно, иногда берет на подмогу соседского мальчика, но есть такие, которые руководят гигантскими фермами из бюро с кондиционированным воздухом и с личным вспомогательным персоналом. Свой глаз — алмаз, но иногда он наблюдает за стадами с борта личного самолета, единствен-но

приемлемого средства передвижения на этих бескрайних просторах.

Мне, пожалуй, и не сосчитать, сколько я видел ферм от Квинсленда до Западной Австралии, но общее впечатление таково: ферма — это нелегкий кусок хлеба.

Ягнята рождаются поздней осенью. Крошечные, беззащитные существа — любимое лакомство хищных птиц и диких собак динго, а скотовод предпочел бы сохранить их для себя. Вот он и стережет свои стада напряженно и бдительно, клеймит ягнят, купает их в растворе, убивающем паразитов. Работы по горло.

Есть такие районы, где засуха длится по несколько лет. В местностях, пораженных засухой, стада просто бросают на произвол судьбы или, если имеются достаточноющие животные для воспроизведения, перевозят их самолетами в более благоприятные районы. Здесь нет места эмоциям, только холодный расчет, если такое выражение подходит, когда речь идет о регионах, палимых солнечным жаром. О ирония судьбы! Именно во время засухи фермер бессильно сидит на веранде, смотрит, как съезжаются, ссыхаются живительные травы, как земля превращается в сухую пыль,несомую ветром.

Слово «пожар» вызывает чувство ужаса. В буше огонь ползет по земле, пожирая пастбища, и вскоре подбирается к стадам. Занимаются кроны деревьев, высокие стволы с ужасающим гулом рушатся на землю. Ветер раздувает пламя, дает ему крылья. Хроники сохранили сообщения о людях, искавших спасения в водоемах, которые обязательно делались в каждом хозяйстве. Огонь штурмовал водоемы, вода в них закипала, и спасательные отряды находили одни лишь кости.

Мне довелось побывать на ферме в период дождей. Ливни не ослабевали ни на минуту в течение двадцати дней, а иногда продолжались и по несколько недель. И вот почти тридцать тысяч овец бредут по степи, еле-еле передвигая ноги. Вес шерсти породистой овцы достигает половины веса тела, и, когда шерсть намокает, упавшая овца не в силах подняться на ноги, ее поднимают. А если это приходится делать не один десяток раз, то легко понять, что пастухи сами валятся с ног. С прекращением дождей и приближением поры стрижки овец есть только один способ сушки стада — гнать по шестнадцать часов в день, то и дело поднимая падающих животных.

Кухня в доме фермера имеет внушительные размеры.

Огонь в ней никогда не гаснет, представляя собой своеобразный барометр жизни: едва тлеет в тяжелые времена, когда стихия уничтожает плоды многолетнего труда, и весело пляшет, когда дуют благоприятные ветры. В кладовой стоит огромный холодильник, а в нем куски баранины, рядом мешки с мукою, сахаром, банки с домашним пивом. Со стен гостиной на гостя смотрят с портретов те, кто явился сюда первыми. Вот дед хозяина дома марширует в 1914 году по улицам Сиднея перед отправкой на далекие поля сражений за короля и империю. Вот его фотография с товарищами по верблюжьей кавалерии, патрулирующей пустыню во время боев с турками в Палестине. Рядом бабушка в воскресном платье, серьезная и озабоченная. Снимки немного поблекшие и старомодные, но отнюдь не смешные.

Это они, эти люди, корчевали леса и создавали пастбища. У них не было ни погреба, ни холодного пива, их грызли мухи, кусали змеи.

Единственным типично австралийским архитектурным сооружением является сарай для стрижки овец. Сейчас судьба этих старых деревянных построек никого не интересует, а ведь в них под одной крышей на стрижке овец работало до двухсот мужчин.

Уже сто лет назад стригали объединялись в артели, работая на договорных началах, переходили из одной фермы на другую. Пожалуй, трудно себе представить более тяжелую работу, чем стрижка сильного, вырывающегося из рук барана, с которого надо не просто снять шерсть, не поранив животное, но сделать это тщательно и быстро, так как работа сдельная. В 1892 году на ферме Элис-Даунс в штате Квинсленд Джек Хоу за восемь часов остриг триста двадцать одну овцу. Его рекорд стрижки простыми ножницами не побит до сегодняшнего дня. Любопытно то обстоятельство, что работа продолжалась ровно восемь часов. Австралия — первое государство, в котором был введен восьмичасовой рабочий день. В 1856 году его ввели для каменщиков Мельбурна, позже для рабочих некоторых других специальностей. Было удовлетворено небывалое по тем временам требование: «восемь часов работы, восемь часов отдыха, восемь часов сна, восемь шиллингов в день».

Профсоюз стригалей образовался только в 1886 году. Для стрижки огромных стад нужен был более совершенный, чем обычные ножницы, инструмент. В 1877 году Фредерик

Йорк Уолсли получил патент на «приспособление, улучшающее ножницы для стрижки овец». В этих механических ножницах стригали угрозу своему трудуустройству. Когда в 1888 году механические ножницы были смонтированы в штате Новый Южный Уэльс, четыреста пунктов для стрижки овец остались без рабочих рук из-за бойкота стригалей. Сто восемьдесят четыре тысячи овец три недели терпеливо ждали, когда люди уладят свои споры и снимут с них шерсть. Наконец стригали побороли свою неприязнь к новшеству, и в 1889 году в Боузн-Даунсе (по тем временам самой крупной ферме в мире) было острижено триста шестьдесят четыре тысячи овец.

Более серьезное испытание выпало на долю профсоюза в 1894 году во время большой стачки, которая полностью парализовала экспорт шерсти из Австралии. Вместо забастовщиков скотовладельцы пытались вербовать всякий сброд, выискивая его в трущобах крупных городов. Группа штрайкбрехеров села на пароход, который должен был доставить их на фермы и который на обратном пути обычно тянул баржи с шерстью. Забастовщики напали ночью на пароход и подожгли его. Уильям Г. Спенс пишет в «Пробуждении Австралии», изданном в 1909 году: «В эту ночь болотный камыш был освещен неверными отблесками пламени. Пожар отражался в воде, огонь высвечивал огромные стволы эвкалиптов. А на берегу реки, прямо напротив пылающего парохода, сидел какой-то парень и наигрывал на гармони песенку „Так был окончен бал”...»

На огромных скотоводческих территориях рождались и умирали люди, которые никогда не бывали в городе. Они получали заработную плату не деньгами, а бонами, которые в местном магазинчике можно было обменять на продукты и товары.

Дело дошло до того, что люди совсем отвыкли от денег. Рассказывают, что некий мистер Оутс с большим трудом уговорил своих работников принять зарплату в соверенах. Напрасно он объяснял им, что это расходная монета империи. «А это кто?» — неуверенно спросил батрак, указывая на изображение на монете. Ответ, что это сама королева Виктория, не произвел особого впечатления на человека, всю жизнь прожившего в степи. Он заинтересовался обратной стороной монеты, представляющей Георгия Победоносца на коне, поражающего копьем дракона. На его вопрос хозяин находчиво ответил: «А это премьер штата Западная Австралия, сэр Джон Форрест

на конной охоте...» — «Ну, если так, то совсем другое дело», — обрадовался работник и взял монету.

У стригалей были свои суеверия, уходящие корнями в старинные шотландские поверья. Так, например, считалось, что стрижка мокрой овцы уносит здоровье. Но кто может определить, годится овца для стрижки или она еще мокрая? Тогда устраивали тайное голосование. Работники сами решали, чем жертвовать — дневным заработком или здоровьем. Разумеется, результат голосования был небезразличен для хозяина стада.

В настоящее время ведется работа по автоматизации стрижки овец на лазерной основе. Глава группы аделаидских бизнесменов, интересовавшихся новым методом, который должен революционизировать все скотоводство Австралии, сказал: «В луче лазера мы видим преемника механических ножниц, которые приводят в действие стригаль. Мы хотим уменьшить расходы на стрижку. Ознакомившись с большим количеством патентных документов, включая совершенно невероятные замыслы, мы отвергли применение химикалий, так как никто не смог нам сказать, как они будут действовать на мясные продукты, когда овца пойдет под нож. Люди думают, что лазер будет пробивать в овце сквозные дыры, но это не так: до сих пор на испытаниях мы не поранили ни одной овцы. Теперь перед нами стоит задача повсеместной и полной автоматизации, и я думаю, мы ее решим, поскольку в нашем распоряжении есть время и деньги».

Государственная научно-исследовательская лаборатория разработала препарат, при обработке которым шерсть приобретает огнеупорные свойства, полностью сохраняя свои качества. Ее можно стирать и сухим и мокрым способом. Сейчас из материала, обработанного новым препаратом, делают обивку для кресел в авиалайнерах австралийских авиакомпаний, для мебели крупных офисов, одежду для водителей автопробегов, для пожарных и охраны аэропромов.

Мартин Р.М. Алстергрин из Турака получил патент на изобретение искусственной овечьей челюсти. Со временем зубы нижней челюсти животного сильно притупляются, и оно не может нормально питаться. Теперь на истерущуюся челюсть цементом прикрепляется полукруглая накладка с острым краем, что позволяет животному пережевывать корм. Протез особенно важен для племенного скота.

Австралийская шерсть насчитывает тысячу сортов. Ей не приходится ждать покупателя. Мир нуждается в шерсти и в баранине, рынки сбыта постоянно расширяются.

«Мы подсчитали,— мечтательно сказал один австралийский торговец шерстью, — что если бы завтра каждый китаец надел бы по одному шерстяному носку, то наши склады шерсти опустели бы...»

Торговля шерстью не такое уж простое дело. Поскольку австралийцы в течение многих лет трудились над выведением лучших пород овец, теперь их не покидает опасение, что любое государство, которое приобрело их племенной материал, может оказаться их грозным соперником. С 1929 по 1970 год существовало полное запрещение вывоза баранов-производителей. В течение двух последующих лет Австралия продала различным странам триста сорок семь баранов за кругленькую сумму — триста шестьдесят три тысячи австралийских долларов.

Тридцать баранов приобрела французская фирма. Однако когда выяснилось, что французы — только посредники, а истинный покупатель — Китай, то поднялась настоящая буря. Тридцать баранов стали предметом референдума. Право голоса получил каждый скотовод, который за год поставил как минимум 1,4 тонны шерсти, что соответствует «урожаю» примерно с трехсот овец.

Во время бурных дискуссий газета «The Australian» поместила карикатуру. Обычно не принято пересказывать рисованные остроты, но я все-таки попытаюсь, тем более что рисунок очень прост. В яслях стоят два барана, и один говорит другому: «Нет, вы только представьте себе, коллега, как сходят по нас с ума эти китайские овцы...»

Австралийцы уже давно стремились выйти на богатые и емкие рынки арабских стран — рынки потребителей баранины, и это им удалось. В 1970 году они вывезли туда около полумиллиона овец, а в 1977 году — уже четыре миллиона.

В двухнедельном плавании участвовала целая флотилия переоборудованных танкеров, транспортов и даже старое пассажирское судно «Амбассадор». Блеяние овец, входивших на корабли, — лучшая музыка для ушей фермеров. Овц в арабские страны необходимо доставлять живыми, потому что там их забивают по мусульманским обычаям: овца должна смотреть в сторону Мекки, быть посвящена Аллаху и только после этого зарезана. Операция удовлетворяет всех, кроме овец и еще, пожалуй, профсоюза забойщиков скота в Австралии, который считает, что его членов лишают куска хлеба. В 1975 году профсоюз потребовал за каждую живую овцу вывозить две забитых.

Однако фермерам удается как-то обходить эту договоренность.

Продолжает ли Австралия жить овцами? Что стало с «блеющим богатством»? Нельзя сказать, что австралийская шерсть уже не ценится на мировом рынке. Австралия остается и еще на долгие годы останется крупнейшим в мире экспортёром этого сырья.

Как же в наши дни происходит процедура стрижки овец? Если зайти в сарай, где стригут овец, то на первый взгляд покажется, что в нем царит неописуемый беспорядок. В воздухе носятся клочья шерсти, потные мужчины бегают туда-сюда. Однако, присмотревшись повнимательнее, замечаешь, что эта очень тяжелая работа прекрасно организована. Мне довелось наблюдать следующую картину. Шестеро мужчин быстро стригли овец, переходя от одного животного к другому. Между ними суетился юноша, который собирал состриженную шерсть и относил ее к большому столу, где двое мужчин занимались сортировкой. Они вырывали из клубов шерсти всевозможный мусор и передавали их оператору прессовочной машины, которая превращала пышные облака шерсти в компактные брикеты, удобные для перевозки в портовые города и дальше по всему свету.

В этот день небо было безоблачно, и солнце хорошо нагрело железную крышу, так что внутри сарайа наверняка было выше сорока градусов, а стригали, словно не замечая жары, почти одновременно выталкивали стриженых овец из сарайа в загон и хватали следующих.

Чтобы составить представление о тяжести стрижки овец даже электрическими ножницами, надо вообразить, какая нужна сила, чтобы перевернуть вверх брюхом огромного барана и держать его так крепко, чтобы, быстро снимая пластины шерсти, не поранить. Тот, кто подбирает шерсть с пола, трудится не менее тяжко, поскольку не имеет ни минуты отдыха и все делает бегом. Стригали работают как бы циклами: два часа стригут, полчаса отдыхают, чистя в это время инструменты. Опытные стригали за два часа настригают шерсть с тридцати-сорока овец. Дневная норма — около ста тридцати овец. Чемпионом мира 1965 года по стрижке овец электрическими ножницами стал австралиец, который отстриг триста сорок шесть овец за семь часов сорок восемь минут. Стрижка одной овцы продолжалась восемьдесят одну секунду. Это очень напряженная работа: известен даже случай, когда во время

соревнований стригалей один из рекордсменов умер на месте от сердечного приступа.

Сейчас стригали, как и прежде, путешествуют группами, но переезжают из одного хозяйства в другое на вездеходах. В наши дни, когда они работают электрическими ножницами, когда переезды не представляют больших трудностей, когда они хорошо питаются и, чтобы утолить жажду, в изобилии получают пиво и другие напитки, стоит вспомнить о тех, кто в героические времена освоения Австралии стриг овец вручную и путешествовал по необъятным степям чаще всего пешком и лишь иногда в небольших повозках.

Период освоения страны был не столь лучезарным, как его изображают некоторые писатели. Иные понимали, что «в монотонной жизни и барабаньем жире нет ни капли романтизма». Первые скотоводы жили преимущественно в жалких, кишащих насекомыми хижинах. Однако именно они добились того, что за тридцать лет Австралия превратилась в главного поставщика шерсти для английских фабрик. Австралийские фермеры постепенно отказались от европейских методов овцеводства. Например, они стали оставлять овец на открытых пастбищах круглые сутки, отчего намного улучшилось качество шерсти. Кроме того, они начали разводить мясных овец, чему особенно способствовало появление судна-рефрижератора.

Те, кто создавал «травяные державы», были необычными людьми. Большинство крупных фермеров отличались жестокостью и алчностью, но они добивались своей цели. Возьмем, например, Джеймса Тайсона по прозвищу Голодный Тайсон — короля скотоводов. Его карьера незаурядна, если учесть, что после смерти (кстати, у него не было наследников) его имущество было оценено в пять миллионов долларов, а это были лишь остатки состояния, так как несколько лет продолжалась засуха, нанесшая значительный урон скотоводу. Начинал же Голодный Тайсон с годового дохода в тридцать фунтов стерлингов.

Когда в 1851 году в Австралии вспыхнула «золотая лихорадка», Тайсону пришло в голову перегнать стада туда, где было найдено золото. Таким образом, во времена, когда о холодильниках не было и речи, Тайсон транспортировал свежее мясо на четырех ногах. На территории прииска он открыл небольшую лавку, где и продавал мясо золотоискателям. В результате он сколотил неплохой капиталец и начал скупать земли, все увеличивая

свои владения. Тайсон прославился своей скрупульностью. Так, отправляясь в путь, он брал с собой шиллинг, чтобы заплатить за паром, но каждый раз ему было жаль отдавать деньги, которые он мог бы потратить более разумно, и он со своим конем преодолевал быстрое течение реки вплавь. Шиллинг сохранялся, но запасы, без которых в те времена нельзя было выезжать в буш, намокали, и тем не менее Тайсон никогда не выбрасывал их.

Было бы неверно думать, что Тайсон нажил огромное богатство только благодаря скрупульности. Его биограф утверждает, что оно добыто неиссякаемой энергией и удачливостью. Он никогда не позволял себе выпить ни рюмки вина, никогда не курил. И те, кто его хорошо знал, не могли бы обвинить его ни в одном смертном грехе, кроме алчности. Он настолько владел собой, что даже при самых трудных обстоятельствах ни одно ругательство не сорвалось с его языка, а простота его жизни и привычек обезоруживала даже тех, кто завидовал его богатству.

Тайсон был известен тем, что очень просто одевался и часто, смешавшись среди своих работников, не знаявших его в лицо, проверял их работу.

Австралийцы, так же как и англичане, обожали иносказания, с помощью которых смягчали горькую правду. Если землевладелец говорил наемному рабочему: «Какой прекрасный сегодня день для путешествия», это означало, что онуволяет батрака. Лучше всего характеризует Тайсона история, рассказанная очевидцем. В его времена безнаказанно использовался детский труд. Тайсон взял на работу в свой дом голодную сироту из приюта. Оказалось, что Мэри страдала распространенной тогда формой слепоты, вызванной недоеданием. Из-за плохого зрения девочка с трудом передвигалась, но это не помешало Тайсону сразу же определить ее на работу. За столом Тайсон обычно сам нарезал кусочки мяса. Можно не упоминать, что кусочки, которыми он наделял своих сотрапезников, были более чем скромными. Как-то за ужином он пододвинул девочке ее порцию мяса и спросил: «Ну, как у тебя с глазами, Мэри?» Девочка ответила: «Очень скверно, мистер Тайсон. Я даже не вижу мяса на тарелке». На следующий вечер хозяин снова спросил, выдавая ей тоненький кусочек говядины: «Ну, Мэри, а как сегодня твои глаза?» — «Думаю, мистер Тайсон, — ответила бедная

девочка, — что сегодня немного лучше: сегодня я сквозь мясо вижу тарелку..."

Одним из крупнейших помещиков в Австралии считается Сидней Кидмен. О нем говорят, что он мог проехать из Аделаиды в Южной Австралии до Дарвина на ее северной оконечности, то есть несколько тысяч километров, не покидая своих владений.

Яркой фигурой был похититель скота Гарри Редфорд. Почему именно его образ запечатлелся в памяти потомков? В 1870 году ему сказочно повезло: в штате Квинсленд он увел стадо в тысячу голов и переправил одному ему известными тропами в Аделаиду (Южная Австралия). Сейчас этот путь можно проделать на авиаляйнере за несколько часов. Редфорд был арестован и предстал перед судом, но суд присяжных, восхищенный небывалым переходом, не вынес ему никакого наказания. Позже он занялся легальным перегоном стад через пустыню. Покоритель пустыни утонул в 1901 году в возрасте пятидесяти девяти лет, переплавая небольшую речку.

Потомки первых колонистов, заметил один из австралийских историков, в третьем или четвертом поколении, которым достались огромные территории, теперь избавляются от них, так как либо не выдерживают постоянной борьбы с природой, либо просто предпочитают спокойную городскую жизнь. Примером может служить семья Дюрак, судьба которой представляет собой истинно австралийскую эпопею.

Все началось с беспримерного перехода почти через весь континент, длившегося двадцать девять месяцев. В 1883—1885 годах братья Дюрак перегоняли стада из штата Квинсленд в окрестности Кимберли. Это было одно из крупнейших достижений в деле перегона крупных стад, особенно если учесть, что братья не только провели стадо по безлюдным территориям, но и пережили тысячу и одно приключение в поисках воды для себя и для скота. Переход шести с половиной тысяч животных по незнакомым землям положил начало саге о роде Дюрак. Нельзя считать этих первопроходцев простыми пастухами, хотя родом братья из бедной ирландской семьи, которая приехала в Австралию в 1849 году; они были интеллигентными людьми, а их воспоминания под названием «Сыновья в седле» и «Короли травяных держав» — захватывающее чтение.

Жена одного из создателей этой скотоводческой «державы» однажды сказала: «Если это можно назвать королевством, то мы — короли, владеющие травяными державами, которые

любой ветер может снести с лица земли». И действительно, королевство разметал ветер, но семена травы цепко держатся за землю, которую сейчас возделывают другие люди, другие семьи.

Местность Эсперанс в штате Западная Австралия может служить одним из примеров того, как энергия человека и современная технология способны преодолеть непреодолимые преграды и создать процветающие хозяйства на территориях, признанных непригодными для возделывания.

Когда-то район именно таким и считался. Однако со временем были созданы смеси искусственных удобрений, разработаны методы хозяйствования, которые обеспечили успех земледелию. К тому же к делу подключились богатые эмигранты из Соединенных Штатов. Подсчитано, что на окультуривание трехсот тридцати километров почти полностью песчаного побережья было израсходовано сто миллионов долларов. Те, кто знает, с какой легкостью деньги уходят в песок, удивляются успеху. Конечно, не обошлось без серьезных ошибок, и некоторые инвесторы разорились, но в настоящее время семьсот хозяйств выращивают два миллиона овец и сто тысяч голов рогатого скота на землях, по которым еще совсем недавно бродили несколько голодных кенгуру. Край, некогда носивший название Никогда-Никогда, был назван людьми Здесь и Сейчас.

Иммигрантка, прибывшая из Англии и прожившая четырнадцать месяцев в автоприцепе, рассказывала, что, когда она вселилась в настоящий дом, ее самым большим удовольствием было открывать и закрывать краны. Живя в родной Англии, она и не подозревала, что вода для человека — сокровище.

Путешественники, если они решатся проехать семьсот двадцать километров от Перта в глубь пустыни, немало будут удивлены, узнав, что в одном из хозяйств находится бесценная коллекция произведений искусства. На стенах размещены картины известных австралийских художников, оцененные примерно в миллион долларов. Конечно, здесь, на фермах, в безлюдных краях, люди терпят много неудобств. К этой жизни надо привыкнуть. Женщина, рассказавшая о краях с водой, говорила также, что ее сын каждый день ездит в школу на автобусе шестьдесят километров туда и обратно. Привычка к путешествиям у него, во всяком случае, выработалась. Из больницы, в которой он родился, до его дома было сто километров.

Размеры австралийских ферм трудно представить. Объезд-

чики, которые верхом на лошадях инспектировали территорию хозяйства, чинили заборы, поправляли колодцы, следили за чистотой поилок для скота, были еще более одиноки, чем все остальные отшельники Австралии. Теперь владельцы часто облетают свои хозяйства на небольших самолетах, устанавливая, где находятся стада, какие работы ведутся на полях. Сохранилась легенда об одном молодом человеке — объездчике, которого нанял крупный землевладелец. Только что нанятый на работу юноша получил несколько мешков провианта, лошадь, седло и отправился в объезд.

Прошли годы, на место прежнего владельца земель пришел новый. Просматривая списки своих работников, он установил, что есть человек, в обязанности которого входит объезд хозяйства и починка заборов. Однажды верхом к нему приехал изможденный, худой старик. Новый хозяин посмотрел на него и спросил: «Вы, наверное, отец того юноши, который проверяет мои заборы?» — «Какой там отец, — ответил приезжий, — я младший сын вашего объездчика. Папаша прислал меня сказать, что он только что закончил первый объезд хозяйства, завтра будет здесь и просит приготовить ему следующую порцию провианта...»

Где еще в мире может случиться, чтобы пастух, охраняющий огромные стада, был выбит из седла самолетом? Только в Австралии! В 1978 году в крупном скотоводческом хозяйстве в штате Северная территория в самолете, который контролировал сгон огромного стада, обнаружилась неисправность — не убиралось маленькое колесо на передней части фюзеляжа. Именно оно и ударило пастуха, который свалился с коня, получил легкое ранение и был доставлен в больницу на другом самолете. Хуже было с конем: его пришлось добить.

Когда Дэвид Бредли утром выходит из дома, отправляясь на работу, его жена Сьюзанна нередко ждет возвращения мужа три недели. Неудивительно, так как Дэвид — ветеринар северных районов штата Западная Австралия и практикует на пятой части Австралийского континента от Порт-Хедлена на западном побережье до Дарвина на севере и Маунт-Айза на востоке. Несомненно, это самый обширный ветеринарный участок в мире. Если у вас дело к Дэвиду, то вряд ли вы застаете его дома, где мне довелось побывать, когда я заезжал в Кунунарра. Скорее всего он в этот момент летит на своей авиетке где-нибудь над степью либо лечит в тени дерева какого-нибудь из сотен охотоводческих хозяйств больное или раненое животное.

По окончании университета в Сиднее Дэвид приехал сюда и влюбился в этот край. «Жизнь здесь суровая, — признается он, — но я приспособился к местным условиям, хотя приходится летать на самолете за сотни километров и мой рабочий день продолжается от зари до зари. Для городского ветеринара проехать восемьсот километров к больному животному — целое событие. А для меня — обычное дело. Привычка». Начало было нелегким, но спустя некоторое время среди скотоводов разошелся слух о ветеринаре, который буквально падает с неба. В его самолете полно инструментов для ветеринарных операций. Его вызывают по радио, а за неотложной помощью — через сеть связи, называемой Службой летающего доктора. Он проводит до восьмисот часов в год за штурвалом самолета, перелетает от одного хозяйства к другому, приземляясь прямо в степи, рядом со стадами, чтобы на месте произвести осмотр или оказать помощь.

К каким только животным не вызывают ветеринара! Его пациентами были дорогостоящие племенные быки, чистокровные жеребцы, овцы, козы, собаки, кошки, птицы и даже пеликан. Иногда он дает по радио консультации скотоводам, многие из которых по его совету завели свои ветеринарные аптечки и сами лечат животных.

Есть в Австралии Служба здоровья, которая оказывает помощь населению. За полувековое существование ее сеть охватила самые отдаленные уголки огромной страны. Однако наладить ее было непросто. Первые попытки в 1928 году сделал преподобный Джон Флин, озабоченный судьбой людей, живущих в безлюдном краю без всякой помощи, в вечном страхе перед болезнью или несчастным случаем. Флин знал многое тому примеров. Так, ему был известен человек, которого привезли в ближайший поселок со сломанным позвоночником. Через несколько дней его забрала конная санитарная карета и везла пятьсот шестьдесят километров до железнодорожной станции. Там он был погружен в поезд и ехал еще тысячу сто километров до столицы штата Южная Австралия, где скончался в больнице. Неудивительно, что человек не перенес путешествия... Священнику была также известна история одного молодого пастуха, который неудачно упал с лошади. Его привезли в почтовое отделение небольшого поселка. Руководствуясь указаниями, которые передавались по телеграфу из Перта, находящегося в трех с половиной тысячах километрах, почтмейстер прооперировал несчастному лопнувшим желчным пузырем. Операция прошла успешно, но некоторое время спустя пациент скончался. Вскрытие пока-

зalo, что причиной смерти была малярия, вполне излечимая болезнь. Если бы в поселке был врач, он мог бы спасти больного.

Прежде всего необходимо было наладить связь, а также найти врачей, которые согласились бы преодолевать расстояния в сотни километров. В 1928 году неким Альфредом Трейгером было изобретено педальное радио, которое питалось электроэнергией от велосипедного генератора. Фермеры пользовались азбукой Морзе, потом появились приспособления, позволяющие передавать голос.

Сейчас в Австралии нет такого места, где не появился бы санитарный самолет. В системе Службы здоровья самолеты с предельно коротким разбегом. Следующий этап — подключение особо отдаленных хозяйств к телефонной сети через систему спутниковой связи. Этого Джон Флин не мог себе даже вообразить.

С начала восьмидесятых годов даже край Никогда-Никогда ощутил благодатные результаты от ввода в действие этой системы. Теперь пастухи, оставаясь со своими огромными стадами на дальних пастбищах, могут по транзисторным телевизорам смотреть прямые передачи с Уимблдонского турнира или Олимпийских игр.

Когда я собирался писать эту книгу, люди, жившие «далше, чем далеко», могли только слушать радио, да и то лишь некоторые передачи. Телевидение было для них недоступно, оно предназначалось только для жителей больших городов и наиболее крупных поселков провинции, где местные передаточные центры ретранслировали видеозаписи передач из Мельбурна и Сиднея чуть ли не недельной давности.

Кто же эти люди, что с небольшой горсткой помощников берут на себя ответственность за стадо стоимостью в двести тысяч долларов и больше и отправляются в такие дальние переходы, которые иногда растягиваются на многие месяцы? Не один десяток лет формировался особый тип человека — гуртовщик. С одной стороны, это человек очень подвижный, а с другой — в высшей степени терпеливый, потому что стадо рогатого скота нельзя гнать быстрее, чем девятнадцать километров в сутки, а овцы проходят и того меньше. Иногда в местах, обильных кормом и водой, животных приходится держать на открытом месте, не в загоне, не за забором, ожидая, когда пройдут дожди и наполнят водоемы там, впереди, на пути стада.

Гуртовщик способен жить месяцами в примитивных условиях. Он не берет с собой ничего, кроме спального мешка и

небольшой тележки с провиантом, довольствуется коротким сном, так как за животными надо следить и ночью: нельзя допустить, чтобы они разбрелись в темноте или чтобы среди них возникла паника при нападении динго или от резкого крика ночной птицы. А если это все-таки случится, приходится вскакивать среди ночи и собирать стадо.

Ночные дежурства делятся на смены, однако гуртовщик отвечает за всех и должен для всех служить примером. Он первым на рассвете покидает спальный мешок и последним поздней ночью укладывается на твердую землю немного вздремнуть. Конечно, хорошо, если гуртовщик — человек добрый. А вообще-то каждый из них просто обязан чутко относиться к животным и не менее чутко к своим помощникам: ведь если они его бросят в пути, он окажется в безвыходном положении.

Хороший гуртовщик должен точно оценивать ситуацию. Каждый день полон неожиданностей, а времени на размышления нет. Надо немедленно решать — пережидать на месте опасность или двигаться дальше. Гуртовщику необходимо отлично знать местность, уметь предвидеть погоду, а знание кормовых и питьевых ресурсов на трассе следования помогает ему определить темп продвижения стада. Известно, что иной раз стадо приходит к месту назначения с большим весом, чем в начале пути, если опытный гуртовщик ведет его по тучным пастбищам и не заставляет двигаться слишком быстро.

Профессия гуртовщика содержит в себе значительный элемент азарта. Иногда «ставки» бывают огромными. Может случиться, что источник, в котором гуртовщик собирался поить стадо, высох, и ему приходится в быстром темпе совершать перегон к следующему водопою. Тогда уже возврата нет, потому что непоенное стадо не переживает обратного пути. Бывает, начинаются затяжные ливни, которые задерживают стадо на месте на недели и месяцы. А если при этом возникает угроза наводнения, гуртовщик должен любой ценой отогнать животных на возвышенное место. За одну дождливую ночь пересохшие глиняные карьеры превращаются в топкие болота, а сухие русла рек — в бурные потоки, переправа через которые невозможна.

Ошибка в этой ситуации может привести к гибели всего стада. Расчет должен быть очень точным. Гуртовщик не может позволить себе проиграть крупную игру с природой. Он прекрасно знает природу, доверяет своим людям и лошадям, рассчитывая так чтобы выигрыш достался ему. Ведь на карту ставится и его репутация, которая останется у него на всю

жизнь. Всем известно, с какой молниеносной быстротой разносит вести «телефаг буша». Человеческая память хранит имена и дела людей, которые перегоняли огромные стада по пространствам, равным половине Европы; у костров вспоминают тех, кого давно уже нет, пионеров овцеводства Австралии, например жителя Тасмании по прозвищу Прожорливая Девятисотка. Он был пастухом в одном из самых отдаленных уголков острова. Когда наступила пора стрижки, он погнал свое стадо в пункт, где работали стригали. До центра цивилизации пастух добирался три месяца. Когда он наконец явился, оказалось, что не хватает девяноста овец. Его спросили, куда пропали овцы, на что он спокойно ответил, что ему же надо было что-то есть. Оказалось, что все три месяца он каждый день забивал овцу и съедал ее!

Гуртовщик пользуется безграничным доверием хозяев, ведь они поручают ему почти все свое состояние. За многие годы путешествий гуртовщики обследовали весь Австралийский материк, даже его бескрайние центральные районы. В результате появился тип людей энергичных, уверенных в себе, привыкших рассчитывать только на себя. Однажды пастор стал упрекать пастуха за то, что он не посещает церковь, на что пастух ответил: «А зачем мне тудаходить? Все в округе знают, как ты однажды заблудился в буше в двух милях от своего прихода. Если уж ты на этом свете не можешь найти дорогу, то как ты можешь вести меня в те места, которых никогда не видел? Я — старый бродяга и еще ни разу не заблудился. Если я отправлюсь на небеса и буду надеяться только на себя, то не сбьюсь с дороги, если же пойду по твоей указке, то нет у меня ни одного шанса дойти».

Этот великий Южный континент, на который европейские колонисты прибыли в поисках новых земель, в XIX веке мог предложить только одну ценность — роскошные пастбища.

В Австралии находится самая большая в мире скотоводческая ферма. Трудно сказать, сколько рогатого скота пасется на ее землях, этого не знает даже владелец (по приблизительным подсчетам, не менее семидесяти тысяч). Неизвестно, сколько там рождается каждую ночь телят, а сколько их загрызают динго. На территории хозяйства имеется пятьдесят шесть артезианских колодцев, оно располагает огромным парком грузовиков и собственным аэродромом.

В штате Виктория из-за воздействия ультрафиолетовых лучей шерсть черных овец светлеет на спине. Овцам это совершенно безразлично, но их владельцы от этого страдают, так как выбеленная солнцем шерсть значительно теряет в це-

не. Но и тут скотоводы нашли выход: теперь они одеваются своих ценных овец в легкие «плащи» из искусственных материалов, отражающих ультрафиолетовые лучи. Австралийцы шутят: «Все слышали о волках в овечьей шкуре, а скажите, кто слышал об овцах в синтетических плащах?»

В Австралии ведутся широкие селекционные работы по выведению высокоактивных производителей, но особенно интересные эксперименты, за которыми напряженно следят тысячи стригалей (из страха лишиться работы), проводятся в области создания породы овец, которые сами сбрасывали бы шерсть и, следовательно, не нуждались в стрижке. За основу взята порода, известная еще во времена Римской империи. Опытная овца, сбрасывающая шерсть, была продемонстрирована ста скотоводам, съехавшимся на семинар в Сидней.

Если бы способность сбрасывать шерсть обрели миллионы овец, которые сейчас пасутся на австралийских пастбищах, то девяносто тысяч скотоводов сэкономили бы двести миллионов долларов, которые ежегодно затрачиваются на стрижку. В свою очередь, это лишило бы работы стригалей, кочующих в сезон стрижки с одной фермы на другую. Однако представитель их профсоюза был не слишком обеспокоен новыми исследованиями: «Хотелось бы мне увидеть овцу, наученную сбрасывать шерсть в нужном для хозяина месте, не испортив ее. Овца просто-напросто потопчет шерсть. Можно вообразить, что за качество будет у этой шерсти. Нам никогда не удастся убедить японского покупателя приобретать испорченную шерсть».

Во время демонстрации овца, сбросив шерсть, словно понимая, что находится в центре внимания, смирно стояла голехонькая под взглядами скотоводов, рассуждавших о значении и последствиях этого открытия. Ее шерсть значительно хуже качеством, чем шерсть мериносов, которую австралийцы экспортируют на фабрики всего мира. Это одна из попыток сократить расходы на стрижку в целях радикального изменения цен на австралийскую шерсть и повышения ее конкурентоспособности.

Когда законодатели моды подняли спрос на мохер, австралийские скотоводы приложили все усилия, чтобы как можно скорее выйти на мировой рынок, так как текстильные фабрики Европы платили за шерсть ангорских коз огромные деньги. В Новом Южном Уэльсе за дело взялся племенной ангорский козел, самый дорогой в мире, купленный на аукционе в Мельбурне за двадцать тысяч долларов. Бывший владелец козла,

получивший указанную сумму, сообщил, что на выведение этого замечательного животного его семья потратила сорок лет. Мать скотовода оказалась дальновидной женщиной и предугадала, что настанет время, когда появится большая потребность в подобного рода животных.

Австралийские скотоводы потирали руки. Они были уверены, что ни Южная Африка, ни Техас не в состоянии за короткое время увеличить поголовье своих ангорских стад. Килограмм сырца качественной шерсти стоил двенадцать долларов. С козла получали по шесть килограммов шерсти, с козы чуть больше четырех с половиной, так что дело было доходным. Уф-ф, сколько сказано о «блеющем богатстве». Вернемся лучше к людям, которые его создают. Поговорим, например, о деревенской свадьбе в буше.

Скажем сразу, что Австралия не знает деревни в европейском понимании. В тысяче километров к северу от Аделаиды мисс Пэм Бэрнс выходила замуж за гуртовщика Рэнди Нельсона. На свадьбу явились не только все жители этого поселка, но и гости чуть ли не со всей Австралии. Для свадебного пира было доставлено девятьсот килограммов говядины, а к ней бесчисленное множество банок с пивом, креветки, раки и немного устриц.

Работники из хозяйства Энн-Крик площадью двадцать девять тысяч квадратных километров, поросшей в основном бушем, построили трибуны для зрителей. В честь торжества были устроены конные состязания. И вот в сопровождении звуков открываемых пивных банок мисс Бэрнс стала миссис Рэнди Нельсон, женой гуртовщика.

Первым шафером был сын афганского погонщика верблюдов. К брюкам и башмакам для верховой езды молодая надела красивое голубое платье. Все общество, включая свадебный кортеж, собралось около «алтаря», который состоял из обычного кухонного стола, поставленного на возвышение из бетона.

Тридцатичетырехлетний Рэнди нетерпеливо ждал. «Ребята, я тут кончусь от жары, — обратился он к своим дружкам, которые носили утонченные прозвища, такие, как Колючая Приволока, Кролик, Барашек, Лиса, Динго. — Где этот свадебный малый? Давайте начинать!»

Чиновник отдела записи гражданского состояния, специально прибывший из города на торжество, встал за столиком и призвал собравшихся соблюдать тишину. Все умолкли. Церемония не обошлась без небольшого инцидента. На вопрос: «Желаешь ли ты стать женой Рэнди Нельсона?» — ново-

брачная вместо «хочу» ответила «хочу пить». Новобрачные приняли множество пожеланий и выражений сердечности, потом часть гостей повалила в бар, остальные пошли смотреть скачки. В баре Рэнди произнес речь: «Годами скитался я в здешних местах со стадами. И все вы, здешние жители как бы моя семья. Мы запланировали и свадьбу и скачки, чтобы собралось побольше народу и можно было бы славно выпить».

Крупные скотоводческие хозяйства находятся невероятно далеко от больших городов, так далеко, что трудно себе представить, как живут люди в этих хозяйствах и в маленьких поселках.

Когда влюбленный австралиец хочет поклясться в верности своей девушке, он говорит: «Любить тебя буду, пока в Марбл-Бар не пойдет дождь». Городок Марбл-Бар в штате Западная Австралия известен как одно из самых засушливых мест в стране, вечно жаждущий влаги и вечно палимый солнцем. Прежде здесь большинство браков не регистрировалось, поскольку ближайший священник или гражданский чиновник находился за много сотен километров, поездка на бракосочетание занимала месяц, если не больше, и была очень опасной. На одной из ферм штата Северная территория утвердился своеобразный обычай «самовенчания». Юноша и девушка, желающие вступить в брак, отправлялись к озеру или пруду, бросали в него камень как можно дальше от берега и клялись быть верными и любить друг друга до тех пор, пока камень не всплынет...

Каждая местность чем-нибудь знаменита. Одна славится виноградом, другая — бегониями, третья — баобабами, а Марбл-Бар — жарой. Зной в какой-то мере дает повод жителям для гордости. Так, 11 января 1905 года температура поднялась до 49,3 градуса по Цельсию. Впрочем, теперь жители этого городка могут гордиться и своими цитрусовыми деревьями. Пассажирам остановившейся на стоянке машины стоит протянуть руку в окно, чтобы сорвать к завтраку грейпфрут. Марбл-Бар насчитывает двести жителей, из которых половину составляют аборигены. Дешевые или даже даровые фрукты, несомненно, укрепляют их здоровье. В последнее время в Марбл-Бар узнали, что в новых поселках горняков в пустыне штата Западная Австралия еще жарче. Но жители Марбл-Бар не признают их превосходства. «Подумаешь, высокочки!» — говорят они.

Любопытно, что люди здесь чувствуют себя отнюдь не плохо. Полицейский Гордон Маршалл прожил в поселке две-

надцать лет. Сейчас он на пенсии, но вспоминает свою жизнь в Марбл-Бар с удовольствием. Он так его полюбил, что не являлся на очередные квалификационные экзамены, которые полицейские периодически сдают в течение всей службы, опасаясь, что его повысят в чине и переведут в более крупный город. Он хотел остаться в удивительном городке Марбл-Бар, где можно было приготовить яичницу, поставив сковородку на асфальтированную дорогу. Гордон вырастил здесь сына и дочь и утверждал, что местный климат очень полезен для детей.

В предместьях Перта поселился еще один старожил Марбл-Бар — Фред Норрис, который попал туда при необычных обстоятельствах. В 1944 году он был в чине майора и однажды получил приказ расположиться в Марбл-Бар со ста шестьюдесятью солдатами для несения службы по охране военных аэродромов, находящихся в этой местности. Разместив отважных воинов в поселке, майор тотчас отправился в единственный банк в городе предупредить директора, что через несколько дней ему понадобятся двести фунтов наличными для выплаты жалованья солдатам. Фред так вспоминает об этом: «Когда я зашел в помещение банка, директора там не оказалось, хотя двери были открыты настежь, а на конторке лежал слиток золота. Директора я нашел неподалеку, он пилил дерево. Всей одежды на нем было шорты да башмаки».

Узнав, что привело к нему майора, директор осталенел: «Господин майор, может быть, вы воображаете, что я Аладдин? Да у меня всего-то в банке сто фунтов. Конечно, я могу затребовать нужную сумму из центрального отделения, но оно находится в тысяче шестистах девяти километрах отсюда, и доставка возможна не раньше, чем через две недели. Но, может быть, за это время случатся какие-нибудь поступления!»

Майор Норрис побледнел. Перед глазами возникли картины умирающих от жажды солдат, которым не на что купить банку пива. Тогда они уселись с директором за стол и вместе разработали меры по избежанию катастрофы. Они решили, что солдат надо разбить на три группы и по очереди выплачивать им жалованье. Самая маленькая группа получит его в четверг, побольше — в пятницу, а остальные солдаты — в субботу. Марбл-Бар расположен в пустыне, и никаких развлечений здесь нет. Поэтому, решили стратеги, жалованье первой группы быстро осядет в единственной пивной, двух магазинах и, наконец, на почте, а эти

учреждения каждый вечер обязаны сдавать в банк всю свою наличность. Затем получит вторая группа и т.д.

В соответствии с разработанной схемой первая группа солдат получила жалованье. Поскольку стояла жара более сорока градусов, солдаты немедля отправились утолять жажду в питейное заведение, и их деньги снова оказались в банке! Немалую лепту вложили и горняки близлежащей шахты, а также пехота и летчики, базировавшиеся неподалеку от Марбл-Бар. Таким образом, вспоминает Норрис, «наши сто фунтов обратились в шестьсот». «Нас называли, — продолжает он, — пропащим батальоном. Однажды я видел, как в металлических канистрах кипел авиационный бензин. Когда мы хотели принять холодный душ, из крана лилась такая горячая вода, что невозможно было терпеть».

Теперь в домах Марбл-Бар кондиционированный воздух. Единственный отель всегда может предложить пиво из ходильника, а на деревьях зреет обильный урожай дарового витамина С.

«Могло бы быть и хуже», — сказал хозяин пивной в поселке Тумпин, когда его заведение вдруг лишилось питьевой воды. Оказалось, что один остроумный мальчик бросил дохлого попугая в резервуар, где хранился запас дождевой воды в объеме тридцати тысяч шестисот литров. Пришлось вылить испорченную воду, а потом прекратились дожди.

Пивная находится на равнине, в тысяче километров западнее Брисбена. «Было бы хуже, — повторил хозяин, — если бы у нас не оказалось пива». Это и вправду была бы настоящая катастрофа. Заведение, которое представляет собой обыкновенный барак под железной крышей и стоит у дороги, покрытой красной пылью, торгует пивом вот уже сто тридцать лет. Вокруг зной и сушь и ни одного дома. Ближайший находится в двух сотнях километров отсюда.

А ведь совсем немного не хватило, чтобы эта пыльная дорога превратилась в одну из улиц Тумпина, как и было запланировано в 1891 году. Пожелавшие карты представляют собой план размещения на пяти улицах пятидесяти жилых домов и школы. Но было построено всего семь домов, и, кроме того, здесь находилась станция дилижансов. Теперь ничего этого давно нет. А когда в 1936 году сгорел магазинчик, в безлюдной местности осталась одна пивная. Однако бюрократы не дремлют. В 1976 году казначейство прислало хозяину пивной документы с оценкой стоимости домов в целях определения поземельного налога, хотя домов давным-давно нет, а люди умерли. «Пишу-пишу властям, —

говорит хозяин пивной, — а им хоть бы что: каждый год шлют податные квитанции. Но все-таки хорошо, что кто-то еще помнит о существовании Тумпина». Хозяин этот кроме пивной владеет двумя тысячами овец и пятью десятками голов крупного рогатого скота. Говорят, что у него самая маленькая пивная в мире, но самая нужная для тех, кто проезжает по этой дороге. Динамо дает ему электричество, но, к сожалению, не в таком количестве, чтобы обеспечить постоянное производство льда.

В соответствии с предписаниями имеется комната для постояльцев, однако редко кто задерживается здесь на ночь. Правда, был случай, когда одна семья жила целых три месяца, потому что внезапное наводнение отрезало путь. Вода доходила тогда до самого порога пивной. Вот когда были трудности со снабжением. Дело дошло до того, что, когда вода спала, в пивной осталось всего двенадцать банок пива и почти никакой еды.

Пастухи окрестных пастбищ обычно являются в пивную вечером. Жена хозяина исполняет для них старые песни, аккомпанируя на фортепиано, которому не менее ста лет и которое служило еще в те времена, когда по дороге ездили на телегах, запряженных волами.

Вблизи границы штата Южная Австралия находился небольшой поселок Бердсвилл. Местный полицейский Гордон Томпсон, который осуществляет надзор над обществом из тридцати граждан, нескольких собак и кошек, говорит, что Бердсвилл всегда был любимым местом туристов, тем более что до него рукой подать — всего каких-нибудь тысяча шестьсот двадцать восемь километров от Брисбена. Одно плохо: не совсем подходящая температура воздуха — около 45 градусов по Цельсию.

Самое большое достоинство Бердсвилла — полное единение: тысяча пятьсот километров воздушного пути до Сиднея, семьсот километров до Брокен-Хилла, а ближайший поселок в ста семидесяти километрах. Так что Бердсвилл оставался типичнейшим поселком страны, которую называли Никогда-Никогда или Дальше, чем далеко. И только в семидесятых годах сюда пришли перемены. После ста лет ожидания была проведена телефонная связь. Кажется, что десять абонентов Бердсвилла только теперь смогли оценить по достоинству жизнь в изоляции: в первый же день пуска телефонной линии с рассвета до полуночи раздавались звонки со всех концов Австралии. Люди звонили просто так — узнать, что новенького в Бердсвилле...

Тирания расстояний

Что новенького в Бердсвилле? А что новенького в Мула-Була? Как? Вы не знаете, где находится Мула-Була? Странно, ведь это всего в двадцати семи километрах от Холс-Крик! Не знаете, где Холс-Крик? Да ведь Холс-Крик всего в двухстах двадцати километрах от Кристмас-Крик! Все эти местности лежат в северной части Большой Песчаной пустыни. Ближайший город — тысяча сто километров к северу — Перт. До столицы штата тоже не так уж далеко. Перт находится всего в 2900 километрах от нее. Другими словами, Мула-Була — это все-таки захолустье. На языке аборигенов Мула-Була значит «много говядины». И верно, по последним данным, в тех местах пасется не менее сорока пяти тысяч голов рогатого скота.

Нельзя сказать, что эти крошечные поселки не имеют значения. Ведь они наряду с крупными многолюдными городами на побережье — тоже Австралия. Не надо удивляться, увидев на автостраде предупредительный знак: «Ближайший источник питьевой воды находится в 1230 километрах от этого места». Это тоже Австралия.

Статистическое бюро подсчитало, что если здесь будет поселяться по пятьдесят тысяч иммигрантов в год, то в 2011 году население страны достигнет немногим более девятнадцати с половиной миллионов человек, в настоящее же время там проживает миллионов четырнадцать.

Все в Австралии имеет огромные размеры. Профсоюз машинистов штата Квинсленд добивается повышения заработной платы, требуя приравнять ее к зарплате пилотов гражданских авиалиний, ибо, считает профсоюз, вождение современных поездов требует от машиниста значительно больших сравнительно со старыми психических нагрузок и профессионального мастерства. Кроме того, новые поезда приносят гораздо больший доход, чем старые. Тип составов, о котором идет речь, включает сто сорок восемь вагонов, его тянут три локомотива, а другие три прицепляются в середину состава и работают без бригады, на радиоуправление. Каждый такой состав перевозит до двенадцати тысяч тонн угля.

Вот мы и подошли к самой сути дела. На приусадебных участках предместий Сиднея и Мельбурна нельзя выпасти сто с лишним миллионов овец. Приходится идти с огромными стадами в глубь материка. Миллионы лет назад мать-природа не пожелала расположить свои сокровища в

Австралии так, чтобы они оказались под рукой у человека. Приходится искать их на бескрайних просторах континента. «Золото есть только там, где его найдут», — гласит старая истина. И не только золото.

Герцог Кимберли, благовоспитанный и способный государственный деятель, достиг вершины успеха в то время, когда Великобритания находилась в полном расцвете могущества. Сто лет назад изыскатели подземных сокровищ открыли в Южной Африке богатства большие, чем нефть или золото, — они нашли алмазы. Человек, именем которого называли месторождение алмазов, был в то время (1870 год) министром колоний британского правительства в далеком Лондоне.

По удивительному стечению обстоятельств примерно в то же самое время за тысячи километров от Южной Африки, на другом конце Британской империи местные колонисты второй раз увековечили имя министра колоний Кимберли. Так была названа географическая область в штате Западная Австралия. Возможно, люди тешили себя надеждой, что польщенный чиновник проявит особую благосклонность к землям, носящим отныне и во веки веков его имя. Сто лет Кимберли в Южной Африке являлось синонимом богатейшего месторождения, а Кимберли в Западной Австралии в течение ста лет было известно как огромное недоступное пространство на краю Большой Песчаной пустыни. Об этом месте говорили, что вороны летают там задом наперед, чтобы песок не попадал им в глаза, а урожай, если это вообще можно назвать урожаями, такие мизерные, что воробей встает на колени, чтобы разыскать зернышко.

Однако в конце семидесятых годов нашего столетия в Западной Австралии, которую считали Золушкой, открыли небывалые минеральные богатства, в том числе и алмазы. Совпадение удивительное, но алмазы действительно найдены именно в районе Кимберли, в месте, носящем то же имя, что и месторождение алмазов в Южной Африке.

Кто-то очень образно назвал Австралию каменным плотом, дрейфующим по океану времени и несомым капризными волнами и ветром. Веяние XXI века уже ощущается над такими названиями, как Рам-Джангл, Мэри-Кетлин, Уэйпа...

Мэри-Кетлин! Это только одна из множества историй! Геолог разбудил Мэри Кэтлин, которая была погружена в сон долгие миллионы лет. Ее разбудило щелканье счетчика Гейгера — музыка XXI века. Геолог, который при-

существовал при этом, рассказывал, что, хотя геологических карт этой местности не существовало, она была более или менее обследована и геологическая экспедиция не особенно надеялась найти здесь чего-либо достойного внимания.

Экспедиция вышла в путь 3 июля 1954 года. «Вездеход остановился в сухом русле реки. Наше внимание привлек камень. Он оказался „горячим“. Счетчик Гейгера показал 2500. Следующий камень тоже „горячий“. Теперь надо было установить, откуда они взялись, эти „горячие“ камни. Продвигаясь по высохшему руслу, мы нашли камень величиной с человеческую голову — счетчик показал десять тысяч. Такая цифра случается крайне редко. У меня не было ничего, кроме пальто, чтобы завернуть камень. Мне казалось, что эта находка заслуживает внимания. Природа оказалась милостива к нам. Мы увидели над рекой холм с обнаженным склоном, натуральный срез слоев пород, составляющих этот холм. Счетчики Гейгера просто взбесились. Три тысячи всегда считалось хорошим результатом, а здесь мы получили сорок восемь — невероятную цифру! Мы не представляли себе, что можно найти что-нибудь подобное. Вся местность была нами тщательно обследована». Так кончается рассказ геолога и начинается история невиданно богатого месторождения урановой руды.

Отчеты геологических экспедиций, без устали ведущих изыскания по всей стране, читаются как фантастический роман, особенно с большим интересом их читают в далеких кабинетах дирекций крупных концернов, которые носом чуют здесь выгодное дело.

Геолог, принимавший участие в исследовании района Уэйпы, рассказывает, что взял себе в помощникиaborигена по имени Мэтью и вместе с ним отправился на лодке, чтобы обследовать район залива Албатроса. Сильная волна залила мотор, и, когда незадачливые путешественники стали чистить его, приспособление для зажигания упало в илистую, мутную воду залива и затонуло на четырехметровой глубине. Им пришлось на веслах вернуться в Уэйпу. Целую ночь рылись они в гараже, где хранились запасные части для грузовика, но так и не нашли ничего подходящего. Добраться до цивилизованного мира не позволяло время. Еще раз осмотрев мотор, они сообразили, что утерянную часть вполне может заменить черенокaborигенского копья.

Путешественники вновь двинулись в путь. В лодке было невероятно тесно: каждый свободный уголок был занят запасами топлива и спальными мешками. Провианта с собой не

взяли, решив, что обойдутся тем, что добудут. Проходил день за днем — исследователи продвигались на юг. Ночью разбили лагерь на берегу, а на следующий день вышли в открытое море, время от времени приставая к прибрежным скалам, чтобы собрать образцы минералов. По утрам обычно была отличная погода, но после полудня поднимался западный ветер и море начинало штормить — плыть становилось опасно. Копье аборигена верно служило, но не позволяло им увеличивать или уменьшать скорость. Для остановки мотора надо было прекращать подачу топлива. Тем не менее они проплыли на трехметровой лодке около трехсот километров и разыскали бокситы — сырье для производства алюминия. Только в Уэйпе этого месторождения хватило бы на удовлетворение потребностей в алюминии всего мира в течение ближайших столетий. Однако это была лишь часть находок.

История открытых полезных ископаемых в Австралии, которые составляют ее сокровищницу и будут определять ее облик в XXI веке, полна неожиданностей. В январе 1923 года, в середине знойного лета, Джон Кэмпбелл Майлс вышел в путь с выночными лошадьми. Из-под копыт поднимались тучи красной пыли. Шел он высохшими руслами рек. Однажды в конце дня, приглядывая местечко для привала, он заметил, что животные почуяли воду и направились к источнику. Майлс пошел вслед за своей лошадью и нашел ее у небольшого родника, окруженного мокрым песком. Она жадно пила воду. Майлс дал лошади вволю напиться, наполнил мешки водой и по привычке путешественника стукнул молотком по ближайшей скале. Он нее откололся камень, тяжелый, как железо. Это оказалось олово.

В данном случае, как и во многих других открытиях в Австралии, главную роль в обнаружении сокровищ сыграло животное, хотя его, разумеется, не могло интересовать ни серебро, ни олово, оно было лишь безмолвным и послушным спутником человека.

Сценарий многих открытий отличается мелкими деталями, но главный фон остается неизменным: в безлюдной местности, куда не ступала нога человека, кто-то случайно обнаруживает сокровища. Многие из тех, кто пришел в такие места первым, там и сложили свои кости, и мы даже не знаем их имен.

Никто и никогда не слышал прежде о Хей-Пойнте. Тяжелые, груженные углем поезда, длина которых не менее двух километров, мчатся через труднодоступные территории,

мимо плантаций сахарного тростника, сквозь джунгли в Хей-Пойнт — новый порт на восточном побережье Австралии. Здесь все автоматизировано, нажатием кнопки тысячи тонн груза поглощаются огромными трюмами углевозов, которые отплывают отсюда в порты Японии и Европы. Работают в порту эмигранты из Америки. Многие по истечении срока контракта не собираются возвращаться в Штаты. Они чувствуют себя здесь счастливее, чем в крупных современных городах. «Здесь нет толкучки, заторов на дорогах, огней на перекрестках, и время течет спокойно».

Горное дело в современной Австралии уже не такое, как прежде. Раньше девизом было: «Найди, возьми и смойся» или: «Если я что-нибудь найду и останусь в живых, то помчусь из этого проклятого места быстрее кенгуру». Теперь работают огромные механические кроты, методично выбирая уголь из земли и переправляя его на корабли. Если темп добычи угля сохранится, запасов его хватит на триста лет. За последние двадцать лет вдвое уменьшилось количество занятых на добываче угля рабочих, ибо была усвоена одна истинна: пусть работают машины, для этого их и сделали.

Хочется рассказать об одном открытии, связанном с именем немца Раша. Химик по образованию, он по неизвестным причинам работал на овцеводческой ферме — облезжал забор и чинил его. Этот немец оказался очень наблюдательным и заметил некоторое сходство геологического строения территории поселка Брокен-Хилл с местностью, где находились серебряные прииски. Однажды, поехав в город, он купил справочник для изыскателей минеральных богатств. Внимательно прочитав его, Раш пришел к выводу, что Брокен-Хилл буквально стоит на олове. После двух лет поиска оказалось, что это было не олово, а серебро! Началась крупномасштабная эксплуатация месторождения. Население Брокен-Хилла за четыре года выросло с тридцати жителей до десяти тысяч. Из Соединенных Штатов доставляли специальное крепежное дерево для забоев, которое, прежде чем рухнуть, начинало трещать. Сейчас под Брокен-Хиллом закопаны тысячи и тысячи гектаров американских лесов. Запасы металла превысили все, что было найдено в период «золотой лихорадки». Кроме серебра здесь обнаружены и другие полезные ископаемые.

Горняки, работавшие на приисках, всегда отличались большой сплоченностью. Их профсоюз в Брокен-Хилле решал все, даже самые мелкие вопросы, касавшиеся жизни населения. Например, он мог организовать бойкот лавочки или склада

одежды, которые помещают свои объявления не в газете, издаваемой профсоюзом, а в каких-нибудь других.

Девушка, которая собирается выйти замуж, должна в течение трех месяцев оставить работу. Очень жесткие предписания определяют, кто может быть принят на работу, а кто нет. Обычное право Австралии дает моряку, сходящему с корабля на берег, возможность утолить жажду в любое время суток. По аналогии пивные в Брокен-Хилле открыты до полуночи, чтобы те горяки, что кончают смену в одиннадцать часов вечера, могли промочить горло.

Западная Австралия останется в моей памяти как штат, где «тирания расстояний» ощущается особенно остро. Никогда не забуду, как я целую ночь летел на реактивном самолете из столицы штата города Перт в северном направлении, и весь этот путь пролегал над территорией штата. Как и в других районах Австралии, здесь самое верное транспортное средство — авиация.

В свое время в штате Западная Австралия одно из его бедствий представляло собой крошечное создание, поедавшее асфальтовое покрытие дорог. Было подсчитано, что каждый червячок при хорошем аппетите способен в течение пяти секунд проглотить количество асфальта, равное его весу. Путешествие на машине по дороге, ведущей из столицы штата на север и называемой Дорогой безумцев, полно разнообразных «удовольствий» по всей трассе протяженностью в тысячу восемьсот километров, тем более что на пути лежат всего три поселка, зато один из них насчитывает целых две сотни жителей.

Штат Западная Австралия прильнул к Индийскому океану, поэтому неудивительно, что жители Перта проводят свои отпуска на Сейшельских островах или на Маврикий.

Мне кажется, что этот штат, где население в основном британского происхождения, но где очень мало каторжников, в большей степени, чем все остальные штаты Австралийского Союза, сохранил дух пионерства, особенно в своей северной части.

Небывалые минеральные богатства Западной Австралии стали причиной огромных скачков на бирже. Когда там однажды бурили колодец и вместо воды наткнулись на никелевую руду, то сначала не могли понять, стоящее это открытие или нет, а пока решали, акции продавались по восемьдесят центов. Однако вскоре они подскочили до ста тридцати, а через несколько недель до двухсот восемьидесяти долларов, чтобы спустя некоторое время снова упасть. Нике-

левая горячка — лишь одна из страниц великих открытий на территории штата Западная Австралия.

Этот штат, как и некоторые другие штаты Австралии, имеет своих представителей в крупнейших торговых столицах мира, где они расхваливают свою продукцию. Говорят, что амбиции Западной Австралии так же велики, как ее территория.

Однако дела в штате идут не слишком гладко. Так, район Пилбары, где занято едва ли три процента рабочей силы штата, печально известен тем, что ежегодно там тратится на забастовки шестьдесят процентов рабочего времени. Поводы для забастовок самые разные — начиная от старых споров о продолжительности рабочего дня и вопросов, касающихся условий труда, и кончая «обычными», бытовыми. Так, однажды забастовка по «обычному» поводу (предприятие пыталось удалить из общежития для одиноких мужчин поселившихся там девушек) длилась два дня и полностью остановила работу шахты по добыче железной руды.

Одно из чудес австралийской политической системы состоит в том, что от огромного избирательного округа Калгурли в Западной Австралии в федеральный парламент выбирают только одного депутата. Как следует из его слов, он проделывает за год путь в полмиллиона километров, стараясь обехать всех своих избирателей. Статистика — довольно скучная штука, и я обещал, что буду избегать ее, но все-таки следует вспомнить, что этот избирательный округ протянулся между двумя океанами и охватывает пространство в 2,6 миллиона квадратных километров, то есть примерно в десять раз больше, чем территория Великобритании. Простая арифметика наглядно показывает, что если в Палате общин в Лондоне заседает шестьсот тридцать пять депутатов, то Калгурли имеет право послать в парламент Канберры шесть тысяч триста пятьдесят депутатов, а посылает одного.

На территории избирательного округа проживает сто сорок тысяч человек, из них шестьдесят шесть тысяч, имеющих право голоса. Здесь находятся богатые месторождения железной руды, никеля, золота, олова, урановых руд, бокситов, меди, сурьмы, молибдена. Предполагается, что есть также богатые месторождения платины. К этому надо добавить самые крупные в Австралии запасы природного газа и, вероятно, нефти. На этих землях расположены огромные хозяйства, производящие пшеницу, а также крупные скотоводческие фермы. Наконец, здесь прекрасно организованы

рыболовство и ловля креветок. Экспорт одних только продуктов промышленности, перерабатывающей «дары моря», приносит годовой доход в сто миллионов долларов, и это только начало. В страны Азии экспортируется девять миллионов тонн соли в год. Таким образом, депутату есть кого и что представлять.

Раз уж мы попали в избирательный округ Калгурли, мне хотелось бы рассказать об одной очень интересной пивной, в которую я посоветовал бы заглянуть, если вам придется ехать из Калгурли в Норсмен. Это примерно на середине пути. Вы ни за что не заблудитесь, потому что в местности под названием Видчемулта одна-единственная пивная.

Рекомендую вам заглянуть в прачечную на заднем дворе. Вы увидите там нечто, очень напоминающее гроб. Ничего удивительного — это и есть гроб. Случилось так, что лет тридцать или сорок тому назад жена владельца пивной заболела. Он был очень огорчен и сказал: «Моя жена будет похоронена не так, как тот бедолага в 1912 году». Не откладывая, он заказал в Калгурли роскошный гроб и поставил его в баре. Завсегдатаи пивной с восхищением и почтением осматривали гроб, поражаясь качеству работы.

Однако между тем жена выздоровела. Завсегдатаи привыкли к гробу, успели закапать его и прожигли окурками, так как имели обыкновение ставить на него кружки с пивом и гасить о него окурки. Вскоре хозяйка настолько поправилась, что попросила мужа купить ей для стирки новое корыто. Тогда хозяина внезапно осенило, и он обратился к своей половине: «Послушай-ка, твой гроб будет идеальным корытом! Он же большой и к тому же обшил цинком! Будет просто замечательно, когда мы поставим его в прачечной!» Так и сделали, но время от времени ему все-таки приходится терпеть ворчание жены, чувствовавшей себя не слишком уютно, стирая белье в собственном гробу.

Я не хотел бы быть заподозренным в нежелании удовлетворить ваше любопытство, дорогие читатели. Что это были за похороны, о которых с таким презрением говорил хозяин пивной? А было так. Как раз в этой пивной у одного человека, занимавшегося изысканиями золота и других полезных ископаемых, случился приступ, и бедняга скончался. Хозяин пивной дал двум горнякам ответственное задание сделать гроб, но дело оказалось непростым, так как в этом пустынном месте совсем негде было взять доски. Климат же здесь таков, что надолго оставлять покойника непохороненным крайне негигиенично и неприятно для окружающих.

Горняки рьяно взялись за дело, употребив в качестве материала досточки от ящиков из-под динамита, который употреблялся в шахтах. Но их было не так уж много, и мастера в целях экономии стали обкладывать тело досточками, уложив его для удобства на стойке. Лучшего места было просто не найти! Рядом сколько угодно пива, другие горняки подносили им пустые ящики. Работать было удобно, приятно, и мастера не торопились. Но когда прошло три дня, хозяин пивной решил, что он уже довольно терпит труп, лежащий на стойке, и отдал решительный приказ: «Похоронить его немедленно!» Но те ответили, что не могут: нужны еще ящики, так как у покойника торчат из гроба ноги. Хозяин посмотрел и увидел, что так оно и есть, но тут же нашел блестящий выход: «Наденьте ему башмаки!»

Так умер и был похоронен в этом безлюдном месте бедняга, так умирали и целые города. Кончалась руда, ради добычи которой строился поселок, — уходили люди. Так возникли города-призраки — особенность этого края. Случалось, что с молотка продавали целые поселки, вот и становились они городами-призраками. Такая судьба постигла город Кракоу, который во время расцвета насчитывал две тысячи трехста жителей, а в последнее время около двухсот, да и те собирались уезжать. На местном золотом прииске прекратилась добыча золота, единственный источник доходов. С молотка пошли холодильники, матрацы, детские коляски — все, что не хотели везти с собой люди, покидающие город. Были проданы восемьсот книг городской библиотеки, и, когда аукцион закончился, в городе остались лишь некоторые одинокие пенсионеры, хозяева нескольких окрестных ферм и последней в городе пивной, где когда-то старатели весело пропивали свои деньги, заработанные в поте лица.

Миссис Икин, хозяйка пивной, приобрела у горного предприятия насос и водопровод длиной в одиннадцать километров для снабжения поселка питьевой водой. Двое еще оставшихся здесь мужчин бесплатно работали при насосе и проверяли, в порядке ли трубы. Сама же она оплачивала электричество, которое приводило насос в движение. Совет округа, к которому принадлежал поселок, через некоторое время отдал распоряжение прекратить вывоз мусора. Тогда миссис Икин созвала на уборку добровольцев. «Это очень славный, маленький городок, — сказала она им. — Жаль, что окружной совет не видит его достопримечательностей». Ведь здесь, в Кракоу, есть, где поплавать, в реке Доусон можно

половить баррамунду, а то и организовать экскурсию в буш, покататься верхом, наконец, можно попытать счастья и покопаться в отвалах, оставшихся на приисках. Можно осмотреть здания запертой и бездействующей больницы, запертого и бездействующего отделения полиции и запертого и бездействующего пункта «Скорой помощи». Можно осмотреть также оставленные жителями дома и бездействующие магазины. Печально.

Город-призрак живет по своим неписанным законам. Как правило, такой город имел богатое и бурное прошлое, жизнь короткую, но веселую. Наконец, он удален от других городов настолько, что не может служить спальней для какого-нибудь близлежащего города, иначе он не стал бы призраком.

Теперь я хотел бы рассказать о городе-призраке в штате Новый Южный Уэльс, который называется Хилл-Энд. В свое время золотая горячка привлекла сюда восемь тысяч человек. Теперь с каждым годом стены домов все больше кренятся набок, а крыши опускаются все ниже.

Но надо уметь отыскать душу города-призрака. Вот здесь когда-то была полная жизни главная улица, сюда приходили горняки, которые хотели бы продать золото, а деньги потратить. Здесь были изысканные рестораны, магазин сигар, банки, даже своя редакция, обувной мастер и парижский портной. Теперь сохранились только два магазина, а из восьми пивных — одна. То и дело рушится то один дом, то другой, так как проливные дожди вымывают скрепляющий доски раствор. Один из отелей и несколько домов еще сохранили искусственные украшения из железа. Не забудем, что все, что здесь есть лучшего, было привезено сто лет назад по бездорожью на телегах, запряженных лошадьми.

Правда, тогда редко кто стремился поразить сограждан вычурностью украшений на доме. Каждый торопился поскорей сколотить из досок хоть какое-нибудь жилище, чтобы было, где укрыться от дождя. Но оно служило до первого пожара.

Еще и сейчас можно видеть брошенные механизмы, которые из года в год все глубже уходят в землю. Их было невыгодно вывозить отсюда. В покинутых разработках выросли высокие деревья. В Хилл-Энде опасно гулять в темноте: можно провалиться в старательскую яму, глубокую рану земли. Сейчас здесь остался всего один старатель, который лишь время от времени, когда у него возникает желание, моет золотоносный песок.

Города-призраки в Калифорнии, в которых мне доводилось бывать, чрезвычайно интересны, но там создается впечатление, что люди специально старались сохранить признаки заброшенности города, а это уже не имеет ничего общего с уважающим себя призраком. В Австралии мы видим города-призраки значительно более высокого класса, и поэтому они сильнее поражают воображение. История Хилл-Энда основана на прописной истине: «Любое золото когда-нибудь кончается». А ведь было и его начало, когда слова «австралийский золотой прииск» означали всего-навсего яму в земле. Когда безумная спекуляция земельными участками вокруг прииска наконец прекратилась, почти все восемь тысяч жителей ушли оттуда, осталось около восьмидесяти человек.

Австралия ищет, создает свою историю, хочет видеть свое прошлое не только в образах офицеров военно-морского флота с треуголками на головах, не только в людях, которые стреляли во все, что движется по дороге, не только в фигурах исследователей и первооткрывателей викторианского периода и не только в облике каторжника. Города и поселки горняков — это также страницы истории. Тот, о котором идет речь, Хилл-Энд, находится всего в двухстах сорока километрах к западу от Сиднея. Надо преодолеть Синие горы, выехав на автостраду и, когда кончится асфальт, проехать еще семьдесят километров по дороге, покрытой гравием. Каждая придорожная деревушка знаменита каким-нибудь событием: здесь был убит полицейский, сопровождавший в банк транспорт с золотом, там умер человек, возвращавшийся домой с золотом, добытым им на прииске. Наконец, проехав по аллее из европейских деревьев — дубов и каштанов, — путник прибывает в Хилл-Энд. Здесь растут кусты смородины, завезенные колонистами из Европы и достигшие в местном климате невиданных размеров. Они разрослись в заброшенных садах и выросли даже на крышах невысоких домов.

Самые старые дома, построенные из дерева и глины, уже развалились. Крыши из древесной коры первыми не выдержали испытаний временем. Гофрированное железо, под которым стояли некоторые дома, было слишком ценным материалом, чтобы бросать его, и многие из тех, кто покидал Хилл-Энд, погрузили его на телеги и забрали с собой. Поэтому от многих домов остались одни фундаменты, остальное пошло на топливо.

Сохранилась забавная история о том, как одному жителю Хилл-Энда надоел вид, открывавшийся из его окон. Он про-

сверлил в стенах отверстия, просунул через них длинные бревна, которые шли насквозь через весь дом. Выбрал новое место для дома, приготовил там фундамент и бочку пива. Затем созвал на помощь старателей. Явились семьдесят человек, подняли дом и, как паланкин, перенесли его, поставив на подготовленный фундамент. Потом выпили пиво. Дыры были заделаны, и дом стоит по сей день.

«Золотая лихорадка» в Хилл-Энде, как это часто бывало в Австралии, началась с чистой случайности. Один человек наказал за что-то сына, а тот в огорчении убежал из дома, присел у подножия скалы и с досады начал колотить молотком по камню. Вдруг кусок скалы отвалился, и на месте разлома блеснуло золото. Это оказалось жилой, которую впоследствии оценили в баснословную по тем временам сумму — сорок тысяч фунтов стерлингов. История, конечно, очень привлекательная, только жаль, что в других штатах Австралийского Союза на других золотых приисках, где мне тоже довелось бывать, рассказывают точно такие же истории. Ничего удивительного. Может быть, так оно и было, а может быть, и нет. Нельзя исключить, что, когда весть о событии в Хилл-Энде разошлась во всему континенту, в других местах молодые люди взялись за молотки и кирки и начали обивать окрестные скалы. Даже если не были наказаны своими отцами.

Можно вообразить, что началось в Хилл-Энде. В поисках золота копали ямы. Участки земли у каждого были крошечные, и, чем меньше был участок, тем больше брало искушение, зарывшись в землю на своем участке, сделать подкоп на территорию соседа. Разумеется, сосед, предпринявший сам воспользоваться содержимым своей земли, относился к таким попыткам без ложного снисхождения. Споры, как правило, решались с помощью молотка или взрывчатки. Сколько людей так и не вышло из-под земли после подобных акций, до сих пор неизвестно. Так уж получается, что человек, охваченный «золотой лихорадкой», становится способным на все, в том числе на убийство. Так было, и, наверное, так будет. Сводили счеты не только в ямах. Для этого было выделено специальное место, названное площадкой споров, где решались наболевшие вопросы.

Однако больше всего людей в Хилл-Энде погибло не во время драк, и внезапная смерть их настигала редко. Чаще всего их ждала смерть «замедленного действия» — они умирали от «пыльной болезни», пневмокониоза. Конечно, старатель мог рассчитывать на то, что заработает в несколько

раз больше, чем скотовод. В те времена золотоискатели были аристократией рабочего класса Австралии, и за это звание они платили сокращением жизни. Старатели часто голодали, а иногда и умирали с голода. Но там, где было золото, была надежда разбогатеть и избежать смерти от «пыльной болезни».

В 1872 году на прииске «Звезда надежды» группа золотоискателей выбралась на поверхность с огромным, в человеческий рост, куском скалы весом четверть тонны. Это был слиток из кварца и золота, стоявший по тем временам двенадцать тысяч фунтов стерлингов. Владельцы разработки «Звезда надежды», немцы Гуго Байер и Герхард Хольтерман, в один день сделались богачами. Это именно Байер посадил аллею из европейских деревьев. Хольтерман отправился в Европу и там купил право на продажу одного модного в то время лекарства. В рекламных целях он использовал фотографию, изображавшую его самого, небрежно опирающегося на огромную глыбу золота. «Звезды надежды» уже давно нет, ее засыпали отвальной землей других шахт. Не существует и «Звезды мира», нет «Розы Англии», «Монте Кристо» и других шахт с не менее броскими названиями.

В окрестностях Хилл-Энда находились не только крупные шахты. Здешняя земля была сплошь изрыта словно кроличьими норами, из которых выбирали песок и промывали его в близлежащих ручьях. В таких норах работали по одному, по двое. Ямы, в которых работали старатели-европейцы, имеют четырехугольную форму. Но в Хилл-Энде сплошь попадаются круглые, похожие на колодцы ямы, в которых работали китайцы, также привлеченные сюда золотой лихорадкой. В свое время их было здесь полторы тысячи — одни мужчины. У них был свой китайский театр, игорный дом, курильня опиума. И кладбище в Лунной долине, где набожные участники траурных церемоний оставляли на могилах жертвоприношения в виде пищи и рисовой водки. Но отнюдь не набожная австралийская голытьба, прячась за деревьями, дожидалась удаления траурной процессии, чтобы потом славно закусить и выпить.

Китайцы работали как одержимые, но им никогда не удавалось заработать столько денег, чтобы привезти из далекого Китая своих женщин. Может быть, их участки были бедны золотом или опиумом и азартные игры поглощали большую часть их сбережений? Во всяком случае, они так и остались здесь, а потом от их колонии осталось только кладбище. Много-много лет спустя в Хилл-Энд прибыл

элегантно одетый китаец и заявил, что души китайцев никогда не обретут покоя за пределами Китая и что для них наступило время вернуться домой. Он со всей тщательностью взялся за работу — выкопал кости, каждый скелет отдельно упаковал в ящики. Обитатели китайского кладбища были погружены в дилижанс и навсегда покинули эти места.

После китайцев остались только круглые ямы. Почему же они делали ямы круглыми? Объяснение очень простое: работа золотоискателя очень опасна, а делая в ямах углы, даешь пристанище злым духам, которые могут навредить.

Прииски Хилл-Энда давали не больше золота, чем какие-либо другие. Рекламу им создали предприимчивые дельцы еще в семидесятых годах прошлого столетия. Эти люди, по существу спекулянты, не знали старательского дела, но были большие мастера по выпуску проспектов, обещавших буквально золотые горы тем, кто доверит им свои сбережения. Комбинаторы продавали акции, продавали ценные бумаги, обеспечивавшие долю в самых разных предприятиях по добыче золота, и даже подсовывали людям образцы металла из других золотоносных районов Австралии, чтобы продать побольше акций. В это время в Хилл-Энде действовало двести пятьдесят пять контор по продаже ценных бумаг. В оборот былпущен капитал в три миллиона семьсот пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Это было самое крупное мошенничество в истории Австралии. Оно привело к гибели золотого промысла в этом поселке, так как, в сущности, залежи золота в Хилл-Энде были невелики и не могли удовлетворить аппетиты скупщиков акций. На прииске остался один-единственный старатель, который продолжает мыть в ручье золотоносный песок. Здесь приходят в упадок не только дома, но и благосостояние жителей. Все большее их число живет на пенсию. Так в этом мире уходит слава.

Интересно, как через сто лет будет выглядеть Маунт-Айза? Сейчас это гигант по добыче меди, серебра, свинца и цинка, великолепное место для изучения проблемы «тиrания расстояний», которая так занимает австралийцев.

Самый близкий от Маунт-Айзы более или менее крупный город — Таунсвилл. Молоко, например, в Маунт-Айзу доставляется либо из этого города по железной дороге (девятьсот шестьдесят километров), либо из скотоводческих хозяйств по шоссейной дороге (четыреста пятьдесят километров). В переложении на европейские расстояния это выглядело бы примерно так, как если бы в Лондон ежедневно возили молоко из Вены. Овощи подвозят из Брисбена и из

Аделаиды, а это тысяча шестьсот километров. Местные жители говорят, что они и сами могли бы выращивать овощи. Осадков, правда, у них маловато, но воды хватает, есть озеро. Они разводят цветы и цитрусовые. У многих имеются небольшие огородные участки, но заниматься огородным делом в крупных масштабах невыгодно. У здешних горняков самая высокая заработка плата, так как к обычному жалованью им полагается прибавка за «изоляцию». Люди посмеиваются над такой формулировкой, потому что изоляция очень относительная. В городе естьippодром, без которого трудно себе представить даже поселок, есть школы, роскошные магазины, несколько спортивных клубов, телевизионная передаточная станция, кинотеатры, любительская театральная труппа, богатая библиотека. На близлежащем озере — яхты, моторные лодки, развиты воднолыжный спорт, рыболовство. В этом безлюдном краю невозможно обойтись без машины, жители осуществляют дальние поездки через пустыню на автомобилях. И тем не менее проблема изоляции — это не пустой звук. Достаточно взглянуть на дорожный указатель, стоящий на холме у Маунт-Айзы, на котором обозначены расстояния до различных городов Австралии и остального мира. Да что там остальной мир! Жители Бердема тоже хорошо знают, что такое изоляция, хотя их город связан с Дарвином железнодорожной веткой, на которой поезда останавливаются не только на станциях, но и между ними. Что же говорить о совсем недавнем времени — об эпохе паровозов, когда составы останавливали посреди пустыни для проведения мелких ремонтных работ. О том, насколько эти остановки были долгими, можно судить по такому анекдоту, который очень любят австралийцы.

Одна пассажирка, расстроенная затянувшимся путешествием, остановила проходящего мимо кондуктора и спросила: «Когда же мы наконец прибудем в Дарвин?» — «Не знаю», — с обезоруживающей откровенностью ответил кондуктор. Поезд прошел еще два десятка километров и опять остановился. Она вновь задала тот же вопрос кондуктору и потом задавала его еще много-много раз и все время получала один и тот же ответ. Наконец слегка раздосадованный кондуктор произнес: «Дорогая миссис, и что это вы так торопитесь в Дарвин?». Она ответила, что с часу на час ждет появления на свет ребенка, потому и тревожится. Перепуганный кондуктор воскликнул: «Боже мой, миссис! Да разве можно в таком положении садиться в поезд?»

Дама вздохнула: «Мистер, когда я села в поезд, я еще не была в таком положении...»

Дарвин — это северные ворота Австралии. Судьба его своеобразна: он не раз превращался в руины и вновь возрождался. В 1897 году, когда город носил название Палмерстон, над ним разбушевался циклон, продолжавшийся с трех утра до вечера, разметав его до основания. В то время Палмерстон был солнечным тропическим городком, скорее даже поселком, где жили несколько колониальных чиновников, несколько бродяг из южных районов Австралии, ловцы жемчуга и довольно многочисленная китайская община, занимавшаяся главным образом продажей опиума, хотя это было строжайше запрещено. Это был городок, который полностью отвечал мнению австралийцев, считавших, что вблизи от экватора десять заповедей не обязательны.

Городок отстроили заново, но изменился он мало. Были возведены точно такие же, как и прежде, деревянные бараки с крышами, крытыми чем попало, и мрачные лавочки китайского квартала. Несколько недель спустя после катастрофы местная газета писала со своим австралийской прессе ехидством: «Недавно жители Палмерстона услышали из уст бродячего проповедника поучение о том, что последняя катастрофа, которую принес циклон, — лишь деликатный намек Провидения на то, что мы грешники. Безусловно, эта мысль заслуживает внимания, однако нам кажется, что Провидение в нашем случае немного переборщило, сровняв с землей все культовые объекты и не оставив и квадратного фута от церкви, где мы могли бы замолить грехи».

Другой мощный циклон обрушился на город в 1937 году. После него уцелело только несколько зданий, все предприятия и магазины были уничтожены. В первой катастрофе погибли двадцать восемь человек, во второй — только один (абориген). Чтобы залечить раны, нанесенные городу, потребовалось сто тысяч австралийских фунтов, зато восстановительные работы обеспечили местным безработным впервые в жизни полную занятость.

Тяжелые времена Дарвин пережил в годы второй мировой войны. С января 1942 по ноябрь 1943 года на него было совершено пятьдесят девять налетов японских бомбардировщиков. 19 февраля 1942 года Дарвин испытал минуты не только поражения, но и унижения. До нынешних дней это вспоминают как «австралийский Перл-Харбор».

Японцы стремительно провели налет. Американские ис-

требители как раз возвращались из патрульного полета, часть из них еще находилась в воздухе, а часть уже приземлилась. Американцы героически сопротивлялись, но все их самолеты были уничтожены. Японцы потеряли только две машины. В течение десяти минут японская авиация произвела устрашающие опустошения: потопила стоявший в порту американский эсминец, а австралийскому плавучему госпиталю нанесла тяжелые повреждения. Только с одних кораблей утонуло сто семьдесят два человека, двести было тяжело ранено.

Во время налета поднялась беспримерная паника. Сотни людей бежали в южном направлении. Кто-то в приступе черного юмора назвал это бегство «гонкой на кубок реки Аделаиды». Бежали на всех видах транспорта: на велосипедах, грузовиках, верхом, кто-то мчался на дорожном катке, кто-то на мусоровозе. Рядовые и офицеры военно-воздушных сил присоединились к бегущим. Те представители вооруженных сил, которые остались в городе, занялись грабежом. Королевская комиссия выслушала множество душераздирающих историй. Самым трагическим было то, что наблюдательный пункт на одном из небольших островов в 8 часов 36 минут утра послал предупредительный сигнал о налете, но воздушная тревога в Дарвине была объявлена около десяти, когда бомбы уже сыпались на город.

Прошло много времени, прежде чем этот северный форпост австралийцев, «ворота Австралии», город-порт с его пьянством, драками, сомнительными развлечениями, — тот Дарвин, который запечатлелся в памяти со дня моего первого визита, стал достоянием истории. По-настоящему Дарвин стал на ноги после открытия в его окрестностях богатых месторождений урана и вследствие развития скотоводства в этом районе. В 1959 году он получил статус города, и началось его бурное развитие. Выросли современные офисы, универмаги, модные жилые предместья, роскошные отели, в 1969 году здесь открылась библиотека, а двумя годами позже — своя телевизионная станция. Город окружили небольшие промышленные предприятия преимущественно по переработке сырья. Население Дарвина возросло до сорока шести тысяч и состояло из двадцати этнических групп, включая китайцев, филиппинцев, малайцев и австралийскихaborигенов. Тем не менее это прежде всего город белого человека, так как он стал крупным административным центром и постоянно пополнялся чиновниками, приехавшими из южных районов Австралии.

Колыбель циклонов, угрожающих северной части Австралии, — Коралловое море. Более всего здесь подвергаются воздействию циклонов с ноября по конец марта. Циклоны, как и женщины, имена которых они носят, непредсказуемы. Так, циклон Трейси перемещался сначала в сторону Индийского океана, но внезапно изменил направление и ударил по северному побережью Австралии.

Австралийцам никогда не забыть страшных последствий циклона Трейси, который обрушился на город Дарвин 25 декабря 1975 года и в очередной раз превратил его в развалины. Сразу же началась эвакуация населения, проходившая в невероятно трудных условиях. Людей переправляли в южные районы страны. Героем спасательной операции стал генерал-майор Алан Стреттон, глава австралийской организации по преодолению последствий стихийных бедствий. Впоследствии, уже будучи три года в отставке, эту сложнейшую акцию генерал описал в книге «Адские дни». Кроме этой книги он выпустил автобиографию, названную им «Солдат в бурю», в которой описывает свою службу от рядового до генерала и которая свидетельствует о незаурядности этого человека. Начинал он с работы мальчиком на посылках, с восемнадцати лет пошел в армию и стал профессиональным военным. Отличался блестящим умом, поступил в школу Генерального штаба, окончил ее в конце второй мировой войны, так что сумел принять участие в высадке на остров Борнео (Калимантан) в конце июня 1945 года.

Сразу же после циклона население приняло участие в финансировании работ по созданию спутника, задача которого — следить за формированием циклонов. Теперь каждые три часа он посыпает на землю фотографии в черно-белом и инфракрасном изображении, а метеорологи обрабатывают эти снимки. Конечно, с помощью спутника их расчеты станут более точными, чем были прежде.

Восстановление Дарвина было беспримерной акцией, если принять во внимание «тираннию расстояний». Каждый мешок цемента, каждый кирпич привозили сюда за тысячи километров, с другого конца материка. Транспортировка осуществлялась либо на кораблях, либо огромными товарными составами.

Строительство в Дарвине ведется и поныне. Новый Дарвин становится совсем иным городом, чем прежний город ловцов жемчуга и крокодилов, который я увидел в свой первый приезд. Возрождая Дарвин к жизни, его жители задались

целью создать город по самым современным архитектурным планам. Особенности климата, окружающей среды и своеобразие жителей придали этому образцовому строительству особую выразительность.

В частности, экзотический колорит городу придают китайские кварталы. Кроме китайцев, которых здесь довольно много, в Дарвине живут представители чуть ли не пятидесяти народов, и среди них немало выходцев из азиатских стран. Порой, выйдя на улицу, не сразу поймешь, где находишься — в Австралии, в Таиланде или на Малайских островах.

Большим своеобразием в Дарвине отличаются и представители европейских народов. Об их нравах можно судить, например, по биографии некоей миссис Менски.

Она занималась свиноводством, но это ей наскучило, захотелось несколько разнообразить жизнь, и она решила, что лучше всего работать на разгрузке судов. Рабочий день — с восьми до трех, остается еще время на дом и ферму. Миссис вступила в профсоюз портовых рабочих Дарвина. Поскольку докеры пользовались славой отчаянных сквернословов, при приеме на работу миссис спросили, уверена ли она, что сможет вынести те омерзительные ругательства, которые, несомненно, услышит в порту. Дама ответила: «Пусть они сначала меня послушают. Думаю, что могу сказать куда больше, чем они».

На рубеже восьмидесятых годов Дарвин насчитывал уже свыше пятидесяти тысяч жителей. Мэром города была выбрана доктор Элла Стайк. Эта могучая женщина одним ударом ладони могла откупорить бутыль, содержащую более двух литров пива, одним духом выпить содержимое и, швырнув бутыль через плечо, потребовать: «Еще, пожалуйста!» Правда, знатоки сомневаются насчет швыряния пустой пивной бутылки, цена которой — целых девяносто центов!

Дарвин долгое время держал рекорд по употреблению пива и гордился этим. Старожилы убиваются, что времена уже не те, что не стало в городе людей с бездонными глотками. Все знаменитые выпивохи поумирали раньше времени, хотя их не раз предостерегали от злоупотребления слабоалкогольными напитками, крайне вредными для здоровья. Особенно горазды были пить пастухи из буша, которые за неделю пропивали то, что заработали за месяцы и даже годы тяжкого труда в безлюдных степях. Говорили, что они потому пьют так много пива, что вынуждены экономить пресную воду для поливки

цветов. В этой шутке есть доля правды: в стране действительно дорога каждая капля пресной воды.

Здесь действуют совершенно немыслимые предписания о торговле спиртным, в том числе пивом, различные не только в отдельных штатах, но даже в городах и в поселках. Честно говоря, я в них так и не разобрался, ибо они представляют собой настоящие джунгли удивительнейших требований и правил, которые, кстати, очень строго соблюдаются. Хозяева пивных больше всего боятся потерять лицензию на продажу пива, ведь это настоящая золотая жила.

В десяти километрах от Дарвина есть магазин, принадлежащий китайцу. Здесь совсем другие правила, чем в Дарвиде. Над прилавком висит объявление, написанное крупными буквами: «Расливать на месте строго воспрещается. Только на вынос!» Из запыленных вездеходов то и дело высекают группы мужчин, целыми картонными упаковками закупают пиво, затем деликатно переходят на противоположную сторону шоссе. Там, на свежем воздухе, спокойно откупоривают банки и пьют. В свете существующих предписаний вся операция вполне законна: главное — перейти на другую сторону асфальтированной дороги.

В пивной поселка Нунаама в нескольких километрах от Дарвина в период дождей стало необычайно модно закусывать живыми лягушками. Видно, от скуки люди уж и не знали, что бы такое отчудить. Идолом толпы сделался специалист по дизельным двигателям Тэдди Стэнтон, который за один присест проглатывал шесть живых лягушек. Воодушевленный успехом среди публики, он решил побить собственный рекорд, особенно когда установил, что лягушек, политых мятным соусом, глотать куда легче. Применив это кулинарное усовершенствование, Тэдди проглотил одиннадцать лягушек подряд. Однако мода на лягушек быстро прошла. Одни объясняют это вмешательством полиции, ссылаясь на предписания о торговле спиртным, где также указывалось, чем можно закусывать — в помещении пивной, а чем нельзя. Другие подвергли сомнению эту версию, утверждая, что Тэд сам отказался от дальнейшего глотания лягушек, так как это вышло ему боком. Вот и все об употреблении лягушек на закуску в окрестностях Дарвина.

В Дарвиде ежегодно проходят регаты на плотах, составленных из пивных банок. Один из плотов, достигший

Сингапура, был снабжен четырьмя «моторами»: его экипаж, состоящий из двух человек, в качестве балласта погрузил на плот сорок восемь дюжин банок с пивом. «По мере освобождения банок, — заявил капитан плота, бывший мэр Брисбена, — мы будем соединять их в связки и подвязывать к плоту, увеличивая таким образом его устойчивость». Это, несомненно, первое в мире транспортное средство, безопасность движения которого обеспечивается употреблением алкоголя.

Город Элис-Спрингс находится в самом сердце огромного континента. Он стоит на реке Тодд, хотя «река» — скорее понятие символическое, так как большую часть года она является собой высохшее русло. Как всякий уважающий себя поселок городского типа, Элис-Спрингс имеет ипподром, где проходят конноспортивные состязания. Так почему бы при наличии реки не устраивать регаты? И они устраиваются ежегодно. А когда река пересыхает, спортсмены бегут по сухому руслу, неся на плечах свои лодки.

Город соединен железной дорогой с Аделаидой, столицей штата Южная Австралия. Железная дорога, ведущая через пустыню, строилась с помощью верблюжьих упряжек, погонщиками которых были афганцы. В память об этом пассажирский поезд этой линии называется Ган, от слова «афГАНец». По окончании строительства верблюдов за неизвестностью просто бросили в пустыне, они одичали и расплодились. Теперь их безжалостно отстреливают сотнями. Афганцы остались, поселились в городе, смешались с его населением. Пассажирские поезда курсируют по дороге два-три раза в неделю, товарные — три раза. Когда стихия время от времени перекрывает железнодорожное сообщение, продовольствие в Элис-Спрингс поступает только по воздуху.

Пассажирский поезд типичен для Австралии. В вагон-ресторане стоит пианино, на котором наигрывают скучающие пассажиры. Многие везут собственные автомобили, которые помещены на прицепленной к поезду платформе, поскольку путешествие на машине в этих краях очень опасно. Известны случаи, когда из-за незначительной поломки в машине люди гибли от жажды.

Страна постоянно испытывает недостаток воды, поэтому все чаще высказывается мысль, не пора ли взять ее из холодильника. Под холодильником, конечно же, подразумевается Антарктида. Огромные ледяные горы предполагают

гают перевозить с помощью мощных кораблей-буксиров. Стоимость воды, которую может дать ледяная гора средней величины, составит пять с половиной миллионов долларов, то есть всего десять процентов затрат на опреснение морской воды такого же объема. Правда, у этого проекта есть решительные противники, которые считают его нерентабельным и слишком рискованным. Однако японцы, например, уже начали эксплуатацию ледяных запасов Антарктиды. Полученная вода разливается в банки и продается в магазинах как самый чистый естественный продукт без примесей промышленных отходов, ибо миллионы лет назад, когда он образовался, не было промышленности.

В поисках дешевых и чистых источников энергии австралийцы обратились к старому, незаслуженно забытому изобретению — ветряной мельнице. В моей первой поездке по Австралии я не встретил ни одного дома в глухи, где бы не было ветряной мельницы, а то и нескольких сразу, которые без устали трудились, давая столько энергии, что вполне хватало для освещения всего хозяйства, для работы различных сельскохозяйственных механизмов и ходильников, без которых не может существовать ни одна современная ферма.

Наступило время, когда общественность начала всерьез относиться к расклеенным повсюду плакатам с изображением маленькой девочки, просящей: «Оставьте нам чистую планету!» Так, на местах открытой добычи полезных ископаемых все старые разработки засеваются травами и засаживаются деревьями. Высажено более шестидесяти тысяч деревьев.

Я осматривал новые дома в Порт-Хедленде, оснащенные водонагревателями, действующими от энергии солнца. Смузенная Австралия старается исправить ошибки хищнического хозяйствования предшествующих поколений.

Огромным плюсом солнечной энергии является не только ее дешевизна, но и то, что ее производство не загрязняет атмосферу, не наносит ущерба окружающей среде, как, скажем горнодобывающая, угольная или нефтяная промышленность. Нет здесь и отходов, какие дают атомные электростанции, нет и отвалов. Правда, оборудование довольно дорогое. Конечно, при массовом производстве цены на него могут стать значительно ниже. Всякое новшество всегда дорогое, но позже затраты окупятся довольно быстро и будут меньше, чем те, что идут на закупку

угля, газа, нефти или электроэнергии. Здесь не требуется большого количества запчастей, и при бережном отношении стоимость содержания и ремонта будет невелика. Очевидно, что в Австралии возникнет новая отрасль, производящая оборудование для энергетических установок, работающих на солнечной энергии. Сейчас это звучит как музыка будущего, но не исключено, что Австралия увидит их еще в XX веке, так как ученые настойчиво твердят, что время рационального использования солнечной энергии приближается. «Как ни удивительно, — говорит профессор Батлер из Сиднейского университета, — но мы могли бы экспорттировать наше солнце, то есть употреблять излишки электричества солнечной энергии для производства жидкого водорода, который можно было бы развозить по всему миру в специальных резервуарах. В сущности, это исключает необходимость увеличивать производство ядерной энергии. Более того, я считаю, что отпадает надобность возведения в Австралии атомных электростанций».

В Австралийском национальном университете в Канберре создана первая в мире система накопления крупных запасов солнечной энергии посредством насыщения газов, которые в будущем станут возможным транспортировать по трубопроводам из глубинных районов страны в большие города. Предполагается также «экспорттировать солнце» в страны, где климатические условия не позволяют непосредственно использовать солнечную энергию. Строительство экспериментальной станции по использованию и хранению солнечной энергии может начаться уже в ближайшие годы.

Говоря о чистом производстве, нельзя не коснуться проблемы урана. Эксплуатация урановых месторождений вызывает противоречивые мнения, например о ее безопасности. Дело доходит до весьма острых столкновений, атмосфера на политической арене часто сильно накаляется.

Австралийцы настолько серьезно относятся к проблеме добычи урановых руд, что уже разработан проект так называемой атомной свалки, где будут захоронены отходы. Определено место, которое я не смог найти даже на самых подробных картах страны. Там радиоактивные отходы можно будет складировать без опасений и, что еще важнее, забыть о них, настолько это место безлюдно и беспersпективно в экономическом отношении.

Геолог доктор Крук предложил для захоронения пункт, расположенный к северо-востоку от Элис-Спрингс, где

нет никаких полезных ископаемых. Он мыслит захоронить отходы на километровой глубине и над захоронением соорудить бетонное покрытие, на котором сделать надпись предупреждение на нескольких десятках языков. Уж наверняка, считает доктор Крук, тот, кто придет сюда в ближайший миллион лет, будет владеть хотя бы одним из этих языков.

Как сократилась карта?

Директор лондонского таксопарка собирался на ленч, когда раздался телефонный звонок: «Шеф, у меня тут пассажирка до Австралии. Сколько взять за маршрут?» — «По-моему, ты пьян. Поставь машину в боковой уложке, я сейчас буду. Ты где находишься?».

Он ошибался. Водитель такси был трезв, а пассажирке действительно хотелось отправиться в Австралию. Сын проживавшей там дамы пригласил ее в гости. Она подумала, что такое путешествие случается раз в жизни, поэтому можно взять такси и все хорошенько рассмотреть по дороге, а не мчаться на каком-то там реактивном лайнере.

И лондонское такси действительно отправилось в путь. Паромом оно переправилось на континент, проехав через всю Европу, достигло Турции, а потом чуть ли не два десятка тысяч километров (простите, ведь это английское такси, стало быть, не километров, а миль) по Азии до самого Сингапура. Дорога кончилась, дальше было море. Довольная пассажирка пересела на первое же отправлявшееся в Австралию судно, а таксист продал машину и самолетом вернулся на свою базу. Наверное, еще один такой маршрут будет у него нескоро.

Телефонная служба предлагает своим абонентам необычайно широкий ассортимент услуг. Так, в Мельбурне только за один год состоялось полмиллиона вызовов автоматического сказочника. Репертуар сказок меняется ежедневно. Это крупнейший финансовый успех мельбурнской телефонной службы. Кроме того, существуют записанные на пленку рецепты блюд, молитвы, биржевые бюллетени, отдельные фрагменты Библии. Однако наибольшим успехом пользуется служба «точного времени», которая была введена в 1954 году. За один этот год зафиксировано семьдесят шесть миллионов вызовов только в самом городе. Знаменательно, что наибольшее

количество звонков падает на конец рабочего дня в учреждениях. Информацией о состоянии дел на бирже чаще всего пользовались в период открытий новых залежей полезных ископаемых, когда биржа проворачивала фантастические дела спекулятивного характера. Частыми клиентами служб информации являются игроки, любители конных состязаний. Они получают сообщения о том, что происходит на трассе состязаний, затем делают по телефону ставки и, наконец, по телефону же узнают о результатах соревнований и выигрыше.

Из любой телефонной будки, с любого телефона на территории страны можно соединиться через автоматическую связь не только с любым пунктом Австралийского материка, но и со странами тихоокеанского региона, а также почти со всей Европой.

Благодаря высокоорганизованной телефонной службе произошел удивительный случай, когда полиция и «скорая помощь» спасли жизнь женщины, жительнице небольшого городка в Англии — Бейзингстока, причем вызов «скорой» по номеру 999 (аналогу нашего 03) был сделан из Австралии сыном этой женщины. Руководитель пункта «Скорой помощи» в Бейзингстоке сказал: «В первый момент, когда человек, позвонивший нам, представился и сообщил, что звонит из Австралии, я подумал, что это дурная шутка. Но мы обязаны серьезно относиться к любому вызову». Оказалось, что сын позвонил матери в Англию как раз в тот момент, когда она выпила очень большую дозу наркотиков. Поняв это и продолжая разговаривать, он по другому аппарату попросил соединить его со «Скорой помощью» и с полицией. Полицейская машина и «скорая» тотчас выехали на место и нашли женщину в очень тяжелом состоянии. Выломав дверь, они увидели, что она без сознания лежит на кровати и держит в руке телефонную трубку. Как только трубку положили на место, снова раздался звонок из далекой Австралии. Руководитель пункта «Скорой помощи» продолжал: «Я был очень рад, что мы могли заверить его в том, что все будет в полном порядке. Он так нас благодарили! Самое удивительное, что, когда мы приехали и занялись спасением женщины, оказалось, что муж женщины дома и спокойно спит этажом ниже: он работал в ночную смену и вернулся домой настолько усталым, что ничего не слышал». Чиновник почтового ведомства в Австралии заявил, что автоматическая система страны не соединяет абонентов с

номером 999, но в этом случае связь была обеспечена с помощью телефонистки международного переговорного пункта.

В 1976 г. врачи Королевского госпиталя в Мельбурне поставили диагноз по электрокардиограмме, переданной из Москвы. В опытных целях был использован новый аппарат, который преобразует ритм сердца таким образом, что его можно передать по телефону. Другой аппарат в месте приема снова преобразует телефонный сигнал в электрокардиограмму. Экспериментальная передача продолжалась полторы минуты и была произведена с австралийской промышленной выставки в Москве, где демонстрировался этот аппарат.

Несколько сот подобных аппаратов уже установлены в Австралии и на Новой Зеландии, прежде всего в отдаленных небольших поселках, где нет кардиологов. В штате Виктория можно получить консультацию у самых крупных специалистов лучших больниц страны.

Некоторые пациенты имеют аппараты дома и посылают по телефону в больницу свои ЭКГ, когда их серьезно беспокоит сердце и они чувствуют необходимость в немедленной консультации врача.

Однако карта Австралии «сократилась» уже в то время, когда в воздух поднялись самые первые самолеты, которых в вышине держали крылья да молитва. Изобретение было очень подходящим в условиях Австралии, и ее роман с авиацией продолжается вот уже несколько десятков лет.

Чем была бы Австралия без авиации, без авиапочты, без связи с остальным миром? Каждый хотел бы побыстрее добраться до Австралии, однако не каждый располагал таким запасом свободного времени, как та дама, которая ехала на такси.

Международный аэропорт Кингсфорд-Смит в Сиднее несколько отличается от других аэропортов мира: с двадцати трех часов до шести утра он не работает, чтобы реактивные самолеты не мешали спать жителям округи, но в часы работы мегафоны объявляют рейсы во все крупные города мира. Лайнеры выстраиваются в аккуратную очередь, готовясь к рывку за тридевять земель.

Для меня Австралия началась в этом аэропорту. Я прилетел сюда на самолете компании «Эр Франс» из Новой Кaledонии, французского владения в Тихом океане, и в Австралии у меня не было ни одного знакомого человека.

Мне еще только предстояло приобрести друзей. Немного растерянный, я представил перед загорелым господином, орудующим под табличкой «Таможня Ее Королевского Величества», который молча выудил из моей сумки детектив на французском языке. Я купил книгу в лавочке на набережной Папеэте, главного города Таити, но прочитать до конца не успел, потому что в самолете сначала показывали фильм, потом был обед, потом так называемое личное время, то есть сон, потом опять какие-то лакомства, далее снова развлечения на экране и удовольствия на подносе. Так я и не узнал, чем кончается детективная история, кто убил — Гастон или Патрис, потому что своей книги больше не увидел. Господин таможенник с отвращением взял ее двумя пальцами и ловко швырнул за спину на пол «Но ведь это детектив!» — «Для тебя детектив, а для меня порно. Следующий!».

Сейчас подобное невозможно. В Австралии можно свободно купить такие издания, о которых два десятка лет назад нельзя было и мечтать. Старшее поколение вздыхает: «До чего это еще дойдет, кажется, дальше уже некуда». Один остряк справедливо заметил: если в любом киоске можно купить открытки с картинками, которые раньше печатались только в учебниках по гинекологии, то следующим шагом для приведения в экстаз может стать только ежемесячник «Породы домашней птицы»...

Таможенники Кингсфорд-Смит ищут наркотики, продукты, семена и другие «опасные» вещи. Время от времени какому-нибудь пассажиру предлагают разделиться догола. Одна молодая дама из Греции была так возмущена этим требованием, что разделась не в специально предназначенному для этого кабине, а прямо в таможенном зале. Начальник сиднейской таможни, которого просили прокомментировать событие, коротко ответил: «Жаль, что меня там не было»...

До Сиднея от самой Варшавы и обратно — через Юго-Восточную Азию — меня доставили французы. В полете вокруг света я потерял один день жизни, так как мы перелетели через суючную границу времени. На мое шутливое требование вернуть потерянный день обаятельный сотрудник «Эр Франс» ответил: «Лучший способ найти пропажу — перелет через США и Французскую Океанию в обратном направлении...»

Путешествуя по белу свету, следует помнить старую заповедь: когда идешь по дороге, помни о тех, кто прошел

здесь, когда дороги еще не было... Австралийцы помнят своих героев, от них я узнал, например, о Джордже Хоукере. Блестящий гонщик, великолепный яхтсмен, авиа-конструктор, пилот, обладатель многих призов, он основал известный авиастроительный завод. Но в Австралии о нем говорят очень мало. Мне бы тоже не хотелось повторять избитые фразы: «тот, кто опередил время», «тот, кто предвидел будущее», но надо помнить, что он был человеком отчаянной храбрости, которая иногда граничила с безумием.

Родился Хоукер в штате Виктория в семье кузнеца, отправился в Англию, так как с детства мечтал о полетах. В двенадцать лет был вынужден оставить школу и поступить в автомеханические мастерские. Позже попал на завод, на котором строили великолепные летательные машины. В 1912 году стал инструктором летной школы. Его рекорд высоты (3245 метров) сейчас может показаться скромным, но ведь тогда были совсем не такие машины и не такие люди, как теперь.

Хоукер участвовал во многих соревнованиях и испытаниях. Одно из них закончилось тем, что самолет упал в море, но перед этим Хоукер пролетел над яхтой, на которой находился Уинстон Черчилль. Черчилль посмотрел в небо и написал в редакцию письмо: «Мистер Хоукер совершил беспримерный полет. Неудача ни в коем случае не уменьшает его заслуги».

В Англии Хоукер пользовался репутацией типичного австралийца. Его современник-фельетонист писал: «Австралийцы не требуют, чтобы архиепископ Кентерберийского собора служил молебен перед их стартом. Они не хотят умирать, пока не сделают всего, на что способен каждый смертный. Но если смерть неизбежна, они считают ее столь же естественной, как и рождение. Вместо того чтобы тратить время на сорибание безделушек и выдумывание вычурных имен для машин, на которых они летают, австралийцы совершают в создании этих машин и стараются упрочить свое материальное положение, чтобы за ними не тянулся хвост нужды».

Вместе с английским штурманом Хоукер сделал попытку перелететь через Атлантический океан. Технические неполадки не позволили ему выполнить это намерение, и самолет сел на воду при очень высокой волне. Датское судно забрало их на борт. На нем не было радио, и люди, ждавшие Хоукера и его штурмана по обе стороны Атлан-

тики, решили что они пропали без вести. Его подвиг поражал воображение, но в то же время ломал начавшее утверждаться представление о полной безопасности полетов. Шесть дней спустя жена Хоукера получила из королевского дворца в Лондоне депешу: «Отдавая себе отчет в том, что в связи с исчезновением Вашего супруга можно ожидать наихудшего, Король изволил передать изъявление глубокого соболезнования по поводу внезапного и трагического происшествия. По мнению Его Королевского Величества, народ потерял одного из способнейших и храбрейших пилотов, который посвятил жизнь славе и чести британской авиации».

Тем временем датский корабль благополучно прибыл на следующий день на Гебриды и сообщил, что оба летчика находятся на его борту. Британский эсминец забрал обоих и затем передал на крейсер, который и доставил летчиков в Шотландию. Там они смогли прочитать о себе слезные некрологи.

Интересно также, что самолет, брошенный ими в море, был позднее найден американским кораблем и погружен на борт. Фирма, с которой был связан Хоукер, впоследствии создала много знаменитых марок самолетов. Их список читается как история авиации. Наиболее известен был «Хоукер Харрикейн», который сыграл значительную роль во второй мировой войне. Однако сам Хоукер этого уже не видел. Он погиб в 1921 году при испытании нового самолета.

Сейчас самолет имеет огромное значение не только в повседневной жизни, но и в политике Австралии, однако анализ ее политики и деятельности отдельных политиков не входит в намерение вашего репортера и превышает его возможности. Постулат «герои нужны сию минуту», на мой взгляд, как нельзя лучше нашел отражение в личности и деятельности премьера Джона ГORTона, имевшего за плечами необычайно бурное прошлое. Скрыв свой возраст, он несовершеннолетним юношей поступил в BBC добровольцем. Через некоторое время Гортон был сбит японцами и попал в госпиталь страшно обгоревший, с изуродованным лицом (о чем писали, что «его лицо смешалось с аппаратурой»), которое позже пытались поправить с помощью пластических операций. Еще не полностью восстановив здоровье, он бежал из госпиталя, вернулся в часть и вновь отправился на фронт. Его самолет опять попал под обстрел преобладавших сил японцев и рухнул в море,

а Гортону удалось доплыть до крошечного островка, где он находился около двадцати дней, питаясь сырым мясом птиц, так как не мог разжечь костер, опасаясь, что японцы его заметят. О нем рассказывают один забавный случай. В 1970 году Гортон приехал из Канберры в Мельбурн незадолго до выборов в сенат. Вечер был жаркий, и премьер опрокинул несколько бокалов еще до обеда, затем во время обеда, а потом еще несколько рюмок за кофе и сигарой. Когда пришло время возвращаться в Канберру, его привезли в аэропорт, посадили в самолет, и он сразу же уснул... Вскоре он проснулся, оттого что ему стало очень плохо...

Когда явилась стюардесса, чтобы навести порядок, Гортон решил обратить неприятное происшествие в шутку и галантно обратился к ней: «Вам, наверное, было смешно видеть, как старого военного летчика укачало в воздухе». Стюардесса спокойно взглянула на него: «Конечно, смешно, господин премьер, тем более что мы еще не поднялись с земли»...

Рассказ о том, как сократилась карта Австралии, будет неполным, если не упомянуть о... ее внешних владениях. Их список немал, хотя из него исчезли огромная территория Папуа-Новая Гвинея и небольшой остров Науру, богатый фосфатами. Они уже самостоятельные, говорят австралийцы.

То, что осталось, представляет собой большой интерес. Здесь я расскажу о самых отдаленных территориях — о той, где очень холодно, и для разнообразия о той, где особенно жарко...

Отношение к Антарктиде — явление в истории человечества необычное. Люди различных национальностей и идеологий, говорящие на многих языках, исповедующие различные религии, как мне представляется, собрались и сказали друг другу: «Давайте не будем больше спорить и возьмемся дружно за работу, вместо того чтобы выступать друг против друга». И так получилось, что здесь не стало соперничества. Всегда можно обменяться информацией и ознакомиться с достижениями. Весь остальной мир смотрит на них с надеждой на то, что это положение сохранится навсегда.

Однажды граждане трех стран объединились в стремлении спасти жизнь австралийскому радиотехнику в Антарктиде.

Было продемонстрировано, что значит совместная помощь в этом самом отдаленном районе мира.

У сотрудника австралийской базы Дэйвис началось желудочное кровотечение из-за прободения язвы двенадцатиперстной кишки. Медицинская помощь на всех антарктических базах, в том числе и на австралийской, обеспечена надежно. На базе есть врач, хорошая операционная, рентген и т.п. Кроме того, все члены экспедиции, от повара до ученых-исследователей, проходят курс обучения по обслуживанию некоторых медицинских аппаратов, чтобы в случае необходимости помочь врачам. С базы даже можно с помощью аппаратуры передать рентгеновские снимки. Так, в Мельбурн для консультации был однажды передан снимок человека, сломавшего ногу, чтобы определить, правильно ли соединена кость:

Однако аппаратура не всегда может помочь в борьбе за жизнь человека, как и произошло в нашем случае. Несмотря на то что на базе Дэйвис был хирург, необходимую при прободении язвы операцию он сделать не мог, так как не было достаточного количества крови. На базе работало всего четырнадцать человек, к тому же часть из них имела неподходящую группу крови, а консервированной крови не было, поскольку в условиях Антарктиды она, оказывается, не может долго сохраняться. Положение больного было трагическим.

Тогда с советской базы Мирный, расположенной в семистах километрах от базы Дэйвис, вылетел вертолет с двумя врачами и забрал больного. Когда вертолет вернулся в Мирный, его уже ждал там «Геркулес» — американский самолет на полозьях, прилетевший с базы США, удаленной на три тысячи двести километров от Мирного. «Геркулес» переправил больного на Новую Зеландию, где ему и была оказана необходимая помощь.

Каждый, кто собирается принять участие в экспедиции в Антарктиду, подвергается всестороннему, тщательному обследованию. Он должен быть абсолютно здоров и психически уравновешен, то есть не только способен выполнять любую работу в тяжелых условиях, но и в случае болезни или каких-либо неприятностей не навязывать другим своих настроений. К врачам предъявляются еще более высокие требования. Например, все врачи, отправляющиеся в Антарктиду, обязаны удалить аппендицит. Это требование — следствие горького опыта с одним врачом, который скончался от острого приступа аппендицита.

Правда, для врачей, как и для других участников экспедиции, возрастных ограничений при отборе не существует. На одной базе работал врач, которому было шестьдесят два года, но все же, как правило, в Антарктиду посылают молодых людей — от двадцати до сорока с небольшим лет.

Исследовательские экспедиции Австралии работают в Антарктиде в течение всего послевоенного периода. За все это время погибло всего тринадцать человек и двадцать три пришлось эвакуировать. Это весьма неплохая статистика, и австралийцы ею очень гордятся, тем более что за все годы перезимовало в Антарктиде пятнадцать тысяч человек. Это было достигнуто не только благодаря тщательному отбору, но и благодаря всесторонней физической и психической подготовке.

Тренировки обычно проходят круглый год на покрытой снегом местности в районе горы Косциюшко в Австралийских Альпах. Участники привыкают к ношению специальных очков, чтобы потом не заболеть снежной слепотой, их учат носить теплую одежду, даже если им жарко, не терять самообладания при падении в ледяную воду, выбирать самую надежную дорогу (пусть даже она будет самой длинной).

Лишь около двух процентов заболеваний было следствием тяжелых климатических условий Антарктиды — это главным образом обморожение лица или рук. Инфекционные болезни крайне редки. Самая серьезная проблема — отравления, на втором месте несчастные случаи, происходящие обычно вдали от баз, во время обследования окрестностей. Чаще всего люди проваливались в ледяные щели, иногда страдали от укусов собак; один участник экспедиции угорел; трое утонули; один ушел под лед на гусеничном тракторе.

Люди, которые обычно живут в тропическом или субтропическом климате, месяцами остаются на базах, где зимой температура опускается до 70 градусов по Цельсию. Наиболее значительной победой человека специалисты считают ничтожно малый процент заболеваний психического характера. Это, с одной стороны, говорит о пользе тщательного отбора, а с другой — о том, что человек оказался способен к жизни в полной изоляции в тяжелой для него среде. Оптимисты радуются тому, что здесь не надо тратить силы и нервы, отмахиваясь от мух, как это бывает на прогулке по бушу. Действительно, назойливых насекомых здесь нет...

По возвращении в Австралию все опять проходят тщательное медицинское обследование, и каждый раз оказывается, что люди приезжают более здоровыми, чем уехали. Австралия — это страна, в которой на некоторые должности приглашают по объявлению в газете. Когда министерство науки набирало шестьдесят добровольцев для участия в очередной антарктической экспедиции, на объявление отклинулось полторы тысячи человек самых разных профессий — врачей, радиотехников, строителей, плотников. Поступило также много предложений от женщин. Министерству пришлось давать пояснения, что женщин в Антарктиду посыпают крайне редко. «Дело не в дискриминации, — оправдывался чиновник министерства. — Конечно, женщины имеют такое же право, как и мужчины, участвовать в экспедициях в Антарктиду». Оказывается, главная трудность состоит в том, что каюты судов обычно четырехместные. Министерству часто приходится решать довольно сложные задачи, но оно не может сообразить, как поместить одну женщину с тремя мужчинами и, наоборот, трех женщин с одним мужчиной, ибо можно себе представить, какой шум поднимут оскорбленные жены участников экспедиции, ожидающие своих повелителей в уютных домах на Австралийском материке. При этом нельзя допустить, чтобы хоть одно место на судне пустовало. Другими словами, в современные ное вы ковчеги женщины могут допускаться не парами, а четверками. К этому добавляется проблема ванн и другие подобные вопросы. Но министерство убеждено, что в недалеком будущем все сложности будут преодолены.

Австралийская база на острове Маккауори, где уже работают женщины, — первая попытка решения проблемы. Надо только проверить, вполне ли способны женщины выдержать психические нагрузки, которые неизменно накапливаются по мере пребывания на ледяном материке. И наконец, могут ли женщины и мужчины работать в согласии, находясь долгие месяцы в полной изоляции от мира? Во всяком случае, если вы услышите что-нибудь о четырех женщинах-плотниках, или четырех женщинах-электротехниках, или четырех женщинах — полярных штурманах, сообщите об этом в министерство науки Австралии.

А теперь давайте поспешим, разумеется на самолете, в теплые края, чтобы немного согреться, — на Кокосовые (Килинг) острова, расположенные в Индийском океане к северо-западу от Австралийского континента. Кокосовые

острова были открыты английским капитаном Килингом в 1609 году, в 1857 году аннексированы Великобританией, а в 1879 году переданы под управление губернатора Цейлона (Шри-Ланка). В 1903 году эти острова вошли в состав британской колонии Сингапур.

В 1955 году Кокосовые острова были переданы под управление Австралии. Официальный представитель Австралии является главой местной администрации.

В группе Кокосовых островов насчитывается двадцать семь мелких островов общей площадью четырнадцать квадратных километров. Только три из них обитаемы. В семидесятые годы на островах проживало свыше четырехсот человек, главным образом малайцы, образующие особую этническую группу (так называемые малайцы Кокосовых островов). Есть небольшая группа англо-австралийцев. Большая часть населения живет на острове Уэст-Айленд, длина которого десять километров, и Хом. До 1978 года Кокосовые острова принадлежали богатейшей семье Кланиз-Росс. Первый Кланиз-Росс, шотландец, который появился на этих островах, решил, что лучше быть господином двадцати семи островков в Индийском океане, чем подданным Ее Королевского Величества в родной Шотландии. Островитяне были обязаны строить всю свою жизнь согласно предписаниям туана (по-малайски «господин»). Поступать в школу или вступать в профсоюз могли только с его разрешения. Удивлению австралийцев не было конца, когда они узнали, что за работу на плантациях сахарного тростника, принадлежавших упомянутой шотландской семье, работники получали жетоны, которые обменивали потом на продукты и вещи в магазинах, владельцем которых являлась та же семья...

В 1978 году Австралия купила у этой семьи Кокосовые острова, уплатив ей семь миллионов долларов. Купчая была заключена на плантации, кокосовые пальмы, постройки, промышленные предприятия и т.п., но не касалась резиденции семьи Кланиз-Росс и прилегающих земель.

Получив острова, австралийцы ввели там свою валюту, признали за малайцами свободу передвижения, которой до этого они были лишены.

Возникает вопрос: как будут развиваться Кокосовые острова в социальном плане? Мнения разделились, многие решили, что, например, повышение заработной платы до обязательного на континенте уровня может повлечь за собой ряд сложностей, так как у малайцев совсем другие

потребности, нежели у австралийцев. На островах нет телевидения (есть лишь радиотелефонная связь с австралийским городом Пертом, а также местная телефонная и почтовая служба), не строят большие дома, там практически не нужны автомобили, так как даже самый крупный остров можно пройти пешком не более чем за два часа. Те немногочисленные машины, которые используются при работе на плантации или служат для перевозки людей на короткие расстояния, живут не больше года: в этом климате их буквально пожирает ржавчина.

На острове Уэст-Айленд построен международный аэропорт, обслуживающий трассу Австралия — Южная Африка. Островитяне здесь занимаются в основном тем, что обслуживают этот аэропорт. Кроме того, они возделывают кокосовую пальму и производят копру.

Теперь с Кокосовых островов перенесемся на остров Тасмания. Вместе с прилегающими островами это штат Австралийского Союза.

Тасмания была открыта европейцами раньше, чем Австралия. 7 декабря 1642 года Абел Тасман, голландский моряк, высадил своих людей на берег. Матросы слышали голоса людей и видели следы на берегу. По расстоянию между следами им казалось, что остров заселен великанами. Это соответствовало представлениям европейцев того времени о людях Южного полушария. Голландцы поспешили вернуться на корабль и отплыли. Только в конце XVIII века английский капитан Фюндо высажился на острове.

Много воды утекло в реке Деруэнт со времени моего первого посещения. Сонный остров пробудился от дремоты. Вдали сверкает огнями казино. Потом я узнал, что только за один год казино уплатило в кассу штата миллион долларов налога. Можно вообразить, какие суммы оставляют в нем любители азартных игр.

На берегу залива высится двадцатисторонний отель-небоскреб, в каждом его номере стоит цветной телевизор, который кроме городских программ по внутренней сети показывает выступления артистов, подзывающихся в казино. Австралийцы — страстные любители азартных игр. Ставки делают на скакунов самых отдаленных районов: играют на то, какой из двух муравьев первым пересечет начертанную на земле линию или какого цвета нижнее белье сегодня на буфетчице, кто выиграет футбольный матч. Огромной популярностью пользуется запрещенная законом игра туп-ап, нечто вроде орлянки.

Играть в казино имеет право каждый, достигший тридцатилетнего возраста и прилично одетый. «Мы не можем допустить, — говорит диктор, — чтобы в нашей фирме появлялись люди в шортах и сандалиях, мы стремимся сохранить светскую атмосферу»... Казино организовано со свойственной австралийцам добросовестностью. Было обучено девяносто крупье, в том числе сорок женщин; принципиально не принимались на работу люди, когда-либо работавшие в игорных домах Лас-Вегаса или других американских городов, из опасения связей с мафией или иными сомнительными организациями. Фишкы — чудо техники; подделать их не представляется возможным, на них имеются знаки, видимые только в ультрафиолетовом свете. Игорные залы просматриваются с помощью телевизионных камер, передающих изображение на семнадцатый этаж. В зале дежурит собственная служба безопасности. Этот добродушный господин, склонившийся над столом, не кто иной, как знаменитый Рег Хендerson, Ястребиный Глаз. Вы знаете, что это за человек? Служил в полиции штата Виктория, за тридцать восемь лет службы задержал не менее трехсот преступников, выловив их из городской толпы; он узнавал их по фотографии, взглянув на нее только раз! Это он в 1963 году в Мельбурне дружески похлопал по плечу и защелкнул наручники одному преступнику, когда тот спокойно стоял под деревом. Полиция охотилась за ним двадцать один год!

Уйдем лучше с «ястребиных» глаз долой и прогуляемся по городу. Хобарт, основной промышленный и культурный центр штата, очень удобно спланирован: все, как говорится, там под рукой, нигде нет толчей. Город расположен в устье реки Деруэнт, которое представляет собой узкий и глубокий залив Сторм, где находится удобный порт. От него улицы поднимаются вверх по склонам горы Веллингтон. К порту примыкает промышленная часть города. Это второй по возрасту город после Сиднея. Как и Сидней, он носит имя британского министра колоний времен основания города.

Тасманию описывали либо как ад на земле, либо как идиллическое место, единственный оазис, оставшийся в пустыне, сотворенной человеком. Как же остров выглядит в действительности?

Он всегда славился своими садами. Тасманские яблочки (сорт «джонатан») отправлялись за тридевять земель, а теперь конкурируют с яблоками из Новой Зеландии и Южной

Африки. Тасмания всегда была бедной родственницей богатых штатов материка, но гордые тасманцы говаривали, что это Австралия — остров к северу от Тасмании... Время от времени высказывается мысль об отделении Тасмании от Австралийского Союза, но, по-моему, это несерьезно.

Тасмания давно стремится связать себя узами с богачом. Он преодолел бы бурные воды Бассова пролива и вытащил бы ее из бедности. В качестве приданого она могла бы предложить неисчерпаемые запасы белого угля и большие минеральные богатства. Охотники находились-таки, но действовали с расчетом и опаской, это не было любовью с первого взгляда. Были сооружены гидростанции, чтобы привлечь промышленников дешевой энергией, которая теперь в избытке.

Фабрика по изготовлению рыбной муки выбирает из воды всю рыбу, даже мелочь, что, естественно, отрицательно сказывается на рыболовстве. Леса Тасмании превращаются в древесину: упłyвают в Японию на бумажные фабрики стволы, которые росли здесь четыреста лет...

В недоступных горах мелко дробится руда, из нее магнитом извлекают частицы железа, смешивают их с водой. Этот железный «суп» течет по трубопроводу целых девяносто километров, затем воду отделяют от железа и формируют его в гранулы. День и ночь мощные насосы перекачивают этот поток через горы; за двадцать лет в одну Японию отправлено более сорока миллионов тонн тасманских руд.

Реки Деруэнт и Теймар заражены, река Паймен («Паштетник») пока еще довольно чистая. Странное название, не правда ли? Очевидно, это единственная река в мире, названная в память о человеке, который был... людоедом. Нет, он не был «дикарем». Некий Александр Пирс торговал в Хобарте паштетами, потом попал на каторгу и с группой каторжников бежал в буш. Уильям Нолен повествует: «Когда голод стал нестерпимым, Пирс зарубил топором своего товарища и съел лучшие куски. Увидев проплававшую неподалеку от берега шхуну, он подал знак и, когда Пирса подняли на палубу, попросил, чтобы его отвезли в Хобарт и повесили...»

Тасмания — самый британский штат из всех, входящих в Австралийский Союз. Здесь есть городишки и деревеньки, словно целиком перенесенные из Англии. Климат умеренный, лето более прохладное, чем на материке, бывает настоящая

зима, всегда великолепная весна и очаровательная осень. Церковь Хобарта выглядит так, словно каждый ее камень привезен из Лондона. Что было хорошо для Англии, сгодилось и для Тасмании.

Площадь острова равна примерно одной пятой территории Польши. В 1642 году Абел Тасман назвал ее Землей Ван Димена в честь губернатора Голландской Индии, но в 1855 году название было изменено в пользу первооткрывателя. Северо-западная часть острова до сих пор мало исследована. В 1852 году было открыто золото, потом олово. Сейчас об этом напоминают лишь мертвые поселки.

Люди покидали Тасманию. «Золотая лихорадка» в штате Южная Австралия опустошила и без того малонаселенные поселки острова. Во время кризиса штат пострадал значительно больше, чем его собратья-гиганты на великом материке, шансов на выживание у него было намного меньше. Он был похож на лохань, стоящую в одном ряду с яхтами на старте регаты...

Однако народ не опустил руки. Были заложены плантации хмеля, которые легли в основу славы австралийского пива, построены садки для форели и лосося. На Тасманию везут бокситы с полуострова Кейп-Йорк, всего за четыре тысячи километров, и с помощью дешевой энергии превращают их в алюминий. Однажды на остров обрушилась беда: за один день пожар, начавшийся в буше, уничтожил полторы тысячи гектаров леса...

Нужно ли, пытаясь идти в ногу с остальным миром, переделывать небольшой остров в гигант индустрии? Не лучше ли позволить туристам созерцать нетронутые пейзажи и старые памятники культуры?

Темнокожие аборигены Тасмании (на которых новоприбывшие колонисты устраивали настоящую охоту) стали достоянием истории. Сто лет назад на острове Кенгуру, расположенном у берегов штата Южная Австралия, скончалась последняя представительница племени, населявшего Тасманию. Охотники на тюленей купили ее еще ребенком и отвезли на остров.

Местные племена антропологически отличались от аборигенов Австралийского материка. Их насчитывалось около пяти тысяч, когда на острове появились колонисты. Внешне они немного напоминали папуасов. У них были очень темная, почти черная кожа, вьющиеся волосы с рыже-ватным оттенком. Коренные жители Тасмании не знали

ни бumerанга, ни лука, ни стрел. Их язык ничем не был похож на языки австралийских аборигенов. Они были охотниками, по неизвестным причинам не употребляли в пищу рыбу, но зато ели панцирных, а также морских млекопитающих. Даже в холодное время года ходили обнаженными, лишь иногда надевая нечто вроде пелерин из шкур кунгура.

Все путешественники, которые заходили на Тасманию вскоре после ее открытия, утверждали, что местное население никогда не нападало на чужестранцев. Полагают, что аборигены принимали их за выходцев с того света и потому испытывали к ним уважение как к возвратившимся давно умершим предкам. (Дело в том, что после кончины кожа тасмансцев светлеет — вот они и принимали белых людей за оживших соплеменников.) Известен случай, когда бежавший каторжник прожил среди аборигенов тридцать два года, и местное племя признало в нем своего воскресшего вождя...

В 1803 году неподалеку от того места, где сейчас расположен Хобарт, находился военный лагерь, в окрестностях которого островитяне устроили охоту на кенгуру. Перепуганный британский офицер приказал стрелять в мужчин, женщин и детей, преследовавших животных. Погибло сорок островитян. Так началась «черная война». Губернатор Сорелл писал в 1819 году о своих соотечественниках: «Они омерзительны, они — позор Британии».

В 1830 году губернатор Артур попытался спасти от уничтожения уцелевших островитян, поселив их на небольшом острове. Наверное, он действовал из лучших побуждений, но дело приняло трагический оборот. Еще до того как губернатор начал действовать, пять тысяч солдат и полицейских принялись прочесывать Тасманию, но жители, отлично знавшие местность, попрятались и сумели избежать тотальной облавы. В результате в руки белых попали один взрослый мужчина и один мальчик... Добропорядочный каменщик из Хобарта Робинсон проникся сочувствием к несчастным аборигенам. Он убедил губернатора доверить ему исполнение задуманного плана и обещал добиться доверия островитян. Действительно, пять лет бродил он по острову в одиночку без оружия, в местах, недоступных и по сей день, уверенный, что несет чернокожим спасение. Несколько сотен людей доверились ему, пошли за ним — их вывезли на крошечный

остров, где они погибли от тоски по свободе, по своим родным местам. «Племя утратило волю к жизни, страх оказался сильнее отчаяния», — писал современник.

Владелец одной фермы вспоминал, что в его хозяйстве жили несколько «прирученных» аборигенов из-под Сиднея, которых он держал для того, «чтобы они охотились на дикарей, если те вдруг появятся в окрестностях». Иногда проводилось расследование того или иного убийства, но, как писал Стржелецки, оно завершалось «вскрытием трупа одной расы, проводимым другой расой, а заключение всегда звучало одинаково: смерть наступила по воле божией».

Трагедия людей, оказавшихся как бы на стыке двух цивилизаций, уходит в самое начало колонизации Австралии. Классическим примером является история тасманской девочки Матхинны. По приказу жены губернатора леди Франклайн девочку в детстве взяли в дом губернатора. Она принесла с собой скромное приданое — шкуру кенгуру, плетеную корзиночку и бусы из раковин. Девочка выросла и превратилась в стройную высокую девушку с правильными чертами лица и очень приятным голосом. Но губернатора отозвали в Англию. Он уехал с семьей, а Матхинна осталась, так как врачи утверждали, что английский климат для нее убийствен.

Вопреки ожиданиям, что девушку возьмет какой-нибудь колонист, ее отдали в приют. Взамен материнской заботы губернаторши и удобств губернаторской резиденции она получила нары в холодном бараке для нищих. Здесь не было льстецов, которые в губернаторском дворце демонстрировали величайшее удовольствие от одной возможности пройтись под руку с ней мимо губернаторши. Конец ее был трагичен. Она бежала из приюта и с остатками своего племени скиталась по бушу, гуляла с лесорубами, матросами, уголовниками. «Нетрудно догадаться о ее судьбе... — писал современник, — однажды вечером она не вернулась. Ее долго искали, пока наконец не нашли тело девушки в воде».

Тасмания превратилась в тюрьму империи; у истоков ее истории — не только истребление коренного населения, но и казни белых каторжников. Люди, которых ссыпали на Тасманию, не имели никаких шансов возвратиться обратно. Она должна была служить лекарством от болезни времени, которую с такой потрясающей силой описал Диккенс.

Мэри Хейлок из Йоркшира было тринадцать лет, когда она вскочила в седло лошади, принадлежащей дворянину, так как ей очень хотелось покататься верхом. За прогулку она заплатила семью годами каторги. Новая колония испытывала постоянный недостаток в женщинах. Отбыв каторгу, Мэри осталась и вышла замуж за офицера торгового флота. Ее внук стал священником, а затем премьером Тасмании. Не раз случалось, что люди, которым удавалось пережить ссылку и каторгу, добивались положения в обществе и богатства. В Лонестоне до сих пор существует пивная, которая считается самой старой во всем Австралийском Союзе. С тех пор как в 1814 году эту пивную построил некий Дикки Уайт, сосланный за разбой, она не закрывалась ни разу.

Об одном из каторжных лагерей очевидец в 1832 году писал: «Из восьмидесяти пяти смертей только тридцать пять объясняются естественными причинами. Двадцать семь узников утонули, восемь погибли в результате несчастных случаев, главным образом на лесоповале, трех застрелили солдаты, двенадцать убиты товарищами по каторге. Побег из колонии считался невероятно трудным и опасным делом. Из ста двенадцати беглых шестьдесят два погибли в буше, девять убиты товарищами и съедены...»

Условия существования были настолько страшными, что узники специально совершали тяжкие преступления, лишь бы получить смертный приговор и с помощью виселицы... освободиться от каторги. Чаще всего убивали своих же товарищев. Когда одного убийцу спросили, отчего он не прыгнул в воду, чтобы покончить с собой, он ответил: «Ну нет! Если я сам убью себя, то сразу же отправлюсь на самое дно ада. Если же убью ближнего — меня пошлют в Хобарт на казнь. Там мной займется капеллан, и я уверен, что без задержки попаду в рай...»

В какой-нибудь сотне километров от Хобарта, неподалеку от Порт-Артура находится Остров Мертвых. Раньше доступ на остров был запрещен, но теперь любой может осмотреть этот памятник изуверства человека над человеком. Вблизи была расположена каторжная колония для мальчиков от восьми до восемнадцати лет. Двадцать два из них погибли на разгрузочных работах в порту и были похоронены на этом острове.

Где-то в безымянной могиле почил Dennis Colins, моряк, который потерял ногу в морском сражении за родину и короля. Раздосадованный отказом в пенсии,

Колинз швырнул камнем в короля, когда тот вошел в ложу на ипподроме в Эскоте. Он лишь сшиб с головы короля цилиндр, но был приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой.

В 1833 году его привезли в Порт-Артур (на Тасманию). Он отказался выполнять каторжные работы, заявив, что монарх продолжает задерживать инвалидную пенсию, и объявил голодовку, так как, по его словам, средства на тюремную еду предоставляет королевская казна. Он две недели голодал в одиночке, потом еще неделю в тюремной больнице, где и умер от голода.

Неподалеку покоится прах Джона Нанни, который потерял руку в битве под Ватерлоо. Он занялся скрапкой крашеного, так как не мог прожить на нищенскуюunter-офицерскую пенсию. Был приговорен к пожизненной каторге. Тюремный священник преподобный Ментон записал: «Я обрадовался, когда, посещая его, стал замечать, как небесный свет все ярче разгорается в его душе...»

В 1807 году полицейский сообщил судье, что свидетель не явился на судебное заседание. Судья гневно прервал его, заявив, что не примет никаких оправданий и сделает определенные выводы по отношению к отсутствующему. «...Ваша милость, — вежливо сказал полицейский, — да ведь этот человек был вчера приговорен вами к смертной казни и сегодня утром повешен...»

Уже в первые годы нашего столетия жители Тасмании подумывали о создании национальных парков. Характерная природная черта горных районов острова состоит в явлении, которое жители Тасмании называют «горизонталь».

Огромные, двадцатиметровой высоты сосны растут почти горизонтально в шести-семи метрах от земли. Упасть им не позволяют густые ветви других деревьев. Со временем эти горизонтально растущие деревья покрывает другая растительность — трава и кустарник, создавая нечто вроде настила. Если путник ступит на него ногой, то проваливается в своего рода тюрьму из зелени.

Настало время познакомиться с другими районами Австралийского Союза. Предлагаю начать со штата Новый Южный Уэльс. Самым плenительным городом для меня был и остается Сидней — административный центр штата, важнейший порт на юге Тихоокеанского региона. В этой трехмиллионной метрополии — самом старом, самом

оживленном городе Австралии — проживает пятая часть всего населения страны. Отсюда во все уголки мира отправляют шерсть, пшеницу, муку и мясо. Здесь производятся строительное оборудование, железнодорожный подвижной состав, сельскохозяйственные машины.

Знаменитый мост над заливом Порт-Джексон был открыт в начале 1932 года при необычных обстоятельствах. Премьером Нового Южного Уэльса был в то время Джек Ленг, которого консерваторы считали демагогом и подозревали в симпатиях левым. Они поговаривали, что Ленг недостоин чести открытия такого важного сооружения, о котором говорят весь мир. Когда после торжественных речей премьер собирался перерезать ленточку, сквозь толпу пробился верхом на лошади офицер и саблей перерубил ленточку, крича, что действует «от имени Его Королевского Величества и всех честных людей»¹.

Бродя по улицам Сиднея, я припомнил все, что знал об истории этого города. Как же он изменился! Питт-стрит — сначала вместилище жалких хижин, заселенных ссыльными, потом район публичных домов — сейчас квартал солидных страховых компаний. На улочках вокруг здания суда можно увидеть адвоката в белом парике и черной мантии, величественно идущего в толпе, которая его и не замечает. Улицу Кингс-кросс называли уголком Европы в Южном полушарии. Это район увеселительных заведений, и австралийцы отчасти гордятся им, но одновременно они огорчены переменой духа улицы. Сто лет назад соседние с Кингс-кросс районы занимали еврейские кварталы, расположившиеся вокруг синагоги. Позже здесь поселились слизки творческой интеллигенции — писатели, художники, поэты. Великолепный, искусно подсвеченный фонтан увековечил память о битве под Эль-Аламейном, где в безводной пустыне вдали от родины сражались и умирали австралийские солдаты.

Здание Сиднейской оперы — произведение датского архитектора Атсона, построенное им в 1959 году, — по своему замыслу очень просто: расположенное у самого моря и похожее на плывущее под парусами судно, оно должно напоминать о том, что каждый австралиец или его

¹Д. Ленг не столько симпатизировал левым, сколько боролся против революционного, прогрессивного направления в рабочем движении. Перерезал вместо него ленту на открытии Сиднейского моста офицер — член профашистской Новой гвардии.

предок прибыли из-за моря. До этого в Сиднее было старое здание оперы имени принца Уэльского, которое сгорело в 1872 году. Там ставили музыкальные комедии, ревю и другие спектакли, отвечающие вкусам местной публики. А о вкусах можно судить по одной истории столетней давности, до сих пор сохранившейся в памяти горожан. Произошла она с одним молодым человеком, адвокатом и одновременно известным на весь город повесой — мистером Джоном Уонтом. Началось с того, что Уонт узнал о затруднительном финансовом положении управляющего оперой и предложил ему в долг значительную сумму, поставив при этом не совсем обычное условие. Адвокат добивался права во время спектаклей находиться в суплерской будке, да еще вместе с приятелями. Сначала управляющий застращился, поскольку считал, что в суплерской будке имеет право находиться только персонал театра. Однако, после того как к его горлу был приставлен нож, он принял условие молодого повесы.

На полученные деньги театр поставил новое шоу, в котором было занято много прелестных статисток и хористок. Джон Уонт и его дружки каждый вечер сидели в суплерской будке, где было невероятно тесно, но зато весело. Все представления они наблюдали снизу, не упуская случая ущипнуть какую-нибудь хорошенку девушки за ножку и договариваясь с ними о месте свидания. Потеха происходила на глазах у публики, которая находила, что все это придает зрелищу еще больший эффект. Управляющий театром в отчаянии наблюдал за безобразием, но ничего не мог поделать, поскольку подписал договор. Выход из этого положения нашла его догадливая дочь. Она приказала убрать суплерскую и объяснила молодому повесе, что будка просто-напросто не нужна в театре. Адвокат подал в суд — дело было очень шумным и прошло через все инстанции, каждая из которых выносila одно и то же решение, признающее за администрацией театра право сносить любые, ненужные ей сооружения. Возмущенный адвокат передал дело в самую высокую инстанцию — в суд Британской империи. Благородные лорды Тайного совета Его Величества как раз собирались обсудить вопрос о праве молодого адвоката далекого города Сиднея сидеть в суплерской будке, как в театре случился пожар.

Строительство нового великолепного здания оперного театра продолжалось долго и проходило в невероятно неспокойной обстановке. Уже в ходе строительства выясни-

лось, что архитектор Атсон не предусмотрел автостоянки, а на критику ответил, что у Парфенона ее тоже не было. Он потребовал три миллиона дополнительных субсидий, чтобы построить из дерева макет главного зала оперы в натуральную величину. Правительство приступило к обсуждению его экстравагантных, как считали, требований. Стоимость строительства в десять раз превысила смету. В штате Новый Южный Уэльс была объявлена специальная лотерея, которая разыгрывается дважды в год. Доходы от нее идут на содержание здания оперы. Таким образом, австралийская опера существует на средства от азартных игр.

По всей Австралии разбросаны клубы, которые могут предложить своим членам разнообразные развлечения. Они выдают великопный спортивный инвентарь и оборудование; организуют выступления лучших артистов; располагают, например, возможностью пригласить на несколько вечеров оркестр из Америки или Европы; имеют в своем распоряжении роскошные рестораны, кинозалы; устраивают показы мод. Их содержание обеспечивают «однорукие бандиты», то есть игровые автоматы. Здесь говорят, что такие клубы дают возможность каждому человеку побывать в своем Лас-Вегасе.

Пивные, о которых уже упоминалось в связи с рассказом о Дарвине, — одна из особенностей всей Австралии. В каждом отеле есть свой пивной бар, и при каждой пивной имеется несколько номеров, которые можно снять. У пивных оригинальные названия — тоже по английскому образцу: «Королевский дуб», «Герой Ватерлоо», «Капитан Кук». И хотя их архитектура оригинальностью не отличается, интерьер весьма разнообразен.

Столичная территория Австралии также является достопримечательностью Австралийского Союза. Еще до создания федерации жители Нового Южного Уэльса потребовали конституционной гарантии в том, что столица будет находиться в пределах их штата. Другие штаты согласились с этим, но при условии, что столица должна быть удалена от Сиднея. Штат Виктория добивался, чтобы на время строительства новой столицы резиденция федерального правительства была перенесена в Мельбурн. В конце концов пришли к общему решению: столица должна находиться в Новом Южном Уэльсе, но не ближе ста километров от Сиднея.

Во время визита президента США Джонсона в Канберру его охрана в целях дезориентации потенциальных террористов заказала апартаменты в нескольких отелях сразу и везде установила телефоны прямой связи с Белым домом. Один овцевод, приехавший по каким-то своим делам, по ошибке был помещен в один из приготовленных для президента номеров. День был очень знойный, и овцевод, зайдя в номер, первым делом снял телефонную трубку, и потрясенные чиновники Белого дома услышали краткое распоряжение: «Ну-ка, ребята, притащите-ка мне в номер побольше пива, да поскорее!»

В конце минувшего столетия разразился глубокий экономический кризис, выявивший слабости каждой из шести обособленных колоний. Ставилась очевидной необходимость в централизованной власти, которая осуществляла бы управление всем огромным материком. Идея создания Австралийского Союза возникла еще в середине прошлого века, однако ярко выраженная сепаратистская позиция властей в колониях задержала ее осуществление до конца столетия. Экономическое и политическое положение Австралии, создавшееся в девяностых годах, изменило отношение колоний к проблеме федерализма. Логика их экономического развития настойчиво требовала объединения. Кроме того, федерация давала бы возможность добиться крупных кредитов самых могущественных банков мира, которые считали рискованным заключать крупные сделки с отдельными колониями. Создание федерации вводило единый таможенный закон, установив, таким образом, абсолютную свободу торговли между штатами.

Официально создание Австралийского Союза было провозглашено 1 января 1901 года. Федеральное правительство выбирается прямым, тайным, обязательным голосованием и осуществляет руководство обороной страны, системой связи, внешней торговлей и внешней политикой, а также контроль за натурализацией, то есть разрешением на гражданство. В Канберре размещаются все посольства и большая часть консульств. Некоторые консульства находятся в Сиднее.

Будущее Австралии во многом определяется перспективой развития с государствами Тихоокеанского бассейна, прежде всего с азиатскими странами. Для австралийской дипломатии наиболее важными центрами являются Джакарта, Токио, Куала-Лумпур, столицы молодых государств

Океании, в частности Папуа-Новой Гвинеи. Само собой понятно, что огромное значение для нее имеет Китай, хотя Австралия в течение многих лет не поддерживала с ним никаких отношений.

Первым послом в Пекине был известный ученый, доктор Стефан Фитцджеральд. «Иногда, проснувшись рано утром в Пекине, — вспоминал он, — я спрашивал сам себя: что делает здесь мальчишка из заштатного городка?» Конечно, сказано не без южной скромности, ведь доктор Фитцджеральд — знаменитость в области синологии и послом стал, не достигнув и тридцати лет. Он (как, впрочем, и все его сотрудники) свободно говорил по-китайски.

Итак, Австралия получила федеральное правительство. С начала века до наших дней его возглавляли двадцать два премьер-министра. Приведу некоторые сведения об этих людях: они дадут представление не только о личностях глав государства, но и о политическом духе страны. Возьмем, например, их профессии. Семеро из них были юристами, двое — журналистами, трое — агрономами и двое — горняками. Остальные — бизнесмен, издатель, наборщик, профсоюзный деятель и докер, учитель, библиотекарь, машинист. За семьдесят пять лет существования Австралийского Союза премьеры, не принадлежащие к Лейбористской партии, находились у власти пятьдесят пять лет и девять месяцев, а члены Лейбористской партии — девяноста лет и три месяца. Рекорд побил Роберт Мензис, который занимал должность премьер-министра федерального правительства в течение шестидесяти лет и одного месяца. Пятеро премьеров родились вне пределов Австралии — один в Чили, два в Шотландии, один в Англии и один в Уэльсе. Шестеро были католиками, трое считались неверующими, а остальные принадлежали к различным протестантским церквам. Конечно, австралийцам хорошо известны все спортивные достижения их премьеров: один отличился в футболе, гребле и игре в крикет, во время учебы в Кембридже был даже капитаном университетской команды. Самому молодому премьеру, когда он вступил в должность, было тридцать семь лет. Если говорить о материальном положении, то двое премьеров были очень богаты, нескольких причисляли к зажиточным, а остальные имели довольно скромный достаток. Один из них, Кэртин, был просто бедняком.

Во время моих поездок в Австралию при посещении парламента мне довелось увидеть двух премьер-министров —

Гарольда Холта и Роберта Мензиса, поэтому я позволю себе немного остановиться на этих деятелях, тем более что первый поразил общественность своей кончиной, а второй — яркой, незаурядной личностью.

В воскресенье 17 декабря 1967 года Гарольд Холт, премьер-министр федерального правительства, приехал на машине на пустынnyй пляж. В этот день пронзительно свистел ветер, грохотало море, в бушующих волнах носились бревна, пенистые валы подхватывали их и швыряли на берег. На пляже было почти безлюдно, сюда пришли лишь несколько человек полюбоваться разбушевавшейся стихией. Холт постоял на берегу, глядя на бешеные волны, затем пошел к машине, взял плавки, переоделся за камнем и вошел в воду. Трудно понять, почему он решился на это. Может быть, потому, что был отличным пловцом и ныряльщиком? Минут десять было видно, как Холт плавал и нырял. Волны бросали его, как лист. Потом он исчез, и больше его никто не видел. Тело Холта так и не нашли.

Другой премьер-министр, Роберт Мензис, долгие годы был крупной фигурой на политической арене страны. Человек консервативных взглядов, он последовательно проводил их в своей политике, выразив в следующих словах: «Я не верю в сумасшедшие доктрины о равенстве между тружеником и лентяем, между умным и дураком, между бережливым и расточительным». Он был фанатичным верноподданным Великобритании и считал Австралию далеко выдвинутым бастионом Англии. «Я британец до самых каблуков моих ботинок», — говорил о себе Мензис и яростно отстаивал привилегии британцев в их колониях, даже тогда, когда многие деятели Британского Содружества уже прониклись духом нового времени. Роберт Мензис активно поддерживал американскую интервенцию во Вьетнаме. Был великим снобом, преданным имперским традициям, и не скрывал этого.

В парламенте держался вызывающе и, когда его спросили, не поразила ли его мания величия, ответил: «Было бы неудивительно, особенно если учесть, в каком обществе я оказался». В другом случае Мензис откровенно признался: «Когда я нахожусь у власти, то стараюсь сделать так, чтобы депутаты парламента как можно больше говорили. Боюсь, что если они перестанут болтать, то начнут думать». Во время одного митинга противник Мензиса призвал его выступить и сообщить все, что он знает

по обсуждавшемуся вопросу. Это, по мнению оратора, заняло бы не больше минуты. Мензис невозмутимо ответил: «Я готов за это время сказать все, что знаем мы оба».

В школьные годы он не желал заниматься спортом, что в Австралии равноценно ереси. Пока его товарищи пинали мяч, Мензис изучал Шекспира. Он развил в себе ораторский талант. В памяти людей остались его остроумные ответы, которыми он ставил на место тех, кто приходился ему не по вкусу.

Во время дискуссии в парламенте он однажды сказал: «Путешествие по сокровищнице ума господина депутата было бы куда более поучительным, если бы оно не совершалось в полной темноте».

Представители левых ставили ему в вину не столько его красноречие, сколько то, что он употреблял его во зло. В канун второй мировой войны разгорелся яростный «спор о руде». Тогдашний генеральный прокурор, впоследствии премьер-министр Роберт Мензис выступил в судебном порядке против портовых рабочих, отказавшихся грузить руду, предназначенную для Японии — союзницы фашистской Италии и гитлеровской Германии. Тогда-то он и получил прозвище Боб-рудя (Пиг-Айрон-Боб). Случилось так, что как раз в это время в Австралию прибыл с коротким визитом знаменитый писатель Герберт Уэллс, на которого премьер открыто обрушился с нареканиями по поводу того, что тот позволяет себе оскорбительные выпады против руководителей других стран. Премьер имел ввиду Муссолини и Гитлера; о последнем Уэллс сказал, что он просто сумасшедший.

Перед отъездом писатель предостерег премьера, сказав, что японская угроза Австралии — отнюдь не миф и что, если не уничтожить ее сейчас, она обрушится позже с удесятеренной силой.

Итак, несмотря на свои консервативные взгляды, Роберт Мензис был довольно яркой фигурой на политической арене Австралии. Он скончался на восемьдесят четвертом году жизни в 1978 году. В день его смерти алтарь шотландской церкви в Мельбурне был задрапирован австралийским флагом. На панихиде присутствовали принц Чарльз и двое бывших премьер-министров Великобритании. Когда печальный кортеж двигался по залитым дождем улицам города, траурные мелодии играл оркестр шотландских волынщиков.

Я не могу утверждать, что в чужой стране для меня все понятно. А если я сам что-либо плохо понимаю, то и рассказывать читателю об этом мне трудно. В таких случаях я опираюсь на знания других. Например, таким образом, то есть опираясь на пояснения австралийцев, я хотел бы рассказать об одном сугубо австралийском понятии, которое обозначается словом *mate*. Кто это или что это такое? В английском языке это слово многозначно: «супруг(а), товарищ, помощник» и др. Значение же этого слова в Австралии точно определить невозможно. *Mate* — не только «товарищ», «друг». Так называют всякого, кому симпатизируют, своего парня. Таксист открывает дверцу машины перед пассажиром и предлагает: «Прыгай, *mate!*» Это не фамильярность, не развальность, а скорее проявление сильно развитого у австралийцев стремления к равенству, к уравнению в правах, берущее начало в прошлом и упрочившееся в новейшее время.

В японских инструкциях для выезжающих в Австралию, например, сказано: «Австралия не является социалистической страной, но там глубоко укоренились элементы братства, и вне работы принцип равенства всех людей соблюдается повсюду. Австралийцы всегда стремятся добиться чего-то посредством дискуссии, а не приказным методом. Каждый поступок, каждое действие иностранца, которое может быть понято как демонстрация превосходства, автоматически пробуждает враждебность австралийца, а это, в свою очередь, приводит к ухудшению международных отношений». Действительно, австралиец, однажды разочаровавшийся в человеке, навсегда теряет доброе мнение о нем.

Есть разные точки зрения на то, когда и как возникло понятие *mate*. Одни считают, что оно появилось в ходе борьбы профсоюзов за более высокую заработную плату и лучшие условия труда; другие — что его широко употребляли солдаты и скитальцы, бредущие по дорогам через пустыню; третий — что оно пришло из сельской местности... А возможно, первыми его употребляли лесорубы? Во времена освоения страны лесорубы объединялись по двое, потому что пилить деревья можно только вдвоем. Их работа рождала и укрепляла чувство общности.

Это чувство, свойственное и рабочим других профессий, другим социальным группам, а также людям разной веры, нашло свое отражение в творчестве классика австралийской поэзии Генри Лоусона. Он писал, что вот идут они вместе — протестант и католик — и никто никого не называет

ни господином, ни хозяином, ни лордом и никто ни перед кем не ломает шапку.

Один священник, который путешествовал по Австралии в 1867 году, оставил нам свой комментарий к понятию «общность». Он сказал примерно следующее: в Австралии случается, что не человек одолевает трудности, а трудности одолевают человека. Двое всегда сильнее одного, поэтому понятие «общность» имеет в этой колонии очень большое значение.

Экономический кризис на рубеже двадцатых и тридцатых годов XX века был страшен. Десятки тысяч людей скитались по стране в поисках работы и не находили ее. С того времени сохранилось много разных историй об этих скитальцах. Так, рассказывают, что в небольшом поселке штата Квинсленд каждый вторник проходила ярмарка свиней, которых обычно помещали в железнодорожных складах, представлявших собой огромные сараи. В промежутках между ярмарками в них ютились бездомные безработные. Ранним утром каждого вторника они просыпались от крика: «Проваливайте, ребята, катитесь отсюда, живо! Очистить хлев для свиней!»

Особенно важна была в то время роль профсоюзов, оказывавших поддержку трудящимся и безжалостно преследовавших штрайкбрехеров. Кстати, этому слову у австралийцев есть нецензурный эквивалент — так они выражают свое отношение к тем, кто попирает принципы солидарности. Вообще австралийские рабочие бастовали довольно часто, а в 1923 году в Мельбурне в забастовке приняли участие шестьсот тридцать шесть полицейских. Преступники, чувствуя безнаказанность, буквально атаковали город, средь бела дня нападали на людей, грабили магазины. В городе начались серьезные беспорядки. Было создано нечто вроде добровольной милиции, которая, вооружившись кольями и палками, пыталась спасти положение. В конце концов обратились к помощи бывших солдат. Впоследствии из тех полицейских, что принимали участие в забастовке, никто никогда не был взят на работу в полицию.

Силу профсоюзов почувствовал на себе известный американский певец Фрэнк Синатра, который в 1974 году прилетел в Австралию, чтобы дать серию концертов. Сначала все шло отлично. Однако стало известно, что Фрэнк не любил фотографироваться. В Мельбурне одному фотокорреспонденту даже было предъявлено требование не

делать снимков со знаменитости. Может быть, все и обошлось бы, если бы форма обращения не была столь наглой и категоричной: «Дело серьезнее, чем ты думаешь, все может плохо для тебя кончиться». Масла в огонь подлил сам Синатра. Разъяренный критическими рецензиями, он назвал женщин-рецензенток особами легкого поведения. После этого профсоюз журналистов, входивший во все-австралийское объединение профсоюзов, провозгласил его «черным». Это означает, что ни один член профсоюза не может его обслуживать. Синатра не мог поесть, так как кельнер отказывался подавать ему, лифтер в отеле закрывал лифт перед его носом. Удрученный Синатра не мог даже вылететь из Австралии на собственном самолете, потому что обслуживающий персонал аэропорта не хотел залить бензин в баки. Наконец глава профсоюзов Боб Хоук сжался над ним. Синатра принес торжественные извинения и вылетел в родные края.

Упомянутый глава профсоюзов — интересная личность. Родом он из дальнего захолустья в западной части Австралии, где его отец был протестантским священником. Он блестяще закончил колледж — между прочим, в Оксфорде. Его имя оказалось на страницах книги рекордов: за двенадцать секунд он выпил больше полутора литров пива. К более серьезным достижениям Хоука принадлежит блестящая служба в системе арбитража, которая и вызвала интерес у профсоюзов. В 1970 году Хоук стал их лидером.

Профсоюзы Австралии ведут неустанную борьбу за права трудящихся. В этой связи можно рассказать об одной небольшой стычке.

Три раза в неделю Тэд Андерсон снимает рубашку и выходит на рабочее место в зале ресторана при одном из отелей в Аделаиде. Он помогает двум официанткам, которые работают обнаженными до пояса. Тэд — первый официант в штате Южная Австралия, а возможно, и во всей стране, работающий *topless*, что и означает «голый до пояса». Женщины-официантки уже давно трудятся в такой униформе, но Тэд — новатор. Разрешение на подобную форму было дано Тэду в угоду не столько посещающим ресторан дамам, сколько профсоюзу гостиничных работников Австралии, который обратился в комиссию по вопросам дискриминации в правах по половой принадлежности. Правда, самому Тэду эти идеиные бои совершенно безразличны, как и то, что он лишь пешка в игре между отелем и профсоюзом. Ему просто нравится работать

в таком виде: «Это замечательно! Мне безумно нравится! Правда, моя подружка смотрит на это немножко иначе. Сказала мне, что прогонит меня спать на балкон. Но это ничего: она забыла, что в нашей квартире нет балкона». Раньше Тэд работал в одном из фешенебельных ресторанов Лондона, а позже был первым обнаженным официантом в Испании. Но там дело было не в профсоюзах, а в жуткой жаре. Тэд — решительный сторонник равноправия полов. «Меня страшно злит, что одни виды работ считаются только женскими, а другие — только мужскими», — говорит он.

Поскольку мы коснулись проблемы равноправия женщин, остановимся немного на этой теме.

Австралия подарила миру борца за равноправие женщин Джермейн Грир — доцента литературы, автора известного в ангlosаксонских странах бестселлера «Женщина-евнух». Есть предположение, что она лично изучала различные аспекты проблемы секса с помощью целой футбольной команды известного британского клуба первой лиги «Манчестер Юнайтед». В 1976 году в возрасте тридцати семи лет она сделала заявление, что прекращает дальнейшие научные исследования, так как «сочтение стало уже простым гимнастическим упражнением», а она «никогда особенно не интересовалась спортом».

Другая специалистка по женскому вопросу, Энн Сэммерс, написала обширное, на пятьсот страниц, исследование о положении австралийских женщин под многозначительным названием «Проклятые шлюхи и полиция господня». Подзаголовок книги поясняет ее содержание: «Колонизация женщин в Австралии». Автор сообщает нам, что выражение «проклятые шлюхи» употребил поручик Ральф Кларк, когда в Сидней прибыл корабль с двумястами ссыльных женщин на борту. Это произошло в 1790 году. Поручик воскликнул: «Боже мой, мне больше здесь не нужны эти проклятые шлюхи! Никогда раньше я не видел худших женщин!» Автор исследования утверждает, что вплоть до 1840 года женщины, которые прибывали в Австралию как свободные колонистки, по сути дела, воспринимались как сексуальные объекты для белых поселенцев.

Определение «полиция господня» было пущено в оборот известной деятельницей Кэролайн Чишом, которая занималась проблемами иммиграции. В середине прошлого столетия она с довольно большим успехом призывала к новому типу иммиграции — целыми семьями. Благодаря этому стали

медленно, но верно уходить в прошлое времена потеряности и неустройства, времена ссылочных. Наступила эпоха типично викторианской семьи с ее прочным, устоявшимся укладом, где все предусмотрено, все заранее определено — ухаживание, брак, количество детей. По мнению автора, под понятием «полиция господня» скрывается система закабаления женщин, которые «полностью утратили возможность решать свою судьбу», а их жизнь была «резко определена границами дома и семьи». Оборотную сторону медали является нам презренная и проклятая фигура проститутки, тысячи их шлифовали тротуары городов в викторианский период.

Рассуждая далее о судьбах австралийских женщин, автор пишет, что во время первой мировой войны хозяйка дома была возведена на мистический пьедестал «любви, самоотверженности и трудолюбия», ее задачей было сохранять домашний очаг и готовить его к возвращению супруга-воина, боровшегося за освобождение мира от варваров-захватчиков. В то время, когда шли сражения в Бельгии и Франции, в Австралии стихийно возникла организация, получившая название «Женщины-добровольцы Австралии». Эта группа поставила своей задачей обучить тысячу женщин-снайперов для отправки их на линию фронта. Замысел был осмеян общественностью.

Тяжким было положение женщин в тридцатые годы, в период экономической депрессии, когда они пытались любыми средствами помочь мужчине, который должен быть кормильцем семьи, но не имел работы. К этому времени семьи стали не такими большими, как в викторианскую эпоху, но социальные функции женщины были по-прежнему строго определены. В задачу матери входила «забота о социальном и физическом развитии потомства».

Во время второй мировой войны австралийским женщинам была обещана равная с мужчинами заработная плата. Многие женщины трудились на предприятиях, выпускавших военную одежду, и на других, работавших непосредственно на нужды армии. Однако либеральная оппозиция воспользовалась своим большинством в сенате и провалила предложение правительства по вопросам заработной платы и трудоустройства женщин. Потом началось «нашествие янки» — в Австралии появились крупные гарнизоны американских войск. Их присутствие значительно изменило австралийские нравы, привело, как утверждает Энн Сэммерс, не только к освобождению женщин, но и к возникновению так

называемой полупроституции. После войны общество надеялось, что женщины вернутся к домашним очагам и снова превратятся в «полицию господню».

Как же складывалась дальнейшая судьба австралийских женщин? Советник правительства штата Южная Австралия по женскому вопросу говорит: «Я еще ни разу не встретила женщину, которая не чувствовала бы себя в меньшей или большей степени существом второго сорта».

Судя по доступным документам финансового ведомства, только в 1972/73 финансовом году о доходе свыше ста тысяч долларов подали сведения 194 мужчины и 39 женщин. Разумеется, речь идет о доходах, подлежащих налогообложению. Самый высокий доход имеет крупный предприниматель в горнодобывающей промышленности Лэнг Мэнкок — сорок тысяч австралийских долларов в неделю, сразу после него в списке стоит теннисистка — семь тысяч в неделю. В ее доходы входят не только награды, которые она получает на турнирах во всех странах мира, но и доходы от рекламы. Путь австралийских женщин к полному равноправию был не только долг и ухабист, но и богат, событиями, вызывающими удивление. Один тридцатичетырехлетний строитель из Мельбурна в 1976 году выиграл судебное дело против двадцативосьмилетней стюардессы, обвиненной в отказе вступить в брак, и получил тысячу долларов «на осушение слез» и обручальное кольцо за восемьсот десять долларов. Это был первый случай в истории суда, когда с обвинением такого рода выступил мужчина, а не женщина. Обвиняемая пояснила суду, что окончательный разрыв был вызван тем, что во время приема по поводу их помолвки жених без причины «злостно пнул» ее. Она также призналась, что носила обручальное кольцо некоторое время после помолвки, чтобы избежать вопросов любопытных подруг. Обе стороны заплатили по тысяче триста долларов за судебные издержки. Присяжные, группа которых состояла из четырех мужчин и двух женщин, отвергли остальные претензии истца: он требовал возврата ста долларов, то есть половину суммы за питание, которое он покупал, когда они жили вместе, двадцати четырех долларов семидесяти девяти центов за отопление квартиры, двадцати долларов за перевозку из гаража ее старой машины, восьмидесяти долларов, которые он дал ей в подарок, двенадцати долларов семидесяти пяти центов за газ, двухсот долларов за установку телефона. В утешение следует добавить, что в новом законодательстве уже не предусматри-

вается рассмотрение дел о возмещении убытков при нарушении согласия на брак.

Вопросы бытового характера определяются в известной степени этнической пестротой общества. Попытаюсь рассказать об этом ниже. Так, судьба женщины, только что прибывшей из Греции, конечно же, складывается иначе, чем судьба «динкнут осси», то есть коренной австралийки, рожденной и воспитанной в Австралии.

Бесконечно тянется комедия на тему о специальных пляжах для нудистов. Ко времени моего последнего приезда общество уже привыкло к подобным пляжам. Такой пляж был в Сиднее, и я пошел посмотреть. Прежде всего должен сказать, что попасть туда очень трудно: до пляжа можно добраться либо с моря, либо с очень крутого берега по вырубленным в скале ступеням. Тем не менее от окрестных жителей идут потоки жалоб на непристойное зрелище, которое они вынуждены наблюдать, и полиция время от времени делает налеты на пляж, хватая и арестовывая нудистов, что, конечно же, не оставила без внимания местная пресса. Полиция подверглась жестоким нападкам журналистов в милом их сердцу ядовитом стиле. Вечерняя газета Сиднея писала: «Министр полиции штата Новый Южный Уэльс, мистер Джон Уодди, кажется, летал во время войны на истребителе „Спитфайр“ на слишком большой высоте и при этом не надевал кислородной маски. Только этим можно объяснить его невиданное распоряжение о полицейских акциях против нудистов в Сиднее». Газета метала громы и молнии: «Мистеру Уодди должно быть известно, что число жалоб по поводу нераскрытых преступлений в восточных предместьях Сиднея продолжает расти, что в западных районах города происходят дикие драки, что растет волна изнасилований. Его полицейские обязаны заниматься настоящими преступлениями и настоящими преступниками, а не валять дурака на пляжах только для того, чтобы удовлетворить ханженскую стыдливость своего шефа».

Примерно в то же время развернулась акция против нудистов и в штате Квинсленд. Здесь все завершилось в суде, причем оказалось, что в облаву попали женщина-врач, преподаватель университета и, более того, полицейский, некий Лесли Стюарт. Но он не признал своей вины. Свидетельствующий перед судом инспектор заявил, что узнал его на пляже среди голых мужчин. Заметив инспектора, Стюарт бросился в море и поплыл прочь от берега.

Инспектор добавил, что Стюарт игнорировал требование вернуться на берег и что позже, во время следствия, заявил: «Если бы ты поплыл за мной, я доплыл бы хоть до Новой Зеландии. Ты же знаешь, какой я отличный пловец». Однако инспектор решительно отверг показание о том, что он будто бы во время облавы крикнул: «Эй, Стюарт, это ты, я уже отсюда узнал твою белую задницу!»

Прежде чем перейти к рассказу о других штатах Австралии в следующей главе и заняться описанием различных типов австралийского склада ума, — немного улыбки.

В Австралии существует мнение, что муж должен присутствовать при родах жены или даже, пройдя предварительную медицинскую подготовку, сам принимать роды. Утверждают, что это усиливает чувство супружеского единства. Но, разумеется, мнения по этому поводу разделились, и австралийцы как народ, наделенный чувством юмора, придумали анекдот. Женщина на сносях говорит своей подруге: «Не понимаю, и что это муж так рвется присутствовать при родах, если его не было при зачатии!»

Капустное поле и оперетка провинциала

Штат Виктория из-за своей сравнительно с другими штатами небольшой территории прозван жителями остальной Австралии «капустным полем», а к населению Виктории издавна сложилось ироническое отношение. Правда, сами жители Виктории отнюдь не страдают комплексом неполноценности. По их мнению, им есть, чем гордиться. Они производят лучшую во всей Австралии шерсть, их поезда — самые удобные, у них лучшие во всем Содружестве школы, и именно у них проводятся конные состязания на кубок Мельбурна. Да, они гордятся своим штатом.

Конные скачки — это безумие всей Австралии, а верх этого безумия — состязания на кубок Мельбурна, которые уже более ста лет проходят по первым вторникам ноября. В эти часы вся Австралия всматривается в телевизоры и вслушивается в топот копыт, доносящийся по радио с ипподрома, который вмещает на своих трибунах до ста тысяч зрителей. Некоторые посвящают свой отпуск поездке в Мельбурн за тысячи километров, чтобы полюбоваться зрелищем. Во время второй мировой войны австралийские войска на Новой Гвинее даже приостановили военные действия только для того, чтобы послушать репортаж со скачек в Мельбурне.

Великий американский писатель Марк Твен приехал в Австралию в 1895 году. В книге «По экватору» он описывает конные скачки на кубок Мельбурна как истинно национальный праздник: «Он первый из первых. В этой группе колоний он затмевает все праздники и любые особые дни. Затмевает? Мне бы следовало сказать: сводит на нет¹.

Твен ведет нас на трибуны: «Итак: трибуны являются собой блестательное, неповторимое зрелище — неистовство красок, видение красоты. Шампанское льется рекой, все возбуждены, веселы, счастливы; повсюду заключаются пари, перчатки и состояния поминутно переходят из рук в руки. Скачки идут своим чередом, веселье и возбуждение не останавливают ни на секунду, а когда проходит день, люди всю ночь танцуют, чтобы наутро вновь предаться буйному веселью; и так изо дня в день. А к концу великой недели все эти массы людей уже заботятся о жилье и средствах передвижения на будущий год, потом укатывают назад, в свои далекие дома, подсчитывают прибыль и убытки, заказывают себе платья к Кубку будущего года, потом сваливаются и две недели беспрерывно спят — и просыпаются с грустной мыслью, что надо как-то убить год, пока снова не представится возможность вдоволь повеселиться².

Мельбурн — город еще более британский, чем Сидней. Он должен был стать деревней, во всяком случае, именно так думал в 1835 году Джон Батман, тасманский помещик, который скупил у аборигенов огромные земельные наделы, обзававшись выплачивать им ежегодно по сто шерстяных одеял, пятьдесят ножей, пятьдесят топоров, пятьдесят ножниц, пятьдесят подзорных труб, двадцать штук материи и две тонны муки. Он привез с собой семена и саженцы плодовых деревьев и вскоре открыл отель, главной достопримечательностью которого была не пивная, а комплект многотомной энциклопедии.

Особенно развился город в период «золотой лихорадки». Некоторые приезжавшие в Мельбурн золотоискатели были настолько богаты, что о них ходят легенды. Например, когда в баре они угождали всех присутствующих, то, чтобы быстрее освободить стойку от посуды, они ударом кнута смахивали ее на пол и приказывали вымыть прилавок вином из Бостона. Улица Бурк, которая в 1854 году тропинкой вилась среди пастбищ, одиннадцать лет спустя стала типично английской

улицей. Когда-то Мельбурн был больше Сиднея. В те времена в штате Виктория на сто восемьдесят семь мужчин приходилось сто женщин. А когда люди разбежались на золотые прииски, его высокопревосходительство губернатор штата был вынужден сам чистить конюшню.

Многие находят современный Мельбурн скучным городом, а некоторые согласны с высказанным кем-то мнением, что, хотя столица штата Виктория «изображает из себя вдовствующую королеву», всем известно, что эта дама носит самое грязное белье во всей стране». В этих словах видится намек на то, что в радиусе шестнадцати километров от центра города находится самое большое в мире скопление «салонов массажа», а проще говоря, публичных домов. Статистика неизвестна, а когда в парламенте штата развернулись дебаты на эту тему, их инициатор был освистан и осмеян.

Проституция наносит вред не только моральному, но и физическому здоровью: растет преступность, ширятся наркомания, торговля наркотиками. По мнению специалистов, необходима глубокая правовая реформа с решением указанных проблем. На территории этого штата проституция легальна, но содержание публичных домов, сводничество трактуются как нарушение закона.

В Мельбурне существует двести пятьдесят «салонов массажа» и учреждений, которые высыпают девушек на дом по телефонному вызову. Около тысячи девушек завлекают клиентов на улицах, а еще тысяча работает в вышеупомянутых салонах и «бюро заказов».

Ничего нового под солнцем Австралии в этом деле нет. Полиция ведет картотеку лиц, посещающих «салоны массажа». И это не новый прием. Когда второй сын королевы Виктории, Альфред, принц Эдинбургский, в 1868 году прибыл в Мельбурн с официальным визитом, он оказал честь своим посещением учреждению миссис Сарре Фрэзер. Его сопровождал целый хоровод сановников, включая шефа полиции. Девушка, которую он выбрал, последовала за ним в Сидней и для его удобства переселилась в уединенном особнячке. Принц являлся к ней в сопровождении сыщика, который составлял для губернатора подробные отчеты о визитах.

Лицемерие викторианской эпохи отчетливо видно в докладе под названием «Рапорт о социальных бедствиях», который был составлен в 1873 году и который надо читать внимательно, чтобы понять, о чем идет речь. Слово «проституция» там не употребляется, но говорится именно о ней. Соответствующие заведения носили тогда официальное наз-

¹ Твен М. Собрание сочинений. Т. 9. М., 1961, с. 161.

² Там же. с. 121.

вание «антиморальные дома», «дома с дурной репутацией», «неупорядоченные дома». Совсем как в наше время, когда их называют «салонами массажа».

Сто лет назад из здания парламента в Мельбурне пропал жезл. Во время заседаний он обычно лежит на столе, перед председательствующим. Господа депутаты унесли его в веселый дом, где он служил в качестве реквизита при всяких забавах, имитировавших заседания парламента. Жезл так и не был найден. В то время депутаты имели собственные ключи, которые позволяли им проникать в публичные дома через задние двери, скрытые от глаз общественности. Иногда оказывалось, что не хватало кворума для принятия какого-либо закона, когда каждый голос был на счету, и посыпали «нарочных» либо в «Дом Бокаччо», либо к конкурентам в «Брюссель», названный завсегдатаями по имени хозяйки миссис Брюссельс. Уважаемые депутаты прерывали свои развлечения и, ворча, возвращались в зал заседаний.

Миссис Эннет Питер называет себя врачом «или, во всяком случае, тем, кто лечит». Работа тяжелая: встает рано утром и готовится к трудовому дню. Разумеется, время от времени попадаются негодяи, но она «довольна тем, что встречается с разными людьми и идет навстречу их потребностям. Просто старается сделать их счастливыми».

Ее фирма называется «Что-то невероятное» и помещается неподалеку от Луна-парка. Элегантный интерьер, стены в зеркалах и картинах с изображениями женской натуры. Там же размещены таблички с названиями кредитных карточек, признаваемых в этом учреждении. По словам миссис Питер, шестьдесят процентов клиентуры платят наличными, остальные выписывают чеки. Миссис Питер, которая всегда стремится соблюдать законы, считает, что из-за нечестной конкуренции незарегистрированных заведений она теряет многих клиентов. Дело в том, что городской совет дал ей концессию с оговоркой, что ей дается право иметь только одну «массажистку» между девятью утра и одиннадцатью вечера, и только в будни.

Эта единственная «массажистка», конечно же, она сама. Из-за огромного количества подобных заведений конкуренция очень жесткая, значит, надо предложить клиенту услуги на очень высоком уровне по доступной цене. Перечисляя цены различных услуг, она скромно добавляет: «Естественно, все это имеет отношение только к массажу. Не могу же я сказать, что есть и другие услуги». Миссис Питер тридцать четыре года, позади два неудачных замужества. Большинство

ее клиентуры — женатые мужчины, которые, по ее словам, в первый визит бываются страшно подавлены. Им необходимо расслабиться, а лучшее средство для этого — массаж. У некоторых из них действительно серьезные неприятности, и ей кажется, что она в состоянии им помочь. Многие ее клиенты занимают высокие должности, но не в области политики. Те ходят куда-то еще. На ее взгляд, лучшие дни — это вторник и пятница.

«Я занялась этим потому, — рассказывает она, — что у меня не было денег. Как женщине одинокой, мне рассчитывать не на кого. Конечно, зарабатываю я неплохо, но нужно платить за газетные объявления и за уборку». На вопрос, есть ли клиенты, которые заказывают только массаж, миссис Питер деловито отвечает: «Конечно. Иногда бывает и так».

Однако, несмотря на все сказанное, штат Виктория требует серьезного к себе отношения. Мельбурн — соперник Сиднея по экспорту. Австралийские экспортёры отличаются большой ловкостью в делах и, несмотря на высокую стоимость рабочей силы, повышающую стоимость их товаров, стремятся выйти на мировой рынок не только с одной шерстью.

Благодаря, в частности, Виктории Австралия поставляет огромное количество пшеницы. Из года в год растет экспорт хлопка, фруктов. Австралийский экспорт отличается удивительным своеобразием. Так, Австралия снабжает Рурский бассейн подшипниками качения, Америку — сковородками для приготовления оладьев, Замбию — одеждой, Шотландию — мясными консервами, Голландию — луковицами тюльпанов, Англию — некоторыми изделиями из стали, хотя сама она славится своими сталелитейными заводами. Этот список дополняют мороженые пицца и булки, которые экспортируются на Ближний Восток, мороженое — в Саудовскую Аравию.

Удачная мысль пришла в голову одному австралийцу шотландского происхождения: разводить в своем хозяйстве, расположенном в штате Виктория, раков. Он бросил в воду пустые банки из-под пива, и, как утверждает, в них поселились раки. Только за один год он послал на другой конец планеты, в Швецию, тридцать тысяч живых раков. Много раков продают в лучшие рестораны Мельбурна.

Если уж мы заговорили о чудесах австралийского экспорта, то позвольте мне сказать и об одном предположении, которое может пошатнуть наше представление о типично австралийской специфике.

Весь мир привык к тому, что наряду с кенгуру и коалой символами Австралии является бumerанг. Всегда считалось, что это уникальное открытие — единственное стоящее изобретение, сделанное аборигенами Австралии. Вместе с тем, двое эмигрантов из Америки, проживающие в Австралии, в книге «Все о бumerангах» высказали мысль, что первые деревянные снаряды, возвращающиеся к метателю, были известны еще в древнем Египте и даже в Европе.

Авторы книги утверждают, что «девяносто процентов того, что написано о бumerангах, — обыкновенная липа». Их аргументация довольно проста.

Некоторые индейские племена Северной Америки, а также народы Северной Европы во время охоты употребляли загнутые палки. Подобное охотничье оружие, сделанное из кусков дерева, было обнаружено в гробницах египетских фараонов. Конечно, нельзя ради проверки бросать древние находки, ставшие музейными экспонатами. Но были сделаны очень точные копии — некоторые из них возвращались к метателю.

По всей Австралии — от Индийского до Тихого океана — прошла волна возмущения. Председатель Австралийского общества бumerанга Стефан Сайлади произнес громоподобную речь, заявив, что нет абсолютно никаких доказательств о людях древних цивилизаций, умевших использовать особенности бumerанга. Дискуссия осложнилась многими доводами в пользу австралийских аборигенов, умевших изготавливать разные виды бumerангов — охотничьи, спортивные, ритуальные и т.д.

Однако авторам книги о бumerангах нельзя отказать в праве высказывать собственные мысли по этому вопросу, тем более что один из них — специалист в области аeronавтики. Когда он приехал в Австралию, то сделал очень хороший бumerанг, опираясь исключительно на законы аэrodинамики, а с 1972 года начал производить бumerанги в промышленных масштабах. Это обеспокоило австралийские власти, поддерживающие аборигенов, которые продают бumerанги ручной работы, сделанные по правилам тысячелетней давности.

Каждого прибывшего в Австралию удивляет довольно слабое развитие флота: суда под австралийским флагом перевозят не более одного процента австралийских товаров. Любопытно, что страна, которая представляет собой огромный остров, не построила для себя торгового флота.

В свое время речной флот был чрезвычайно развит, в память людей сохранился богатый фольклор «речных моряков».

Один из них повествует о традиционном состязании судов, происходившем каждый год в начале навигации. Нужно было в кратчайший срок зайти как можно дальше в глубь материка. Один капитан понял, что ему не хватит топлива (было время пароходов, которые топили дровами). Остановка грозила потерей желанного преимущества перед соперниками, и капитан решил поже^ровать копченой грудинкой, которую вез на судне. Матросы кидали в топку огромные куски грудинки, так что к об^эим берегам за пароходом тянулся аппетитный запах английского завтрака.

Существует и другой, ужасающий вариант этой истории, который рассказывали в поселках, расположенных по берегам реки. Во время одного соревнования некий капитан, стремясь удержать первенство, стал вытаскивать из трюма гробы, которые должен был перевезти, и швырять их в топку. Оказалось, что один из них был не пустой...

Жители Сиднея и Мельбурна могут делать покупки с восьми утра до шести вечера. В четверг в Сиднее и в пятницу в Мельбурне время торговли продляется на три часа. В субботу продажа только до полудня. Для всех предприятий, кроме торговых, суббота — свободный день.

Каждый, кто знает, что в Гонконге или в Маниле, а также в крупных городах Соединенных Штатов можно сделать покупки в любое время дня и ночи, удивляется тому, что в стране с такой развитой торговлей дело поставлено иначе, хотя в последнее время в Мельбурне и в некоторых других городах Австралии делались попытки открытьочные магазины.

Чтобы хорошо узнать далекую страну, надо несколько раз сходить в магазин с хозяйкой дома. Правда, это вызывает у хозяина магазина внезапную догадку. «О, миссис Икс, новый муж?» — обращается он к своей постоянной клиентке. Если он замечает новую машину покупательницы, то как не заметить нового мужа? Ему и в голову не может прийти, что австралиец пойдет в магазин с чужой женой...

Мельбурн считается столицей капитала. Здесь находятся резиденции крупнейших банков. Особенностью банковского дела является оказание огромного количества услуг, которые нам кажутся несовместимыми с понятием о банке. Банки, например, дают информацию, касающуюся туризма; организуют путешествия; посредничат при заключении торговых сделок; снабжают своих клиентов специальными пласти-

ковыми карточками для безналичного расчета; устраивают художественные выставки. Я сам был на такой выставке в Сиднее, организованной по случаю тысячелетия Польши.

Очень развит безналичный расчет. Обычно австралиец носит при себе деньги на газету, сигареты или напитки. Если поздно ночью наличные деньги кончатся, он вкладывает магнитный жетон в щель в стене банка, где у него открыт счет. Из щели выпадает конверт с небольшой суммой банкнот.

Мистер Эдвард Пётрович из штата Квинсленд погасил задолженность по налогом чеком, выписанным на рубашке, и отослал ее мэру с заявлением, что это форма протеста против «действий городского муниципалитета, который готов содрать с налогоплательщика последнюю рубашку». Чек был реализован и принят; впрочем, в истории Австралии известны случаи, когда чеки писали на спине живой коровы. Крупные землевладельцы прошлого века имели обыкновение писать чеки на чем попало — на листке, вырванном из тетради, даже на обрывке газеты, и не было случая, чтобы банк по установлению подлинности подписи отказался оплатить его. Однако граждан разбирает любопытство, как вышел из положения в случае с рубашкой Национальный банк, где, как и в большинстве банков страны, вся бухгалтерия компьютеризирована. Так или иначе, местное общественное мнение встретило жест мистера Пётровича с огромным удовлетворением. Ему кричали: «Мистер Пётрович! Все налогоплательщики солидарны с вами. Нам нечего терять, кроме своих рубах!»

Кому принадлежит Австралия? Более половины горной промышленности контролируется неавстралийскими компаниями. Двадцать процентов скотоводческих угодий на севере штата Западная Австралия принадлежит американцам. Иностранцам принадлежит не менее одной четверти концессий крупных предприятий, а во всей промышленности — две пятых.

Крупные иностранные концерны штурмуют австралийскую экономику не только в таких сферах, как добыча минеральных запасов или производство автомобилей. Небольшой город Гриффит не скоро забудет редкостные торжества, которые там произошли. На крошечном аэродроме, где обычно садятся два самолета в день, приземлился служебный реактивный лайнер вице-премьера Австралии, а вслед за ним — специальный самолет, который привез сорок человек.

Хозяином торжеств был граф Альберто Чинзано. Все больше крупных европейских фирм, производящих известные вина, приходит к выводу, что можно заполучить богатый австралийский рынок, не платя пошлин. Граф Чинзано пригласил гостей на торжественное открытие винного завода по производству знаменитого вермута. Сразу после приземления приглашенных попотчевали лососиной и икрой, которые были запиты шампанским. Закусив, гости вместе с хозяевами уселись за стол, и начался пир. Главным блюдом на нем был бык на вертеле. Когда графа спросили, во сколько же это обошлось, он презрительно ответил: «Большие дела стоят больших денег».

Прежде чем отправиться в дальнейшее путешествие из города в город, от одной темы к другой, постараемся понять, как сильно проблема завтрашней Австралии волнует каждого живущего на этом континенте и хорошо осведомленного о современном положении страны.

Ученые считают, что Австралия ХХI века благодаря своим неслыханно богатым залежам урана сможет построить города в любом месте огромного материка. Прежде всего будут пробурены еще более глубокие колодцы, которые дадут воду, миллионы лет скрытую глубоко под землей. Атомные станции снабдят страну электричеством, а нагретая при этом вода послужит для интенсивного рыбоводства и гидропонического растениеводства. Используя дешевую энергию, можно будет опреснять любое нужное количество морской воды.

Наконец-то изнывающий от жажды материк напьется вдоволь. Полученные минералы, соединения магния, хлора, натрия можно будет выгодно продавать. Атомная энергия позволит перекачивать воду насосами на сотни тысяч километров в глубь материка. Предполагается, что несколько атомных станций на двадцать процентов увеличат территории для заселения.

Многие крупные авторитеты представляют себе картину будущего совершенно иначе. Так, сэр Марк Олифант, губернатор штата Южная Австралия, в 1971—1976 годах заявил: «Наша промышленность, за малыми исключениями, умирает или уже мертва. Я считаю, что Австралия превращается в колонию нового типа, в современный источник сырья для более предпримчивых и богатых государств. Создается впечатление, что все усилия правительства направлены на уничтожение перерабатывающей промышленности и на развитие добычи сырья, а затем получения от других стран

всего того, что требует производство. Австралией овладевают многонациональные компании, которые, как только обосновутся у нас, начинают душить действия самих австралийцев».

Глава профсоюзов Боб Хоук полагает, что число неквалифицированных рабочих будет постоянно уменьшаться и увеличиваться число тех, кого по-английски называют белыми воротничками, то есть кто приходит на работу в чистой рубашке и уходит, не запачкав ее. В XXI веке, считает он, экономическая система Австралии представит собой комбинацию капитализма с социализмом.

В 2000 году австралийцы будут не только разговаривать со своими контрагентами во всех концах планеты, но и видеть их благодаря всепланетной системе телевизионной связи. Международные конференции будут происходить также с помощью телевидения.

Публицист Франк Кэмбел утверждает, что наконец наступит принципиальный перелом в исследованиях рака и еще до 2000 года ученые найдут радикальное лекарство от этого заболевания. Однако он приводит высказывание некоторых специалистов, которые полагают, что рак — неизбежный спутник процессов старения и человечеству никогда не избавиться от него. И, вдаваясь в другую крайность, он уверяет, что после 2000 года австралиец в случае необходимости сможет носить искусственную почку или сердце в своей сумке. Специальные приборы, вживленные в мозг, сделают слепых зрячими. Вероятно, в 2000 году в Австралии будут не только приемники и склады солнечной энергии, но и водородные установки, а также новые типы топлива.

Имеется в виду растение, обнаруженное в пустыне, которое может служить сырьем для производства технических масел. До сих пор некоторые виды этих масел получали из нефтяных продуктов и отчасти из китового жира. Из найденного растения производится масло не только для технических надобностей, но и для производства косметики, свечей, линолеума и синтетического каучука. Интерес к этому растению значительно возрос после наложения запрета на китобойный промысел.

Вот мы и подошли к проблеме, актуальной для сегодняшней Австралии и небезразличной для ее будущего, — проблеме китов и окружающей среды. Китобойный промысел стоял у истоков австралийского сообщества, способствовал развитию полуголодной колонии, будущее которой было весьма ненадежно.

В мой первый приезд в Австралию я отправился в рейс на китобойном судне. В памяти сохранились картины свирепой жестокости охоты на китов. Общества, занимающиеся в Австралии охраной окружающей среды, подчеркивают, что запрещение китобойного промысла никого не лишает работы: бывшие китобои займутся рыболовством. Любопытно, что в своей борьбе за запрещение китобойного промысла они опираются на письмо, составленное бывшим китобоем.

Он попал на китобойное судно в шестнадцать лет. Пять месяцев в году китобой находился в районе Антарктиды. Несмотря на то что это было очень давно, он до сих пор просыпается среди ночи, преследуемый картинами охоты на китов, о том, как их судно сковал красный лед. Лед и снег были залиты кровью невинных созданий, волны вздымали тела китов — свидетельства жестокости человека. В те времена, когда добыча была очень богатой, использовались только язык кита и некоторые другие части тела, туза же выбрасывалась в море. Чтобы убить кита, в его тело вбивали четыре гарпуна с взрывчаткой. Четыре раза кит, прежде чем испустить дух, испытывал неописуемую боль от взрыва в собственном теле.

Во время рейса, в котором я участвовал, мне довелось видеть, как живых еще китов приторочивают к борту корабля, обрезают плавники, накрепко привязывают цепями. Затем в них вбивают трубы, по которым компрессор нагнетает в тело воздух, чтобы животное не могло погрузиться в воду. Кроме того, в тело кита всаживали флаг, чтобы обозначить, кому принадлежит добыча. Охота продолжалась дальше, и только по ее окончании судно возвращалось к животным, чтобы их забрать. Некоторые из них были еще живы...

Время от времени по не вполне понятным причинам киты выбрасываются на берег и погибают. Мне известен случай, когда самку кита очень редкого вида люди в течение суток заставляли плавать в бассейне зоопарка, чтобы спасти ей жизнь. Предполагалось, что китиха больна какой-то неизвестной болезнью. Когда она выбросилась на берег, ее перевезли на грузовике в зоопарк, обильно кормили, вкололи шесть игл, чтобы спустить газы, которые возникали в результате какой-то инфекции, мазали специальным маслом для защиты от солнечных ожогов. Троє добровольцев из персонала зоопарка «танцевали вальс» с китихой, чтобы заставить работать ее легкие и удержать ее на поверхности. Некоторое время спустя китиха смогла плавать самостоятельно, но

люди продолжали дежурить около нее, так как считали, что у нее поражен орган, подобный эхолоту, то есть, если бы люди не управляли ее движением, она могла бы разбиться о бетонные стенки бассейна, потому что киты имеют слабое зрение. Этот жуткий танец продолжался несколько дней, но болезнь оказалась сильнее всех стараний людей.

Может быть, киты выбрасываются из-за загрязненности морских вод? А она очень велика. Чтобы продемонстрировать необходимость борьбы за чистоту океана, пятеро водолазов с военного корабля «Пингвин» Королевского Военного флота Австралии спустились на дно залива в окрестностях Сиднея и стали наводить там порядок. За один день они вытащили две с половиной тонны всякого хлама, среди которого были магазинная коляска для продуктов, части автомашин, огнетушитель, бесчисленное количество банок из-под пива.

Фонд охраны окружающей среды опубликовал брошюру под названием «Засилье тары». Из нее мы узнаем пугающие факты о современном упаковочном материале. Иногда стоимость упаковки бывает выше стоимости продукта. Упаковка значительно увеличивает стоимость продукции: из каждого двадцати долларов один расходуется на упаковку. Дело дошло до такого абсурда, что даже теннисные мячи упаковываются в банки. Выбрасываемые упаковки представляют собой серьезную проблему, так как они засоряют окружающую среду. Австралийцы выбрасывают миллион тонн ненужных упаковок в год и платят сто миллионов долларов за уборку этого мусора.

Если история борьбы за охрану окружающей среды когда-нибудь найдет своего поэта, желающего воспеть ее, то одним из героев этого эпоса, несомненно, станет юноша по имени Джон Честер, который работал в лесах штата Западная Австралия. В шестидесятых годах японцы получили концессию на вырубку, и бригады лесорубов начали вырубать обширные старые леса, которых до этого люди не касались. Сторонники охраны окружающей среды подняли голос протеста, но он ровным счетом ничего не значил для могущественных концернов, и австралийские леса все плыли и плыли в Японию, где их перерабатывали на бумагу. Это было доходным делом для обеих стран, но австралийскую общественность возмущало то, что японцы уничтожают не свою среду, а чужую. Вот тогда-то Джон Честер и начал действовать. В 1976 году он взорвал портовое оборудование для

погрузки леса. Обошлось без человеческих жертв, но материальный ущерб был огромным.

Сам подрывник скрылся в лесах, где его прятали «лесные люди» — молодежь, решившая порвать с городской жизнью и поселиться в глухи. Полиция схватила его три месяца спустя. Честер предстал перед судом и был приговорен к семи годам тюремного заключения. Загорелый светловолосый юноша поразил воображение молодых соотечественников, когда объяснял суду мотивы своего поступка. Молодежь считала, что Джон Честер защищает правое дело.

Однако промышленные сферы были совершенно противоположного мнения. По их убеждению, упомянутая вырубка была очень полезна, поскольку она касалась только старых деревьев, дни которых были уже сочтены. Разгорелась дискуссия. Сторонники Честера приводили свои аргументы: во время рубки старых деревьев — нарочно, случайно или для того, чтобы проложить путь для транспортировки огромных стволов, — уничтожаются и молодые. Таким образом, настаивали они, японскими фирмами оголяются целые склоны. «Посмотрите, сколько вреда они принесли», — сказал один из молодых сторонников Честера. — Значительно больше, чем Джон, когда подложил бомбу. Это хозяева крупных фирм должны сесть в тюрьму, а не он». Однако закон есть закон, и суд не дал себя переубедить.

Столица штата Западная Австралия — Перт — расположена в необычайно благодатном климате: по вечерам с Индийского океана веет ласковый прохладный ветерок. Город Порт-Хедленд увековечил имя голландца Питера Хедлена, который прибыл туда на небольшом судне в 1867 году. Колонизация этих мест в крупных масштабах началась на рубеже столетий. В наше время они стали «передней» огромного горнопромышленного района, где идет разработка гигантских месторождений железных руд.

Для меня завтрашняя Австралия — это бассейн Пилбары в штате Западная Австралия, где жара достигает 45 градусов, а человек, заблудившийся в пустыне, не проживет и суток. Однако машины в двести с лишним тонн весом вгрызаются в гору, которая начинена железной рудой, и выгрызают из ее склонов по двести тысяч тонн породы в день.

Менее двухсот лет назад в районе Пилбары не было ничего, кроме развалин фермы, которую бросил ее владелец, не выдержав одиночества. Теперь здесь одна из крупнейших в мире разработок железной руды.

Город построен на пустом месте. По железнодорожной

линии протяженностью в четыреста двадцать пять километров днем и ночью идут составы полуторакилометровой длины, которые везут руду в Порт-Хедленд. Транспортные суда преимущественно под японским флагом забирают их и отправляют главному потребителю — японским металлургическим заводам.

Будущее Австралии в ее подземных, а возможно, и в подводных богатствах — в ее шельфе открыты месторождения газа и нефти. А ведь в недавнем прошлом ее считали фермой Великобритании, в частности штат Южная Австралия. Интересен тот факт, что от снабжения населения золотоносных районов продовольствием Южная Австралия получала большие прибыли, чем золотоискатели от своих приисков. Изобретательные колонисты быстро механизировали работы в сельском хозяйстве. Один придумал нечто вроде вальцов, которые крушили кустарник, что ускоряло подготовку угодий под распашку. Другой сконструировал плуг с лемехами на пружинах, благодаря которым можно было менять положение в зависимости от попадавшихся корней, что позволяло обойтись без корчевки.

Главный город штата — Аделаида. Ее основателем был полковник Лейт. После его смерти городской муниципалитет принял решение, по которому ежегодная сессия муниципалитета открывалась специальным заседанием в память основателя города. В конце жизни полковник Лейт писал: «Я не жду всеобщего понимания причин основания мною города Аделаида там, где он находится, как не жду объективной оценки моей деятельности в настоящее время. Мои враги, подвергая сомнению каждую мелочь в принятых мною решениях, сделали мне много добра, поскольку переложили всю ответственность на меня. Оставляю потомкам, а не им судить о том, чего я достоин — осуждения или похвалы».

Особенность штата Южная Австралия состоит в том, что там никогда не было ссылочных. Аделаида — респектабельный англиканский город с таким множеством церквей, что злые языки прозвали его Святой землей.

Квинсленд — второй по величине штат Австралии. Его территория больше, чем Британские острова, Греция, Италия, Германия, Бельгия и Франция, вместе взятые. Австралия является самым крупным после Кубы экспортером сахара, и почти весь сахар дает штат Квинсленд. Разумеется, сахар делают не из свеклы, а из сахарного тростника. Его выра-

щиванием занимаются преимущественно итальянцы и мальтийцы. Оказывается, не только чернокожее население может работать на полях в тяжелых условиях тропиков. Однако в Квинсленде существует мрачная традиция использовать принудительный трудaborигенов, вывезенных с островов Полинезии и Меланезии. Когда началось обсуждение законов о запрещении эксплуатации труда насилием вывезенных рабочих, вернее, рабов, плантаторы пригрозили, что выйдут со своими землями из штата Квинсленд. Как это ни странно, но запрещение принудительного ввоза рабочей силы с островов Южных морей вышло только в 1904 году!

Многие работники были отосланы назад, однако случалось, что капитаны нанятых для этой цели кораблей не слишком утруждали себя и высаживали своих пассажиров на совершенно незнакомых им островах, где они оказывались во враждебном окружении.

Один из феноменов нашей планеты — Большой Барьерный риф — гряда коралловых рифов и островов, которые тянутся на две тысячи трехсот километров вдоль северо-восточного побережья Австралии и которые находятся под водой. Поэтому океанские просторы этого региона небезопасны для судоходства. В этом районе невероятно богата подводная жизнь. Здесь водятся рыбы весом до четырехсот килограммов. Такая может напасть на пловца. Есть ядовитые рыбы и, конечно же, акулы, нападающие на всех и на все, что досягаемо для их страшных зубов. Однако последние годы Большой Барьерный риф находится в смертельной опасности. На этот раз не от людей, а от одного из видов морской звезды, расплодившейся в немыслимых масштабах и разрушающей сооружения кораллов. Огромные пространства коралловых рифов уже разрушены.

Учеными университета в штате Квинсленд ведутся разнообразные исследования в этом регионе, которые дали основания называть его настоящей «шкатулкой с лекарствами совершенно нового типа». Оказывается, в здешнем подводном мире находят новые обезболивающие, а также антиспастические средства, лекарства, которые активизируют поврежденные мышцы, сильные сердечные средства.

В заключение этой главы мне хотелось бы остановиться на одной географической диковинке, которой не найти ни на одной, даже самой подробной карте Австралии.

Крупный землевладелец штата Западная Австралия Леонард Касли рассорился с властями. Причиной его недовольства было решение последних относительно количества

пшеницы, которое ему разрешили производить. В результате он провозгласил свои владения Герцогством реки Хатт и сделал заявление, что он выводит из состава Австралии восемь тысяч гектаров своей земли.

Кто он, этот человек, давший сам себе титул герцога Леонарда, — пройдоха, ловко играющий на интересах публики, или Дон Кихот, борющийся с ветряными мельницами бюрократии? С тех пор как он провозгласил герцогство, раздал министерские портфели членам своей семьи, а супругу провозгласил герцогиней Ширли, много воды утекло в реке Хатт.

У него есть свой флаг, герб и национальный гимн, он выпускает собственную валюту и почтовые марки. Канадский епископ и лондонский пивовар были удостоены назначения их полномочными послами герцогства в их странах. Герцог атакует ООН посланиями, в которых требует признания суверенности и права участия в сессиях Генеральной Ассамблеи. Он создал собственный военный флот (одна двенадцатиметровая яхта) и авиацию (одномоторный самолет), но пока еще не имеет сухопутной армии. Однако наблюдатели полагают, что, поскольку все население герцогства насчитывает тридцать душ, формирование крупных подразделений пехоты или танковых войск, пожалуй, столкнулось бы с известными трудностями.

Несколько десятков тысяч туристов, которые ежегодно посещают герцогство, имеют в своем распоряжении почту, ресторан и магазин сувениров. В нем можно купить рубашки с гербом герцогства, но, например, пепельницы не продают. «О герб нельзя гасить сигареты», — сказал герцог Леонард. Несмотря на массу дел, связанных с туризмом, а также с заботами о десятитысячном стаде овец, четырехтысячном стаде коров и одном верблюде, герцог жаждет заниматься и другими делами.

Так, он объявил свои претензии на всю Антарктиду и дал понять, что он — представитель арабских нефтяных королей, заинтересованных в поставке ледяных гор в их страны, страдающие от недостатка пресной воды. «Я имею намерение объявить всю Антарктиду заповедником флоры и фауны со строжайшей охраной тюленей и пингвинов», — сообщил владыка.

Он обещает чрезвычайно низкую регистрационную плату для тех торговых судов, которые согласятся плавать под флагом Герцогства реки Хатт. Часть миллионных прибылей, которые герцог собирается получать в результате введения

такой платы, он великодушно намерен пожертвовать «пограничной державе», как он называет штат Западная Австралия. Другой его замысел — строительство крупного международного аэропорта поблизости от его резиденции и создание авиакомпании. Реактивные самолеты для «Герцог Леонард Эйр-лайнс», кажется, уже закуплены и будут перевозить пассажиров по небывало низким ценам на Маврикий, в Мексику, Бельгию и Австрию. Власти штата воспринимают эти заявления с полным спокойствием, считая, что о согласии на существование подобной компании не может быть и речи и что на его самолеты будет наложен арест, как только они появятся в Австралии.

Тогда герцог Леонард послал генерал-губернатору в Канберру телеграмму, уведомляя его, что «объявляет состояние войны между герцогствами и Австралийским Союзом и все дипломатические отношения прекращаются». Несколько дней спустя Канберра получила следующую телеграмму, проинформавшую на этот раз прекращение состояния войны и предлагавшую восстановить дипломатические отношения и сотрудничество, к которому обязывают международные отношения. «Надеюсь, что ваше правительство отнесется с уважением к военным законам. Государство, не потерпевшее поражения в боях, есть суверенное государство», — поучал герцог генерал-губернатора. По случаю окончания войны герцог Леонард и его народ пышно отпраздновали «победу без кровопролития».

Так или иначе, но сообщения о герцоге и его замыслах многие годы не сходят со страниц австралийской прессы. Премьер штата Западная Австралия высказался по поводу герцога и его деятельности так: «Настало время опустить занавес после последнего акта этой оперетки».

Ирландское счастье

В 1978 году в Мельбурне было завершено строительство нового, современного моста, и ирландец Патрик Хенфи, работавший на стройке, решил по случаю ее окончания войти в историю. Он укрепил на восточном берегу, у самого окончания моста, ирландский флаг. Затем переправился на западный берег и стал ждать, когда смонтируют последнее звено. Ровно в 10 часов 10 минут утра он спрыгнул с последнего звена моста на восточный берег и поцеловал флаг. Таким образом, он оказался первым, кто прошел по мосту с запада на восток, и, кстати сказать, одним из

первых рабочих стройки. Ему сопутствовало, как говорится, «ирландское счастье». Если бы не оно — не любоваться бы ему триумфальным окончанием стройки. 15 октября 1970 года, когда часть моста рухнула, только две минуты отделяли его от неминуемой гибели, ибо мост рухнул спустя две минуты после того, как ирландец сел в лифт, отвозивший рабочих вниз. Тогда многим не повезло — погибло тридцать пять человек.

Сильные из Ирландии прибывали в Австралию, привозя вместе со скучными пожитками память о несправедливости, о католической стране, гнущейся под гнетом англосаксов. Память о том, что единственным законом были бич и виселица. Память о судебных процессах, представлявших собой простую комедию. В Австралии потомки этих ирландцев стали значительной силой.

Первых ирландских ссыльных в Австралии воспринимали как «папских бунтарей», которые являются в страну только для того, чтобы нарушить покой английского духа. Губернаторы горько сетовали на то, что ирландцев ссылают именно в Австралию. Кто-то из них даже вспоминал, что вначале предполагалось вывозить ирландцев на африканское побережье и оставлять там на верную гибель. Невозможно перечислить всех эпитетов, которыми королевские губернаторы наделяли ирландцев в рапортах, посыпаемых в Лондон. В те времена была очень популярна ходячая фраза: «Шотландца ссылают за крупное преступление, англичанина — за мелкое нарушение, а ирландца — просто так».

Конечно, сильные ирландцы не были ангелами, но процессы по их делам кажутся настоящим надругательством над справедливостью. В чем это выражалось? Например, в том, что многих сильных ирландцев, прибывавших в Австралию, не сопровождали никакие судебные акты. Один из губернаторов годами докучал Лондону просьбами высылать ему хотя бы копии приговора суда. Однажды он получил краткий и ясный ответ от благоразумного чиновника министерства колоний: «Какая тебе разница, на сколько осужден ирландец — на пять лет или пожизненно?» Как правило, их обвиняли в бунтах. Однако в большинстве случаев какие-либо доказательства обвинения отсутствовали. Даже здесь, в Австралии, их преследовали подозрениями в том, что они снова взбунтуются против властей. По этой причине плеть, кнут и виселица всегда были наготове.

Среди ирландцев встречались, конечно, уголовные преступники. В те времена, когда кишкя кишке играла марши,

нетрудно было покуситься на чужую собственность. Были и такие, которые, добиваясь справедливости в деревне, ломали изгороди, окружавшие пастбища и поля помещиков. Наконец, были люди, которые выступали против захвата Ольстера. Вместе с ирландцами английского происхождения они составляли весьма значительную группу: каждый четвертый сильный оказывался ирландцем. Огромное большинство молодых людей (девяносто процентов) — католики, а дети многих из них никогда не видели католического священника.

Надо сказать, что опасения насчет бунта ирландцев в Австралии не были беспочвенными. Первый бунт вспыхнул уже в 1804 году. Ирландцы двинулись на Сидней и, казалось, вот-вот одолеют британский гарнизон. В их рядах был священник, человек весьма уравновешенный, сосланный как бунтовщик. Британские солдаты вступили с ним в переговоры, внезапно закончившиеся кровавой стычкой и полным поражением бунтовщиков. Снова заскрипели виселицы и завистливо плети.

Первые тридцать лет в колонии совсем не было католических священников, которые могли бы отправлять службу среди ирландцев. Позже немногочисленные священнослужители во славу господа проводили свою жизнь в седле, переезжая с места на место через буш, под знаменем солнцем, чтобы навестить рассеянных по огромным территориям поселенцев. Спали под деревьями, питались преимущественно солониной, к которой вместо шпината добавляли вареную крапиву. Первый ирландский священник, допущенный к официальному отправлению службы на территории Австралии, исполнял печальную обязанность напутствовать приговоренных к казни главарей бунта 1830 года. Бунт был вызван тем, что тюремщики приговорили к жесточайшему наказанию плетью двух молодых сильных ирландцев за то, что они купались в реке голыми, когда по берегу проходил губернатор в сопровождении дам из своей свиты. Ни он сам, ни одна из элегантных дам даже не заметили купальщиков, но для экзекуторов это была деталь, не имевшая никакого значения.

Среди ирландцев, сосланных во второй половине XIX века, были люди, полные смелых замыслов. Некоторые из них пытались бежать в Америку. К ним принадлежал и Джон Бойл О'Рейли, который знаменит высказыванием: «За все долгое время своей непрерывной борьбы ирландцы не потеряли ни одного человека, ибо тот, кто в смерти был так же силен, как в жизни, не умирает». Не меньшую известность принес

ирландцу его удивительный поступок: он заставил изменить направление дороги, в строительстве которой участвовал только для того, чтобы сохранить в целости старое дерево.

В период «золотой лихорадки» в ирландской среде четко наметились две совершенно независимые друг от друга группы. Одну составляли более зажиточные ирландские протестанты, которые отлично вписались в общество граждан британского происхождения; многие из них сделали хорошую карьеру, главным образом в качестве юристов. Другая группа — ирландская беднота, большей частью католики, которые бежали в Австралию от голода, связывая все свои надежды с золотоискательством. Многие из них отыскали на бескрайних просторах страны свою более или менее близкую родню и в конце концов стали колонистами, закладывая новые деревни и рассеивая ирландские названия по карте материка.

В 1868 году по стране снова прокатилась волна ненависти к ирландцам. На домах и магазинах появились надписи: «Ирландцы нежелательны». Такие же оговорки сопровождали и объявления, в которых предлагалась работа. На этот раз проявления неприязни британцев были реакцией на покушение на герцога Эдинбургского во время его визита в Сидней. Ирландец, совершивший покушение, скорее всего был душевнобольной, но в то время подобные детали не принимались в расчет.

Поскольку здесь упоминались ирландские разбойники, написавшие не одну страницу ранней истории Австралии, необходимо подчеркнуть и такой парадокс: очень многие ирландцы поступали на службу в полицию. Да и сейчас полицейские рапорты полны ирландских фамилий.

Традиционные виды спорта ирландцев оказали огромное влияние на развитие физической культуры Австралии, особенно на местную разновидность футбола, не известную ни в одной стране.

В наши дни ирландцы живут спокойно. В день патрона Ирландии, Святого Патрика, на улицы городов и поселков выходят оркестры ирландских волынщиков. Большинство участников торжеств, а оркестранты в первую очередь, являются на празднование в зеленых одеждах, мужчины — в расширенных мундирах, какие носила ирландская пехота в 1573 году.

Совершенно новым явлением в Австралии является иммиграция из Южной Африки, которая в последние годы набирает силу. За один год иммигранты из этого региона ока-

зались на пятом месте по признаку гражданской принадлежности. В течение двенадцати лет из Южной Африки приехало одиннадцать тысяч человек, причем в большинстве своем люди приезжали целыми семьями. Почти все приезжие англоязычны; африканеры, то есть потомки голландских, французских и немецких колонистов в ЮАР, появляются в Австралии довольно редко.

Некоторые из иммигрантов очень богаты. Известны случаи, когда новоприбывшие сразу же покупали дома стоимостью в четверть миллиона долларов. Конечно, далеко не все они столь богаты, но многие из них имеют очень высокую профессиональную квалификацию. Среди них много врачей, особенно стоматологов, инженеров. Некоторые говорят, что они — как бы авангард тех, кто собирается приехать позже. Один иммигрант из Южной Африки сказал, что получил уже больше ста писем от друзей и знакомых, которые спрашивают его обо всем, что связано с их возможным переселением в Австралию. Заваленный подобными просьбами, он отпечатал нечто вроде проспекта с ответами на типичные вопросы и рассыпает их всем своим бывшим соотечественникам, которые просят у него консультации.

Южноафриканцы стремятся как можно быстрее получить австралийское гражданство. Такая поспешность объясняется стремлением в кратчайшее время не только вписаться в австралийское общество, но и получить возможность путешествовать по таким странам, как Индия, куда практически невозможно поехать с южноафриканским паспортом.

Еще один поток эмиграции идет из Франции, но французская эмиграция — не новое явление, она продолжается непрерывно вот уже почти двести лет. Около двенадцати тысяч австралийцев имеют половину французской крови. Самое крупное скопление выходцев из Франции в Сиднее. В эту группу входят также валлоны из Бельгии и ливанцы, глубоко усвоившие французские культурные традиции.

Неизвестно, был ли хоть один француз среди католиков, прибывших в Австралию на кораблях Первого флота. Зато точно известно, что в пехотном корпусе штата Новый Южный Уэльс был один гугенот, который во время французской революции бежал в Англию и встал под британские знамена. Он даже был принят в губернаторском дворце, так как его считали дворянином, но позже он сделался губернатором детей губернатора и, наконец, свободным поселенцем.

Но, конечно, куда более «живописны» были те фран-

цузские иммигранты, которые появились здесь не по своей воле, а по принуждению, то есть ссылочные. Перон, хронист французской экспедиции Бодена, которая во время кругосветного путешествия в 1802 году достигла берегов Австралии, рассказывает, что на улицах Сиднея он встретил соотечественника по фамилии Моран, который поведал ему обо всем, что с ним произошло до того, как он попал в Австралию. Когда Моран узнал о войне между Англией и Францией, он решил, как подобает истинному патриоту, начать борьбу с врагом. Более того, он вознамерился нанести удар прямо в сердце Англии — Лондон. «Если мне это удастся, то Франция будет считать меня героем и я прослыжу как мститель за мою отчизну». Для мщения он взял себе в помощники ирландца.

Теперь поясню, как француз собирался сразить «коварный Альбион». В большом количестве изготовить фальшивые английские деньги, с тем чтобы подорвать доверие к британской валюте! Но предприимчивый француз никак не предполагал, что его нетерпеливый помощник, не долго думая, украдет у него несколько банкнотов, да к тому же недоделанных, пустит их в оборот и, разумеется, будет схвачен с поличным. Когда они оба оказались за решеткой, Моран заявил товарищу по несчастью, что нельзя, чтобы дело дошло до позорной смерти на виселице, поэтому оба должны покончить с собой, выпив «какую-нибудь кислоту». Ирландец послушал «доброго» совета, выпив каким-то образом попавшую в камеру отраву, и умер в страшных мучениях, а Моран в последнюю минуту одумался. Поскольку со смертью ирландца исчез единственный свидетель преступления, Моран был не повешен, а сослан в Австралию.

Хронист добавляет, что к 1802 году Моран был уже на свободе и работал в Сиднее в качестве часовщика и золотых дел мастера. Более того, надеялся в ближайшие годы стать одним из самых богатых людей в колонии. Однако, добавляет хронист, Морана продолжали «мучить угрызения совести из-за того, что его благородное намерение потерпело крах и что его патриотический порыв послужить Франции никогда не будет оценен на родине». Так выглядела история Морана с его собственных слов.

В действительности же, судя по сохранившимся документам, она была совсем иной. Настоящее имя этого человека — Фердинанд де Меран. Будучи гугенотом, бежавшим от французской революции в Ирландию, он познакомился там с гравером-ирландцем и занялся изготовлением фальшивых

денег. Фальшивомонетчики были схвачены с поличным и сосланы в Австралию. Во время плавания к месту ссылки Меран по заказу одного из офицеров изготовил несколько украшений. В колонии он делал украшения для жены губернатора и поэтому был помилован.

Шли годы, менялся облик французской иммиграции в Австралии. Это были иммигранты, прежде всего связанные с торговлей шерстью, — сыновья французских промышленников, посланные в Австралию, чтобы наблюдать за закупками и транспортировкой шерсти для их фабрик. Некоторые из них навсегда остались в Австралии и полностью слились с австралийским обществом. Они придерживаются традиционных и консервативных взглядов, имеют собственный печатный орган.

Время от времени дает о себе знать консерватизм французов. Так, утверждают, что благодаря своему влиянию в Париже они добились отзыва из Сиднея одного французского генерального консула, человека талантливого, но независимого в суждениях и поступках (например, он ездил по городу на велосипеде). Французы сочли, что многие его поступки не сообразуются с достоинством представителя их матери-родины. Господину консулу ставили также в вину то, что он посещал празднества, организовывавшиеся более бедными кругами французской иммиграции, и обходил вниманием встречи крупных промышленников.

Островок Китира, входящий в состав Греции, год от года пустеет. Главный город этого острова когда-то был местом, где жизнь была ключом. Теперь половина домов пустует, на всем острове насчитывается менее трех с половиной тысяч человек. Тем временем лишь в одном штате — Новый Южный Уэльс — тридцать восемь тысяч жителей родом с этого греческого острова.

Почтмейстер городского отделения связи говорит, что большая часть дел, которые проходят через его руки, — это выплата пенсий и переводов частных лиц из Австралии жителям города. Поэтому почтмейстер маленького греческого городка на память знает почтовые коды всего огромного Сиднея. В XX веке после британцев, ирландцев и итальянцев греки стали четвертой по численности группой иммигрантов в Австралии, хотя греческая иммиграция здесь — явление не новое.

Первыми греками, навсегда поселившимися в Австралии,

были матросы-дезертиры. В середине прошлого века во время большой «золотой лихорадки» они бежали на материк, в штат Виктория. Известно имя греческого поселенца, которого считают отцом греческой колонии в Австралии. Как и многие другие его соотечественники, после двадцати лет неустанного труда он сумел отложить столько денег, что смог купить дом в Греции, в своих родных местах, чтобы скоротать там оставшиеся дни. Посиживая вечерами в кофейне, этот грек рассказывал такие чудеса о своей полной приключений жизни в Австралии, что его слушатели, близкая и дальняя родня, друзья буквально толпами срывались с родных мест и отправлялись в далекое путешествие, чтобы поселиться в Мельбурне. Они открывали кондитерские, торговали фруктами — имели свои прежние профессии. Потомки упомянутого грека по сей день играют значительную роль в греческом землячестве Мельбурна.

Жители острова Родос селились на северо-востоке Австралии и способствовали там развитию плантаций сахарного тростника. Незадолго до второй мировой войны австралийское правительство ограничило иммиграцию из Южной Европы, а позже и совсем запретило. В наши дни существует постоянный приток этих иммигрантов, а их судьбы складываются очень разнообразно. Неудивительно, что некоторые из них чувствуют себя скверно, сменив достойную бедность греческой деревни на беспросветный труд на фабриках и конверт с заработком в конце каждой недели. Социологи утверждают, что, хотя гордость не позволяет им признать свои неудачи, многие греки в порыве откровенности готовы признать, что в целом Австралия не оправдала их надежд, а остались они здесь потому, что глубоко убеждены: их детям здесь повезет больше. Греческая семья — очень сплоченная ячейка. Однако прежний внутрисемейный уклад греков распадается, подвергаясь влиянию совершенно нового уклада, господствующего в австралийском обществе, где хорошо знают, что такое развод, и где существуют суды для несовершеннолетних.

Очень много греков прибыло в колонию во время «золотой лихорадки». Греческие лесорубы участвовали в вырубке огромных эвкалиптовых лесов в восточной части страны, первыми заложили цитрусовые плантации. Это неудивительно, если вспомнить, что за плечами греческих крестьян три тысячи лет ведения сельского хозяйства при постоянной не-

хватке воды. Они участвовали и в осуществлении грандиозных планов обводнения земель. Многие десятки лет фермеры-греки кормили Австралию, повсюду открывали маленькие ресторанчики. В крошечных поселках в буше, если поздно вечером хотелось поесть, говорили: «Может, заглянем к греку?» Это не ушло в прошлое. И сейчас на улицах австралийских городов можно увидеть вывески на греческом языке, лавочки, открытые до поздней ночи, где продаются отличные фрукты, греческие рестораны, которые работают с десяти вечера и в которых настоящее веселье начинается далеко за полночь. Греки уже издавна покидают свою страну. В Америке, Канаде, Австралии, Западной Европе и Африке живет больше греков, чем девять с лишним миллионов, оставшихся в Греции. Аристотель Онassis, который, несомненно, стал самым знаменитым из всех эмигрантов XX века, начинал свой великий бизнес со скромного импорта табака в Южную Америку.

На обложке одной из многочисленных публикаций об американской иммиграции в Австралию крупными буквами написано: «Пять миллионов американцев хотят навсегда поселиться в Австралии». Но содержание самой брошюры, названной «Янки грядут», не подтверждает этого заявления. Очевидно, можно не опасаться многомиллионного нашествия американцев на Австралию: за тридцать послевоенных лет лишь сто пятнадцать тысяч американцев эмигрировало в Австралию и лишь две с половиной тысячи из них приняли австралийское подданство.

Начало американской иммиграции было очень скромным. В 1820 году получили гражданство два американских торговца в Новом Южном Уэльсе. Австралийский политик Артур Калвелл, потомок американского золотоискателя, прибывшего в Австралию, обратился к соотечественникам с призывом, в котором предлагал миллиону американцев последовать примеру его предка. Но его зов не был услышан. Только в семидесятые годы дело понемногу пошло. Правда, как кто-то остроумно отметил, оба народа, австралийский и американский, разделены языковым барьером, но некоторые лексические и фонетические трудности все-таки преодолимы. Миссис Этель Слоун, которая с мужем эмигрировала в Австралию, вернулась в Соединенные Штаты американской патриоткой. Об этом она рассказывает в книге «Кенгуру в кухне и другие приключения американской

семьи внизу земного шара». Ядовитое перо миссис Этель определяет Австралию как «восьмидесятипроцентную страну», в которой никогда не хватает денег на завершение принятых планов. «Сидней полон незаконченных зданий, — рассказывает она. — Повсюду видны огромные котлованы, там, где должны были возвышаться здания, стоят построенные наполовину стальные каркасы». Упоминая австралийскую школу, куда ходили и ее сыновья, она говорит, что это учреждение живым взято из романов Чарльза Диккенса.

Ее очень удивило, что в Австралии никто не сует нос в чужие дела. На теннисных кортах встречаются женщины, которые годами каждый день играют вместе и при этом даже не знают друг друга по именам. Это пугало американку. Но больше всего она отчаявалась из-за того, что австралийские женщины непременно голосуют за того же кандидата, что и их мужья, кратко идут вслед за ними, а дома коряят над гладильной доской.

Укрепление американской независимости оказалось огромное влияние на судьбу Австралии. Война за независимость Америки и, как ее следствие, утрата этой колонии британцами, несомненно, ускорили процесс формирования Австралии как новой колонии.

Нужно же было англичанам куда-то ссылать своих преступников, которые совершили как тяжкие, так и не очень тяжкие преступления. В Англии для них не было ни места, ни снисхождения к ним. На новой земле единственную возможность контакта как с далекой родиной, так и с миром белых людей давали им британские корабли. А однажды 1 ноября 1792 года в Порт-Джексон вошло американское судно «Филадельфия». Чтобы посмотреть на него, австралийцы побросали все свои дела, ибо «Филадельфия» было не просто судно — это был луч надежды на то, что Австралия не одинока и что кроме британцев есть и другие люди в этом мире.

На материк приходило немало кораблей и под другими флагами, и с представителями других народов, однако, кроме британцев, нет такого народа, который оказывал бы столь сильное влияние на жизнь австралийцев, разве что американцы. Но поскольку влияние слишком давнее, это не сразу бросается в глаза. Можно без труда выделить усовершенствования или новшества, привнесенные немцами, французами, итальянцами или греками. Американское же влияние просматривается с трудом — так давно и органично оно проникло в австралийский уклад жизни.

Правда, раньше это обстоятельство отнюдь не приводило в восторг колониальные власти. Участились даже обвинения в адрес американцев в том, что они забирают из Австралии людей, которых ей самой не хватает. Кончилось это тем, что все американские суда, заходившие в порт Сидней, были обязаны оставлять нечто вроде залога в счет того, что не возьмут на борт ни одного беглого каторжника. Но этого оказалось недостаточно, и судам запретили входить в порт Сидней, они оставались на рейде на значительном расстоянии от берега и находились под постоянным наблюдением патрульных катеров.

В 1804 году губернатор запретил американским кораблям охоту на тюленей в водах Австралии, но американцы не обеспокоились грозным запретом и вскоре почти полностью истребили этих животных.

В 1852 году британский консул в Филадельфии послал министру иностранных дел Великобритании секретное донесение в Лондон с предупреждением о том, что американцы планируют создать в Австралии республику. Идея заговора состояла в засылке на Австралийский материк значительного числа американцев, которые поставили целью своей жизни «расширение зоны свободы». Год спустя сам британский посол в Вашингтоне писал: «Не может быть никаких сомнений в том, что революция в Австралии, вследствие которой окажутся порванными узы этой страны с Великобританией, была бы событием, в высшей степени значительным для широких масс американского народа».

Следует признать, что британское правительство было хорошо информировано. Как выяснилось позже, во время исторического конфликта в Юреke¹, одного американца настойчиво уговаривали стать первым президентом республики Виктория.

Из всех американцев, навсегда оставшихся в Австралии, одной из наиболее красочных и влиятельных фигур является Кинг О'Молли, который родился в Канаде, а воспитывался в Соединенных Штатах. Скончался в Австралии в 1953 году, дожив до почтенного возраста — девяноста девяти лет. В Австралию прибыл из Штатов в довольно спешном порядке, когда обнаружилась одна афера. Он собирая пожертвования на постройку каких-то церквей, которые

¹ Здесь имеется в виду одно из наиболее крупных выступлений австралийских рабочих в 50-х годах XIX в. — восстание на золотых приисках Юреke недалеко от Балларат (Виктория).

никто никогда не собирался строить. По приезде поселился в Аделаиде и, когда немного опомнился от своих сомнительных дел, принялся за новые, в том числе и за политику. Стал даже членом парламента. Это его считают «отцом» Федерального банка Австралии, но начал он с мелкого мошенничества, присвоив полномочия отсутствующего делегата парламента и объяснив это с обезоруживающей простотой: «Братья, нам позарез нужен этот банк, и цель оправдывает средства». В качестве министра внутренних дел он стал инициатором международного конкурса, который определил строителя Канберры, ставшей столицей Австралийского Союза.

Американский капитал главенствует в целом ряде отраслей. Самая большая власть американских денег обнаруживается в «сфере четырех колес». Автопромышленность борется с очень мощной японской конкуренцией, но и американцы имеют немалые возможности в этой области. Американские металлургические гиганты завоевали огромное влияние в производстве алюминия и добыче железной руды. Однако при ответе на вопрос, кому же принадлежит Австралия, необходимо иметь в виду, что доля британского капитала в сельском хозяйстве и в промышленности значительно превосходит долю американского. Другое дело, что британский капитал не столь демонстративен.

О немецкой иммиграции в Австралии, самой многочисленной после британцев и ирландцев, кто-то сказал: «Они тяжко трудились и много молились». В 1861 году, когда Австралия насчитывала миллион жителей, двадцать семь тысяч человек из них были выходцами из Германии. В настоящее время довольно трудно определить точно численность этой этнической группы из-за множества смешанных браков: возможно, число австралийцев полностью или частично немецкого происхождения — шестьсот-восемьсот тысяч. Сюда же относятся австралийцы и швейцарцы, говорящие по-немецки.

Перед второй мировой войной здесь появились те, кому пришлось бежать от преследования гитлеровских властей.

Новейшая иммиграция из ФРГ — исключительное явление. Большой частью это высококвалифицированные специалисты, занятые по контрактам на строительстве крупных гидроэлектростанций на Сноуи-Ривер. По истечении срока контракта одни из них вернулись на родину, а другие выпи-

сали свои семьи и остались здесь навсегда. В этой группе приезжих почти с каждым четвертым происходило то, за что их называют бумерангами. Они громко заявляли, что были счастливы дважды — один раз, когда приехали в Австралию, и второй, когда покинули ее. Однако, вернувшись, они увидели, что за их отсутствие на Рейне все до неузнаваемости изменилось, и они, как бумеранг, возвращались обратно, в Австралию, и теперь уже навсегда.

Никто не уезжает из страны, если ему там хорошо. Это основной закон эмиграции. Огромное большинство приехавших из ФРГ обосновывалось в Австралии, исходя из принципа «или плыви, или тони» — многие быстро научились плавать.

Немецкие иммигранты отлично справляются с трудностями. Буквально в первые же годы по прибытии они основали множество клубов, таких, как Немецкий спортивный клуб, Всеобщий немецкий союз и т.д. Сейчас у немцев в Австралии своя весьма преуспевающая пресса.

Это они насадили виноградники и делают прекрасные вина. Я побывал в старых поселках ранней немецкой колонизации в Южной Австралии. Поселенцы сохраняют и поддерживают традиции, но уже мало кто знает немецкий язык; во всяком случае, я таких не встречал. Их уже нельзя считать немцами — они австралийцы немецкого происхождения.

Первые немцы, появившиеся в Южной Австралии, бежали сюда от религиозных преследований. Их возглавлял пастор Август Кавел, который был «старым» лютеранином и не признавал новых правил, установленных прусским правительством. Он привез с собой в Австралию порядочное стадо своих духовных овечек. После тяжелого полугодового плавания первая группа немецких колонистов в 1838 году сошла на австралийский берег.

Прибывшие разбили лагерь в месте, которое в силу обстоятельств назвали Порт Мизери (Порт несчастья). Он находился примерно в километре от теперешней столицы штата — Аделаиды. В этом месте река разливается и образует широкое устье с болотистыми берегами. Во время отлива лодки колонистов оседали в жидкой грязи трясины, а до песчаных холмов приходилось добираться по сильно заболоченной местности.

Вскоре прибыл еще один корабль, и его капитан, который всей душой привязался к своим пассажирам, решил лично проверить, в каких условиях они будут жить. После основа-

тельного обследования местности капитан, которого звали Хан, сам отвел своих пассажиров в холмистую местность километрах в тридцати от Аделаиды, где они и поселились. В память о заботливом капитане они дали этой местности название Хандорф.

Кроме лютеран среди немцев была значительная группа католиков. Один из них — богатый силезский немец Вайкерт, который в 1848 году решил за свой счет увезти в Австралию группу земляков-католиков. Уже далеко в открытом море выяснилось, что как минимум половина этих «католиков» — самые настоящие протестанты, которые были не прочь проехать в Австралию бесплатно. Более того, именно они начали плести интриги на религиозной основе. Несмотря на то что в договоре было записано, что все поселятся вместе, лишь несколько из них осталось с Вайнертом. Они основали поселок на землях, где впоследствии появились первые польские эмигранты. Место было выбрано с истинно немецкой тщательностью. Когда они пришли к выводу, что выгоднее всего поселиться в Новом Южном Уэльсе, туда выехала экспедиция из четырнадцати повозок, причем фураж для лошадей был отправлен пароходом заранее, чтобы он подоспал к прибытию обоза.

Неслыханная предусмотрительность и тщательность подготовки позволили всей группе без потерь добраться до намеченных земель. По немецкому обычаю, возведение поселка начали с постройки церкви и школы, а затем приступили к освоению земель.

Огромен вклад немцев в изучение австралийского материка. Они организовали значительное число экспедиций; правда, некоторые из них исчезли без следа. Никогда, например, не была найдена экспедиция во главе с Фридрихом Лейхардтом. На его поиски отправлялись спасательные группы, но им не удалось найти даже клочка одежды.

На заре существования колонии австралиец часто потягивал вино из немецкого винограда, ел печенье из немецкой кондитерской и уж если покупал очки или табак, то неизменно у немецкого оптика и в немецком табачном магазине.

Немцы привнесли немало самобытного не только в хозяйство, но и в культуру Австралии. Например, они создавали музыкальные ансамбли и привлекали в них австралийцев. Им даже удалось наладить производство музыкальных инструментов, в частности роялей и пианино.

Знание родного языка у немцев становилось все хуже: их поглощало англоязычное общество. Более того, многие немцы, особенно представители свободных профессий, стали менять фамилии. Меняли и вероисповедание, считая, что австралийцы должны господствовать. Тем не менее в последней трети прошлого века власти Аделаиды платили одной из немецких газет фунт стерлингов в неделю за то, чтобы она доводила до сведения своих подписчиков все официальные сообщения.

Местная англосаксонская часть общества именовала немцев «кузенами», учитывая, в частности, родственные связи британской династии с немецкими царствующими фамилиями. Первые разногласия возникли в начале нашего столетия, когда в Южной Африке вспыхнула англо-бурская война. Австралийские немцы приняли сторону буров, и их газеты не скрывали своих симпатий. Австралия послала на борьбу с бурами экспедиционный корпус, и этот факт предрешил целую цепь недоразумений, которые во всю силу разгорелись с началом первой мировой войны. Те, кто явно сочувствовал берлинским властям, были интернированы, остальные подвергнуты домашнему аресту. Все это сопровождалось массой самых разнообразных глупостей, например декретом правительства изменено шестьдесят девять немецких названий, между ними и поселок Хандорф.

Одним росчерком пера была перечеркнута история десяти процентов поселенцев в этой части Австралии. Однако позже у властей хватило ума восстановить почти все старые названия.

Австралийцы были очень удивлены, узнав, что центральная синагога в Сиднее пригласила раввина из Ирландии. Средний австралиец убежден, что ирландец может быть только католиком. Но раввин Израэль Якович объяснил: «Девяносто пять процентов населения Ирландской Республики — католики, пять процентов — протестанты, а я — старший раввин у всех остальных».

Евреи составляют менее полупроцента населения Австралии, и это число постоянно уменьшается. Среди ссыльных Первого флота были и евреи. Одним из первых был некий Айки Соломон — лондонский скрупщик краденого. Арестованный в Лондоне, он бежал в Нью-Йорк, где тотчас же занялся изготовлением фальшивых денег. Там он узнал,

что его жена Анна сослана на Тасманию, и, поскольку в Америке земля уже начала гореть под его ногами, он подался на Тасманию. Год спустя он был арестован и отправлен в Лондон, где предстал перед судом. Суд приговорил его к ссылке на Тасманию — там он и провел остаток жизни.

Первым детективом Сиднея был еврей, бывший ссыльный. Его прозвали «мечтатель», поскольку говорил, что во сне видит только преступников. К сожалению, карьера его закончилась печально, так как детектив вступил на преступный путь.

Один ссыльный, хозяин пивной в Новом Южном Уэльсе, быстро разбогател. Вообще евреи, державшие пивные, обогащались быстрее других. Это объяснялось тем, что сами они почти не употребляли спиртного в отличие от своих конкурентов-неевреев. Так вот, этот владелец пивной по фамилии Леви, когда его обвинили в продаже разбавленного вина, ответил: «Я праведный еврей и не хочу обогащаться от продажи церковного вина».

Вклад первых иммигрантов-евреев в развитие австралийского общества был незначительным, зато иммигранты следующей волны заняли видные места в истории Австралии в качестве юристов, торговцев, ученых, врачей. Мэрами двух крупнейших городов — Мельбурна и Сиднея — в семидесятые годы были евреи.

Мэр Сиднея Лео Порт родился в Польше, в Австралию прибыл в возрасте шестнадцати лет. В Сиднее окончил среднюю школу, а затем политехнический колледж. Был изобретателем, получил много патентов. Вел на телевидении передачи «Изобретатели, на старт!», которая пользовалась огромным успехом у телезрителей. Свободно говорил по-польски. Скончался в 1978 году.

За всю историю Австралии два ее генерал-губернатора были еврейского происхождения. Первый, Исаак Исаакс, родился в 1855 году. Сын бедного портного из Польши, в Австралии он добился высокого положения: одно время занимал даже пост министра. Второй генерал-губернатор, сэр Зелман Коэн, был одновременно автором книги об Исааксе, в которой он цитирует отрывок из стенограммы заседания парламента, в какой-то степени характеризующий Исаакса: «Депутат оппозиции: „Многоуважаемый министр смотрит на меня так, словно собирается сожрать“. Министр Исаак Исаакс: „Многоуважаемый депутат оппозиции забыл, какого я вероисповедания“».

В Австралии проживает значительная группа иммигрантов из Испании и Латинской Америки, много выходцев из Югославии, немалая группа мадьяр. Недавно насчитали десятки тысяч белых, выехавших из Родезии. Предполагалось, что эти люди, главным образом крестьяне, хорошо знающие английский язык, укрепят основной костяк поселенцев.

Не случайно я говорил до сих пор только о белых, которые поселялись в Австралии. Но это отнюдь не означает, что огромный материк становился страной исключительно белого человека.

Весьма любопытна история китайской колонии в Австралии. Первые китайцы появились здесь только в середине прошлого века, и уже обжившиеся европейцы смотрели на них сначала с удивлением, а потом с неприязнью. Прибывшие китайцы шли гуськом, в огромных шляпах, их процессы растягивались на многие километры. Каждый из них сгибался под тяжелой ношей, прикрепленной к длинной бамбуковой палке. Когда они располагались лагерем на ночлег, у дороги возникал настоящий небольшой городок.

Историки в основном соглашаются с тем, что лозунг «белая Австралия» родился в восемидесятые годы XIX века в связи с наплывом китайских иммигрантов во время «золотой лихорадки». Тогда все политические группировки в австралийских колониях поддерживали движение «за белую Австралию». Профсоюзы и лейбористские партии рассматривали его в качестве одной из своих главных политических акций. Отсюда возникали расистские столкновения. Расистские главари подстрекали демонстрантов поджигать лавочки и жилье несчастных китайцев, обрезать им косы, иногда вместе с кожей, чтобы «не рассыпались волосы»! Беспорядки были подавлены властями, а расистские главари оказались за решеткой.

Однако антикитайские выступления не прекратились, иные проходили очень бурно. Случалось слышать, что неприязнь к китайцам была вызвана тем, что они якобы покупали местных девушек, причем свои отношения подкрепляли «трубочкой опиума».

Сейчас, из перспективы времени почти в сто лет, причину главного препятствия полной ассимиляции китайцев видишь в языковом барьере и полном несходстве образа жизни. Кроме того, австралийский рабочий жил в вечном страхе перед наплывом дешевой рабочей силы, который привел бы к снижению заработной платы и увеличению рабочего дня.

Австралийцы опасались также, что китайцы занесут в Австралию такую болезнь, как проказа.

Китайцы, которым не повезло на золотодобыче, не могли скопить денег на обратный проезд и были поглощены австралийским обществом. Занимались главным образом огородничеством, садоводством, держали прачечные, некоторые нанимались поварами в бродячие артели работников, торговали.

Необычайно редки случаи, чтобы в прошлом столетии удалось сделать карьеру китайцу. К этим очень немногим людям, несомненно, принадлежал Конг Тарт, эмигрант из Кантона, который в последние годы прошлого века снискдал славу одного из крупнейших знатоков шотландской истории, литературы и фольклора. Он говорил с шотландским акцентом. Научился языку еще на корабле, который привез его в Австралию. Во время работы на приисках близко сошелся с шотландскими рабочими. Более того, проникся несвойственным китайцам типично шотландским чувством юмора. Любил повторять, что в действительности его зовут Мак-Тарт. Он был членом многих шотландских организаций, существовавших тогда в Австралии, обожал ходить в шотландской юбочке и участвовал во всех шотландских шествиях и праздниках.

До последнего времени расистские настроения в Австралии были довольно сильны. Еженедельник «Бюллетень», наиболее серьезный и влиятельный журнал, десятками лет придерживался лозунгов «Австралия для австралийцев!» «Необходимо полностью исключить дешевого китайца, дешевого черномазого и дешевого европейского бедняка!» «Дешевым» в то время называли человека, который соглашался работать на зарплату ниже той, что обычно получали белые рабочие. Другими словами, в Австралии опасались рабочих, согласных вкалывать за миску риса, тем самым создавая прецедент для снижения заработков австралийских рабочих. Один из бывших министров по делам иммиграции беззаботно проронил: «Из двоих косоглазых не получится одного белого». Но в то же время журнал требовал массовой иммиграции, и со временем ее необходимость дошла до сознания австралийского общества.

Иммиграционная ситуация осложняется тем обстоятельством, что из года в год в высшие учебные заведения Австралии приезжают тысячи азиатских студентов, и у них очень велико искушение остаться здесь навсегда. Индийский студент предпочел бы по окончании курса медицины открыть

высокооплачиваемую практику в одном из городов Австралии, чем возвращаться в свою безнадежно бедную страну. Австралийцы противятся этому, обязывая молодых специалистов из Азии по окончании учения покидать Австралию. Это, в свою очередь, приводит к парадокльному результату. Индийцы, пакистанцы и студенты других национальностей Азии, получив диплом, который признается во всем англосаксонском мире, уезжают в Канаду или Соединенные Штаты. Таким образом, Австралия оказывается в положении поставщика талантливых специалистов, которые своими знаниями будут служить не Австралии, а таким богатым государствам, как Канада и США.

Бывший министр по делам иммиграции Эл Грессби считает, что время «белой Австралии» навсегда ушло в прошлое. Он подчеркивает, что еще в 1973 году были изданы законы, которые полностью уничтожили дискриминацию по признаку расовой принадлежности, цвету кожи или вероисповедания в процедуре получения гражданства. Это вовсе не означает, что расисты сдались без борьбы. Когда в 1973 году один автозавод решил завезти тридцать пять высококвалифицированных рабочих из азиатских стран, администрация получила несколько сот писем расистского содержания с оскорблением и угрозами директору, настолько серьезными, что на некоторое время ему была предоставлена полицейская охрана.

В своем любопытном высказывании бывший министр по делам иммиграции обращает внимание на то, что политика «белой Австралии» всегда имела не расистскую, а чисто экономическую основу и что именно радикалы из рабочей среды в прошлом веке не хотели допускать в Австралию дешевую силу из Китая и Полинезии.

Эту рабочую силу безжалостно использовали австралийские предприниматели, а их методы можно сравнить только с работоголовлей. Возможно, именно тогда и появился зародыш расизма. Министр вспоминает, что его подчиненные часто советовали ему отказать во въезде в Австралию одному по причине «слишком темной кожи», другому потому, что черты лица у него «слишком неевропейские», третьему из-за «просто неприемлемого» знания английского языка. В это время расовый тип претендента определялся по фотографии, что приводило иногда к трагикомическим результатам. Однажды трое родных братьев были отнесены к трем различным расовым типам только потому, что фотографировались у трех разных фотографов. Один из них, фото

которого было плохо отпечатано, был квалифицирован как европеец, что давало ему право получить гражданство в течение года. Второго признали метисом, и гражданство полагалось ему через три года, а третьему, признанному черным, пришлось ждать гражданства пять лет.

Однако, как утверждают многие австралийцы, сейчас подобная практика ушла в прошлое. Иммиграционная политика меняется. Как правильно замечает тот же самый Грессби, австралийское общество не имеет права на расизм, поскольку никогда не было однородным по национальному составу. На кораблях Первого флота находились представители не менее дюжины национальностей. Он считает, что Австралия более всего приблизилась к осуществлению идеи однородного общества только в начале XIX века, когда семьдесят семь процентов населения составляли... ирландцы, но ситуация молниеносно изменилась в годы огромного наплыва иммигрантов из разных стран Европы, а также из Америки, вызванного «золотой лихорадкой» в пятидесятых годах минувшего века.

В наши дни каждый третий австралиец — это тот, кто приехал сюда после второй мировой войны. По мнению бывшего министра, только в Израиле (в процентном отношении) больше граждан, рожденных за границей. Вспоминая годы молодости, которые совпали с периодом глубокого экономического кризиса в стране, Эл Грессби сообщает, что общее отношение ко всем иммигрантам выражалось коротко и ясно: «Пусть убираются туда, откуда приехали». Это были мрачные годы разочарований, а новоприбывшие становились причиной еще более острой борьбы за каждое рабочее место, еще больших трудностей.

Новая концепция иммиграционной политики понемногу брала верх. По мнению экономистов, каждый новый иммигрант означал новые рабочие места для австралийских рабочих: ведь иммигрантам нужны одежда, дома, машины, а это вызовет расширение производства и, как следствие, новые рабочие места для местных рабочих.

Волну глубокой неприязни вызвали в Австралии японцы, что было последствием второй мировой войны. Когда солдаты австралийских оккупационных войск в Японии вернулись после демобилизации с женами-японками, власти создавали трудности в получении визы на въезд этих женщин в страну, давая им понять, что им никогда не предоставят австралийского гражданства. Так продолжалось несколько месяцев. Однако прошло немного времени, и такая

традиционная организация, как Союз сельских женщин, начала свою деятельность в помощь японкам, вышедшим замуж за австралийцев. Их резолюции требовали разрешения для них австралийского гражданства.

Грессби уже не министр, но общая концепция иммиграционной политики осталась прежней. По мнению политиков, она должна быть приспособлена к потребностям и возможностям Австралии. Если возникнет потребность в тысяче высококвалифицированных плотников, то иммиграционные бюро во всех концах планеты обязаны найти их и убедить приехать в Австралию, и неважно, откуда приедет плотник — из Манчестера или из Монако. Во имя интересов государства иммиграцию следует тщательно регулировать.

Приехав на остров Терсди (Четверга), я посетил кладбище, где похоронены ныряльщики, приехавшие когда-то из Японии и оставшиеся здесь навсегда. Единственный, кому повезло дожить до почтенного возраста, — это Том Фудзи. Целых двадцать три года прослужил он ныряльщиком, доставая перламутровые раковины в Торресовом проливе. Говорят, что ему удалось выжить только потому, что он всегда был исключительно осторожен.

Однако другие, наверное, были так же осторожны, и все-таки тысяча двести японских ныряльщиков лежат в могилах на островах пролива, из них восемьсот — на острове Четверга. Из шести тысяч молодых японцев, которые приехали сюда с 1870 по 1940 год в качестве ныряльщиков, остался один Том. Те, кто не погиб от эмфиземы легких и не утонул, по окончании контракта были отправлены назад в Японию. Тома Фудзи оставили только потому, что он был лучшим из лучших. Его работодатель-австралиец заявил властям, что у него нет денег на обратный билет для Тома. Горько улыбнувшись, Том сказал мне: «Иногда мне приходилось ждать заработной платы по полгода». Время от времени он приходит на кладбище и стоит у могилы своего младшего брата, который утонул, когда ему было двадцать шесть лет. Он повредил маску, пытался как можно быстрее подняться на поверхность, но легкие не выдержали. Том был поблизости, но поднять его было можно только через два часа. Он взял тело брата, перевез на паруснике на остров Четверга и похоронил. Весь путь до острова Том проплакал, он считал себя виноватым в смерти брата, так как брат был самым младшим из восьмерых сыновей

и двух дочерей в бедной рыбакской семье, а Том уговорил его подписать контракт на работу ныряльщиком.

В то время ныряльщикам подавался воздух с помощью насосов. На большой глубине его едва хватало на неглубокое, поверхностное дыхание. Наиболее выносливые работали на дне по часу, набирая за это время до полутоны раковин, после чего их в течение двух часов поднимали на поверхность. Некоторые владельцы катеров, вспоминает Том, были настолько алчными, что поднимали ныряльщиков из воды за час, и это убивало их.

Двести небольших суденышек отходили от острова Четверга с командами, состоявшими из одних японцев. Неделю спустя такое суденышко возвращалось в порт, и лишь в редких случаях на его борту не было покойника. Причины смерти были разные. Например, Том трижды перерезал шланг об острый край кораллового рифа и оказывался на грани смерти, но каждый раз ему удавалось выжить, так как он успевал вдохнуть остаток воздуха, который еще сохранился в маске. Другие этого не умели делать и погибали. Когда Япония начала войну против Австралии, Том был отослан в лагерь на юг страны и только в 1945 году вернулся на остров Четверга. В 1961 году получил австралийское гражданство. Теперь он говорит: «Вот посиживаю себе да поглядываю на море».

Лишь недавно была предана гласности малоизвестная, деликатная история «импорта» в Австралию японских женщин на рубеже столетий. Их называли по-японски «караюкисан». Соответствующий иероглиф имеет значение «ехать в Китай», однако так именовали и тех, кто ехал в Австралию и в другие страны. В Австралию ехать было выгоднее, правда, не столько для девушек, сколько для мужчин, которые торговали ими.

Самые первые данные о японках в Австралии относятся к 1887 году. Упоминаются имена двух японских проституток в Мельбурне. В следующем году на юге страны было уже пять японских публичных домов. Один японец привез пятерых девушек из Нагасаки в Дарвин. Предприимчивый торговец продал одну из них парикмахеру-малайцу за пятьдесят фунтов, двух — китайцу по сорок фунтов, одну оставил для себя лично, а одну посыпал на себя «работать». В колонии Квинсленд было сто шестнадцать японок, из них одна-единственная непроститутка (жена японского консула).

В этом деле, как правило, старались соблюдать внешние приличия. Например, в приисковых поселках существовали

японские заведения, которые рекламировали себя как прачечные, но после наступления темноты они превращались в публичные дома. В одном поселке добропорядочные граждане составили петицию, в которой требовали выселения японок. Подписи под петицией занимали свиток бумаги в десять метров длиной.

О трагедии японских женщин мало пишут и вообще мало известно. Из экономии их везли зайцами, иногда по договоренности с командой судна, а иногда и без нее. На судне, которое шло из Гонконга, внезапно резко упало водяное давление. Стали искать неисправность и установили, что японские девушки, которых нелегально везли на этом судне, перегрызли трубку, чтобы напиться воды. Тут же, засыпанные углем, лежали тела двух сутенеров, которых отчаявшиеся девушки убили из мести. Были случаи, что девушки умирали от недостатка воздуха в задраенных трюмах либо были раздавлены глыбами угля, которые во время бури катились по трюму, калеча и давя несчастных. Случалось, что они гибли от самовозгорания угля. Время от времени лопата кочегара вдруг подцепляла кусок кимоно, а то и обгоревшую человеческую кость. Сутенеры требовали от девушек неимоверно высокой платы за проезд, вычитая из их заработков по сто фунтов за рейс из Японии до острова Терсди в Австралии, в то время как такой рейс стоил менее двенадцати фунтов.

Заработка японок многим дельцам составили капитал. Из записей одного предпримчивого японца, который очень тщательно вел отчетность, следует, что только в 1890—1894 годах он продал в Сингапуре три тысячи двести двадцать две девушки. Он высылал из Сингапура в Западную Австралию по двадцать-тридцать девушек в месяц.

Что в наши дни думает о Японии средний австралиец? А что думает японец об Австралии? Проблема достаточно важна, так как прошло уже четыре десятилетия с тех пор, как Япония была брошена на колени и пережила первую в своей истории оккупацию. Прежде японско-австралийские отношения складывались по-всякому. Для среднего японца Австралия — это кенгуру, пустыня, мало воды. Для среднего австралийца Япония — это «мадам Баттерфляй» и опера «Микадо», — японцы те же самые, но действия переносятся в современные условия.

Японское посольство каждый год ставит новые задачи перед институтами общественного мнения. Японцы не жалеют денег, щедро платя наличными. Проблема важная;

«Что думает о нас, японцах, глубокоуважаемый и глубокомысленный австралиец?» Сотни специалистов собирают информацию, опрашивают людей на улицах, рассылают анкеты. Потом из тихого шелеста компьютеров возникает образ Японии в понимании среднего австралийца. Современный австралиец, несомненно, считает Японию не столько дружественным, сколько важным государством, важным с точки зрения торговых и экономических связей.

Средний австралиец представляет японцев холодными, расчетливыми, деловыми людьми, которые много внимания уделяют экономике. Объясняется это очень просто. Средний австралиец на каждом шагу сталкивается с японской техникой — машинами, мотоциклами, фото-, радио- и виде аппаратурой. Все это дает ему прямую возможность наблюдать японский промышленный рынок.

Любопытно, что с каждым годом все большее число австралийцев требуют открыть Австралию для японских иммигрантов, несмотря на то что в стране довольно остро стоит проблема безработицы. Сторонники свободного доступа Австралии для японцев доказывают, что дело не в людях, а в тех знаниях и способностях, которые они привезут с собой в страну.

В местности Вулгулга в штате Новый Южный Уэльс примерно четверть населения составляют сикхи. Выходцы из Пенджаба, сосредоточившиеся в этом городке, являются собой пример внутриавстралийской иммиграции, которая возникла на экономической, религиозной и социальной почве. Один сикх приехал сюда из северной части Австралии, считая, что здесь идеальные условия для выращивания бананов. Затем стали съезжаться сикхи и из других районов страны, надеясь, что здесь у них будет больше возможностей стать на ноги. До этого они работали главным образом на плантациях сахарного тростника, но в связи с механизацией труда многие оказались не у дел. Между тем выращивание бананов и особенно их сбор требуют огромного, преимущественно ручного труда, так как пока еще нет машин.

Работа по сбору бананов очень тяжелая. Огромные гроздья, вес которых достигает пятидесяти килограммов, надо отнести с холмов вниз, где ждут вездеходы. Кроме того, надо срезать оставшиеся на дереве плодоножки, рассортировать плоды по величине и тщательно уложить в ящики, чтобы не повредить их при перевозке. Эту работу очень

выгодно выполнять целыми семьями — каждому найдется занятие по силам. К началу семидесятых годов сикхи стали на ноги, построили храм, который виден с большого расстояния. Все ли так благополучно? Действительно ли эти люди белой расы, но с темноватой кожей, особыми обычаями и верой отличающиеся от ангlosаксонского общества, не имеют никаких конфликтов с окружением?

Мнения на этот счет различны. Большинство считает сикхов порядочными, спокойными людьми, которые очень много работают. Однако не обходится без недоразумений. Люди говорят: «У них у всех одно имя Синг-Синг, так что никогда не знаешь, кто есть кто». Местный Союз ветеранов отказал сикхам в приеме, найдя очень простое объяснение. По правилам Союза в помещение запрещено входить в головных уборах. Взрослые сикхи всегда носят тюрбан. Члены Союза ветеранов говорят, что при входе в храм сикхов они снимают обувь и надевают головной убор.

Так вот, если уж сикхи хотят, чтобы их обычай уважали...

Миссис Кэт Миллер ведет передачи по государственной радиосети ABC не столько для новоприбывших иммигрантов, сколько о них. Она рассказывает: «Пожалуй, меня вполне можно считать типичной австралийкой. В детстве я не видела ни одного иммигранта, ну если только позже, во время учебы в университете. Мне и в голову не приходило, что у них могут быть какие-то проблемы, пока я не начала здесь работать. А теперь я, честное слово, прихожу в ужас от сознания того, сколько приходится многим иммигрантам затрачивать усилий только для того, чтобы выжить. Их жизнь иногда складывается очень и очень тяжело. Особенно у женщин».

В своей программе она часто говорит о вещах, о которых средний истинный австралиец почти не знает. Сами же иммигранты говорят, что их очень поддерживает то, что кто-то так серьезно занимается их проблемами. Наблюдения миссис Миллер заслуживают внимания: «Нередко случается, что женщина, недавно приехавшая в Австралию, идя к гинекологу, берет с собой в качестве переводчика своего шестисемилетнего ребенка. Она страшно смущается, но, как правило, не может найти поблизости врача, с которым могла бы объясниться сама и который понял бы ее».

Среди иммигрантов высок процент нарушений психики, трудно поддающихся лечению. Как же тогда врачу вообще говорить с больным? Через переводчика? Серьезные проблемы возникают в итальянской и греческой среде, где

девушки, воспитанные уже в Австралии, хотят вести тот же образ жизни, что и их австралийские сверстницы, а это входит в острейшие противоречия с семейными и национальными традициями. Девушка хочет ходить в кино, встречаться с молодыми людьми, а мать боится, что произойдет «самое ужасное». Работающие женщины вечерами в одиночестве занимаются домашним хозяйством, потому что там, в их стране, мужчины никогда не участвовали в этом и здесь, в Австралии, не собираются помогать женам. Положение неработающих женщин, по мнению миссис Миллер, тоже внушает беспокойство. Если они живут в окружении своих прежних соотечественников, то имеют возможность общаться, если же такого окружения нет, их ждет полное одиночество. Для иммигрантов, прибывших сразу после окончания войны, теперь жизнь стала легче, их дети уже взрослые, имеют профессии и квалификацию, полученные в Австралии. Миссис Миллер считает, что австралийцы в высшей степени нетерпимы к тем, с кем невозможно общаться на английском языке.

В газетах крупных городов сообщаются номера телефонов, по которым в любое время дня и ночи можно вызвать переводчика с любого языка. Он соединит также с врачом, полицией или нужным учреждением и поможет уладить любое дело.

Австралию раскачали иммигранты из Европы. Когда нахлынула первая послевоенная волна, австралийцы не очень-то различали, кто какой национальности, поскольку национальные различия народов нашего старого континента были им совершенно неизвестны. Европейцы растолкали сладко дремавших, довольных собой австралийцев.

Один иммигрант из Югославии был таким замечательным работником, что, когда он решил вызвать из Югославии родного брата (специалиста в той же области), его работодатель согласился стать официальным поручителем, как того требовали иммиграционные власти.

Брат приехал в Австралию, начал работать в ночную смену, и оказалось, что он так же трудолюбив и добросовестен, и лишь случайно обнаружилось, что это был тот же человек, просто он работал две смены...

Директор центра исследований в области психиатрии рассказывал, что в австралийском обществе тяжелее всего адаптируются женщины из Южной Европы. Они утрачивают влияние на детей, посещающих австралийские школы. Женщина-мать из Южной Европы теряет контакт со своей

семьей лет семь спустя после приезда. Для мужчин критическим становится момент приобретения ими финансовой независимости, потому что в то время, когда они выплачивают взносы за дом, мебель, машину и т.п., у них просто нет времени на психические срывы. Самые тяжелые психические состояния наблюдаются среди новообразовавшихся этнических групп, например турецкой и южнолатиноамериканской. Более старые группы, такие, как греческая и итальянская, уже настолько организованы, что могут оказывать поддержку своим соотечественникам.

Исследования показывают, что многие заболевания психики поражают тех детей иммигрантов, которые прибыли в Австралию в возрасте около десяти лет. В школе они отстают от своих сверстников и, следовательно, потенциально обречены на малоквалифицированный труд. Выход видится в повышении уровня просвещения. Те, кто говорит по-английски, приспособливаются легче. Многие австралийцы считают, что самая эффективная форма культурного общения происходит на почве национальных традиций в области музыки, танца и ремесла. Необходимо облегчить для новоприбывших изучение английского языка. Люди в работоспособном возрасте должны уметь читать и писать на родном языке, тогда им легче будет обучиться английскому. Особое внимание необходимо уделять воссоединению семей, так как у семейных иммигрантов значительно меньше проблем с адаптацией, чем у тех, кто приехал в одиночку.

Для рассказа обо всем этом я использовал, между прочим, некоторые данные, приведенные в интересной публикации «Австралийская семья», изданной еженедельником «Бюллетень». Отсюда я почерпнул сведения о группах, с которыми ознакомился весьма поверхностно, например о китайцах. Могу сказать, что с удовольствием обедал в китайских ресторанчиках Сиднея, но даже с помощью лучшей кухни мира нельзя понять проблем этнической группы, к которой принадлежит повар... Эта публикация освещает одну из важнейших проблем Австралии: как из людей различных национальностей формируется новый народ — австралийский. В работе подробно освещается жизнь таких важных для австралийского общества групп, как итальянская, но не обходятся вниманием и сравнительно небольшие общности — иммигранты из Чили, Аргентины. Однако в нашей книге нам не объять необъятного...

«А-16-19» отзывается на базу

Марши военных ветеранов по улицам австралийских городов напоминают обо всех войнах, в которых участвовала Австралия. В шествии 1978 года разница в возрасте между самым старым и самым молодым его участником составляла девяносто лет. Старшим был мистер Линден Джозеф, которому исполнялось девяносто семь и который в 1915 году молодым человеком участвовал в Дарданелльской операции на Галлиполском полуострове. Вслед за ним шел семилетний мальчик, он нес боевые награды своего деда, участника первой мировой войны, впервые не имевшего возможности прийти на встречу ветеранов из-за болезни. Ведь время не щадит ветеранов, и ряды австралийских солдат редеют быстрее, чем тогда, на полях сражений.

Некоторые отряды, еще совсем недавно маршировавшие сомкнутыми рядами, сократились до нескольких человек. Из солдат третьего батальона, участвовавшего в штурме Галлиполи, на встречу пришли только четверо. Один из них сказал: «Хотя нас с каждым годом становится все меньше, мы возвращаемся памятью к тому аду, который пережили вместе, возвращаемся к нашей дружбе. Нам это дорого». Другой, из тех, кто воевал в легкой кавалерии, говорил, что совсем недавно триста его товарищей шагали рядом с ним, а теперь их осталось шестеро. «Но все равно, пока мы живы, будем приходить сюда». Восьмидесятидвухлетний стариk, бывший солдат шестого полка легкой кавалерии, сказал: «Я ненавижу войну. Это самое страшное воспоминание. Но чувство дружбы и братства, которые тогда возникли между нами, для меня самое дорогое».

Восьмидесятишестилетний Эрнст Такуэл не мог участвовать в марше. Он сидел перед зданием ратуши вместе с сыном, участником второй мировой войны, в окружении толпы людей, которым рассказывал о высадке на Галлипольский полуостров: «В половине седьмого утра был отдан приказ о высадке. Мы соскользнули по веревочным лесенкам в небольшие шлюпки. Матросы, которые стояли впереди нас, а потом тоже разместились в шлюпках, отдавали распоряжение высокими, мальчишескими голосами. Да, в то время на флот брали очень молодых, почти детей. А вокруг свистели пули, рвалась шрапнель. Позднее, во время боев под Однокой Сосной, я заработал тяжелую кишечную инфекцию: пресной воды не хватало, и нам готовили пищу на морской воде. Нас отправили в Англию на санитарном судне, но тогда еще

не было эффективных лекарств от дизентерии, и ~~сыны~~ мерли как муhi. Помню, во время этого рейса ~~каждый день~~ бросали в море по тридцать-сорок ребят, чтобы ~~навсегда~~ оставить их в водяной могиле. Под палубой стояла невыносимая жара». Во время ~~ребывания~~ в госпитале мистер Такуэл познакомился с юной сестрой милосердия и женился на ней. Потом он был направлен во Францию, где получил тяжелое ранение в ногу. Вернувшись в Австралию, супруги обзавелись четырьмя сыновьями и дочерью. Троe сыновей во время второй мировой войны ушли в армию добровольцами, а один из них погиб под Тобруком, в Ливии.

В 1977 году в Сиднее впервые состоялась международная встреча ветеранов боев за Тобрук, историю которых знает каждый маленький австралиец. Осада крепости началась в пасхальную ночь 1941 года. В ней участвовало до двадцати тысяч австралийских солдат и союзнических войск. На встречу ветеранов в Сидней приехали британские, французские, польские солдаты. Случилось так, что как раз в это время в Сиднее находился оркестр гуркхов из Непала, которые были наемными солдатами на службе Британской империи. Они также явились на встречу, посвященную тридцать шестой годовщине осады. Австралийские историки утверждают, что бои под Тобруком стали первой искрой надежды для всего Британского Содружества.

В 1978 году один из старейших участников марша ветеранов десанта, Томас Андерсон, который в 1900 году служил в восьмом новозеландском полку легкой кавалерии еще во время англо-бурской войны, уже не мог идти сам, его везли в машине. Марш проходил в Ньюкасле, поселке горняков. Для некоторых участников волнения встречи со старыми боевыми товарищами оказалось не под силу. В том же году Роберт Мэй, ветеран второй мировой войны, пройдя с товарищами километр пути, упал на дорогу и уже не поднялся.

В рядах одного из отрядов, который во время второй мировой войны вел бои на Ближнем Востоке, а потом на Новой Гвинее, маршировал совсем молодой человек, который специально прилетел из Англии вместо умиравшего отца — капитана Терри, на этот раз боровшегося со смертью не на поле битвы, а на больничной койке. К нему придвинули телевизор, чтобы он мог видеть марш своих товарищей по оружию. Когда солдаты третьего пехотного батальона проходили по улицам, телевизионная камера задержалась на фигуре молодого человека, шедшего в первой шеренге. Это был сын капитана Терри.

После марша по улицам ветераны собираются в пивных, вспоминают былые ратные подвиги, попивают пиво, а иногда балуются старой, типично австралийской азартной игрой ту-ап. В этот день полиция, как говорится, смотрит в другую сторону, а вообще-то ту-ап строжайше запрещена, ибо это настолько азартная игра, что и штаны проиграть недолго.

В мою задачу не входит пересказ истории войн, в которых участвовала Австралия, я остановлюсь лишь на некоторых любопытных и мало кому известных эпизодах. Так, у нас, как, впрочем, и в самой Австралии, очень мало знают о таком удивительном соединении, как Имперский верблюжий корпус, который принимал участие в первой мировой войне. Он был организован в 1916 году, и в нем служило много австралийцев. О Корпусе рассказывается в книге «Песок, пот и верблюды», которая создавалась несколько десятков лет. Книгу начал писать ныне покойный генерал Джордж Лэнгли, командовавший первым батальоном Корпуса. Закончила работу его жена (она, кстати, вышла за него замуж в Египте). Генерал, который, выйдя в отставку, был учителем, а потом директором школы, — несомненно, интересная личность. Его жена рассказывала, что во время работы над книгой она жила «среди духов». Тех, кто служил в Корпусе, осталось немного.

Когда после неудачного десанта в Галлиполи стали искать добровольцев в Верблюжий корпус, их объявились на удивление много. Почти все они никогда не имели дела с верблюдами, более того — многие не были даже кавалеристами. Австралийцы на удивление быстро подготовились к выполнению поставленных перед ними задач. Первая рота, которую возглавлял сам Лэнгли, состояла из одних австралийцев. Командир, так же как и подчиненные, мало знал о верблюдах. Уже через месяц обучения рота вступила в военные действия. Конечно, вначале с верблюдами была истинная мука, однако Лэнгли с умилением вспоминает своего любимца по кличке Гораций. Лучшие верховые верблюды — египетские — крупные и очень мускулистые. Более темные верблюды с побережья Красного моря не столь сильны и выносливы, но очень быстры, автору они чем-то напоминали борзых. На военной службе верблюд может идти пять дней и ночей, обходясь без воды.

В книге описаны забавные сцены обучения «верблюжьей кавалерии», когда почти каждая попытка по команде сесть на верблюдов кончалась тем, что животные сбрасывали

своих седоков и все стадо, поднявшись на ноги, пускалось в путь без наездников.

Некоторым верблюдам, рассказывает автор, надевали специальные выюки для перевозки раненых. Для больных и раненых такой переход становился настоящей пыткой. Все, кто хоть раз ездил верхом на верблюде, знают, как на ходу немилосердно трясет и подбрасывает.

Лэнгли вспоминает, что в Корпусе военным корреспондентом работал австралийский поэт Эндрю Б. Патерсон, который прославился как «непревзойденный мухолов». Спокойным и невидимым глазу движением он превосходил хамелеона. Его пальцы молниеносно хватали муху, расплющивали и бросали ее на землю. «Там, где усаживался Патерсон, земля вскоре покрывалась мухиными трупами».

В истории Австралии много великих героев, государственных деятелей, людей, покоривших своим упорством пустыню. Но на меня произвел огромное впечатление «человек с осликом». Он шагал со своим осликом по обочине великой истории и вместе с ним оказался на ее страницах.

Во время упомянутого десанта на Галлипольский полуостров рядовой санитарной службы Симпсон Кирпатрик подумал, что неплохо бы приспособить осликов, на которых возят питьевую воду, для перевозки раненых с передовой на морской берег. А оттуда их можно было грузить на суда-госпитали. И вот под неприятельским огнем человек с осликом три недели подряд без отдыха шагал то в одном, то в другом направлении, пока 19 мая 1915 года кусок шрапNELи не прервал его жизнь.

Один из наиболее трагических эпизодов в истории Австралии — так называемая битва под Брокен-Хиллом в новогодний день 1915 года.

В этот день тысяча двести человек ехали поездом на пикник в окрестности Брокен-Хилла. Кто-то увидел возок с мороженым, принадлежащий двум местным туркам. Один был муллой общине, которая состояла главным образом из погонщиков верблюдов, привезенных из Афганистана.

Когда поезд остановился, из-за возка стали стрелять по пассажирам поезда. Чем это было вызвано, непонятно. Возможно, мотивов было несколько. Очевидно, один из них связан с патриотическими чувствами, поскольку Турция в первой мировой войне воевала на стороне немцев против Австралии, а может быть, турки были оскорблены шовинистической и ура-патриотической позицией общества Брокен-Хилла. Один из этих турок несколько раз ездил на родину и

потом торговал гашишем. Полагают также, что оба были в наркотическом возбуждении и решили исполнить патриотический долг, стреляя в неверных христиан, путешествовавших поездом. Так или иначе, они подняли на воздух турецкий флаг и открыли стрельбу. Из Брокен-Хилла вызвали полицию. Во время перестрелки было шесть человек убито и много ранено. Оба турка погибли. После этого инцидента австралийское правительство приняло решение интернировать всех граждан, происходящих родом из неприятельских государств.

Воюя на далеких фронтах за родину и короля, австралийцы сражались, по существу, за Британскую империю. Оппозиция против отправки солдат на Ближний Восток или в Европу была в Австралии настроена довольно решительно. Одновремя казалось, что Австралию уже ничто не спасет от нападения. Войска японского императора перепрыгивали с одного острова на другой, приближаясь к огромному пустоватому континенту, богатому сырьем, которое было так необходимо японцам. Австралия была для них землей обетованной.

Причины поражений, которые привели к так называемой непосредственной угрозе, до сих пор — предмет исследования. «Сидней Морнинг Геральд» вывела на свет божий любопытные детали малоизвестного эпизода. Нападение японцев на американскую базу в Перл-Харборе на Гавайских островах было полной неожиданностью. Приказ из штаба в Лондоне был направлен непосредственно на военные базы, расположенные на Малайских островах. Он был известен и командиру австралийского самолета-разведчика «Локхид Гудсон» — «A-16-19», который нес службу над Южно-Китайским морем. Приказ гласил: «Наш самолет не должен стрелять первым». В случае войны на Тихом океане Великобритания и Австралия должны были стать не нападающей стороной, а жертвой нападения.

6 декабря 1941 года. С австралийского самолета отлично виден японский конвой — тридцать пять кораблей, из них двадцать два транспортных с тысячами пехотинцев на борту. Конвой двигается прямо к восточному побережью Малайских островов. Это уже второй конвой, обнаруженный командиром «A-16-19» Ремшоу в этот день.

Он запросил у военной базы в Котабару разрешения наблюдать за конвоем и получил отказ. Сорок восемь часов спустя именно этот конвой неожиданно для британских и австралийских оборонных войск высадил десант на островах Малайского архипелага. Война на Тихом океане началась.

Смогли бы японцы осуществить свой план, если бы Ремшоу имел возможность и дальше вести наблюдение за конвоем? Очевидно, если бы не внезапность нападения, оборону Малайев можно было бы организовать значительно лучше. Американцы также подготовились бы к японскому нападению на базы в Перл-Харборе и на Филиппинах.

Вряд ли удастся установить, почему самолету разведки не позволили наблюдать за дальнейшим продвижением конвоя. Этого вопроса касаются лишь в примечаниях к официальной истории войны, да еще есть упоминание в материалах комиссии Конгресса США.

В конце ноября 1941 года президенту Рузвельту и премьер-министру Черчиллю стало ясно, что Япония ударит без предупреждения в районе Тихого океана. Общее мнение было таково, что целью нападения могут стать либо британские, либо голландские территории, а возможно, прибрежные районы СССР. 1 декабря было объявлено положение боевой готовности первой степени для всех баз британских и австралийских BBC на Малаях, так как была отмечена повышенная военная деятельность японцев в Индокитае вследствие явного тупика, в котором оказались американо-японские переговоры. Однако этот приказ был, в сущности, аннулирован другим, который за два дня до этого издал маршал авиации сэр Роберт Брук-Пофем, главнокомандующий всеми союзническими силами на Дальнем Востоке. Приказ исходил из Лондона и запрещал нападение на японские десантные войска, направлявшиеся на Сиам или в сторону Малайского архипелага.

Мысль англичан была проста: необходимо втянуть в войну США. Общественное мнение Америки не одобрило бы вступление в войну на стороне союзников, если бы Великобритания нанесла первый удар в целях распространения конфликта с Японией на район Тихого океана. Поскольку стало очевидным, что Япония включится в войну на стороне Германии и Италии, было в высшей степени важно, чтобы она оказалась агрессором и именно так была бы квалифицирована.

После объявления приказа о боевой готовности почти целую неделю стояла низкая облачность и штормовая погода, что удерживало британские и австралийские самолеты на их аэродромах. Только поздним утром 6 декабря трем самолетам Королевских BBC удалось взлететь с залитой дождем стартовой полосы аэродрома в Котабару на острове Сулавеси, чтобы произвести разведку. Вот тут-то, как уже говорилось,

в течение двух часов поручик Ремшоу и наблюдал за двумя японскими конвоями. Сначала за меньшим, в каких-нибудь ста восьмидесяти пяти милях от Малайских островов, потом за большим, состоящим из двадцати двух транспортеров. Это было в субботу в 12 часов 30 минут по сингапурскому времени.

Четверть часа спустя поручик Д.Г. Эмертон со своего разведывательного самолета обнаружил еще один японский конвой, идущий в направлении Малайев: два крейсера, десять эсминцев и двадцать один транспорт в трехстах шестидесяти милях от берега. Поручик уведомил базу в Котабару, его сообщение было передано в Сингапур, а также военному атташе США генералу Ф. Бренку. Тот, в свою очередь, отправил телеграмму в Вашингтон. Судя по стенограмме Комиссии Конгресса, Вашингтон не предпринял никаких действий в ответ на сообщения о передвижениях японских войск. Вероятно, их сочли не заслуживающими внимания.

Зато в Австралии маршал сэр Чарльз Барнет, начальник штаба ВВС, созвал совещание в Мельбурне, в котором приняли участие голландский и американский атташе, и сообщили им о японских конвоях. Американцы тотчас вернулись в свой офис и составили телеграмму в Вашингтон. Однако ее надо было заверить у австралийских властей. Барнет попросил военного атташе полковника М. Смита повременить с отправкой, пока военный кабинет не будет информирован о конвоях.

Барнет стремился задержать телеграмму, и у него на это кроме названной им самим была еще одна причина. Дело в том, что полковник Смит в своей телеграмме давал понять, что голландское и австралийское командование готовится провести в жизнь принятый ранее план противодействия агрессивным устремлениям Японии в юго-западном регионе Тихого океана. Реакцию США на это сообщение трудно было предвидеть, поэтому Барнет и решил задержать телеграмму.

С большой неохотой Смит согласился задержать ее на двенадцать часов, но задержана она была на восемнадцать, и послали ее не в Вашингтон, а на Гавайи с просьбой переслать в Вашингтон.

Примечание в работе по истории войны на Тихом океане обосновывает запрещение разведчику Ремшоу наблюдать за японским конвоем тем, что оба «Гудсона» не могли дольше оставаться в воздухе. Такие объяснения привел маршал Брук-Пофем. В то же время автор этого тома истории утверждает, что оба самолета к моменту обнаружения конвоя

находились в воздухе неполных три часа, а могли находиться в полете по меньшей мере восемь, если не десять часов, то есть вполне были в состоянии вести наблюдения за конвоем. Остается неясным, от кого исходил приказ о возвращении на базу — с базы в Котабару или от командования в Сингапуре.

После полудня другой разведчик искал конвой, но безрезультатно. В 18 часов 30 минут из Сингапура ушел на ночной облет гидросамолет британцев «Каталина». В то же время был отдан приказ о готовности номер один. В очень скромном времени радиосвязь с «Каталиной» прервалась, и был послан второй гидроплан такого же типа. Оба пропали без вести вместе с экипажами. В субботу вечером, не имея никакой информации о самолетах, улетевших в разведку, штаб Брук-Пофема пришел к выводу, что конвой изменили курс и направляются в сторону Сиама.

Непонятно также и следующее. Несмотря на то что приказ, запрещавший наступательные действия, остался в силе, днем раньше, то есть 5 декабря, военное министерство известило Брук-Пофема, что разрешает без уведомления Лондона начать операцию «Матадор». Это было кодовое название мощной операции, имевшей целью воспрепятствовать захвату японцами Сиама. Таким образом, Брук-Пофем обладал полной свободой действий, тем более что создавалось впечатление, будто истинной целью японских конвоев был именно Сиам.

На следующий день, в воскресенье 7 декабря, велась усиленная разведка — после полудня были обнаружены торговые суда Японии с людьми в мундирах пехотинцев на борту. Сопровождавший их крейсер обстрелял одного из «Гудсонов», но это не было признано достаточным для ответных действий.

Дальнейшее хорошо известно. В 12 часов 30 минут японские войска высадились на Малайских островах с тех самых судов, которые были обнаружены разведкой двумя днями раньше. Полтора часа спустя японские самолеты застигли врасплох американцев на базе в Перл-Харборе. Они потопили или повредили девятнадцать военных кораблей, уничтожили сто двадцать самолетов и две тысячи четыреста американских моряков. Так началась война с Японией.

За это время погиб поручик Ремшоу, человек, который мог изменить ход исторических событий, если бы ему позволили это сделать. Его «Гудсон» был сбит утром, уже после того, как японский десант высадился на Малаях, когда поручик пытался потопить корабли с императорскими войсками.

Задача сверхтрудная, если учесть, что на его вооружении было всего четыре восьмидесятикилограммовые бомбы. Однако потопить транспорт «Авагисан Мару» ему все-таки удалось. В 1977 году репортер разыскал последнего оставшегося в живых члена экипажа «A-16-19». Доктор Дональд Дауи, известный врач, остался в истории не только как пилот первого самолета, потопившего во второй мировой войне судно под японским флагом, но и как первый австралиец, оказавшийся в японском плену. Он рассказывает: «Вид японского флота произвел на меня потрясающее впечатление: он выглядел как огромный скорпион, брошенный на воду». Флот приближался строем, напоминавшим букву Т. Впереди военные корабли, за ними транспорты. Когда «A-16-19» был сбит, Дауи упал в воду с поврежденным позвоночником и несколькими сломанными ребрами, часов десять спустя его подобрали японцы и доставили в лагерь для военнопленных, где он находился, не получая никакого лечения, в течение четырех лет.

«Помню, мы чувствовали себя очень одинокими в бескрайнем пространстве воды и неба. Приказ, запретивший нападать на неприятеля, был скверной шуткой. Впрочем, у нас и боеприпасов-то не было к бортовому оружию. Один только мой револьвер. Мы покружились над конвоем минут двадцать, я старался определить корабли. Когда мы повернули назад, японцы начали глушить наши радиосигналы и ввели в действие свои самолеты». Маршала Брук-Пофема уже нет в живых, так что, вероятнее всего, тайна странного приказа так и не будет раскрыта.

Уж не склонны ли австралийцы все преувеличивать? Конечно же, нет. Просто с момента возникновения их государства их жизнь была настолько спокойна и упорядочена, что первая неожиданность повергла их в шок. Когда японские подводные лодки обстреляли из бортовых пушек Сидней, а несколько подводных катеров ворвались в порт, тысячи жителей города бежали в буш. Мне рассказывала австралийка, которая видела это своими глазами. В то время земельные участки на побережье, которые сейчас считаются самыми дорогими в мире, можно было купить за гроши.

Ее семья решила в целях безопасности переселиться в летний домик в Синих горах, куда она изредка наезжала по субботам и воскресеньям. Однако семья забыла об австралийской природе — домик буквально кишел ящерицами, змеями и грызунами, разросшиеся деревья и кустарники ломились в окна. Брат моей собеседницы, увидев, что там творится,

воскликнул, что предпочитает погибнуть в стычке с японцами, чем жить в таком доме...

В Австралии была выпущена книга «Печальная слава», представляющая собой сборник воспоминаний солдат, служивших в экспедиционном корпусе на Малайях. Вот как это было. Молодые добровольцы идут на службу в армию. Марш по улицам Сиднея, играют оркестры, на тротуарах толпы народа, раздаются приветственные клики. Далее рейс на «Куин Мэри» к Малайским островам. Учебные лагеря в джунглях и внезапное нападение японцев. Кампания короткая, но жаркая. Падение Сингапура и, наконец, марш в лагерь военнопленных, на этот раз без оркестра. Долгие годы неволи в ожидании конца войны.

Генерал Ямасита, главнокомандующий японскими войсками в малайской кампании, писал, что после восьми часов сражения его исход был еще неясен. На рассвете третьего дня японская гвардия прорвалась в тыл австралийских войск. Заслоны на дорогах преграждали путь австралийцам, поспешившим на соединение со своими через заболоченные джунгли. Это была самая яростная битва во всей кампании. Сражение на несколько дней задержало продвижение японских войск. Один из участников вспоминает: «Мы все, кто там был, наверняка навсегда запомнили ту ночь, когда появились люди из девятнадцатого батальона: промокшие под беспрерывным ливнем, измученные сверх всякой меры, угнетенные тяжестью пережитого. Их фигуры возникали из мрака. Мы спрашивали себя: неужели это все, что осталось от батальона? Да, это было все, что от него осталось».

В памяти солдат восьмой австралийской дивизии еще сохранились картины жизни в лагере для военнопленных на Малайских островах. Как водится в жизни, трагичное часто смешивалось с комичным. Начальник лагеря, австралиец, сумел убедить японцев, что, если они хотят отвлечь военнопленных от мыслей о побеге, их надо снабдить художественной литературой. В Сингапур была направлена целая колонна грузовиков с книгами. Любопытен тот факт, что передвойной Австралия была первым соперником Ирландии по части запретов на литературу, поэтому лишь в неволе солдатам удалось прочитать запрещенные ранее произведения. Среди привезенных книг была и научная литература. Со скучи солдаты взялись за чтение таких книг, которые при других обстоятельствах не взяли бы в руки. Некоторые из них отнеслись к чтению настолько серьезно, что смогли получить хорошее самообразование, так что один сержант стал

впоследствии мэром Сиднея, а другой — верховным комиссаром Австралии в Лондоне. Со временем бумага пожелтеет, а чернила поблекнут, но память о людях, которые боролись за свободу и гибли в Европе и в джунглях на островах Тихого океана, должна сохраниться...

Спустя много лет, в 1978 году, впервые в Австралии совершилась японская поминальная церемония. На кладбище японских солдат, погибших во второй мировой войне, заместитель премьер-министра Австралии опустился на колени, возжег благовония и затем окропил могилы чаем. С тех пор она повторяется ежегодно. Кто бы мог подумать, что случится подобное! В присутствии тысяч людей, собравшихся у памятника из черного мрамора, австралийский священник громко прочитал молитву по-японски. Прибывший из Нара главный буддийский священнослужитель произнес по-английски благодарственную речь за поминовение «душ храбрых воинов, пожертвовавших жизнью за родину». Затем официальные лица открыли бутылочки с рисовой водкой и окропили вложенные на могилы венки.

Здесь покоятся двести сорок семь японцев, погибших в 1944 году при попытке бежать из местного лагеря для военнопленных. Четыре австралийских охранника, которых японцы убили, похоронены неподалеку, на военном кладбище. Их память тоже почтили. Еще дальше, на гражданском кладбище, почивают те, первые, которые создавали здесь все. Они были бы удивлены тем, что сейчас происходит...

Оркестры исполнили траурные марши. Дети из местной школы спели японский и австралийский государственные гимны. Солнце пригревало, и священник, который был капелланом в то время, когда состоялся побег, вспоминал: «Это было чрезвычайное происшествие, но оно не превратилось в массовое убийство. Японцы стремились восстановить честь, которую утратили, став военнопленными». Участник облавы на беглецов добавил: «Мы уже не чувствуем вражды друг к другу. В конце концов каждый военнопленный обязан попытаться бежать».

Там, где когда-то за оградой из колючей проволоки размещались бараки для военнопленных, сейчас пасутся овцы.

Что-то их испугало — и они овечьим галопом пустились наутек в другой конец пастбища. Это несколько местных мальчиков проехали на мотороллерах по тропинке, ведущей вдоль пастбища. Кстати сказать, их мотороллеры были сделаны в Японии...

Тетя не рисует декораций

Итак, мы снова в Австралии мирного времени. Но в мирной ли? Сейчас, когда наш рассказ близок к концу, настал час для этого вопроса. Бывший премьер-министр штата Южная Австралия Дон Данстен в своей книге безжалостно расправляется с легендой об австралийце как об опаленном солнцем жителе глухомани: «Этот миф совершенно не учитывает факта сокращения сельского населения Австралии. Сейчас почти не увидишь типичного жителя австралийской глубинки, когда он сидит с приятелями у костра, наливает из чайника крепкий чай и уплетает печеные на угольях лепешки. Одни бойскауты остались единственными белыми людьми, которые еще пекут лепешки на кострах, для них это одно из приключений в походах...

Владельцы хозяйств, — продолжает мистер Данстен, — загоняют свои стада вертолетами, в большие города отправляются на собственных авиетках. Сельскохозяйственные рабочие ездят не верхом, а на мотороллерах, пастухи сопровождают стада на вездеходах, таща на буксире жилой домик, оборудованный по последнему слову техники. Фермер, занимающийся зерноводством, работает на сноповязалке с кондиционером в кабине, виноградарь пользуется механизированным приспособлением для уборки урожая. Дома фермеров, как правило, полностью оборудованы на высоком современном уровне».

Мистер Данстен рассказывает далее, что австралиец упорно ищет себя. Когда-то для Австралии был типичен как раз тот самый опаленный солнцем человек из отдаленных мест, покоривший враждебную природу. Теперь австралиец живет в городском предместье в одном из типовых домов. «Такие дома по рецепту способствуют жизни по рецепту, люди как бы программируются для единого образа жизни».

Доктор Мориц из Аделаидского университета пришел к выводу, что представление об австралийцах как о крайне независимых людях сейчас не что иное, как миф. Он считает, что теперешние австралийцы — очень дисциплинированное общество, что им нравится, когда говорят, что надо делать. «Большинство нашего народа считает, что надо поступать так, как требует правительство». Может быть, герои устали? Может быть, они просто стали не нужны? Посмотрим на эту проблему с другой стороны. Вот, по-моему, почти школьный пример.

Австралийская кинопромышленность родилась в начале нашего столетия, когда Джозеф Перри снял фильм «Солдаты креста». Он пользовался кинокамерой, которую Армия спасения специально купила во Франции.

Во время моей последней поездки в Австралию был еще жив сын кинопродюсера, а когда он снимался в фильме, ему было около десяти лет.

Он изображал заднюю часть льва и отвечал за яростное хлестание хвостом по земле. Его брат играл львиную голову и передние лапы. Оба были покрыты соответствующей оболочкой, а представляемое ими животное должно было пожирать христианских мучеников в языческом Риме.

Как следует из воспоминаний этого юного в то время актера кино, весь фильм был делом одной семьи. Декорации рисовала на полотне тетя. Потом их развесили на заборе, окружавшем теннисный корт, где и отсняли большую часть фильма. Далее, в 1906 году, последовал фильм «Правдивый рассказ о банде Келли». Существует мнение, что это первый полнометражный фильм, который в семидесятых годах вышел на все экраны мира и имел удивительный успех.

Естественно, на экраны мира не выйдешь с серым фильмом. Желающих смотреть декорации, нарисованные тетей на полотне, и любоваться двумя мальчиками в роли льва теперь не найти. Другие времена, другая техника, везде нужны профессионалы.

Первопроходцы, преодолевшие «тиранию расстояний» и покорившие враждебную людям среду, пересекшие пустыни и степи, поселившиеся в стране Никогда-Никогда, — эти первопроходцы были как бы генералами. За ними шла дисциплинированная британскими традициями армия поселенцев, шли ремесленники и торговцы. Без их координированного труда немногого стоила бы отвага тех, кто проложил путь.

Из мрака забвения возникают образы многих людей, которые создавали Австралию. Шли в пустыню и либо одолевали ее, либо оставались в песках навсегда. Но ведь есть и те, что стояли за их спинами, безымянное множество людей, обеспечивавших им регулярные поставки снаряжения и провианта, и их-то редко, очень редко вспоминают.

Вот, к примеру, известный в штате Новый Южный Уэльс железнодорожный кондуктор, которого звали Билл-Регламент. Прозвище говорит о том, что это был человек очень добросовестный в соблюдении правил на железной дороге. Он при каждом удобном случае повторял: «Если это указано в регламенте, то так и должно быть».

Когда ему пришло время уходить на пенсию, товарищи по работе устроили ему прощальный обед, а от директора дороги он получил памятный подарок — золотые часы. Передавая Биллу награду, директор произнес: «А теперь, Билл, я желаю тебе спокойной и приятной жизни пенсионера. И если тебе что-то будет нужно, то дай нам знать. Мы сделаем все, что в наших силах, разумеется при условии, что это разрешается регламентом».

Билл-Регламент сразу же ответил на эти слова: «А что ж, господин директор, есть кое-что такое, что мне очень хотелось бы получить. Я прошу старый, ненужный вагон. Я поставил бы его на своем участке у реки, поселился бы в нем и был бы очень счастлив».

Такой вагон нашли, установили на участке пенсионера — совершенно бесплатно, в подарок от дороги, которой он служил всю свою жизнь.

Однажды директор совершил инспекционную поездку по участку железной дороги как раз в этих местах. Внезапно пошел проливной дождь — вечное бедствие австралийцев. Он решил отложить поездку и переждать дождь у Билла-Регламента. Подойдя к его жилищу, директор увидел, что Билл сидит под дождем и курит трубку. «Билл, старый дурачок, — воскликнул директор, — что это ты сидишь снаружи в такой ливень?» — «Приходится, шеф, — ответил Билл, — это твоя вина».— «Как это моя вина?» — «Да ты только посмотри, — завопил Билл, — ты же дал мне вагон для некурящих!»

Так кто же все-таки австралийцы — люди типа Билла-Регламента или отчаянные смельчаки? Думаю, и те и другие — все они были нужны Австралии в формировании нового общества.

Что же будет дальше? Австралией XXI века завладеют те, кто сидит сейчас на школьных скамьях. Мне лично австралийская молодежь понравилась, но я лишь транзитный пассажир в этой стране и не могу претендовать на знание темы. Самых австралийцев очень беспокоит их молодежь.

Уильям Бродерик, который сорок лет проработал воспитателем и учителем, в своей книге размышляет о том, что

случилось с австралийскими молодыми людьми. Он хорошо знает проблему и представляет ее в черных тонах:

«Твой сын, назовем его Джек, после долгих, долгих призывов наконец выбрался из постели. Теперь он шатается по всему дому в своих тщательно изодранных штанах и дырявых сандалиях. Включает магнитофон на полную мощность, потому что знает: тебе это мешает. Наконец усаживается за завтрак, состоящий из кофе и сигарет. С того момента, как он вылез из постели, он вымолвил только: „Привет, мать”, и это все, что тебе удается из него вытянуть. Потом он листает газету, чтобы на последней странице прочитать спортивные новости. Нет, он не читает объявлений в рубрике „Для работы требуются”, хотя уже три месяца нигде не работает. Являются двое его друзей, которые в свою сторону издают звук, похожий не то на кашель, не то на чихание, и тут же начинают болтовню с Джеком на таком языке, которого ты совсем не понимаешь. Они как раз получили пособие по безработице и что-то затевають. Но ты не понимаешь этой словесной стенографии, этого бурканья и гримас, называемых у них беседой. Наконец все трое убираются из дома, а ты и не знаешь куда, и спрашивать нет смысла. Единственное, что ты можешь, — это надеяться, что они ушли не для того, чтобы изнасиловать девушку, избить старика или испортить, изломать чье-то имущество. Но уверенности у тебя нет. Оба друга уже получили по условному приговору: один — за угон машины, другой — за попытку изнасилования. Ты знаешь, что преступность среди молодых в шесть раз выше, чем среди взрослого населения, на прошлой неделе ты прочитала об этом в газете. И вот ты нервничаешь целый день, пока твой Джек не вернется. Твой сын получил аттестат зрелости, но у него нет никаких культурных интересов. Он не выносит классической музыки, никогда не читает серьезных книг, а его речь мало чем отличается от речи шестилетнего ребенка. Кроме того, он совершенно не умеет себя вести.

Твоя доченька, назовем ее Джилл, ничуть не лучше. Так же неряшива, как и Джек, точно так же не умеет выражать свои мысли, а все свободное время проводит за слушанием пластинок. Ее комната больше всего напоминает помойку, заваленную дисками, бульварными газетками и драной одеждой. На двери висит огромная фотография гитариста, который удивительно похож на обезьяну и носит обтянутые штаны. В ней нет ни капли женственности, и ты не понимаешь, что в ней находят молодые люди. Ты льстишь себя надеждой, что, во всяком случае, не то, чего ты опасаешься, но однажды,

когда ты приводила в порядок ее грязное белье, тебе попалась упаковка таблеток. Твоя дочь — „студентка”, тем не менее читает крайне редко. О таких говорят, что они испытывают трудности в чтении, по крайней мере это так называется на языке педагогики. Твоя дочь редко бывает откровенна с тобой, я бы даже сказал, что вообще редко с тобой разговаривает. На все твои вопросы у нее один ответ: „Ты этого не поймешь, мама”. Однако со своими дружками, когда они вваливаются в ее комнату, она тараторит часами. Присев на минутку, чтобы перевести дух после уборки ее комнаты, ты задумываешься над тем, в чем же зло, когда и в чем вы с отцом ошиблись? Почему ни Джек, ни Джилл не приносят в дом той радости, какую приносили, когда были детьми? И как это случилось, что дедушка, который был так беден, что был вынужден бросить школу в двенадцать лет, сейчас посиживает в собственном домике и с удовольствием читает „Анну Каренину” и другие русские романы, а его внуки, которые окончили полную среднюю школу, с трудом читают вечерние газеты и иногда — тексты каких-то песенок. Неужели теперь наша молодежь хуже, чем когда бы то ни было?

Родители всегда недовольны своими детьми, наверное с тех самых времен, когда Адам рассказал Еве, как нехорошо обошелся Каин с Авелем. Платон упрекал афинскую молодежь в высокомерии, в самоуверенности. Королева Виктория убивалась над нравами и моралью молодежи в Англии прошлого столетия. И все-таки мне кажется, когда я оглядываюсь на те сорок лет, что я учительствую, — современная молодежь во всех отношениях хуже, чем молодые люди, скажем, тридцатых годов. Возможно, это самая дурная молодежь во всей истории. Во времена страшного кризиса молодежь держали в строгости, и она не противилась этому. Учитель был суров, но добр. Тогда еще не было принято сидеть на шее налогоплательщика и ждать, когда тебе подвернется такая работа, которая полностью соответствует твоим способностям. Сейчас вместе с аттестатом зрелости школа вручает выпускникам документы на пособие по безработице. Раньше ничего подобного не было. Тогда были тяжелые времена: надо было или работать, или умирать с голodom. Надо было брать то, что давали, включая физическую работу, и человек был рад этому, так как ценил независимость. Когда я кончил с отличием высшую школу, то смог устроиться на конвейер в обувную фабрику, где за фунт в неделю прибивал каблуки. И я находился в своем кругу. Я не ждал ни снисхождения, ни помощи. Ее я никогда и не имел. Мы были счастливы тем,

что есть хоть какая-то работа. В тридцатые годы школа была совсем иная. Никого не уговаривали, что надо переходить из класса в класс. Не было людей, которые не умели читать, зато было много экзаменов. Одна мысль, что у кого-то в средней школе трудности с чтением, показалась бы безумной, а сейчас в средней школе существуют вспомогательные классы по обучению чтению и даже — хотите верьте, хотите нет — в некоторых университетах.

Многие студенты посещали вечерние школы, платя за обучение из своих очень скромных заработка и просиживая ночи, лишь бы подняться выше. Помню, что просто входить в здание школы было удовольствием. Когда учитель входил, ученики вставали, и сразу чувствовалось, что они ему рады. Сейчас не только не встают, но и продолжают заниматься своими делами — читать, переговариваться, — когда учитель уже начал урок. И, несмотря ни на что, это не только их вина. Просто их так воспитали. Задания, которые подавали мне ученики в прежнее время, были написаны чисто и старательно. Сейчас, если работа написана не на мятом обрывке бумаги, — случай выдающийся. Если сделаешь замечание по поводу внешнего вида работы, тебе ответят, что это неважно, так же как орфография, знаки препинания, связность изложения. По их мнению, единственное, на что следует обращать внимание, — это идеи. Но когда наконец разберешься в той полуграмотной работе, которую тебе подали, то оказывается, что идей-то в ней никаких нет. Находишь мешанину избитых истин, плагиата и полного невежества. Читая все это, слышишь слова доктора Джонсона: «То, что написано без усилия, читается без удовольствия».

Бродерик обращает внимание на то, что многие учителя угнетены атмосферой, не только царящей в государственных школах, но и постепенно охватывающей частные школы. Современная молодежь такова, каковыми могли быть мы сами, если бы тридцатые и пятидесятые годы были годами преуспеяния и если бы наши родители сняли с себя ответственность за нас и наше воспитание.

Криминолог доктор Дэвид Байлс в книге «Преступление и закон в Австралии» приводит любопытные прогнозы, касающиеся преступного мира страны. Картина весьма безрадостная. Австралия, которая уже познала горький вкус политического террора, в будущем, несомненно, не избежит акций подобного рода. В свете печального

опыта других стран австралийцы должны быть готовы к тому, что в их стране начнутся политические террористы, чтобы получить выкуп, различные формы ~~существующие~~ угоны самолетов и политические убийства. Дэвид Байлс предсказывает также рост числа «преступников в белых воротничках», то есть ловких мошенников, мастеров вымогательства и злоупотреблений, что потребует более высокой квалификации полицейских. Он считает, что полиция должна наладить сотрудничество с полицией других стран, поскольку явно просматривается тенденция образования могущественных преступных организаций международного масштаба. Автор книги даже опасается того, что при том положении в медицине, при котором все большее распространение получает пересадка органов, могут возникнуть группы, которые будут заниматься убийством илиувечьем людей с целью добывания необходимых органов для операций подобного рода. Поскольку австралийское общество постепенно «стареет», со временем может снизиться количество «молодежных» преступлений, таких, как угон велосипедов и мотоциклов, примитивные кражи со взломом и т.п.

«Нравится нам или нет, — сказал Зелман Коэн, — а больше, конечно, не нравится, но мы живем в период неуверенности, насилия и отчаяния. Есть люди, которые подвергают сомнению современное понимание закона и правления». Казалось, что он произнес эти слова в недобрый час. В ту памятную ночь в Сиднее произошло событие, о котором один политик сказал: «Мы много лет были счастливы, так как не сталкивались с актами насилия. Но теперь это случилось, и нам пора по-новому взглянуть на проблему безопасности».

Семидесятые годы были для Австралии временем великих перемен. Когда я попал в страну впервые, никогда бы не поверил, что здесь возможен террор в крупных масштабах. Однако австралийцы это пережили, и виной тому — деятельность фанатической секты «Тропа блаженства», корни которой уходят в Индию. Члены этой секты действуют во многих странах, и это они бросили бомбу в индийское посольство в Канберре. Это они выкрали индийского военного атташе и ранили его ножом.

Слова «никогда» и «всегда» следует употреблять с большой осторожностью. Однако события одной ночи позволяют высказать предположение, что после них Австралия уже никогда не будет такой, как раньше.

В Сиднее, в отеле «Хилтон», проходила Конференция

глав государств — членов Содружества азиатско-тихоокеанского региона с участием Индии и Пакистана.

В то воскресенье все началось с мусорного бачка. Он стоял у отеля «Хилтон», и в него, естественно, бросали всякий мусор. Очевидно, ближе к вечеру в бачок была брошена взрывчатка, которая не только лишила жизни трех человек, но и столкнула Австралию в пропасть мирового терроризма.

Службу безопасности, охранявшую отель, конечно же, не интересовал мусорный бачок. Двадцать четыре часа назад он, как и другие бачки на этой улице, был опорожнен работниками городской службы.

Государственные деятели вернулись около десяти часов вечера из поездки по городу, проследовали мимо бачка и поднялись на лифте в свои апартаменты, занимавшие восемь верхних этажей отеля. В половине двенадцатого ночи две машины-мусорщика вышли с базы на обычный объезд города. Без четверти двенадцать они были в центре города, в четверть первого одна из них подъехала к отелю. В половине первого какой-то человек позвонил в сиднейскую полицию и потребовал соединить его со спецотделом. Ему ответили, что там в это время никого нет, тогда он попросил соединить его с офицером самого старшего ранга. Говорил он со странным акцентом: «Рядом с отелем „Хилтон“ в мусорном бачке бомба». Полицейский попытался задержать его у аппарата, но незнакомец повесил трубку. Тогда он немедленно сообщил о звонке в центральный комиссариат полиции, находившийся неподалеку от отеля. В это самое время четверо работников городской службы начали очистку бачков отеля. Их видели четверо полицейских, которые несли службу у отеля, — три констебля и один сержант. Кран поднял бачок, швырнул его внутрь и опустил пресс, который сплющивает отбросы в небольшие брикеты, удобные для перевозки. Под давлением пресса бомба взорвалась — двух мусорщиков убило на месте, третьего ранило, водитель остался в живых. Полицейских отбросило взрывной волной и ранило. Один из них умер в госпитале. Ранены были также трое служащих отеля и водитель проезжавшего мимо такси.

Тем временем в отеле пресс-секретарь премьер-министра и офицер информационной службы министерства иностранных дел сообщают журналистам о последних событиях на конференции. Из окна они видят разбитое стекло, трупы, раненых, полицейские машины, пожарных. Пресс-

секретарь спешит в апартаменты премьера и застает его в пижаме, в дверях сталкивается с министром иностранных дел. Обоих разбудил звук взрыва. Они собираются выйти на улицу, но офицер службы безопасности удерживает их, советуя оставаться в апартаментах, опасаясь, что может быть еще бомба.

Прибывают машины «скорой помощи», раненым оказывается первая помощь. Затем весь отель полностью изолируется от внешнего мира. В четыре часа утра премьер-министра будит звонок из Нью-Дели — его спрашивают о премьеере Индии. Несколько раньше все австралийские посольства получили по радио сведения о руководителях, пребывающих в Сиднее. Из Сиднея конференция переносится в близлежащий курортный город.

Я попытался рассказать вам о стране, находящейся внизу глобуса, но тема так же далеко не исчерпана, как далеко от нас страна, о которой мы говорили. Я старался рассказать о самых давних событиях с точки зрения современника, показать сегодняшний день Австралии, связывая его с давно прошедшим днем. Мне казалось, что так легче понять самобытность этой страны, которая состоит не только в том, что день начинается здесь тогда, когда в Европе он заканчивается, не только в том, что Новый год в Австралии празднуют под открытым небом, на котором сияет Южный Крест... но и во многом другом, о чем мне захотелось рассказать.

Австралия — страна чудес. Одно время считали, что это самый древний, возможно первый континент на планете. Самый низкий континент: всего шесть процентов его площади возвышаются более чем на шестьсот метров над уровнем моря. Самый сухой, так как половину континента составляют пустыни. Самый малонаселенный, так как три четверти площади огромного материка практически не заселены. Самый маленький из населенных материков. И наконец, это единственный материк, полностью занятый одним государством.

Послесловие

Интерес к Австралии в нашей стране претерпевал резкие изменения. В Петербурге узнали о плаваниях и открытиях Джеймса Кука в Тихом океане почти одновременно с Лондоном, и это вызвало значительное число публикаций в 70—90-х годах XVIII в.¹. В первой половине XIX в. интерес к пятому матерiku сохранился. Российские суда, совершившие плавания в «Русскую Америку», часто заходили в австралийские порты. Участники этих плаваний оставляли интересные описания раннего периода британской колонизации материка. Однако после продажи в 1867 г. царским правительством российских владений в Северной Америке интерес к Австралии угас. Но в 90-х годах XIX в. в России опять начали появляться книги, исследовавшие различные аспекты австралийской жизни. Причина этого явления — особенности экономического и социально-политического развития британских колоний в Австралии в заключительное десятилетие XIX в.

Это были переводные работы, позже и оригинальные. Русская «Австралиана» в начале XX в. насчитывала уже не один десяток книг².

Их авторы были в основном представители либерально настроенной русской интеллигенции. И, естественно, они не только знакомили русскую читательскую публику с историческим ходом развития британских колоний в Австралии, но и делали акцент на тех сторонах общественной жизни пятого континента, которые представляли интерес для России. Нельзя забывать, что это был период, непосредственно предшествовавший революциям 1905 и 1917 гг. «Как ни далека от нас Австралия, — писал известный русский специалист в области сельского хозяйства профессор А.Ф. Фортунатов, — как ни чужды для нас многие стороны тамошнего быта, но едва ли можно отрицать, что и русский человек, заинтересованный хозяйственным благосостоянием России, найдет для себя много поучительного в том, что делается у антиподов»³.

После Великой Октябрьской революции и до второй половины текущего столетия у нас в стране опять не проявлялось сколько-нибудь заметного интереса к «Таинственной Южной Земле». И это вполне объяснимо: Австралия не стремилась играть самостоятельную роль в международных делах, оставаясь до начала второй мировой войны далекой провинцией Британской империи, а затем старательно разыгрывая роль «копьеносца» нового «хозяина» — Соединенных Штатов.

В 60—80-е годы шел неуклонный процесс политической эманципации Австралии, а с ним и усиление ее роли в мировом сообществе, особенно в азиатско-тихоокеанском регионе. Значительные изменения произошли в экономическом положении страны, ставшей в этот период богатейшей кладовой западного мира.

Все это привело к вспышке интереса в нашей стране к далекому государству-материку. Возникла целая библиотека книг по австралийской тематике — как оригинальных, так и переводных.

Но в этом потоке книг новая работа известного польского журналиста и писателя Л. Воляновского не затеряется. Я уверен, что читатель, только что мысленно проделавший вместе с автором увлекательное путешествие по широким австралийским просторам, с этим согласится.

Л. Воляновский нашел свой ракурс в описании Австралии. «Мой репортаж, — пишет он, — не предназначен для экономистов или политиков. Поскольку жанр репортажа касается в основном сферы воображения, автор всегда должен видеть перед глазами читателя ...А чтобы читатель не зевал от скуки, надо рассказывать так, чтобы его увлек сюжет...»

Ведя читателя за собой из конца в конец пятого континента, автор не закармливает его фактами и цифрами, хотя и их он не обходит стороной, а знакомит «со множеством историй об Австралии, о том, какая она была, какова сейчас и, возможно, какая будет».

Л. Воляновский делает многочисленные экскурсы в австралийскую историю, всякий раз возвращая читателя к актуальнейшим проблемам современной жизни австралийского общества.

Поскольку сам автор подчеркивает, что его книга не политический или экономический трактат, «не реферат на тему „избранные проблемы истории Австралии“ и не статистический справочник, мне представляется уместным несколько систематизировать и уточнить наиболее существенные из описываемых им проблем современной жизни страны.

Автора увлекает наблюдение за тем, как на глазах «формируется австралийская нация или, может быть, вернее, „австралийская семья“ — удивительный сплав различных цивилизаций и традиций, который возникает в настоящее время под Южным Крестом. Я представляю себе, — пишет далее Л. Воляновский, — как на наших глазах происходит удивительный процесс рождения австралийского государства, австралийского народа. Страна, которая должна была стать далеко выдвинутым форпостом британской цивилизации, с самого начала несла в себе как бы встроенный в ее систему институт дискриминации, более того, обыкновенный, „чистый“ расизм».

Это рассуждение автора требует пояснений. Л. Воляновский связывает процесс «рождения австралийского государства, австралийского народа» с появлением в Австралии в последний период значительной прослойки неанглосаксонского населения. Но австралийская государственность и нация сформировались намного раньше, когда англосаксы устойчиво составляли подавляющее большинство населения страны. Однако одним из парадоксов политической жизни Австралии является отсутствие прочно сцепленных федеральных связей, прочно усвоенного понятия национального единства. Федеральное устройство страны существует уже девяносто лет. До середины нынешнего столетия страна имела однородное англосаксонское население. Да и сейчас англосаксы составляют три четверти жителей страны. Казалось бы, все это должно было создать незыблевые узы внутри Австралийского Союза.

Но этого не случилось. Австралиец чувствует себя больше гражданином штата, чем Австралийского Союза. Это объясняется всем ходом формирования австралийской государственности. Заселение Австралии европейцами, растянувшееся более чем на полвека, шло медленно и сложно.

Возникавшие колонии были отделены друг от друга гигантскими расстояниями и, по сути дела, предоставлены самим себе. Сообщение между ними осуществлялось нерегулярно и только морем.

Ко второй половине XIX в. британские колонии в Австралии достаточно окрепли, в них быстро развивался капитализм. Правда, ему мешали колониальные границы, таможенные барьеры. Все острее вставали общевосточные проблемы, решить которые можно было лишь объединенными усилиями всех колоний. Уже во второй половине 40-х годов были предприняты первые попытки вынести на обсуждение вопрос о создании федерации. Но тогда эти попытки наталкивались на полное непонимание и правительства, и подавляющего большинства населения колоний. Стремление отгородиться, сохранить полную самостоятельность действий нашло, например, проявление при определении ширины колеи железных дорог. Если Новый Южный Уэльс принял стандартный размер, то Виктория — пять футов три дюйма, а Квинсленд, Южная Австралия и Западная Австралия — три фута шесть дюймов. Парламенты колоний устанавливали таможенные пошлины на товары, ввозимые из других колоний. Две наиболее сильные колонии — Новый Южный Уэльс и Виктория — стояли в своей торговой политике на противоположных позициях: первый — за фитрредерство, вторая — за протекционизм.

Но жизнь заставляла колонии постепенно отказываться от неограниченной самостоятельности.

Общие экономические интересы, необходимость обороны континента и ограничения иммиграции из азиатских стран заставили правительство колоний приступить к практическому обсуждению условий объединения. Этот процесс, продолжавшийся последнее двадцатилетие XIX в., проходил весьма сложно. Достаточно сказать, что на последнем референдуме на вопрос, следует создавать федерацию или нет, положительно ответили лишь 40% внесенных в списки жителей Нового Южного Уэльса, Виктории, Южной Австралии, Тасмании и Квинсленда, отрицательно — 16%. В Западной Австралии референдум был проведен позднее из-за того, что правительство колонии обусловило свое участие в федерации требованием постройки железной дороги от Калгурли до Порт-Огаста в Южной Австралии. Референдум, состоявшийся в Западной Австралии 31 июля 1900 г., дал следующие результаты: «за» — 46%, «против» — около 20% внесенных в списки жителей колонии. Проект конституционного Акта о создании Австралийского Союза был утвержден британским парламентом и подписан королевой Викторией. Онступил в силу 1 января 1901 г.

Появилась юридическая основа консолидации страны. Акт устанавливал единую систему денежного обращения, налогообложения, таможенного регулирования, средств связи, свободной торговли между штатами, внешней торговли, обороны. Специальная статья декларировала, что житель одного штата не может быть подвергнут каким-либо ограничениям или дискриминации в другом штате.

Однако слияния душ и сердец не произошло. Второй премьер-министр Австралийского Союза, А. Дикин, писал: «Мы продолжаем быть скоплением штатов, а не объединением. Наши штаты до сих пор смотрят друг на друга недоброжелательно и подозрительно, более того, они завистливы и настроены злобно антагонистично в отношении федерального правительства

ства и парламента... Мы поставили перед правительством и обеими палатами реальную задачу создания нации, передав решение своих проблем парламенту, не постаравшись сгладить взаимные антипатии»⁴.

Больным был и остается до сих пор вопрос о распределении доходов от налогообложения. В проекте конституции было намечено сделать федерацию и штаты финансово независимыми: предполагалось, что каждое правительство будет устанавливать, собирать налоги и использовать полученные деньги самостоятельно. Но это не было зафиксировано в принятом тексте конституции. Более того, в течение всего времени существования федерации центральное правительство усиливало свою позицию в этой сфере.

Финансовая зависимость от центрального правительства, естественно, стесняет и политическую самостоятельность штатов. Но это ни в коей мере не означает существенного изменения положения штатов в федерации. Их роль в 60—80-е годы особенно усилилась. Это объясняется целым рядом причин, например тем, что не так остро, как раньше, ощущается внешняя угроза (подавляющему большинству населения она представляется сейчас нереальной) и возможность внутренних потрясений (а это именно те области, которые относятся к исключительной компетенции федеральной власти), тем, что усилилась экономическая мощь штатов в результате «минерального бума», активизировался процесс индустриализации, прежде всего в Квинсленде и Западной Австралии. Положение этих штатов, ранее и наиболее бедных, и малонаселенных, в последние десятилетия изменилось кардинальным образом.

Несмотря на ущемление федерацией прав штатов, последние продолжают играть огромную роль в финансовой системе страны. Большая часть правительственные служащих работает в штатах. Их позиция в отношении федерации вполне ясна: они на страже интересов штатов. Премьеры штатов ведут себя по отношению к центральному правительству зачастую не только независимо, но даже вызывающе.

Но, пожалуй, самое главное — позиция населения, а его, как уже отмечалось, прежде всего заботят местные дела. Учитывая это и стремясь расширить и укрепить свою популярность, политические лидеры штатов, отстаивая местные интересы, идут даже против федерального правительства, состоящего из представителей одной с ним партии. Что же говорить, если они принадлежат к другим партиям?

Действующая в стране конституция содержит положения, которые касаются важных, можно сказать, первостепенных вопросов, сформулированные весьма неопределенно и дающие простор для широкого толкования. При этом создатели документа исходили из британской практики, базирующейся не на писаной конституции, которой в Великобритании не существует вообще, а на неписанных правилах-обычаях.

В конституции нет упоминания, например, о кабинете министров, а тем более определения его функций. А ведь так же как в Великобритании, именно этот орган является высшей исполнительной властью в стране. В то же время в главе 2, где речь идет об исполнительной власти, на первый план выступает фигура генерал-губернатора — представителя британской короны, а следовательно, главы исполнительного органа.

Нетрудно заметить, что архаичные статьи конституции не имеют ничего общего с практикой. Так же как в Великобритании, в Австралии страной

управляет кабинет министров, составленный из представителей партии или коалиции партий, получивших на всеобщих выборах большинство в нижней палате парламента. В штатах положение аналогичное. Власть британской королевы, являющейся также и королевой Австралии, номинальна.

Таким образом, вся политическая жизнь в Австралии основывается не на писаной конституции, а на обычаях. На текст конституции Австралии мало кто обращал внимание, даже люди, занимающиеся политикой. Зачем вспоминать конституцию, цитировать ее статьи, если это своего рода мертвый документ? Так казалось всем до 1975 г., когда произошло беспрецедентное не только в истории Австралии, но и в истории Содружества событие — «мертвые» сбросили живых с политической арены страны. Вот тогда-то широкие слои населения стали обсуждать вопросы австралийского государственного права. Ожесточенная дискуссия велась не только в среде интеллектуалов, но и на улице.

Л. Воляновский касается этого события: отстранения от власти премьер-министра Г. Уитлема генерал-губернатором Д. Керром. Хотя оно и произошло пятнадцать лет назад, его и сейчас в Австралии хорошо помнят.

После события 1975 г. австралийцы с большим любопытством стали смотреть на имеющиеся в федеральной столице и столицах штатов импозантные здания в колониальном стиле, окруженные красивыми парками, с флагштоками, на которых развевается не австралийский, а британский флаг. Это места пребывания генерал-губернатора и губернаторов штатов — правительственные дома. Дома обычно имеют нежилой вид, трудно даже представить, что это не музеи, а здания, где находятся конституционные главы исполнительной власти. Соответственно их действительному положению в обществе австралийцы относились к представителям британской короны как к людям, символизировавшим власть, но не обладавшим ею. И тем не менее к этим материализованным символам королевской власти австралийцы относятся с очевидным почтением, что тоже представляет собой один из парадоксов страны. Австралия никогда не имела собственной аристократии. Ее основали люди труда, которые, как писал Г. Лоусон, «здесь воздвигали дом, копали, корчевали; без лордов все своим трудом упорно создавали». Австралийцам, сохраняющим и поныне пионерский дух предков, открытых и общительных по натуре, казалось бы, должен претить британский аристократизм с его сознанием собственной исключительности, кастовой замкнутости. И это на самом деле так и есть. Поэтому-то австралийские государственные и общественные деятели не спешат получить королевский рескрипт о введении в дворянство и прибавить к своему имени короткое, но емкое слово "эр". Один из наиболее крупных политических деятелей страны, Р. Мензис, согласился на это лишь после ухода в отставку. Но респект в отношении британской короны — реальный жизненный факт. И изменить то, что Б. Грант, известный австралийский политолог, журналист и писатель, называл «конституционным колониализмом», будет очень трудно. Этот парадокс объясняется историческими условиями развития Австралии, формированием ее населения.

Колонизовав страну, Великобритания вплоть до второй мировой войны, т.е. на протяжении полутора веков, была неизменно ее финансовым домином, поставщиком населения, политических, экономических и духовных идей, щитом, ее защищающим, и мечом, разящим ее врагов. Политиче-

ская переориентация страны, изменение ее демографического состава, происшедшие во второй половине XX в., не уничтожили в австралийском обществе особого чувства к Великобритании как матери-родине, хотя значительно притушили его.

И сейчас Австралия преимущественно англосаксонская страна с сильным влиянием англиканской церкви, британских культурных традиций. Торгово-экономические отношения с Великобританией, несмотря на снижение их уровня, имеют большое значение для страны, британский капитал занимает серьезнейшее положение в ее экономике.

События 1975 г., безусловно, катализировали процесс правовой эманципации Австралии.

С времени правления правительства Г. Уитлема в Австралии существуют два государственных гимна, две системы наград. Теперь британский гимн «Боже, храни королеву» исполняется лишь в присутствии королевы или ее представителей, при всех других обстоятельствах звучит «Вперед, прекрасная Австралия». Накануне Нового года происходит введение в британское дворянство и вручение орденов Британской империи, а через несколько недель, 26 января, в День Австралии, — ордена Австралии различных степеней.

2 марта 1986 г., во время своего двенадцатидневного визита в Австралию, королева Елизавета II подписала так называемый Австралийский акт. Этот закон, принятый австралийским правительством вскоре после одобрения аналогичной меры парламентом Великобритании, уничтожает остатки юридической и законодательной власти Англии над ее бывшей колонией. Отныне не меняется юрисдикция Тайного совета Великобритании как высшей апелляционной судебной инстанции для Австралии, окончательные решения будет принимать Высший суд Австралии. Ликвидируется верховная власть британского парламента и правительства над законодательными органами и правительствами австралийских штатов, в том числе существовавшие до сих пор ограничения законодательной власти штатов по пересмотру законов, навязанных им некогда метрополией. Тем не менее королева Великобритании по-прежнему остается главой государства Австралии, и в стране ее будет, как и прежде, представлять генерал-губернатор.

Процесс наметился и идет. Но, как и все общественные процессы в стране, не торопясь.

В книге Л. Воляновского много места занимает рассказ о положении различных групп иммигрантов в Австралии, из которого ясно видно, что «уникальный процесс рождения австралийского народа», как он выразился, идет отнюдь не легко и не гладко.

Поскольку проблема межнациональных отношений в Австралии приобрела особую значимость, необходимо сделать некоторые добавления к сказанному автором.

Одной из главных причин, толкнувших колонии к объединению в федерацию, была необходимость выработки общееавстралийского законодательства об иммиграции.

Экономическое развитие колоний к началу второй половины XIX в. требовало быстрого увеличения числа рабочих рук, а Великобритания не могла этого обеспечить. Открытие золотоносных месторождений сначала в Новом Южном Уэльсе и Виктории, а затем в Квинсленде и Западной

Австралии вызвало мощный приток иммигрантов из Азии (главным образом из Китая). Дешевые рабочие руки требовались и на строительстве железных дорог, развернувшемся в последней трети XIX в., и на созданных в Квинсленде плантациях сахарного тростника. В Австралии постепенно образовалась заметная прослойка китайских рабочих, к которым в дальнейшем добавились японцы, малайцы и коренные жители тихоокеанских островов.

Австралийские предприниматели, делавшие бизнес в золотодобывающей промышленности, скоро разочаровались в возможностях использования китайской рабочей силы. Большинство прибывших на континент китайцев направлялись на рудники не как свободные искатели приключений и ловцы удачи, а как служащие соответствующих китайских компаний. Добывавшееся ими золото утекало из Австралии в Китай. Так, в период между июлем 1856 и июнем 1857 г. в Кантон было вывезено 116,9 тыс.унций золота на сумму свыше 500 тыс.ф.ст. Вместе с тем некоторые группы австралийской буржуазии, занимавшиеся железнодорожным строительством, добычей угля, пароходными сообщениями и т.д., были весьма заинтересованы в использовании китайцев на своих предприятиях. Например, в 1878 г. «Острэйлиен Стим Навигейшн Компани» начала укомплектовывать судовые команды китайскими матросами. При этом им платили 2 ф. 15 шилл., в то время как заработка плата белых матросов составляла 8 ф.ст. Значительное число азиатских рабочих использовалось в Северной территории, где климатические условия были особенно тяжелыми. Понятно поэтому, что отношение к рабочей силе из азиатских стран в различных австралийских колониях было далеко не одинаковым и даже в одной и той же колонии претерпевало значительные изменения по мере ее экономического развития.

Когда Виктория начала вводить строгие ограничительные меры в отношении китайских иммигрантов, последние продолжали появляться в ее золотоносных районах, проникнув туда через Южную Австралию, где таких ограничений еще не существовало. В течение одного только 1857 года таким путем в Викторию прибыло около 15 тыс. человек. Когда же после 1857 г. Южная Австралия ввела в действие ограничительные законы, подобные тем, которые действовали в Виктории, китайские иммигранты начали оседать в Новом Южном Уэльсе, где к началу 60-х годов их насчитывалось уже 21 тыс. человек, т.е. на каждые 16 жителей колонии приходился один китаец. В сентябре 1861 г. в Новом Южном Уэльсе также были введены сильные ограничения в отношении китайских иммигрантов — в 1863 г., например, в колонию иммигрировало лишь 63 китаца. Но начавшаяся в Квинсленде и Западной Австралии «золотая лихорадка» привлекла поток китайских иммигрантов в эти колонии.

В второй половине 70-х годов в Квинсленде китайские иммигранты составляли 10% белого населения колонии. В 1877 г. строгие ограничения в отношении китайских иммигрантов были введены и в Квинсленде. Это привело к тому, что в течение последующих десяти лет в колонию прибыло из Китая лишь 500 человек.

В конце 1880 г. по инициативе правительства Нового Южного Уэльса была создана общеавстралийская конференция по вопросу об отношении к иммигрантам из Азии. Все колонии, кроме Западной Австралии, высказались за необходимость общих жестких ограничительных мер.

Но китайские иммигранты продолжали прибывать на континент через Западную Австралию и Северную территорию. Наконец в начале второй половины 80-х годов там были введены ограничительные законы. Общая численность китайских иммигрантов в Австралии сократилась с 50 тыс. в 1888 г. до 32 тыс. в 1901 г.

Следует подчеркнуть, что все политические группировки в австралийских колониях поддерживали движение за «белую Австралию». Профсоюзы и лейбористские партии рассматривали это движение в качестве одной из главных своих политических акций.

Однако постепенно достигнутое относительное единство австралийских колоний в вопросе об иммигрантах из Азии обострило их отношения с Великобританией. Англия в этот период заключила в своих собственных интересах договоры о дружбе и торговле с Китаем и Японией, в силу которых формально не допускалась какая-либо дискриминация в отношении подданных этих стран на территориях, входящих в состав Британской империи. Грубо прямолинейные действия властей австралийских колоний мешали игре британского правительства и поэтому вызывали его недовольство.

Британское правительство сначала отказалось санкционировать вводимые в австралийских колониях законы, ограничивавшие въезд иммигрантов из Азии. Лишь в 1880 г. оно согласилось отнести иммиграционные вопросы к компетенции правительств австралийских колоний.

Но когда в мае 1887 г. китайское правительство послало своих уполномоченных в Австралию для ознакомления с положением там китайских иммигрантов и после этого через своего посла в Лондоне направило британскому правительству ноту протesta, в которой отмечалось, что введенные в Австралии иммиграционные ограничения противоречат нормам международного права и нарушают англо-китайский договор, британский министр колоний лорд Натсфорд обратил внимание правительств австралийских колоний на необходимость действовать по крайней мере более тактично. Он предложил ввести ограничения иммиграции из всех иностранных государств (в ограничениях должен быть пункт о возможности их временной приостановки или прекращения).

Правительства колоний отказались выполнить эти рекомендации, заявив, что никаких ограничений в отношении европейских иммигрантов они вводить не будут, а, напротив, намерены всячески поощрять их приезд на континент.

В июне 1888 г. состоялась вторая общеавстралийская конференция, посвященная вопросу о китайских иммигрантах. Конференция подтвердила единство точек зрения правительств австралийских колоний относительно необходимости жесткой системы ограничений въезда китайцев в Австралию. Спустя восемь лет, в марте 1896 г., была проведена третья конференция по аналогичному вопросу, где главное внимание было обращено на усиление японской иммиграции в Австралию в связи с англо-японским торговым договором 1894 г. Дело в том, что договор предусматривал предоставление подданным обоих государств права пребывания, ведения торговых операций, приобретения земельных участков на территориях, подвластных этим государствам. Послав 31 декабря 1894 г. правительствам австралийских колоний копии договора, британский ми-

министр колоний лорд Рипон одновременно сообщал, что, если колонии пожелают, они могут прислать свои ноты о присоединении к договору до 25 августа 1896 г. И опять правительства колоний вопреки настойчивым рекомендациям британского правительства заняли непримиримо отрицательную позицию, отказавшись присоединиться к англо-японскому договору 1894 г. Более того, они приняли новые законы об ограничении иммиграции из стран Азии.

Создание федерации позволило быстро довести до логического конца движение за «белую Австралию». В 1901 г. премьер-министром федерального правительства Э. Бартоном был подготовлен законопроект об ограничении иммиграции.

Обосновывая необходимость ограничения иммиграции, премьер-министр Э. Бартон заявил на заседании палаты представителей 26 сентября 1901 г.: «Я не думаю, что доктрина равенства людей когда-либо действительно имела в виду и расовое равенство».

Борьба с «цветной» иммиграцией велась под флагом сохранения «чистоты крови». «Австралия — английская страна, населенная англичанами и англичанками, и мы не собираемся что-либо в этом менять», — писала в передовой статье сиднейская газета «Эйдж» в конце прошлого столетия. На протяжении долгих лет детей в школах учили, что Австралию открыл английский капитан Дж. Кук и жители ее почти сплошь англичане.

На самом деле, когда Кук привел свой корабль к австралийским берегам, континент был уже заселен людьми. Один школьник-aborиген прервал учительницу, рассказывающую классу о том, как Дж. Кук обнаружил Австралию, воскликнув: «Это неправда!» — «Почему же?» — возмутилась учительница. «Поэтому, что она никогда не терялась», — ответил мальчик.

Европейское население Австралии с самого начала не было однородным. На судах Первого флота, доставившего на континент первую тысячу поселенцев, среди каторжников, солдат охраны, матросов были кроме англичан представители еще одиннадцати национальностей, в том числе немцы, ирландцы, итальянцы, испанцы, поляки, а также выходцы из Шри-Ланки и негры из Вест-Индии.

Конечно, европейское население Австралии и во второй половине XX в. состояло в подавляющем большинстве из выходцев с Британских островов. Все данные, относящиеся к этому периоду австралийской истории, указывали, что население Австралии на 95% «британское». И формально это было действительно так, хотя бы потому, что до 1949 г. не существовало понятия «австралийский гражданин», а было лишь — «британский подданный», до 1959 г. австралийцы во время официальной переписи не имели права определять себя в качестве «австралийцев», в соответствующей графе они указывали: «британцы». Австралийский паспорт появился лишь в 1972 г.

Дискриминация осуществлялась и в отношении иммигрантов из континентальной Европы и даже части выходцев с Британских островов.

В инструкциях, полученных капитаном А. Филиппом в 1787 г. от правительства и касающихся его обязанностей в Австралии, было указано, что он должен охранять колонию от ирландцев — «папских бунтарей».

После восстаний в Ирландии, начавшихся в 1789 г., британские власти стали отправлять пленных и политических заключенных в Новый Южный Уэльс. Но прибытие ирландцев в колонию всегда вызывало крайнее неудовольствие местных властей, ставившихся всячески осложнить и без того тяжелую жизнь каторжников в «колонии бесчестья», как тогда называли в Англии Новый Южный Уэльс.

Немало претерпели и жители средиземноморских стран, иммигрировавшие в Австралию, особенно итальянцы. Первым итальянцем, ступившим на австралийскую землю 26 января 1788 г., был Дж. Тассо, который прибыл вместе с Первым флотом. В различных сферах общественной жизни Австралии — военной, политической, научной, судебной и др. — было немало выдающихся деятелей-итальянцев. Но это обстоятельство не мешало устойчивому недоброжелательству, более того, враждебности по отношению к итальянцам. Негативное отношение к итальянцам продолжалось до середины XX в.

Но в послевоенной Австралии открытая пропаганда расизма звучала все реже и реже. Ситуация для нее становилась неблагоприятной. Дело в том, что уже в ходе войны, когда впервые в своей истории Австралия подверглась непосредственному вражескому удару, хотя и слабому, но весьма многозначительному, который при определенных обстоятельствах мог быть роковым для страны, стала настойчиво проводиться мысль о необходимости срочно увеличить численность населения страны-континента.

В 1943 г. под руководством министра по делам послевоенной реконструкции Б. Чифли начал работать межведомственный комитет, исследовавший иммиграционные вопросы. Комитет высказался за энергичную иммиграционную политику. Усилия, указал он, должны направляться в первую очередь на привлечение «белых британских подданных», а если этого будет недостаточно — «белых союзников» (при этом в докладе комитета не указывалось ни конкретное число таких иммигрантов, ни страны, откуда они могли выехать). Одновременно комитет подчеркивал, что необходимо поднять рождаемость в стране.

Политики начали спорить о наиболее желательной численности населения страны. Назывались 25, 40, 50 миллионов человек. Демографы не могли сказать ничего утешительного о внутренних возможностях увеличения населения.

Война окончилась, а вопрос о путях заселения страны оставался нерешенным. В этот период стремление к увеличению численности населения было связано уже не столько с пережитым страхом военного времени, сколько с задачами развития экономики страны.

Австралийское правительство продолжало лелеять мысль об исключительно британской иммиграции. Но это оказалось невозможным. А. Коузелл, назначенный в июле 1945 г. министром по делам иммиграции, сразу же объявил о создании Иммиграционного совещательного комитета во главе с лейбористом Л. Хейленом. В состав комитета вошли представители деловых кругов и профсоюзов. 27 февраля 1946 г. комитет сообщил о результатах своей деятельности. Прежде всего члены комитета отправились в Лондон, где их ждало большое разочарование. Британское правительство было полно сочувствия, ибо понимало проблемы своего доминиона, но выражало опасения, что «если значительная часть ключевого персонала проявит

желание уехать в Австралию, то это неблагоприятно отразится на британской политике реконструкции.

Прохладность встречи с матерью-родиной заставила австралийских посланцев обратить свои взоры на континентальную Европу. Они провели изыскания, в различных западноевропейских странах (о чём публично не упоминалось) и указали в своем докладе о целесообразности расширения иммиграционного плана — создания иммиграционных отделений в Швейцарии, Голландии, Норвегии и Дании. За первые десять лет осуществления иммиграционного плана в Австралию из Швейцарии приехало менее 2 тыс. человек, да и те оказались в большинстве своем итальянского происхождения. Ни Норвегия, ни Дания тоже не помогли.

Комитет, видя неудачу своих поисков, рекомендовал А. Коузеллу провести «разъяснительную кампанию среди австралийцев», делая упор на то, что страна «нуждается в иммигрантах», что в «получении их заключено будущее Австралии», и одновременно приглушая вопрос о странах, их поставляющих. А. Коузелл внял этому совету и в начале 1946 г. одобрил выдачу разрешений на въезд 2 тыс. еврейских беженцев в качестве «знака милосердия». Но это вызвало столь бурную волну антисемитизма в стране, что А. Коузелл быстро отказался от своего решения. Кстати, установлено, что на каждом корабле, привозившем иммигрантов, евреи составляли не более 25%.

С середины 1947 г. иммиграционная схема была расширена за счет включения в нее бывших военнослужащих союзных армий. Эта схема толкнула столь широко и либерально, что в нее попали бывшие военнослужащие всех европейских стран, включая только что поверженную Германию. Германские иммигранты широким потоком хлынули в Австралию, доля немцев в общем населении страны поднялась до 10%. Указанная иммиграционная схема была распространена и на всех так называемых перемещенных лиц в Европе.

С 1947 по 1951 г. в Австралию прибыло свыше 460 тыс. иммигрантов, из них более 55% составляли выходцы из неанглоязычных стран. Теперь уже австралийские «патриоты» не могли с гордостью утверждать, что Австралия более британская страна, чем сама Британия.

Чтобы как-то оправдать столь неожиданный состав иммигрантов, в качестве главных критериев были предложены антикоммунистические взгляды приезжающих и по возможности голубые глаза и светлые волосы. Обращалось внимание также на их полезность. Так, мальтийцы, которых к 1951 г. приехало около 12 тыс., рекомендовались как «прекрасные домашние слуги».

С. Холт, жена австралийского премьер-министра Г. Холта, описывает в своих мемуарах характерный эпизод, который относится к концу 40-х годов, когда Г. Холт, будучи министром по делам иммиграции в консервативном правительстве Р. Мензиса, находился вместе с женой в Голландии и был принят королевой Юлианой.

«Когда визит приближался к концу, — пишет С. Холт, — королева очень любезно и мило предложила мне немного с ней посидеть и поговорить. Я была счастлива это сделать, потому что она была интересной и очаровательной женщиной. И она спросила: „Скажите, миссис Холт, вам приходилось встречать голландских иммигрантов, поселившихся в

Австралии?“ Я ответила: „Да, ваше величество, приходилось. Как раз перед нашим отъездом мы пригласили одного голландца покрасить наш дом“. Она заметила: „О, он, должно быть, выполнил эту работу замечательно. Я уверена, что вы были удовлетворены, потому что голландские мастера делают это очень хорошо“. И я сказала: „Да, он замечательно это сделал, и мы были вполне удовлетворены. Но я была поражена, узнав, что он в действительности был не маляр, а ученым“⁵.

Расширение иммиграционной схемы шло полным ходом. Соответствующие соглашения были подписаны с итальянским правительством (1951 г.), с правительствами Греции, ФРГ и Австрии (1952 г.), Испании (1958 г.), Турции (1967 г.) и Югославии (1970 г.). Иммигранты прибывали из Египта, Ливана, Аргентины, Чили и многих других стран.

Стремительно рос штат министерства по делам иммиграции. Если в 1946 г. в нем работали 74 человека, то в 1950 г. — уже 5725. Правда, в дальнейшем он был сокращен (в 1970 г. — 2 тыс. человек). Бюджет министерства возрос с 64 840 австрал. долл. в 1945 г. до 73 918 087 долл. в 1980 г.

Начал серьезно меняться национальный состав австралийского населения. Менялось и отношение к этому процессу, хотя десятки лет считалось, что это невозможно. В общем, к нему привыкали, но непременным условием была скорейшая ассимиляция «новоавстралийцев». Если уж их, грешных, допустили в «счастливую страну», они в знак благодарности должны были быстрее раствориться в местном «избранном обществе».

Неуклонно проводилась идея «белого британского форпоста». Британцы продолжали рассматриваться как «идеальные иммигранты». На привлечение их в страну тратилась большая часть выделяемых правительством средств. С 1946 по 1958 г. на эти цели было израсходовано 28,5 млн. ф.ст., тогда как на привлечение иммигрантов из 38 других стран — 9,5 млн. ф.ст.

На шкале «желательности» за «идеальными иммигрантами» шли немцы и скандинавы как представители «нордической расы».

В течение двух первых послевоенных десятилетий австралийское правительство израсходовало на рекламирование иммиграции в страну в расчете на каждого грека 10 центов, на каждого шведа — 180 австрал. долл., а на одного немца — в 20 раз больше, чем на одного итальянца.

С «цветной» иммиграцией было проще. Расистский закон, принятый в первый год существования федерации, продолжал неуклонно действовать до 70-х годов. Один «эксперт по расам», исследовавший в период между мировыми войнами статистику начиная с переписи 1891 г., с удовлетворением отмечал, что население Австралии было на 98% белое, на 1,3% — черное, на 0,45% — желтое и на 0,25% — коричневое. Среди белого населения он выделял три категории: «нордическое» (82%), «средиземноморское» (13%) и «альпийское» (5%). Однако изменения внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации Австралии в послевоенные годы, а именно перенос центра тяжести на страны азиатско-тихоокеанского региона, стремление Австралии играть роль «моста» между развитыми и развивающимися странами региона, заставили австралийское правительство в 60-х годах в известной степени ослабить проведение политики «белой Австралии». В 1966 г. было официально объявлено, что иммигранты из всех стран будут допускаться в Австралию при соблюдении следующих условий: «они должны быть приемлемы как поселенцы, готовы интегрировать-

ся, обладать специальностями, действительно полезными в Австралии», но при этом подчеркивалось, что «не будет допускаться слишком большое число рабочих из Азии».

Таким образом, юридически иммигранты из Азии допускались в Австралию, но на практике им ставились многочисленные препоны, благо приведенная выше «каучуковая» формулировка позволяла это.

Лишь с приходом к власти в 1972 г. лейбористского правительства политика «белой Австралии» была отброшена. Следует отметить, что иммиграционная политика на всем протяжении существования Австралийского Союза была двухпартийной, т.е. у лейбористов и консерваторов не было расхождений во взглядах на эту проблему. Длительное время Австралийская лейбористская партия твердо стояла на позициях «белой Австралии». Долго жил афоризм А. Коузла, заметившего в 1947 г. в парламенте: «Из двух китайцев не получится одного белого». Надо сказать, что понятие «китайцы» он толковал весьма широко, включая в него всех жителей азиатских стран.

Но меняются времена, меняются нравы. Премьер-министр лейбористского правительства и лидер Лейбористской партии Г. Уитлем в начале 70-х годов говорил уже иное: «Мы не хотим, чтобы иммигранты чувствовали, что они должны отказаться от своих обычаях и полностью принять порядок, существующий в австралийском обществе. Общество обогащается в результате привнесения в него духовных ценностей иммигрантов»⁶.

Это уже знаменовало переход государственной политики в области иммиграции от ассимиляции, позднее названной более благозвучно — интеграцией, к мультикультурализму. И хотя правительство Г. Уитлема вскоре пало, знамя мультикультурализма было подхвачено консервативным правительством М. Фрейзера. Альтернативы не было. Демографическая структура Австралии бесповоротно изменилась. Сейчас в составе населения страны имеются представители 140 различных этнических групп, говорящих на 90 различных языках (кроме 300 различных языков австралийскихaborигенов) и исповедующих 80 различных религий.

Самой большой этнической группой продолжают оставаться англичане — 45% всего населения, что делает Австралию третьей «английской» страной в мире после Великобритании и Новой Зеландии. Австралия по этому показателю стоит впереди Канады, ЮАР и США, где процент английского населения — соответственно 30, 30 и 24. На выходцев из Великобритании и Ирландии приходится в целом 76% населения страны. Южноевропейцы составляют 8%, немцы и скандинавы — 7,6, восточноевропейцы — 5,2, уроженцы азиатских стран — 2,8% всего австралийского населения.

Иммиграция продолжает пополнять австралийское население примерно в одних и тех же пропорциях. Например, в 1983 г. из приехавших в страну 78,4 тыс. иммигрантов европейцы составили 43% (в том числе англичане и ирландцы — 25%, немцы — 4,4, итальянцы и греки — 4,6, югославы — 1,9%), американцы — 6,1 (в том числе североамериканцы — 4,1%), африканцы — 5,5, новозеландцы и жители южноихоокеанских островов — 9,7, выходцы из азиатских стран — 35,7%.

Со временем, когда начала осуществляться послевоенная иммиграционная программа, и до 1984 г. население страны увеличилось с 7,6 млн. до 15,5 млн. человек. Около 60% этого роста дали иммигранты и их дети, родившиеся в Австралии. Новоавстралийцы занимают сейчас важное

290.

место в экономической жизни страны: почти 30% рабочей силы составляют люди, родившиеся вне Австралии. Увеличивается и их значение в политической жизни страны. Иммигранты в большинстве своем концентрируются в крупных городах, где, как говорится, «делается политика». Голландцы, греки, итальянцы, малайцы предпочитают селиться в Мельбурне. По численности греческого населения Мельбурн занимает третье место после Афин и Салоник. Финны, ливанцы, французы, китайцы, индонезийцы и филиппинцы предпочитают Сидней, а индийцы и малайцы — Перт. В Аделаиде и Перте осело немало югославских и итальянских иммигрантов. Их голоса звучат все громче в ходе избирательных кампаний. Политические партии, эти ловцы душ человеческих в своей борьбе за власть, отводят серьезное место этническим группам. Лозунг «мультикультурализм» партии начертали на своих знаменах и ввели в политические платформы.

Выступая в Австралийском совете по делам этнических общин, премьер-министр Р. Хоук сказал: «...мультикультура» — больше чем термин, характеризующий общество, состоящее из различных этнических групп. Это также определение политики, предусматривающей равные возможности, обозначение общества, поддерживающего такие институты, которые позволяют живущим в нем индивидумам сохранить свою религию, язык и обычай... Мы хотим построить нацию с равными возможностями для всех австралийцев, независимо отрасы, вероисповедания или культурных традиций»⁷. В высказываниях Р. Хоука, типичных для политических деятелей Запада, пышная риторика и эклектическое смешение понятий скрывают нежелание серьезно обсуждать важную государственную проблему, которая остается нерешенной.

Создание общества «свободы, равенства и братства» решается путем революционных изменений в политической и социально-экономической структуре общества.

На всех стадиях обсуждения проблемы «этнических групп» в стране речь идет преимущественно об устранении их очевидной дискриминации. Но решение даже этой задачи сопряжено со значительными трудностями.

Представим слово знатоку вопросов, связанных с «этническими группами», бывшему министру по делам иммиграции, первому уполномоченному по делам межобщинных отношений в Австралии Э. Грессби: «Расистские группы в Австралии имеют больший вес, чем это можно было бы предположить, зная их членов. Они способны, запутывая и обольщая, заставить работать на себя членов парламента, государственных служащих и людей из частного сектора по всей стране. В ряде случаев расистские группы скрываются под маской респектабельности, называя себя защитниками национальных ценностей, знамени королевы, государства или еще чего-нибудь... Но есть и такие, которые откровенно и прямо говорят, что их цель — сохранить Австралию для арийцев, или белых, или ангlosаксов... В настоящее время существует тридцать различных групп, объявляющих себя сторонниками расистских идеалов. Число таких групп остается более или менее стабильным, поскольку отмирающие старые и мелкие группы заменяются новыми»⁸.

Самой крупной и последовательно экстремистской является Австралийская лига прав. Впервые такая организация появилась в 1946 г. В том же году она возникла в Виктории, в 1949 г. — в Квинсленде, в 1951 г. — в Западной Австралии. В 1960 г. все они объединились на национальном уровне. Особенность Австралийской лиги прав заключается в том, что она старается

291

укрыться за ширмой контролируемых ею организаций, таких, как Англо-австралийская ассоциация, Христианский институт индивидуальной свободы, Институт экономической демократии, Общество австралийских духовных ценностей, Клуб консервативных ораторов, «Женщины, борющиеся против коммунизма», «Спасем нашу страну», «Спасем наши знамя», «Спасем нашу королеву» и др. В 50—60-е годы особенно процветала Англо-австралийская ассоциация, девиз которой — «Белая англосаксонская Австралия». Эта организация долгое время выступала против въезда в страну иммигрантов из Южной Европы, ожесточенно доказывая, что, если это не будет прекращено, Австралия к 1984 г. превратится в Южную Америку. Одно время ассоциация объединилась с Белоавстралийской прогрессивной партией, которая повела кампанию против всех иммигрантов из стран, расположенных южнее Босфора. Любопытно, что один из лидеров партии, Н. Мейна, сам родился «южнее Босфора».

В связи со значительным увеличением числа иммигрантов из Юго-Восточной Азии со второй половины 70-х годов австралийские расистские группы обратили острие своей деятельности против них, оставив временно в стороне «темные орды мафиози из Италии» и «психически неуравновешенных и зараженных болезнями» ливанцев и других жителей Ближнего и Среднего Востока. В шумной кампании были использованы все приемы и средства, накопленные за долгий период существования «белой Австралии». Сильное давление расистские группы оказывали на членов парламента от либерально-аграрной коалиции, требуя, чтобы они присоединились к движению за запрещение въезда в Австралию выходцев из Азии.

В стране распространялись сотни тысяч брошюр, редакции газет были завалены письмами расистского содержания. Особое внимание расистские организации уделяли работе среди студентов университетов.

Расистская атака была отбита. Но расисты не сложили оружия. В своей деятельности они опираются на неизменную и щедрую поддержку подобных организаций в других странах, в первую очередь в США и ЮАР. Благодатной почвой для них являются все еще сохраняющиеся расовые предрассудки некоторой части австралийского общества.

Современное австралийское общество, развивающееся с официальной точки зрения как мультикультурное, сталкивается еще с одной «тяжелой проблемой» — проблемой положения в немaborигенов.

Л. Воляновский посвящает немало страниц своей книги процессу «освоения» британцами пятого континента, сопровождавшегося безжалостным истреблением австралийскихaborигенов, их теперешнему положению. За время выхода книги в свет положениеaborигенов не изменилось. Они по-прежнему — самая отсталая часть австралийского общества. Но коренное население страны не сдает позиций, напротив, усиливает борьбу за свои права, особенно на землю. Временами дело доходит до острых столкновений. Решение проблемыaborигенов становится одной из серьезнейших политических задач современной Австралии.

Автор книги уделяет внимание различным аспектам социальных отношений в австралийском обществе. В добавление к сказанному им хочется подчеркнуть, что из знаменитой триады «свобода, равенство и братство», провозглашенной Великой Французской революцией, австралийцам ближе всего «равенство». Каторжное прошлое давно забыто, «братьство» получило сугубо австралийский эквивалент в понятии «мейтшип» — «товарищество», чем-то напоминающее воспетое Н. В. Гоголем товарищество в Запорожской Сечи.

А вот всякое нарушение равенства воспринимается болезненно. Это на первый взгляд выглядит неким парадоксом, ибо Австралия уже много

десятилетий прославляется на все лады в западном мире именно как страна «гармоничного развития», «классового мира», «рай для рабочих», «равноправного общества» и т.п.

Но безжалостная статистика свидетельствует о другом. У 5% наиболее состоятельной части населения страны столько же богатств, сколько у остальных 95%. Б. Грант, которого никак нельзя заподозрить в склонности к марксистскому анализу, считает, что Австралия с точки зрения распределения бедности и богатства является типично капиталистической страной с четким делением общества «на тех, кто владеет капиталом или его контролирует, и тех, кто его не имеет». «Сравнительное изучение распределения доходов в нескольких странах показывает, — пишет Б. Грант, — что в Австралии существует такая же степень неравенства, как и в Соединенных Штатах, Соединенном Королевстве и Швеции... Представление, что Австралия имеет прогрессивную налоговую систему, при которой лица, получающие больший доход, платят больший налог, в 80-е годы не соответствует действительности. Налоговая система теперь регressive, выгодна тем, кто получает больший доход, а уклонения от уплаты налогов стали национальным скандалом... Австралию когда-то называли рай для рабочих или равноправным обществом. Теперь она — рай для тех, кто наследует богатство, приобретает крупное имущество и имеет высокие доходы. Удивительно, что страна, которую когда-то рассматривали как социальную лабораторию равенства, сейчас больше заботится о богатых и привилегированных, чем старые цивилизации Европы или даже великая цитадель частного предпринимательства, находящаяся на противоположной стороне Тихого океана. Конечно, американцы с удивлением смотрят через океан на феномен общества антиподов, которое не ввело налога на доходы с капитала. Европейцев же удивляет, какой примитивной стала социальная лаборатория равенства»⁹.

Рассматривая вопросы неравенства в австралийском обществе, Л. Воляновский указывает на положение женщин, в отношении которых оно проявляется с совершенной очевидностью. В Австралии — этой полной неожиданностей стране — подобное обстоятельство выглядит еще одним парадоксом. Ведь Австралия — первая в мире страна, предоставившая женщинам равные политические права с мужчинами. С 1902 г. австралийские женщины пользуются как пассивным, так и активным избирательным правом на выборах в национальный парламент. В Великобритании женщины добились таких прав лишь 16 лет спустя. Избирательные права в законодательные органы отдельных штатов австралийские женщины получили еще раньше. Первым среди австралийских штатов, предоставивших женщинам пассивное и активное избирательные права в 1894 г., была Южная Австралия.

Но не следует думать, что это произошло само по себе, без каких-либо усилий со стороны женщин, как утверждают многие австралийские исследователи. Получив «слишком легко» политические права, пишут они, австралийские женщины либо совсем их не ценят, либо используют недостаточно.

В действительности, как справедливо замечает один из современных австралийских авторов, сопротивление идеи предоставления политических прав женщинам было «немного сильнее, длительнее и глубже, чем при предоставлении таких же прав мужчинам». Напомним, что в Южной Австралии, Виктории и Новом Южном Уэльсе все мужское население получило избирательные права в 50-х годах XIX в., женщины же — спустя 40 лет. Если предоставление «всебобщего избирательного права мужчинам задерживалось из-за боязни властей нанести удар по частной собственности,

то распространение этих прав на женщин казалось им чуть ли не подрывом всех основ общественной жизни.

Политические права австралийские женщины получили в результате упорной борьбы, развернувшейся с особой силой в 80—90-е годы XIX в. Именно тогда стали возникать женские организации, вызвавшие «первую волну феминизации» в стране. Одним из требований этих организаций было предоставление женщинам права голоса. Правда, они еще подчеркивали, что место женщин прежде всего в семье.

Наиболее крупной женской организацией периода «первой волны феминизации» был Женский христианский союз во имя трезвости, члены которого боролись за предоставление женщинам права голоса, считая, что это поможет «устранить страшное социальное зло — неистовый алкоголизм, проституцию, распространение венерических заболеваний, а также эксплуатацию детского и женского труда».

Что касается практической реализации пассивного избирательного права, то с этим дело обстояло намного хуже. Первые женщины были избраны в нижнюю и верхнюю палаты федерального парламента лишь через 41 год после получения этого права — в 1943 г., в разгар второй мировой войны.

Во всех капиталистических странах наблюдался разрыв во времени между получением женщинами политических прав и их реализацией. Но в Австралии это затянулось слишком уж надолго. Объясняется данный феномен, австралийские ученые называют несколько причин.

Первая — это политика Австралийской лейбористской партии, которая, в отличие от рабочих и социал-демократических партий во многих других странах, не выступала за скорейшую реализацию предоставленных женщинам избирательных прав (надо сказать, что она не была и инициатором предоставления им таких прав), отражая позицию австралийских профсоюзов.

Вторая причина — «тирания расстояний». На нее указывали лидеры «первой волны феминизма», отмечая как «изолированность колоний, которые до создания федерации были отделены друг от друга большими расстояниями, а транспорт был плохим, так и тот факт, что Австралия является континентом... и на поездки по нему требуются время и деньги».

Третья причина — разделение власти внутри федеральной системы, которое заставляло женские организации действовать в масштабах штатов, ибо вплоть до окончания второй мировой войны правительство штатов решало большую часть местных дел.

Четвертая причина: австралийские женщины, принадлежащие к среднему классу, в меньшей степени, чем женщины других стран, стремятся участвовать в общественной жизни. Несмотря на все усилия Австралийской женской ассоциации служащих местных правительственные учреждений, созданной в 1951 г., женщины к 1980 г. составляли лишь около 6% выборных государственных чиновников в штатах. Считают, что объясняется это дороговизной прислуги: австралийские женщины вынуждены сами заниматься домом и садом.

Пятая причина — сама избирательная система. Австралийские женские организации выступают за пропорциональное представительство, указывая на то, что в тех западных странах, где женщины наиболее широко участвуют в работе парламентов, существует именно эта система: в шведском парламенте женщины (1980 г.) составляли 28%, в финском (1979 г.) —

26%, в норвежском (1981 г.) — 25%, в датском — (1981 г.) — 23%, в голландском (1981 г.) — 16%. В таких странах женщины составляли значительный процент членов правительства — в Швеции, например, 25. В Австралии заметно влияние разных избирательных систем на формирование законодательных органов. В сенате федерального парламента, избранном на основе пропорционального представительства в результате выборов 1983 г., было 20% женщин, а в палате представителей — лишь 5%. Наиболее высокий процент женщин (33) был после выборов 1983 г. в палате ассамблеи Столичной территории, избираемой на основе пропорциональной системы. В пятнадцати законодательных органах (избираемых на основе разных систем) в марте 1983 г. было 790 депутатов, из которых женщины составляли 8,5%. Но сами же австралийские исследователи приводят и обратные факты. На Тасмании, например, система пропорционального представительства существует давно, однако это не отразилось на представительстве женщин в парламенте штата (в 1983 г. в нем была лишь одна женщина), в Северной территории, где отсутствует подобная система, в Законодательной ассамблее в 1983 г. женщины составляли 22%.

Конечно, перечисленные причины в какой-то мере влияли на крайне медленное вовлечение женщин в политическую жизнь страны. Главная же причина этого феномена состоит в том, что предоставление избирательных прав австралийским женщинам не сопровождалось изменением их социального и экономического положения, что превратило этот, казалось бы, важный акт в простую формальность и привело к резкому спаду женского движения в стране на долгие годы.

В конце 60-х годов в Австралии поднялась «вторая волна феминизации». На этот раз она была намного сильнее как по числу участников, так и по политico-идеологической направленности. Теперь австралийские феминисты требовали улучшения положения женщин во всех областях общественной и частной жизни.

За что же борются австралийские женщины? Что вызывает их возмущение? Юридической точки зрения положение женщин представляется вполне благополучным. Они имеют право голоса, избираются в законодательные органы, на равных основаниях с мужчинами получают образование. Законодательство гарантирует им равные условия при получении работы и при оплате за нее. Но в реальной жизни все предстает в ином свете.

Хотя в послевоенное время участие женщин в общественном труде значительно расширилось (в 1984 г. женщины составляли 37% всей рабочей силы страны), существование этого участия изменилось очень мало. Женщины в подавляющем большинстве по-прежнему работают в конторах, магазинах, сфере обслуживания. В 1982 г. здесь было занято 63% работающих женщин и лишь 20% мужчин. Заработная плата женщин, как правило, намного меньше зарплаты мужчин. В 1973 г. Арбитражный суд вынес решение о равной оплате труда мужчин и женщин, но практически это ничего не изменило, ибо в Австралии существует лишь ограниченное число профессий, где мужчины и женщины выполняют одинаковую работу (преимущественно в сфере обслуживания) и где может быть реализован принцип: равная оплата за равный труд.

С конца 70-х годов большинство женщин вынуждены были работать неполный день или выполнять временную работу. С одной стороны, это привлекательно для замужних женщин, так как остается больше времени для

домашних дел. С другой стороны, такая работа ставит женщин в значительно худшие условия как с точки зрения дальнейших служебных перспектив, так и в отношении оплаты, условий труда, социального обеспечения.

Женщины страдают от безработицы больше, чем мужчины. У женщин меньше шансов устроиться на длительную работу. Женщины значительно чаще используются на работах, требующих гораздо более низкой квалификации, чем та, которую они имеют.

Все, что говорилось выше о положении женщин, относится к привилегированной их части. Положение аборигенок и «новоавстралиек» намного хуже. Их заработка плата еще меньше, возможность получить работу значительно ниже, среди них гораздо выше процент безработных, работа, на которую их принимают, как правило, не требует квалификации.

Перспективы расширения и улучшения условий труда женщин довольно мрачны. Как уже говорилось, большинство женщин традиционно заняты в узкой сфере общественной деятельности (конторские служащие, работники торговли, медицинские сестры и т.п.). Вследствие внедрения электронной техники значительно сокращается численность необходимого персонала, увеличивается безработица, в первую очередь среди женщин.

Австралийские женские организации усиливают борьбу за реальное равноправие женщин. Женский вопрос входит в число «проклятых вопросов» современной общественно-политической жизни пятого континента.

Л. Воляновский не проходит мимо особенностей послевоенного экономического развития Австралии. Но, выполняя свое обещание читателям, сделанное в самом начале книги, избегает привлечения каких-либо статистических данных. Поскольку книга рассчитана на самого широкого читателя, далеко не всегда знакомого с экономической ситуацией в Австралии, считаю полезным в Послесловии сообщить хотя бы минимальные сведения на этот счет.

Австралийцы в основном городские жители. Это отнюдь не феномен послевоенного развития страны. Еще в начале нынешнего века в городах жило 50% австралийского населения, а к концу второй мировой войны — 70%. Процесс урбанизации продолжался все время, ее темп неуклонно увеличивался. В середине 60-х годов сельское население составляло всего 16%, а в начале 80-х годов — 14%. Считают, что к концу ХХ в. оно снизится до 8%.

Более 70% австралийцев живут лишь в 12 городах: федеральной столице, столицах штатов и Северной территории и четырех городах с населением свыше 100 тыс. человек (Ньюкасле, Буллонгонге; Голд-Косте и Джилонге). А в двух городах — Сиднее и Мельбурне — сосредоточено 40% всего населения страны.

Иммигранты, хлынувшие в страну после второй мировой войны, оседали в основном в городах, заметно разбавляя их англосаксонское население. Если в начале 20-х годов 52% людей, родившихся за границей, селились в городах, а 29% — в сельской местности (соотношение 2:1), то в середине 70-х годов — соответственно 75 и 8% (соотношение 9:1). Соотношение по отдельным национальностям еще более впечатляет. Так, до второй мировой войны в сельской местности жили 90% греков, теперь же — лишь 30%. В 1921 г. 32% китайцев избрали местом жительства аграрные районы, а в 1976 г. — 3%. Иммигранты с британских островов в 1921 г. составляли половину сельского населения, а сейчас — 30%.

Несмотря на то что австралийцы уже давно и прочно обосновались в городах, до середины текущего столетия они, фигуриально выражаясь, «ехали на овце», т. е. жили в основном за счет доходов от вывоза сельскохозяйственной продукции, дававшего 90% стоимости всего экспорта. И в

настоящее время от продажи сельскохозяйственных товаров страна получает пятую часть экспортной выручки.

Обрабатывающая промышленность вплоть до второй мировой войны развивалась слабо. В годы войны Австралия, оторванная от традиционных источников снабжения, вынуждена была организовывать производство многих товаров, ранее импортируемых.

Рост обрабатывающей промышленности сопровождался увеличением численности работающих. Если в 1933 г. в этой отрасли было занято 23% всей рабочей силы страны, то в 1947 г. — 28%, а в 1954 г. — 30%.

В последующие годы положение резко изменилось. Сейчас в обрабатывающей промышленности занято менее 18% рабочей силы страны.

Положение, сложившееся в обрабатывающей промышленности, имеет свое объяснение. С середины 50-х годов Австралия стала отставать от других ведущих капиталистических стран по развитию своей технологии. Продукция обрабатывающей промышленности не выдерживала конкуренции на мировых рынках ни по качеству, ни по цене. Огражденная высокими таможенными тарифами, она развивалась без должного динамизма, необходимого для соревнования с промышленностью развитых капиталистических держав Северного полушария, на основе внедрения новой технологии. Это вызывало насмешливое отношение к Австралии как «стране затянувшегося уик-энда».

Австралийские предприниматели, привыкшие «делать деньги» наилегчайшим путем, не спешили вкладывать средства в развитие и совершенствование экспериментальных работ.

«Глубокое недомогание» австралийской обрабатывающей промышленности было запечатлено в 1975 г. в докладе Комитета по выработке рекомендаций о политике в отношении обрабатывающей промышленности, возглавляемой Г. Джексоном. «Австралийская обрабатывающая промышленность, — сообщалось в докладе, — находится в остром финансовом кризисе... Безработица высока... Предприятия работают ниже их мощности... Многие фирмы переживают финансовые трудности, часть из них закрывается... Большинство оборудования на предприятиях старо, неэффективно, и замена его затягивается; введение технических новшеств откладывается. В течение десяти лет рост производительности труда австралийской обрабатывающей промышленности далеко отставал от уровня, достигнутого в Японии, Франции и Германии, и был ниже, чем в Великобритании и Канаде»¹⁰. В докладе говорилось о необходимости выработки новой государственной политики в области развития обрабатывающей промышленности, определения «национальных целей» в этой области. Но, как указывают специалисты, многие положения доклада и в наше время остаются актуальными. В то время, когда обрабатывающая промышленность начала свой путь на Голгофе, произошел невероятный «бум» в другой отрасли экономики — горнорудной промышленности. Это стало возможным в результате, если так можно выразиться, третьего открытия европейцами Австралийского континента. Исследование ими побережья Австралии растянулось почти на три века. Внутренние районы материка изучались в течение столетия. А вот открытие недр австралийской земли, в сущности говоря, началось с 60-х годов ХХ в. И это естественно. Небольшое население громадной страны с вечной весной и летом вполне было удовлетворено тем, что давала поверхность земли. На каждого австралийца приходилось по 14 овец, 2 коровы и 1 т зерна. Конечно, горнорудная промышленность (добыча золота и угля) существовала, но она оставалась в тени громады сельскохозяйственного производства.

Жизнь заставила австралийцев заглянуть в недра своей земли. Результаты оказались немедленно и были столь грандиозны, что поражали воображение. Австралия из «фермы» превратилась в «карьер». Горнорудная

промышленность по удельному весу ВНП оттеснила сельское хозяйство. На ее долю приходится почти 4,5% валового национального продукта Австралии. Продукция горнодобывающей промышленности вместе с товарами сельского хозяйства дает почти половину экспортной выручки страны. Австралия движется теперь не только «на овце», но и на «горной вагонетке».

Для развития в послевоенное время сначала обрабатывающей, а затем горнорудной промышленности Австралия широко открыла доступ иностранному капиталу.

Австралийская экономика стала частью мировой системы, где господствуют транснациональные корпорации. 84% бурого угля, нефти и натурального газа производится на предприятиях, контролируемых иностранным капиталом; на принадлежащих им шахтах добывается 81% олова, 75% цинка и тщательно скрываемое количество бокситов и меди... Почти 40% всех действующих в Австралии больших компаний и их отделений контролируется иностранцами... Это позволяет сделать вывод, что от 40 до 50% предприятий контролируется транснациональными корпорациями, а в стратегически важных секторах экономики этот процент еще выше. Иностранный капитал занимает также сильные позиции в машиностроительной и обрабатывающей промышленности Австралии, контролируя третью часть всех предприятий отрасли.

Отдельный раздел книги Л. Воляновский посвящает ветеранам войн, в которых участвовала Австралия. А она участвовала во всех войнах, которые вели Великобритания в текущем столетии, и еще «ассистировала» США в их военных авантюрах в Корее и Вьетнаме. Когда в начале нынешнего века Англия начала позорную войну с бурами, Австралия приняла в ней самое непосредственное участие, послав на поля сражения 15 тыс. солдат.

Австралия немедленно откликнулась на призывы Великобритании послать войска на театры военных действий в период и первого и второго мировых катаклизмов. Характерным в этом смысле было знаменитое заявление Р. Мензиса, сделанное по радио 3 сентября 1939 г., где он без каких-либо обиняков сообщил австралийцам, что «Англия объявила войну Германии, и следствием этого явилось то, что Австралия тоже вступила в войну»¹¹.

Участие в мировых войнах дорого обошлось австралийскому народу. В первую мировую войну Австралия с населением 4,9 млн. человек потеряла убитыми 59,3 тыс. и ранеными 152,2 тыс. человек, т.е. потери составили 65% к общему числу войск, участвовавших в боях. Ощущимые потери были в период второй мировой войны.

Опыт второй мировой войны никак не отразился на военно-стратегической доктрине Австралии. Во главу угла по-прежнему ставилась «лояльность к протектору», в качестве которого теперь уже выступали Соединенные Штаты. Традиционное стремление сражаться «вдали от отечества» нашло свое воплощение в доктрине «выдвинутой обороны», в соответствии с которой агрессор должен быть остановлен до того, как достигнет Австралии. Если Австралия не сможет сама остановить врага на выдвинутых рубежах, то должна прибегнуть к помощи «американского щита». Прямым следствием этой доктрины явилось участие австралийских войск в войне во Вьетнаме. Австралийское правительство таким образом стало всетерпеть «угрозу с севера» подальше от своих границ и с помощью американского меча устранить ее.

Поражение во Вьетнаме означало конец доктрины «выдвинутой обороны» и привело к длительным дебатам о выработке альтернативной стратегии, в ходе которых подверглись критическому изучению, казалось бы, незыбл-

мые постулаты, прежде всего союз с Соединенными Штатами и его значение для защиты страны.

На протяжении 70-х — первой половины 80-х годов обсуждение военных вопросов приобрело особенно широкий размах, выйдя из правительственных, парламентских и академических сфер буквально на улицу. В первой половине 80-х годов в Австралии происходили события, которых трудно было ожидать. 15 апреля 1984 г. в стране прошли антивоенные демонстрации, в которых приняло участие 250 тыс. человек. Через год, 31 марта 1985 г., в демонстрации приняло участие свыше 300 тыс. человек. Демонстранты несли лозунги, призывающие запретить ядерное оружие, остановить гонку вооружений, ликвидировать американские военные базы на территории страны.

В 1984 г. возникла новая политическая организация — Партия за ядерное разоружение, которая сразу же приобрела популярность. На всеобщих выборах в федеральный парламент, состоявшихся в декабре 1984 г., за кандидатов этой партии голосовало полмиллиона избирателей.

Какова же была реакция австралийского правительства на рост антивоенных настроений в стране? Надо сказать, что в 70-е, и в начале 80-х годов правительство не обращало на это внимания. Ни лейбористское правительство Г. Уитлема, ни консервативное правительство М. Фрейзера не внесли, по существу, ничего нового в военно-стратегическую доктрину. Провалившаяся концепция «Австралия — крепость», переименованной после прихода к власти в 1972 г. правительства Г. Уитлема в «континентальную оборону».

В самом начале 80-х годов австралийская военно-стратегическая доктрина получила новое название — «морская оборона». Теперь австралийские вооруженные силы должны встретить врага в море и в воздухе до того, как он достигнет континента.

Эта доктрина получила поддержку лейбористской оппозиции. В 1981 г. У. Хэйден, занимавший пост лидера АЛП, в своем заявлении о политике партии относительно обороны страны сказал, что ее главным пунктом должна стать «способность защитить страну и морские подходы к ней собственными средствами». Разница во взглядах консерваторов и лейбористов заключалась в том, что первые делали упор на создание так называемой «региональной коллективной обороны», вторые же настаивали на развитии лишь экономических отношений со странами азиатско-тихоокеанского региона и возражали против «вязывания в напряженные отношения великих держав».

Доктрина «морской обороны» вполне устраивала американских стратегов, считающих, что АНЗЮС «должен стать активным компонентом региональной коллективной обороны». Сферу действия АНЗЮС следовало бы распространить на Индийский океан. АНЗЮС через Австралию и Новую Зеландию связан с Британией соглашением пяти держав об обороне, охватывающим Малайзию и Сингапур, последние, в свою очередь, связаны с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии, в которую входят Таиланд, Малайзия, Сингапур, Индонезия и Филиппины, а та — со старым Манильским пактом, который не прекратил своего действия, хотя его военная организация СЕАТО была ликвидирована. Можно было бы расширить действие АНЗЮС и в Тихом океане, включив Японию. Более того, «морская оборона», по мнению американских стратегов, может быть распространена на линию морских коммуникаций, связывающих нефтедобывающие страны Ближнего Востока с западными странами.

Ко времени прихода к власти в 1983 г. лейбористского правительства Р. Хоука военно-стратегическая доктрина, несмотря на то что ее названия менялись, оставалась в основе своей незыблемой, хотя и делались робкие и непоследовательные попытки проявлять большую самостоятельность в отношении «протектора».

Правительство Р. Хоука — правительство правоцентристского толка, поэтому оно не внесло, да и не могло внести принципиальных изменений в австралийскую стратегическую политику. Руководители лейбористов неоднократно подчеркивали важнейшую роль АНЗЮС в защите страны. Но они не могли игнорировать реальностей современной международной обстановки и потому усилили уже наметившуюся тенденцию в выработке собственных подходов к решению вопросов военного строительства.

Принятая лейбористским правительством военно-стратегическая доктрина хоть и не меняет принципиально традиционные аспекты, тем не менее вносит новые элементы, повышающие самостоятельность Австралии в делах собственной обороны.

Таким образом, в последнее десятилетие происходит постепенное размытие традиционных представлений австралийцев о проблемах обороны страны. Новые взгляды находят приверженцев не только среди людей, занимающихся этими проблемами профессионально, но и в народе. Все сильнее проявляется тенденция к отказу от малопочтенный, а в наше время и весьма опасной роли «копьеносяца хозяина». Для того чтобы новая тенденция стала действительно влиятельной силой в австралийском обществе, необходима широкая, настойчивая, целеустремленная пропаганда мирного развития сообщества наций, возможная на основе консолидации всех звеньев движения миролюбивых сил, установления между ними тесного сотрудничества и взаимодействия.

«Мир меняется. Меняется и Австралия. Я понимаю, что никогда не успею за временем», — пишет Л. Воляновский. Но предложенное им путешествие на крыльях воображения в далекую страну, туда, в низ земного шара, наверняка надолго запомнится читателю.

Примечания к Послесловию

¹ Новые, до географии касающиеся открытия, учиненные английским кораблем Ендевор называемым, во время его путешествия около света в 1769, 1770 и 1771 годах. — Календарь или месяцеслов географический на 1773 г.; то же. — Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы, 1789, ч. 3; Краткое известие о морских путешествиях в Южных морях предпринятых для отыскания новых земель и островов. — Месяцеслов исторический и географический на 1780 г.; Обретение пятой части света. — Санкт-Петербургский вестник, 1781, 7, янв.; Сказание о мореплавании. Как оное началось и возрастило; какая время от времени приносило пользу; как находимы были, помимо оного, неизвестныя до того места земли. Пер. с англ. Ч. I. М., 1782; Циммерман Г. Последнее путешествие около света капитана Кука, СПб., 1786; он же. Пребывание экспедиции на Тасмании. СПб., 1788. Путешествие около света капитана Кука и жизнь его... СПб., 1792; Прево д'Эзиль А.Ф. История о странствиях вообще по всем краям земного круга... Ч. 19. М., 1787; он же. История о странствиях вообще по всем краям земного круга... Ч. 20. СПб., 1787; Бюффон Ж.Л. Всеобщая и частная естественная история. Ч. 1. СПб., 1789; Киппис Э. Подробное и достоверное описание жизни и всех путешествий славнейшего английского море-

ходца капитана Кука. Ч. 1—2. СПб., 1790; Тенч У. Об экспедиции в залив Ботани с описанием новооткрытой земли полуденной Галлес, о ее произведениях, жителях и проч. с присовокуплением описания о военном и гражданском установлениях в пристани Жаксоне. — Новые ежемесячные сочинения. Ч. 47, май 1790; Хантер Дж., Кинг Ф.Д., Филип А. Краткое известие о Новой Голландии и некоторых других, на Южном океане находящихся островах, и о их жителях (Из древних записок Аглинского капитана Гунтера, лейтенанта Кинга и бывшего там губернатора Филлипа). — Санкт-Петербургский Меркурий, 1793, ч. 3, июль; Кук Дж. Путешествие в южной половине земного шара и вокруг оного, учиненное в продолжение 1772, 73, 74 и 75 годов англичанскими королевскими судами Резолюцию и Адвентюром. Ч. 1. СПб., 1796; Кампе И.Г. Собрание любопытных и соответственно юношескому возрасту сочиненных путешествий... Ч. 4 (Описание путешествия около земного шара, учиненного англичанским корабельным капитаном Куком и учеными Бэнксом и Золандером в 1768 до 1771 года). М., 1798.

² Переводные работы: Паркс Г. 50 лет общественной деятельности в Австралии. М., 1894; Леруа Болье П. Новые англосаксонские общества. Австралия и Новая Зеландия, Южная Америка. СПб., 1898; Меттен А. Аграрный и рабочий вопрос в Австралии и Новой Зеландии. М., 1903; Ривс В. Политические права женщин в Австралии. СПб., 1905; Раббено У. Аграрный вопрос в Австралийских колониях. СПб., 1904; Лер Э. Царство демократии. М., 1906; Вигуру Л. Социальная эволюция в Австралии. СПб., 1907; Кларк В. Рабочее движение в Австралии. Очерки социальной демократии. СПб., 1908. Оригинальные работы: Фортунатов А.Ф. Население и хозяйство Австралии. М., 1898; Меч С. Австралия и Тасмания. М., 1902; Мижуев П.Г. Социологические этюды. СПб., 1903; он же. Народное представительство и его законодательные собрания в главных странах современного мира. СПб., 1906; он же. Счастливая Австралия (Социальное законодательство Австралии и его результаты). Пг., 1918; Дионес. Очерки современной Англии. СПб., 1903; он же. На темы о свободе. СПб., 1908; Крюков Н.А. Сельское хозяйство Австралии в связи с общим развитием страны. М., 1906; Пиоторовский А.Б. В стране истинного народовластия. Пг. — М., 1917.

³ Фортунатов А.Ф. Население и хозяйство Австралии. М., 1898, с. 45.

⁴ A Fractured Federation? Australia in the 1980's. Sydney, 1983, с. 49—52.

⁵ Holz L. My Life with Harry. Melbourne, 1968, с. 85—86.

⁶ Grassby A. The Tyranny of Prejudice. Melbourne, 1984, с. 1.

⁷ National Reconciliation the Speeches of Bob Hawke Prime Minister of Australia. Sydney, 1984, с. 154—155.

⁸ Grassby A. The Tyranny of Prejudice, с. 43.

⁹ Grant B. The Australian Dilemma. A New Kind of Western Society. Rushcutters Bay, 1983, с. 223—224.

¹⁰ Hasluck P. The Government and the People. 1939—1945. Canberra, 1952, с. 152.

¹¹ Hasluck P. The Government and the People. 1939—1945. Canberra, 1952, с. 152.

К. Малаховский

Содержание

Ах, проснуться бы в Австралии	4
Закрой глаза и думай об Англии!	24
Бульдозеры вторглись во Времена сновидений	62
Кролики, карпы, коты	99
И какая нам польза от ваших овец?	134
Тирания расстояний	159
Как сократилась карта?	182
Капустное поле и оперетка провинциала	215
Ирландское счастье	231
«А-16-19» отозван на базу	258
Тетя не рисует декораций	269
<i>К. Малаховский</i> Послесловие	278

Научно-художественное издание

Воляновский Люциан

МАТЕРИК,
ПЕРЕСТАВШИЙ БЫТЬ ЛЕГЕНДОЙ

Редактор Р.Г.Стороженко
Младший редактор Н.Л.Скачко

Художник С.С.Верховский
Художественный редактор Э.Л.Эрман
Технический редактор З.С.Теплякова
Корректор П.С.Шин

ИБ № 16280

Сдано в набор 12.07.89

Подписано к печати 30.01.90

Формат 84×108^{1/2}. Бумага офсетная № 1

Вкладка отпечатана на мелованной бумаге

Печать офсетная. Усл. п.л. 15,96 +0,84 вкл.

Усл. кр.-отт. 17,01. Уч.-изд.л. 19,52

Тираж 15000 экз. Изд. № 6816

Зак. № 505. Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

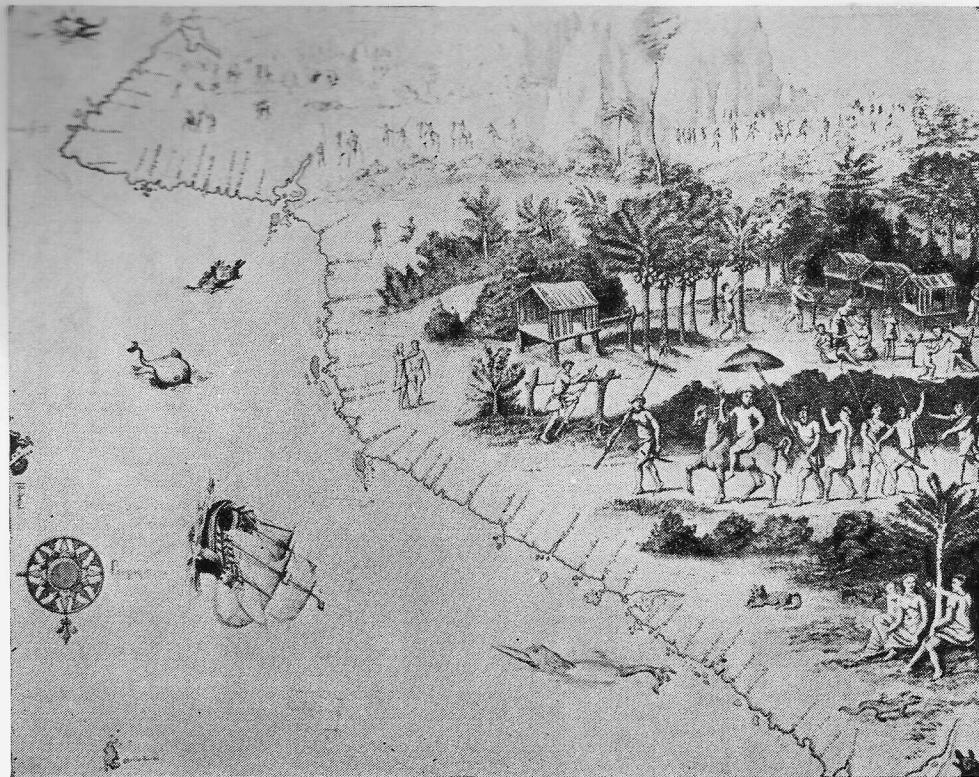
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

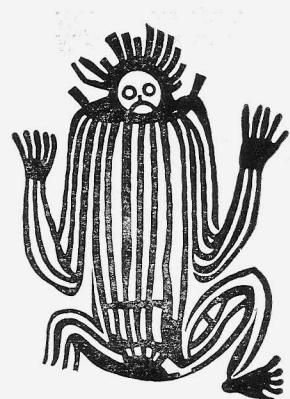
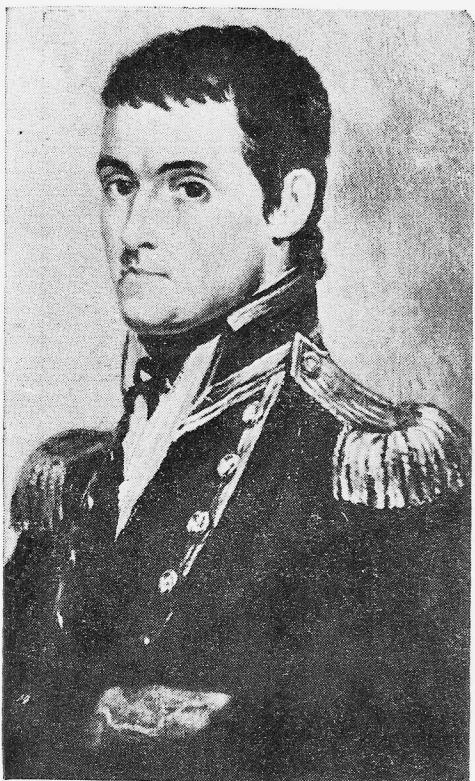

Пример
так называемого
рентгеновского
рисунка

Дилижанс,
запряженный
верблюдами
с афганским
погонщиком

Карта легендарного
Южного материка

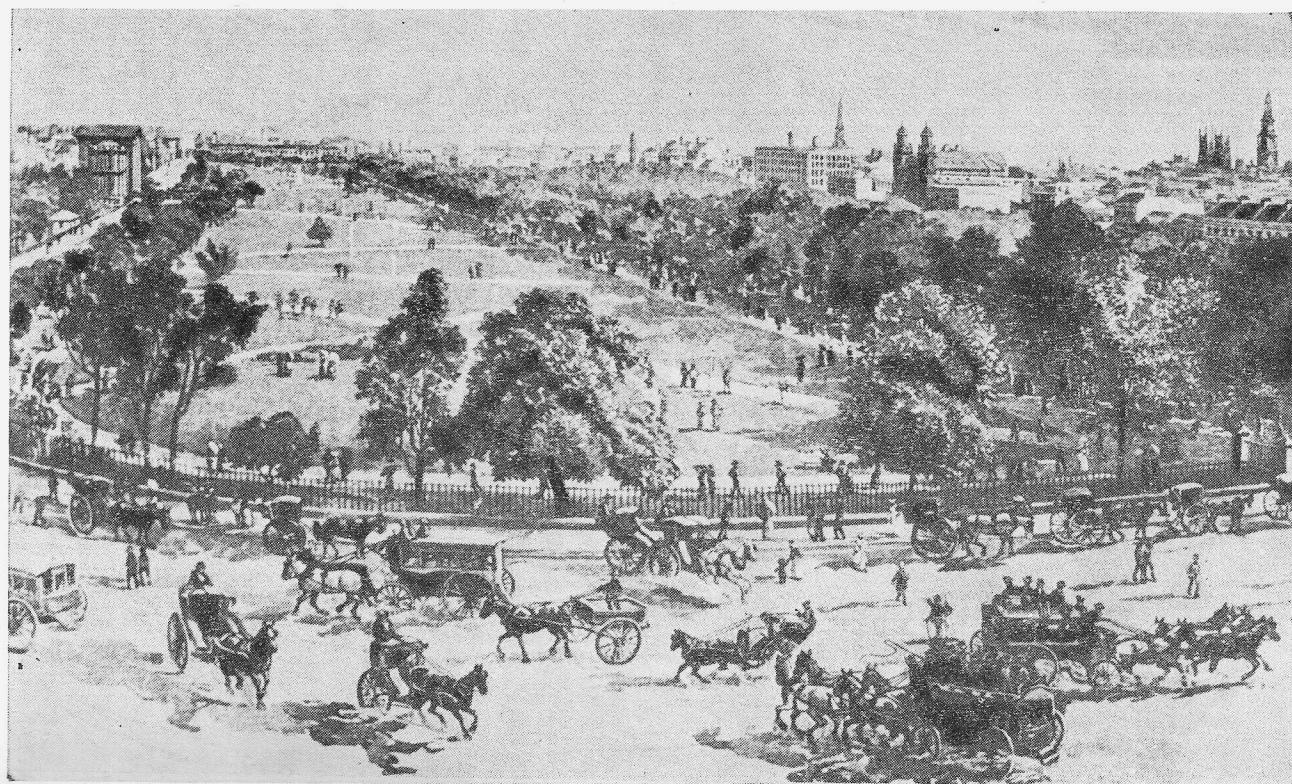

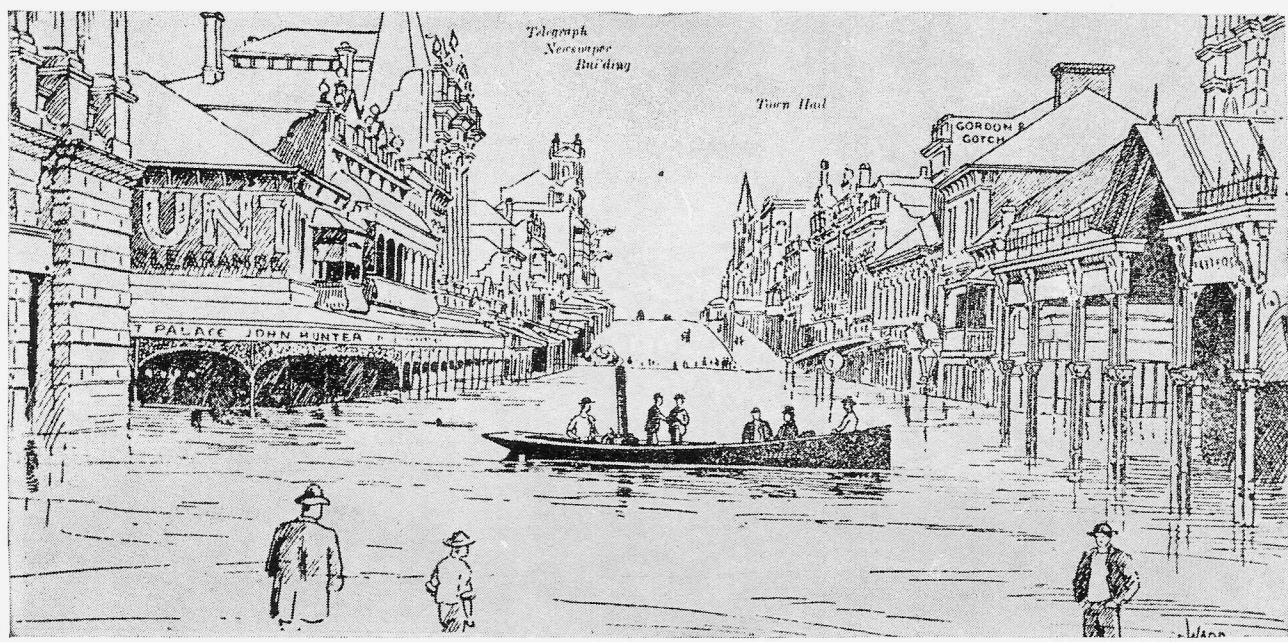
Пример
наскальной живописи

Мореплаватель
Мэттью Флиндерс

Дэйзи Бэйтс

Капитан Филлип
поднимает
британский флаг

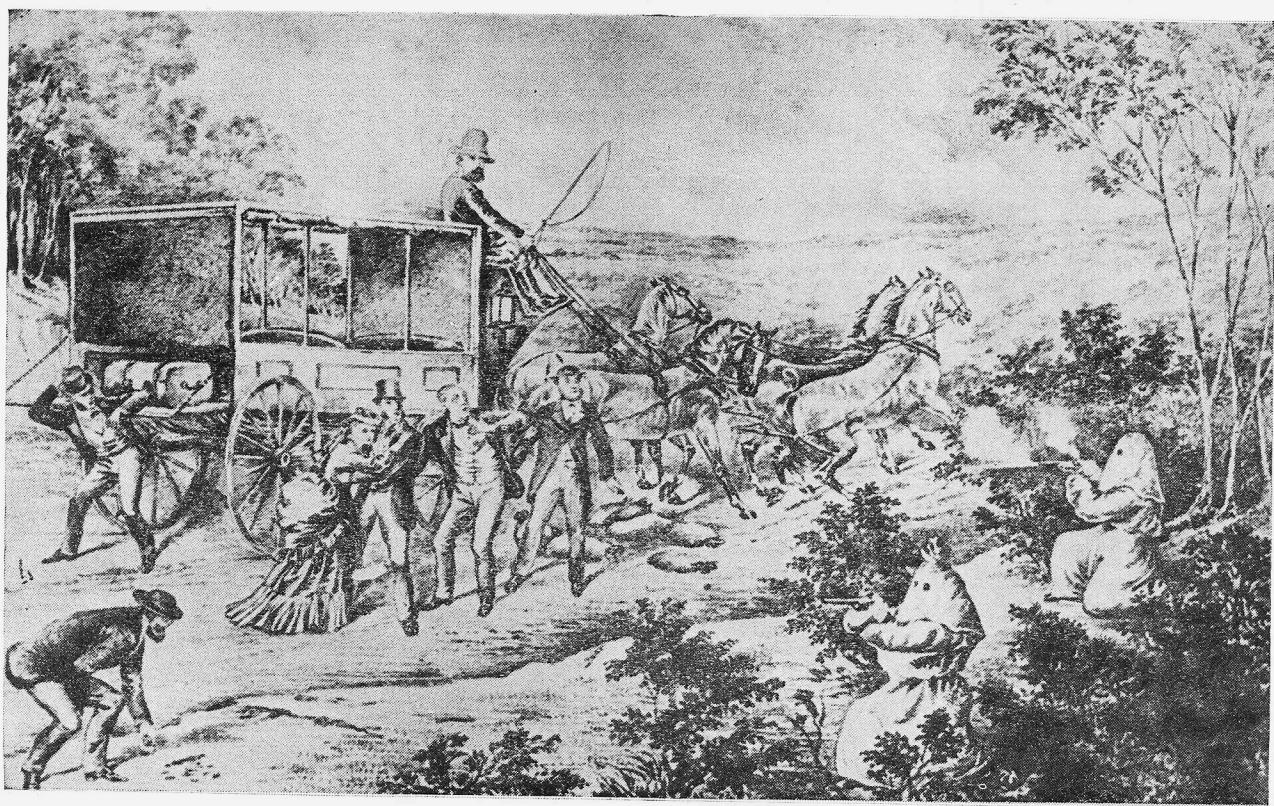
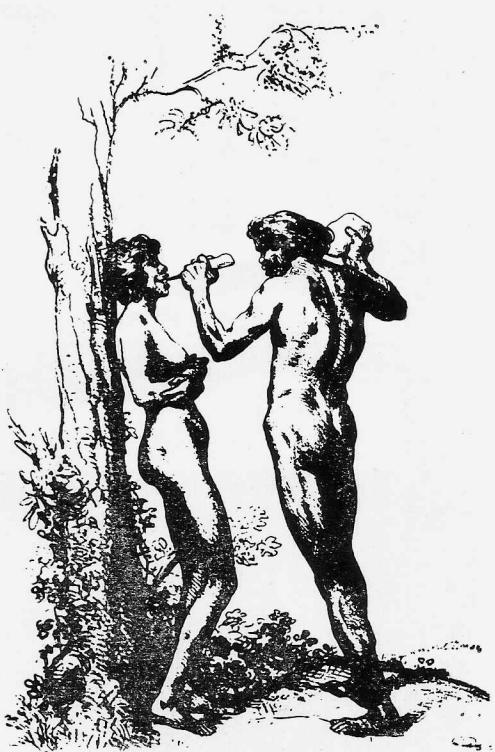

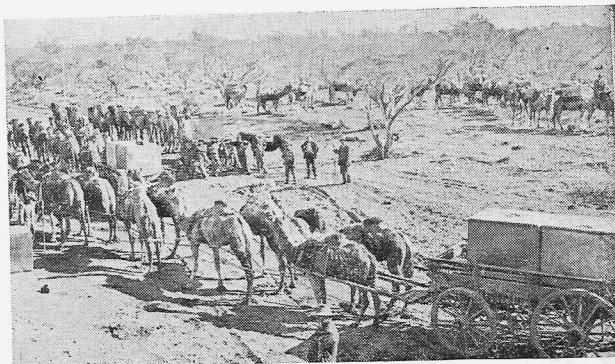
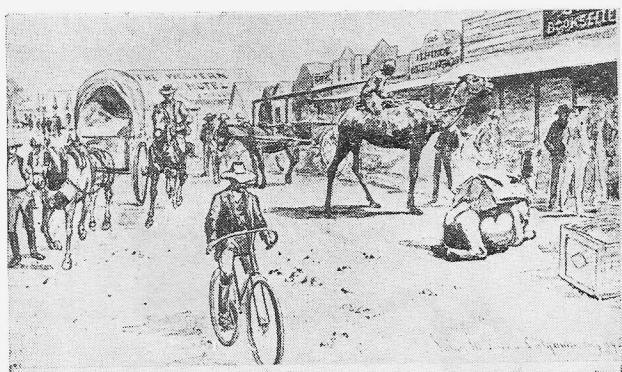

Наводнение
в Брисбене (1893)

Сидней в конце XIX в.

Поселок золотоискателей в Калгурли (Западная Австралия)

Золотоискатели в Калгурли

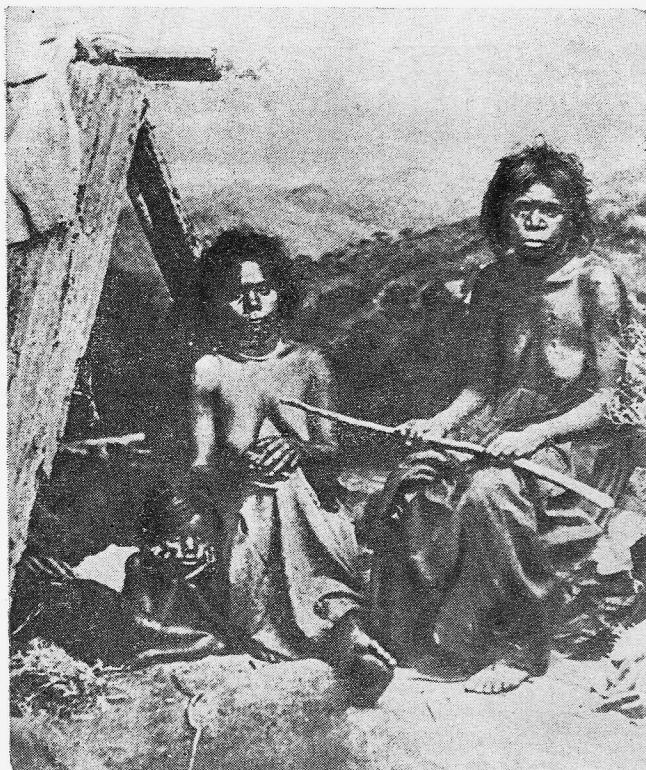
Доставка воды на верблюжьих упряжках для строителей железной дороги через пустыню

Нападение на дилижанс, перевозивший груз золота

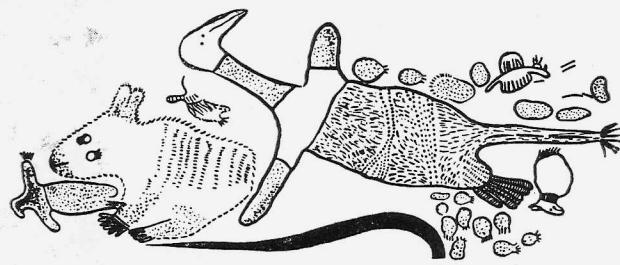

Семья австралийцев
Церемония сватовства у аборигенов

Последняя коренная жительница Тасмании (первая справа)

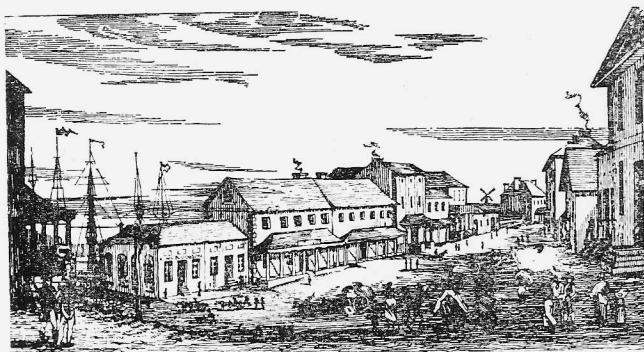
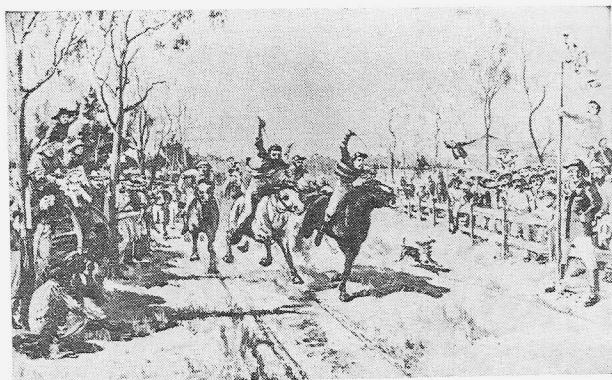
Коренные жительницы
Австралии

Пример
культурной живописи

Сидней
спустя сто лет
после основания

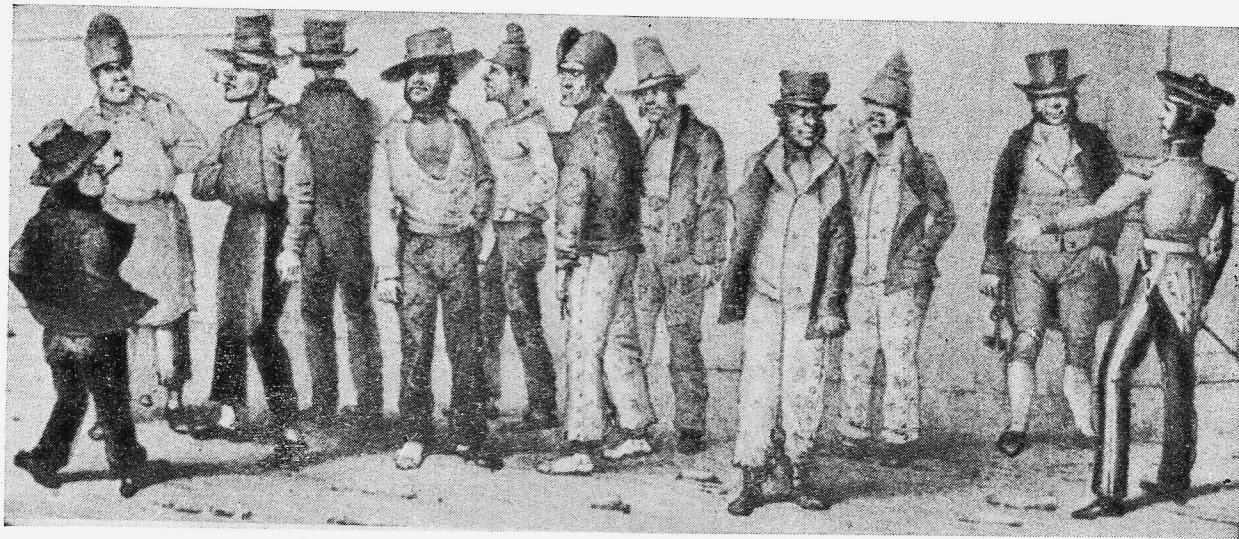
Скачки
в небольшом поселке
штата Квинсленд
(конец XIX в.)

Кабаки
на одной из улиц
старого Сиднея

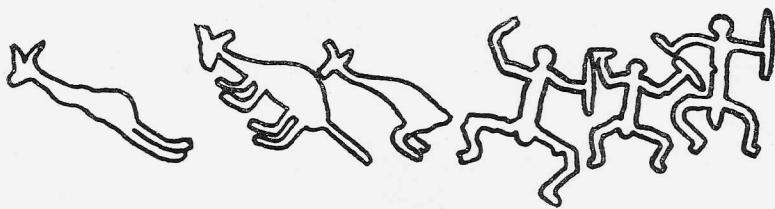
Польские эмигранты,
отбывающие
в Австралию

Охота на кенгуру
с копьем

Каторжане,
идущие на работу

Наскальная живопись.
Охота на кенгуру

Корабль,
перевозивший
каторжников

